

ЛЮБОВЬ ВНЕЗЕМНАЯ

АЛЕНА МЕДВЕДЕВА
ЭЛЬ БЛАНК

ЕЕ МОНСТР

Annotation

Монстр... Опасный и непредсказуемый, он сумел вырваться из лаборатории, расположенной на космической станции. Теперь та, которая должна была его уничтожить, – всего лишь пленница, а корабль, преследуемый военными, уносит их в холодную неизвестность космоса.

Но есть ли смысл ненавидеть своего захватчика и дальше, когда они окажутся на неизвестной, полной опасностей планете? Может, стоит забыть про ненависть и попытаться поверить друг другу? Ведь только так можно выжить. А еще и... полюбить?

- [Алена Медведева, Эль Бланк](#)

- - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Эпилог](#)
-

Алена Медведева, Эль Бланк

Ее монстр

© А. Медведева, Э. Бланк, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава первая

Адаптация

Троя

Плохо... Как же мне плохо...

Несвязная мысль и ощущение бессилия: тело словно налитое свинцом, даже век не поднять, стук сердца где-то в висках... и дышать невозможно!

Глаза все же распахнулись, и яркий всполох ворвался в сознание, ослепляя разноцветьем спектра. Рот раскрылся в беззвучном крике в попытке втянуть хоть каплю живительного воздуха.

И я его получила. Вдохнула с судорожным всхлипом, еще и еще. Смежила веки, спасаясь во тьме, не в силах выносить терзающее давление, сменившееся обрушившимся на меня тонким свистом. Мучительным, сметающим все на своем пути, кроме желания сжаться в комок, исчезнуть, раствориться в небытии – все что угодно, лишь бы не слышать. Застонала в отчаянной попытке избавиться от сводящего с ума звука, и... он исчез, захлебнувшись на последней визгливой ноте.

Покой...

Безликий, оглушающе тихий, вязкий... Желанный! Так и становятся душами, которым нет дела до мирских ощущений. Как амиотам. Им ведь материальность безразлична.

Почему я думаю об амиотах?

Оглушившая нежданно мысль сработала спусковым механизмом. Перед глазами в одно мгновение промелькнуло все, что сосредоточенный на сиюминутном разрушающем воздействии разум предпочел задвинуть за ширму пустоты.

То, как я чудом выжила на станции, с которой бежали существа, прихватившие меня с собой. Вернее, один из них. Выжила, когда мир многих недавних коллег исчез в круговерти жадного голода амиотов.

То, как на моих глазах гибли соратники, теряя жизнь. Ее в буквальном смысле выпивали монстры, которых создали в лабораториях станции, самоуверенно рассчитывая использовать в собственных интересах. Не сложилось: творения превзошли создателей, а простые обитатели космической станции стали

разменной монетой, подвернувшейся под руку сильнейшим. Нет, скорее уж питательным ресурсом, в свою очередь послужив интересам чудовищ.

То, что вопреки всякой логике я осталась в живых, когда угнанный чужаками транспортник настигли преследователи. Они должны были стереть его с лица Вселенной. И я была готова к крушению, понимая его неизбежность. Но... снова все случилось не так.

И вновь в ушах прозвучали мой внутренний крик ужаса, мольба-прощание, бесчисленные укоры самой себе. Душу переполняла горечь сожаления, что не ценила и не проживала каждый свой день как единственный и неповторимый, смиряясь с неизбежностью гибели, оставаясь пленницей амиота, я отчаянно желала повернуть время вспять, отчетливо понимая – невозможно. Та скучная, надоевшая, порой раздражавшая, но такая привычная жизнь безвозвратно утрачена.

Жизнь – понятие относительное. Мы не замечаем ее незначительных моментов, не способны в полной мере прочувствовать всю прелесть постоянства, когда в монотонном спокойствии и рутине день сменяется днем, а год – годом. Но стоит внезапно исчезнуть привычному и прежде казавшемуся скучным миру, как к каждому из нас неизменно приходит способность ценить то, что прежде не казалось значимым: способность ощущать жизнь во всей ее красоте и многообразии. Что имеем, не храним, потерявши – плачем!

Как же это страшно – ждать неизбежной гибели. Обидно вдруг осознать, что твоя жизнь была бесценна и отчаянно желанна. Никто не жаждет смерти, все мы желаем лишь жить. Всегда. Вопреки всему. Такова наша природа. Я опоздала с этим пониманием ровно на тот роковой миг, когда мой мир рухнул. Несколько раз чудом избежав гибели, в тот момент, когда неуправляемый транспортник, разгоняемый силой притяжения планеты, с запредельной скоростью мчался к единственному финалу, я знала – мы разобьемся. Скафандр натягивала скорее из упрямого человеческого стремления цепляться за жизнь до последнего, глубоко в душе понимая смехотворность действий. Ничто уже не поможет. И даже чудовищный монстр, притиснувший к себе мое тело, онемевшее в ожидании неминуемого удара, уже не пугал. Смерть была страшнее своих посланников, а

желание жить – безумным и отчаянным. Как и сожаления о том, что прежде не ценила.

Сейчас я заново переживала все. Перевернувшийся мир, в очередной, несомненно последний, раз взорвавшийся на осколки. Смерч из обезумевшего воздуха, наших тел и обломков рубки управления, видимый сквозь экран скафандра, прижатого к груди моего пленителя. Словно в недрах центрифуги, нас крутило, болтало и швыряло так, что я отчетливо понимала – от моих костей заживо оторвет все мышцы, и мое тело разлетится на осколки. Это естественно.

Страх, отчаяние и сожаление о том, что объективно не способна выдержать, – с ними я встретила свою гибель. Не выдержав боли и ужаса, провалилась в благодатную тьму.

Да здравствует вечное забвение! Будь проклято оно...

Последняя мысль перед тем, как мир навеки исчез в бешеном водовороте бесчисленных обломков. Исчез и возник вновь?!

Как? Круговерть обезумевшего воздуха улеглась, и мы не разбились?! Да быть не может...

Распахнула глаза, уже иначе реагируя на свет и лишь теперь осознавая всю палитру накрывших меня ощущений, принимая еще одну данность: тело при мне. И разум. Ведь невозможно спятить посмертно! Я жива. Точно жива!

Судорожно дернувшись, попыталась осмыслить итог произошедшего. Тело, оно же в порядке? Мне ничего не... оторвало? Сердце замерло на доли секунды, что понадобились рванувшим в мозг нервным импульсам, но все они категорично заверили мое сознание – жива, цела и вроде даже не сильно пострадала. Такое вообще возможно?!

Хотя...

Мышцы дрожали, словно накануне я с сумасбродным упорством отжимала неподъемную штангу. Кожу на бедре саднило – похоже, содрала. Что-то теплое стекало по верхней губе. Сил, чтобы стереть, не хватало, но при этом хотелось понять – пот это или что-то другое? Лишь когда жидкость скопилась в уголках губ и попала в рот, я ощутила солоноватый привкус железа. Все же кровь...

Повреждение. Это хорошо, да? Значит, я точно выжила. Или плохо? Настолько все серьезно, раз истекаю кровью?

Мысль оформилась запоздало, и думать о чем-то ином, кроме своего состояния, я даже не пыталась. Все было малозначимо. Какая разница, где я и почему очнулась именно сейчас, если кровь покидает организм?! Может ли моя убежденность в спасении быть следствием парализованного болевым шоком сознания в фактически умирающем раздробленном теле? Откуда идет кровь? Если серьезно пострадала голова, уже нет смысла разбираться в случившемся.

Рефлекторно дернулась, однако, чтобы поднять руку к лицу, пришлось приложить усилие. И все же я справилась. Сфокусировав взгляд, отчетливо увидела алый мазок на прозрачном лицевом щитке шлема, ощущая его как преграду для моей ладони в эластичной серебристой перчатке. На этом все: запястье тисками сжали чужие пальцы, делая невозможными дальнейшие движения.

Вскинув голову, встретилась глазами с пронзительным взглядом, и все мысли тут же исчезли. Кроме одной: худшее из невозможного случилось – Седьмой по-прежнему рядом. Он тоже выжил и меня не отпустил. Сберег приглянувшуюся игрушку.

Сколько мы так смотрели в глаза друг друга? В какой-то миг показалось, что вижу себя в бездонной глубине насыщенно-сиреневой радужки. Нет, не себя, а словно свои мысли. Отражение отвращения и пробудившегося страха?

Глаза и лицо исчезли, а меня ослепило нахлынувшим светом, который прежде заслоняла голова амиота. Монстр отстранился, но времени на осознание перемен у меня не осталось. Вслед за потоком странно-резкого розового света снова накатил невыносимый писк, вибрирующий, разрывающий голову, как если бы ее пытались просверлить насквозь.

Забыв о последствиях аварийного падения на непонятную планету, о ране, о кровотечении, даже о находящемся рядом жутком амиоте, я оцепенела, напрягая и без того изможденное тело в безуспешной попытке противостоять убийственному давлению.

Дичайшая боль, нечто несопоставимое с самим фактом существования – кошмарный звук, похожий на скрип когтей по стеклу, зудящий и разъедающий разум, буквально выворачивал наизнанку. Я практически оглохла и ослепла, желудок устремился к горлу, грозя удушьем. Попытки как-то дистанцироваться от воздействия себя не

оправдали – я не продержалась и десяти секунд, как тело сотряслось в безумных судорогах.

Едва соображая, раздираемая изнутри невыносимой мукой, чувствуя, как лопаются капилляры, а позвоночник выгибается дугой, я бессознательно билась, силясь сорвать с себя все. Избавиться от тяжести и вибрации, которыми, казалось, пропитался окружающий мир.

Все мысли слились в агонизирующий вопль. Возможно, я на самом деле орала в полный голос, надрывая связки, но едва ли была способна услышать себя.

Как спастись? Отгородиться, спрятаться?.. Паника и боль не оставили шансов. И тут...

Все прекратилось так же внезапно, как нахлынуло.

Облегчение, практически эйфория... Тело бессильно обмякло. Ощущая себя желе из костей и мяса, я была способна лишь дышать. Даже думать казалось невозможным. Свет снова померк, яркое розовое сияние исчезло, скрытое тучей... Нет! Лицом!

– Троя? Троя?

В голосе, неведомым образом дошедшем до моего парализованного агонией разума, определенно звучал вопрос. Уцепившись за призыв, я сумела сфокусировать взгляд, уже узнавая пугающие черты чудовища. Амиот, несомненно, видел мой приступ и отреагировал, желая понять его причину.

Но для меня ничто не имело значения, кроме внезапно исчезнувшей боли и облегчения – невыносимый писк пропал. А с ним и его нестерпимое воздействие. Не сразу осознала, что Седьмой держит меня на руках, максимально открыв своему взгляду, пристально изучает наверняка обезображенное страданием лицо, прислушивается к тяжелому судорожному дыханию. А я смотрела на него, опасаясь лишь нового всплеска черепдробительного воя. И чем дольше длился наш зрительный контакт, тем больше крепла уверенность: амиот не выглядит страдающим! Или мне это только кажется?..

Попытаться узнать, как на самом деле, у него самого? Безумие. Однако рядом был только Седьмой, а я буквально содрогалась от мысли, что убийственный звук вернется. Инстинкт самосохранения не

позволял бездействовать и требовал разобраться в том, что меня определенно убивало. Узнать истину, пусть даже с помощью врага.

– Звук...

Вроде громко сказала, но сама себя не услышала – то ли слух еще не вернулся, то ли мои потуги выдавить из себя хоть что-то не дали результата. Однако монстр отчетливо повторил:

– Звук.

Среагировал он на мой голос или, как прежде, на мысли, меня сейчас не волновало. Как и то, почему Седьмой вообще тратит на меня время и силы, а не отшвырнул прочь, как заплесневевшую корку, утратив гастрономический интерес. Важнее было не умереть. Не уверена, что смогу вынести еще одну агонию.

– Ты... – пришлось проглотить скопившуюся во рту кровь. – Ты его слышал?

Амиот не спешил с ответом, но я каким-то внутренним наитием ощутила: он анализирует отрывочные слова, отыскивает в своем мировоззрении то, что способно объяснить мои всхлипы. Пристальный взгляд стал еще более цепким, и в нем присутствовал все тот же необъяснимый пугающий интерес.

Понимание этого заставило собраться. Теперь хотелось, чтобы меня поняли как можно быстрее, а страх повторения заставлял подыскивать слова, описывающие пережитое минуты назад.

– Больно... очень. В голове.

Сил говорить едва хватало, сама себе напоминала недавних подопытных, с явной натугой исторгавших из себя речь. Губы слушались плохо, все еще отходя от последствий спровоцированной болью судороги. Но амиот услышал. Склонился ближе и пальцами, на удивление, не раня острыми ногтями, коснулся моего виска.

Однако даже это не настолько уж страшное касание заставило запаниковать.

– Нет!

Кажется, на этот раз получилось вскрикнуть. Алая пелена, обступившая лицо амиота, – наверняка следствие лопнувших в глазах капилляров – стала мутнеть.

Седьмой отреагировал с той же сверхскоростью, присущей их новообретенным телам. Я была его жертвой, но он точно не стремился

причинить мне боль и при моем крике не просто убрал руку, но еще и отодвинул меня, отстранившись.

Я оказалась болтающейся на его вытянутой в сторону руке. Мне бы испытать облегчение, когда избравший меня игрушкой дьявол отдалился, но... синхронно с приглушенно зазвучавшим воем подступила боль. Медленно вгрызлась острыми гранями в виски, заставляя забиться в новой судороге. Опять?! Нет, нет, умоляю...

— Звук! — услышала я свой негромкий вскрик. — Он убивает, душит...

Не успела описать ощущения, как боль пропала, сменившись неопишуемым облегчением и тишиной. Только сильное сердце амиота билось где-то возле щеки — он снова прижал меня к себе.

— Звук? — спросил совершенно спокойно. В неизменно отстраненном тоне ни паники, ни муки. — Да, я воспринимаю четкую постоянную пульсацию. Она присутствует во внешней среде. Это угнетает добычу?

Он склонил голову, словно прислушиваясь. Или, возможно, советуясь с себе подобными привычным им безмолвным способом?

Больше не пытаюсь отстраниться, я едва ли понимала смысл слов, бормотание казалось бессмыслицей. Да и толку? Мне не объяснить, ему не понять. Одно верно: амиот или никак не реагирует на вой, или к нему невосприимчив. Вероятнее всего, навязанное ему тело просто выносливее.

Какое-то время я лежала, опасаясь пошевелиться, чтобы не спугнуть временное состояние покоя и не спровоцировать новых мучений. Что это? Почему оно вдруг накатывает неожиданно, необратимо? Пульсирует...

Стоп! Амиот тоже упомянул пульсацию. Значит, ощущает звук? Выходит, дело опять в том, что я физически слабее? Он противостоит этому воздействию извне, а я — нет. Он сказал, постоянная, но почему тогда вой накатывает на меня внезапно и так же исчезает?

Закрыв глаза, слушала ровный стук сердца моего пленителя — удивительно, но это помогало думать.

— Звук угнетает? Это больно Трое? Когда?..

Он снова спрашивал, а я не понимала почему. Стала бы на его месте так настойчиво интересоваться состоянием жертвы в момент,

когда важнее все силы бросить на осмотр места катастрофы? Сомнительно...

Ощущение прохладной руки на лбу как безмолвный ответ. Давления не было, и потому я не испугалась, не шарахнулась из последних сил в сторону.

В сторону... В сторону!

Догадка вспыхнула озарением: когда мое тело прижимает к себе Седьмой — я не слышу убийственного воя! Но стоит амиоту отстраниться, меня скручивает волна муки. Когда его рука, вот как сейчас, ложится на лоб — все, что сводило с ума, словно порывом ветра сносит, освобождая от гнета. Он... Он меня защищает? Его тело защищает? Осознает это сам амиот?

— Когда я далеко...

Мои губы приоткрылись, невольно отвечая на вопрос. От бессилия и отчаянного желания донести до амиота свою идею я впервые уповала на то, что он неведомым образом слышит мои мысли. И поймет суть лучше меня самой.

Тут же руки монстра сжали меня сильнее. Нет, это не превратилось в удушающую хватку, но я отчетливо распознала дополнительное усилие. Чужак меня услышал!

Едва осознав, что нахожусь под защитой, пусть еще не могла постичь ее природу, начала успокаиваться. Разум отошел от болевого шока и теперь принялся разбираться в вихре атакующих мыслей.

Моментально вспомнились слова, брошенные штурманом перед посадкой: «Приливные ультразвуковые волны... Мы там за пару дней загнемся, как и те горе-переселенцы, кто успел на Землю инфу отправить вместе с предупреждением «сюда не соваться!»

Ультразвук! Вот что это было! А тело Седьмого, похоже, генерирует нейтрализующее поле! Или это делает его разум? Возможно, он как-то интуитивно глушит опасный диапазон излучения. Других предположений не было, ведь очевидно, что для покинувшего лабораторию подопытного звук проблемой не стал — о телах, созданных для амиотов, все мы знали не больше, чем об их прежнем бестелесном облике.

Пожалуй, быть с ним рядом не так уж плохо. Безопасно.

Безопасно?! Кажется, я схожу с ума. О какой безопасности думаю, если амиот в любую секунду способен меня... выпить. Все они

способны – видела собственными глазами.

Стоило подумать о пищевых пристрастиях недавних подопытных, как Седьмой встряхнулся. Почувствовав его движение собственным телом, взглядом метнулась к неизменно безэмоциональному лицу амиота. И в тот момент было в этом устрашающем мужчине ощущение глубинного удовольствия. Что-то подобное утробному урчанию сытого кота.

Он не выпивает меня, потому что сыт?

– Глупо, – неожиданно раздался над моей головой строгий голос. – Сейчас нет смысла. Потом нет смысла. Ты не еда.

Не еда? Нервно сглотнула, ощутив больше тревоги, нежели облегчения. Есть не собирается, но и не отпускает. Тогда что я для него? Или... кто?

– Женщина, – припечатал монстр, словно воспроизводя ранее услышанное. Или отвечая на мой безмолвный вопрос? – Противоположная особь. Нужна для размножения. – Задумался, вряд ли представляя суть сказанного, слишком далеки подобные практики от существования нематериальных сущностей. Но амиот проявил свойственную их кошмарной расе практичность и любознательность: – Это непонятно, но интересно. Будешь показывать.

Что?! Показывать? Как размножаться?

Едва не задохнулась от шока. Впрочем, мозг, все еще осязательно контуженный экстремальным воздействием ультразвука и гибелью коллег, отреагировав на это вопиющее заявление и, как следствие, получив основательную встряску, наконец-то начал функционировать более-менее нормально.

Седьмой... Он, видимо, слышал все, что я говорила Третьему на звездолете, объясняя странное поведение амиотки. И запомнил. Больше того, не понимая и толики услышанного, заинтересовался. И нашел самый «подходящий» момент высказаться.

«Вот дура... Сама себе яму вырыла! Как теперь из нее выбираться?!» – набатом застучало в голове, и я погрязла во внутренних кошмарах, немного абстрагировавшись от жутких реалий.

– Не из чего выбираться, – вновь продемонстрировал чудеса телепатии амиот. – Твоя «яма» осталась на корабле, что от него уцелело – далеко, почти под поверхностью, ты не там... – Монстр

задумался и замолк. Наконец с изрядной долей сомнения спросил: – Ты уверена, что рыла ее? Я не видел.

Он не шутил. С вдумчивостью, которая, в моем представлении, имеет смысл лишь в серьезном разговоре, задал смехотворный вопрос, вновь продемонстрировав полное незнание элементарных вещей. Будь на месте Седьмого обычный человек, находишься мы в более спокойной обстановке, от души посмеялась бы. Но холодный, лишенный и намек на эмоции взгляд, которым на меня смотрел амиот, ужасал настолько, что становилось не до смеха. Кто знает, вдруг он воспримет это как оскорбление и забудет о своем интересе к неуместно возникшей теме размножения? И выпьет. Или отшвырнет, отдав на растерзание смертоносному звуковому воздействию.

От ужасающей перспективы, вопреки внутреннему неприятию, теперь уже я сама вцепилась в своего жуткого похитителя. Пальцы в эластичных перчатках скафандра судорожно сжались, ухватившись за его предплечье и грубый край ворота.

Грубый вовсе не из-за качества ткани, а от грязи. В заскорузлом материале я с трудом опознала жалкие трико и водолазку, в которые облачили пленников перед боем. За время, прошедшее с того дня, одежда впитала кровь, собрала всю пыль и грязь рушащегося в круговороте вибрации, сгорающего в атмосфере корабля и в довершение пропиталась ржавой болотной жижей.

Амиоты явно не придавали значения одежде. Им и в голову не пришло сменить непрактичное одноразовое белье хотя бы на комплекты униформы команды из запасов звездолета. Прежде не знавшие материальных потребностей, монстры не считали необходимым прикрывать себя. Им неведомо понятие стыда? Или просто непостижима мысль, что материальным оболочкам может потребоваться дополнительная защита, пусть даже формальная, с учетом неуязвимости искусственно выращенных тел? Вот мы с Игерем, едва осознав угрозу неминуемого падения, первым делом вцепились в скафандры...

Невольно вздрогнула, вновь вспомнив кошмарные минуты аварийной посадки. Мне повезло выжить. А что с другими?! Не с амиотами, а теми, кто попал в плен к этим ненасытным нелюдям?

Сделав уже осознанный глубокий вдох, радуясь, что воздух пригоден для дыхания, я повернула голову, чтобы увидеть хоть что-то

помимо грязной водолазки и спутанных до состояния пакли волос Седьмого.

И увидела... лежащие чуть в стороне на возвышении, подобном островку среди мутной жижи, уложенные едва ли не штабелями тела других пленников. Искореженные, с явными признаками повреждений на скафандрах, следами крови и с застывшими масками предсмертной агонии на лицах.

Страшное зрелище. Однако и понимание причин их гибели тоже присутствовало – ощущения череподробительного воя еще были свежи в памяти. Как и осознание – я могла лежать там же таким же безынтересным для монстров материальным хламом. Мою жизнь спасло только близкое присутствие Седьмого, та самая дезориентирующая еще с момента пребывания на транспортнике манера амиота держать меня при себе.

Меня затрясло как в ознобе, скорее по причине испытанного шока, а не от холода, – нагревательные элементы скафандра еще действовали. И все отчетливее доходила ужасающая данность: возможно, я единственная из пленных уцелела при этой адской посадке. Осталась один на один с неубиваемыми созданиями, имеющими отличную от привычной модель мышления. Каждую секунду с момента «воскрешения» я чувствовала колоссальную разницу между нами.

Седьмой мою дрожь заметил и неподвижно замер на бесконечно долгие для такого быстрого существа мгновения. Возможно, прислушивался и пытался разобраться в причинах моего несомненного отчаяния. Однако промолчал, а потом и вовсе продолжил движение. Мое присутствие нисколько не отягощало его, словно я весила не больше носового платка, заткнутого за пояс.

Отвела взгляд от погибших, страшась вновь задрожать от судорог паники. Как бы не сойти с ума в столь отчаянном положении. Пережив катастрофу, потеряв единственное пристанище – звездолет, оказаться на страшной планете, где не должна ступать нога таких, как я.

Старательно не опуская глаза к земле, где бессмысленной кучей лежали тела недавних собратьев по несчастью, напоминая себе об опасной реальности, в которой оказалась, окинула дикий и не менее чуждый пейзаж неизвестного мира. Увиденное не впечатляло. Белесое небо, затянутое чем-то вроде тумана, сквозь который у самого

горизонта тускло просвечивал маленький диск розового солнца, из-за чего окружающее пространство казалось сумрачным и нереальным, словно я смотрела сквозь прибор с инфракрасным фильтром.

Впрочем, уверена, даже при обычном освещении местный пейзаж не был радующим глаз прекрасным зрелищем. Унылая, простирающаяся до самого горизонта равнина. Даже на вид не твердая, а топкая, покрытая желто-коричневой жижей, из которой торчали редкие красно-бурые растения – во всяком случае, я посчитала их таковыми. Невысокие, безлистные, похожие на засохшие изломанные стволы деревьев.

Там, где «флора» была чуть гуще, образовывались небольшие возвышенности-островки, покрытые густой пожухлой... травой? Росла она на поверхности все той же жижи – ноги амиотов, бродивших по такому участку, по щиколотку, а иногда и по колено вязли в топкой грязи.

Вдали к начавшему темнеть небу поднимался столб дыма. Ветер сносил его в сторону, но он все равно не исчезал – что-то горело внутри останков транспортника, практически полностью ушедшего в болото, видимым оставался лишь маленький фрагмент носовой части. На горизонте, наверное, в нескольких километрах от нас, был виден еще один дымный шлейф.

– Там... корма. Отвалилась. Двигатель взорвался.

Пояснение, хоть и сказанное равнодушным тоном, в очередной раз доказывало – падение было страшным. Просто чудо, что хоть кто-то выжил. Впрочем, не удивлюсь, узнав, что все амиоты выдержали разрушительное столкновение корабля с землей.

Осматриваться, болтаясь на руках Седьмого, было не очень удобно, но мне и в голову не пришло жалеть об этом. Сейчас я сама цеплялась за него, как бездумная и ведомая лишь инстинктом мартышка.

С чем можно сравнить ситуацию? Разве что с попаданием современного человека в какой-нибудь древнейший палеолит – чуждое, дикое и устрашающее место, напрочь лишенное условий для нормального существования. Кров? Пища? Ничего здесь не было. И я одна в окружении сверхсуществ с сознанием младенцев. В месте, где мне не выжить.

Мы, дети прогресса и современных технологий, давно разучились выживать при отсутствии необходимого комфорта. Но амиоты... У них подобной проблемы не было. Они ее себе даже не представляли! Вели себя равнодушно и спокойно, словно для них естественно бродить в болотной грязи без возможности как-то обезопасить себя или хотя бы устроиться для отдыха. Их ничуть не беспокоила невозможность укрыться от глаз неведомой угрозы из числа имеющейся в наличии местной фауны, наверняка рыскающей поблизости.

Поразительно, но я вообще не видела различий между их поведением в клетках, на корабле и теперь здесь. Они не осознавали последствий случившегося?! Им было все равно? Меня же паника захлестывала тем сильнее, чем невозмутимее и деловитее вели себя недавние подопытные. Один факт их присутствия угнетал: создатели этих тел не получили ни одного шанса выжить в случившейся трагедии, а «эксперименты»...

«Эксперименты» согласованно и внешне безмолвно перемещались по островку. Возились с теми из своих, кто пострадал во время крушения или же еще до посадки имел сложности с управлением телом. Разбирали беспорядочную грудку чего-то, вероятно, прихваченного с собой с транспортника. Рассмотреть не получалось – работали они в тесном контакте, напрочь перекрывая обзор на «добычу». Седьмой тоже не стоял, постоянно двигался, явно участвуя в общем действе, хотя его функции больше походили на работу наблюдателя. Или координатора?

Так и не успев в этом разобраться, вздрогнула. Только причиной были не страхи, а раздавшийся стон. Нет! Не стон! Мучительный сдавленный вопль! Словно того, кто пытался его издать, душила рука силача и одновременно рвала на части стая хищников.

Сквозь эластичную ткань скафандра ощутив напряжение мышц Седьмого, прижавшего меня теснее, все же сумела бросить взгляд в сторону. Источник звука оказался недалеко от общей массы темных из-за въевшейся в одежду и кожу грязи атлетических тел амиотов – еще две фигуры в скафандрах. Точно из пленников, потому что оба в конвульсиях бились на пожухлой желто-оранжевой растительности.

Одного я узнала мгновенно: Игерь! Второго, кажется, видела в ангаре станции, но сосредоточиваться и припоминать не стала и неосознанно потянулась в их сторону.

Живы! Отчаянно хотелось, чтобы это оказалось правдой! И тут же молнией мелькнула догадка о причине мучений – пленников накрыло разрушительным воем, когда топтавшиеся рядом с ними амиоты отошли в сторону. И сейчас несчастные немедленно умрут, изнутри взорвавшись от боли!

– Вернитесь к ним! – закричала, обращаясь к амиотам, желая упредить страшный финал. – Подойдите ближе!

Никто и не подумал прислушаться к моим словам – все продолжали стоять в сторонке, с неизменным спокойствием наблюдая за конвульсиями пленников.

– Ты! – Я настолько за них испугалась, что собственный страх отошел на второй план: остаться единственным человеком среди чужаков – для меня все равно что умереть. Вывернулась, вцепившись в плечо Седьмого. – Ты же знаешь! Скажи им! Пожалуйста... – закричала, едва не рыдая от отчаяния.

Мой голос, усиленный странным резонансом, словно отразился от низких розоватых облаков, прогремев над пугающе-безмолвной равниной. Но и это не поколебало спокойствия недавних подопытных.

– Почему? – Седьмой, не позволяя мне вырваться, единственный проявил хоть какой-то интерес. И то скорее к моим сумбурным движениям, чем к страданиям пленников.

– Что почему? – затараторила, вновь цепляясь за заскорузлую одежду амиота в сомнительной попытке встряхнуть этот бесчувственный столп. – Сказать? Потому что, кроме тебя, меня никто не слышит! А медлить нельзя! Они же погибнут! – окончательно забыв об осторожности, завопила прямо в ухо непрошибаемого монстра – настолько сильно меня трясло от обреченной ярости. И тут же подавилась криком – прямо на моих глазах, явно защищая органы слуха, часть внутренней поверхности ушной раковины амиота вздулась и отслоилась, словно образовав перепонку, препятствующую излишне громкому звуку.

Вот как такое пронять? Чем?! Что за сверхсуществ на погибель всем создали недоумки-ученые в своих лабораториях!?

Никаких внешних сигналов я не заметила, но к корчащимся в склизкой грязи несчастным с молниеносной скоростью подскочили двое из амиотов. Мученические вопли тут же иссякли, сменившись обессиленными хрипами и сиплым дыханием.

– Так? – безразлично уточнил Седьмой, буравя меня пристальным взглядом.

– Да, спаси... – с облегчением переведя дух, начала было, ликуя, не в силах оторвать взгляд от коллег.

Однако парочка явно направляемых Седьмым собратьев снова синхронно отступила. И кошмар вернулся. Чудом выживших снова затрясло в конвульсиях, сопровождаемых криками агонии.

– Мать вашу! – заорала, поздно вспомнив, что про мать – это не к амиотам, иначе откуда бы такая нарочитая бесчеловечность. Впиваясь взглядом в лицо Седьмого, взмолилась: – Что сейчас?

– Удостоверился. – Он и бровью не повел, но вопли тут же оборвались – оба амиота снова подошли к пленникам.

– Теперь верите? Этот звук смертельно опасен для нас, – пояснила непонятливому существу.

– Не то, – безразлично отмахнулся он.

– А в чем тогда смысл проверки? – попыталась выяснить его видение ситуации. Нужно же разобраться, чего ожидать от монстров, лишенных всякого сочувствия и здравого смысла.

– Определить, что значимо. Для Трои.

– Какого?.. – задохнувшись от осознания истинной причины, оторопело уставилась на Седьмого.

Шантаж?! Манипулирование?! Ищет мои слабые стороны? Смехотворно! Я вся от пяток до макушки являю собой олицетворение слабости. В сравнении с такими, как он, – особенно.

– Пусть Троя делает то, что мне надо, иначе все начнется снова.

Я сглотнула, отчетливо понимая: в этой игре у меня нет хороших карт. Но амиоту было мало приструнить меня, он решил внести уточнения: – Это пока.

– А потом? – глухо пробормотала, не понимая, к чему он клонит.

– Они – еда, – безэмоционально отозвался Седьмой.

Мои глаза мгновенно вернулись к паре чудом выживших – амиот подошел к ним вплотную со мной на руках. Ну конечно! Нашим пленителям скоро понадобится насытиться, а под рукой легкая добыча. И так беспросветно и тоскливо стало от этой истины, что я с переполнившей душу решимостью уставилась на Седьмого и попросила:

– Меня тогда тоже. Вместе со всеми... съешь. Одну не оставляй.

Нелепо просить о милости такого, как он. Но амиот прижал меня теснее, как бы давая понять: одна не останешься. И «успокоил»:

– Моя добыча.

– Вы все не в счет. Чем сойти с ума тут одной, лучше погибнуть. – Смерть, которую несли монстры, казалась быстрой, безболезненной и оттого более предпочтительной, чем местный убийственный ультразвук.

– Моя добыча не погибнет, – невообразимо буднично для аварийно приземлившегося в неизвестный ад откликнулся Седьмой. Всмотрелся в мое лицо и сообщил: – Оставайся здесь. Жди. Я вернусь за тобой. Всегда.

Он усадил меня на небольшую кочку. Подошедшая парочка «сопровождающих» разместила рядом Игеря и второго пленника. Лица их были серыми – мужчины еще не пришли в себя после болевого шока. Но уже не кричали и не дергались в судорогах, очевидно, этому способствовали не отходящие от нас ни на шаг амиоты.

Седьмой ушел, оставив меня под их присмотром. Я же, устало притянув колени к подбородку, устала на спину «новорожденного» мужчины. Идеально скульптурную и словно кричащую о несокрушимости и мощи, пусть и обтянутую грязной водолазкой. Так странно было вдруг оказаться вдали от того, кто с маниакальной настойчивостью все последние дни полагал меня своей исключительной добычей. И защищал.

Странно и... тревожно.

Стоило это подумать, как амиот стремительно обернулся, пронзив пристальным взглядом. Как если бы и ему стало не по себе без меня...

Глава вторая

Познание

Кин

Отступив от своей добычи, ощутил пустоту. Непонятную, досадную, раздражающую. Нестерпимо хотелось вернуть утраченное. И от осознания временной вынужденной невозможности это сделать становилось...

«Тревожно...» – отзвуком моих мыслей откликнулся голос Трои.

Тревога? Страх и ожидание проблем? На них часто ссылались в своих поступках предназначенные нам в пищу. Подобного мы, эдаити, не знали. В мыслях Трои я улавливал малопонятные мне мотивы, стараясь вычленять для себя то, что служило предпосылкой к действию. Понимать ее было трудно, но возникший интерес к добыче мотивировал разобраться, а слышать женщину стало так же привычно, как и моих собратьев.

И не нужно оглядываться, чтобы убедиться: это ее мысли. Однако же я это сделал.

Чужаки, медленно приходя в себя, по-прежнему лежали на плотной подушке из местной растительности. Чуть в стороне – тела не перенесших посадки. Однако лишь Троя для меня выделялась из этой кучи утративших пользу материальных, а мой интерес к ускользнувшей добыче заставлял бдительно контролировать ее состояние, не позволяя погибнуть тоже.

Видеть рядом с Троей других было неприятно. Хотелось увеличить разделяющее их расстояние, а еще лучше, чтобы эти пищевые запасы, выполнив свое предназначение, исчезли. Но столь же отчетливо я понимал, что подобный вариант нежелателен, раз моя добыча испытывает сильную потребность в продолжении их существования. Мало того, готова на многое, лишь бы это существование было безопасным и комфортным.

Реакция организма женщины на условия новой среды радикально отличалась от той, что была присуща моей оболочке: подобно другим пленным, едва герметичность скафандра нарушилась, она начала стремительно терять жизненный потенциал. Для нее местность

оказалась опасной! Осознав угрозу, я сосредоточился на поиске причины и способе ее устранения.

Все оказалось просто, более того – соответствовало моим намерениям. Чтобы защитить Трою, надо держать ее при себе. И я с готовностью это принял: желание ощущать притягательную добычу рядом крепло день ото дня. Следующее, что требуется, – выяснить, повсеместна ли угроза для нее на этой планете. Это тоже согласовывалось с интересами эдайти: мы выясним, как тут все устроено. Пришло время осмотреться. Склизкая субстанция, покрывавшая низину, выполнила свое назначение, частично амортизировав наше стремительное приземление, но не способствовала долгому существованию. И потому мы инстинктивно стремились покинуть место первого привала. Но прежде чем устроить первую вылазку и выяснить, что находится за равниной из топкой грязи, я проинструктировал эдайти, находившихся рядом с пленниками:

«Тас, Хем, не отходите дальше чем на два шага от добычи. – И лишь после этого, уверенный, что сделал все необходимое, и убежденный в бдительности собратьев, бросил еще один мысленный призыв: – Орш, Зом, Дин, Риз, Шог».

Все пятеро молниеносно оказались рядом и без лишних вопросов двинулись вместе со мной.

«Разделимся?» – предложил Орш.

В прежней жизни не знавшие сопротивления, мы и поодиночке полагали себя грозной неуязвимой силой. Потому логично было парами или тройками отправиться в сторону того, что с нынешнего местоположения казалось чем-то туманным и желтоватым. Ощущалась эта дымка как возвышение, следовательно, ее слагала более прочная материя, нежели жидкая грязь.

Однако горечь поражения заставляла задуматься над собственными возможностями без самоуверенности непобедимых. Вспомнились перешептывания Трои и надоедливого пленника, что управлял кораблем. Их эта планета ужасала, доводя до паники. Впрочем, в отношении таких, как они, страхи оправдались. А чем грозил новый мир нам?

«Нет. Будем вместе. Идем к горам, которые ближе. И наблюдайте. Нам нужны знания об этом мире. Будьте внимательны к

любым деталям и мелочам».

Факты – самое важное, что мы должны получить. Пусть тела нам достались удивительные в плане адаптационных способностей, но это не означает, что нужно игнорировать все и вся в новом для нас мире. Разрушение транспортника, вынужденная посадка, среда, сформированная условиями конкретной планеты... Мы пока не очень хорошо представляли, как все устроено в материальном существовании, что есть норма, а что – чрезвычайные обстоятельства. И потому фиксация и анализ – то, что поможет нам разобраться и освоиться.

Мы, эдайти, умеем учиться, набираемся опыта. И познание в этом смысле необычайно важно для эффективного существования. С момента пленения все для нас было неизвестным: сам факт материальности, законы, по которым существует вещественный мир, собственные возможности. Единственное, что осталось неизменным, – движение, лишённое чуждых эмоций, свойственных нашей пище. Извечное движение вперед: к цели, к насыщению, к покорению. Каждый шаг приводит к следующему, именно так понимают жизнь эдайти. С мига осознания себя в навязанной клетке я поступал, неизменно следуя этим принципам. Мы справились с телами, пробili себе путь на свободу, избежали уничтожения и, наконец, оказались здесь, перед лицом очередных задач. И все это осуществили, спокойно, шаг за шагом двигаясь к новым целям.

Не испытывая сомнений, мы ринулись напролом, пробираясь сквозь топкую жижу. Продвигались быстро, сероватая гряда росла, искрясь множеством бликов в свете розового светила. Оболочки не подводили, с непошибаемостью тарана рассекая странную субстанцию. Вот только стоило подумать о возможностях тела, как возникло ощущение дискомфорта – неприятной тяжести внизу живота.

«Переполнен», – пришло сообщение Орша.

Потребности оболочки! И не о сытости предупреждает собрат – в прежней жизни я трактовал бы его мысль именно так. Сейчас он подразумевал то самое явление, когда наши новообретенные тела избавляются от отходов ранее потребленных ресурсов. Странная непрактичность и несовершенство материальных...

«И я», – подтвердил, соглашаясь.

От остальных эдайти пришли аналогичные импульсы. Дружно устремившись к небольшой более плотной кочке, мы выскочили на поверхность болота. Процесс выделения из тела лишней жидкости был неприятным. Потому, не размышляя, я сдернул с себя заскорузлые, черные от грязи поверхностные оболочки. Вот еще одна особенность материальных существ, которую трудно понять. Зачем на оболочки натягивать другие оболочки? К тому же менее функциональные и зачастую многослойные.

Избавившись от того, что звалось одеждой, почувствовал себя лучше. Теперь ничто не сковывало, а организм больше не сообщал о дискомфорте. Моему примеру последовали и собратья, прежде чем продолжить путь.

Поднявшись на взгорок, фактически достигли границы топкой равнины. Шаг, второй... Ступни уверенно касались твердой поверхности, свободной от грязной жижи.

Мы дружно замерли, осматриваясь, вслушиваясь и принюхиваясь, тщательно анализируя сигналы, что посылала местность. Качество воздуха здесь было иным, болотные испарения ощущались слабее. Впрочем, для наших тел это не проблема – мембранная перегородка в ноздрах отлично отфильтровывала опасные газы. Но я знал, что Троя подобным похвастаться не может.

«Чувствую голод», – сообщил Зом.

Мы все начали ощущать его – продираться сквозь склизкую топь оказалось энергозатратно. Такие, как Троя, не выбрались бы... Почему я все примеряю к ней, равно как к собратьям?

«Попробуем выяснить, что подойдет в пищу», – озвучил общее намерение Орш, соскребая ладонью грязь, оставшуюся на его ногах, и принюхиваясь.

«Не спешить», – напомнил, что отныне мы уязвимы. Впрочем, сам тоже оценил питательную ценность болотной субстанции. Оболочка не воспринимала ее как питательную, аппетит не пробудился.

Оглянувшись назад, где лишь наше сверхчеткое зрение могло рассмотреть темное размытое пятно, в которое превратился временный лагерь, я оторвал от ступней и отбросил в сторону несколько непонятных черных комочков – навязчиво прилипших к подошвам ног склизких жалящих сгустков. Проследил, как кожа, уплотнившаяся в

местах контакта с ними, возвращает себе куда более удобную упругость. Все еще непривычными, но уже знакомыми и понятными в использовании зрительными органами осмотрел окружающее пространство, одновременно прислушиваясь и принимаясь.

За время, пока мы сюда добирались, стало темнее. То из светил, что было мельче и сияло розовым цветом, почти скрылось за горизонтом. Чуткая ушная мембрана фиксировала пульсацию такого опасного для Трои ультразвука – я продолжал следить за ними на уровне рефлексов. Оттого и уловил изменения – колебания стали иными. Прерывистыми? Более редкими?

«Звук исчезает, – отозвался Орш. – Похоже, связан с излучением звезды, идущим сквозь атмосферу».

«Звезд здесь две: маленькая розоватая и большая голубая, – подхватил Зом. Его наблюдательность всегда была выше всяких похвал. И на этот раз он меня не разочаровал: — Когда мы приземлялись, планета была между ними. Значит, сейчас будет восход».

Мы повернулись спинами к приобретающему пурпурную окраску зареву. Противоположная ему сторона горизонта действительно посветлела и окрасилась в синеву. Однако ждать, пока голубое светило окажется в зоне видимости, не стали. У нас имелась более важная задача – найти место, куда сможет перебраться наша группа.

«Что с Риш?» – бросил вопрос Дин, шаг за шагом продвигаясь по возвышенности, предшествующей уходящей к небу гряде.

От породы веяло теплом, как если бы где-то в ее недрах имелась раскаленная сердцевина. Но вопреки логике, утверждающей, что тепло обещает комфортный ночлег моей уязвимой добыче, все органы чувств новообращенного тела реагировали на это место... странно. Каким-то дичайшим напряжением. Рецепторы вопили об угрозе. Собратья, теньями скользящие рядом, испытывали аналогичные ощущения – сознания каждого из нас были открыты друг другу.

«И как себя ведут остальные эдаити из тех, кто еще не научился пользоваться оболочками?» – дополнил я вопрос, заранее выясняя, готовы ли спасенные собратья к переходу на сушу.

«Большой частью дезориентированы, – отчитался Орш, пристально всматриваясь в пористое основание под ногами. То, что поначалу мы приняли за неживую горную породу, при ближайшем

рассмотрении оказалось окаменелой материей. Возможно, некогда живой? – *Риш, в сравнении с остальными, в достаточной степени пришел в себя.* – Мысль Орша вдруг оборвалась и вернулась уже с оттенком смирения: – *Вернее, пришла...*»

Я его понимал. Трудно перестроить привычное восприятие и начать разделять тех, кого раньше считал такими же, как сам. Мало того, еще и начать воспринимать их иначе!

«Как он принял... свою оболочку?»

Присев на корточки, приложил ладонь к теплой поверхности под ногами. Сигналы тела я уже научился понимать: оболочку манило тепло и то, что оно обещало, – негу, расслабленность, сытость... Стоп! Почему оно ассоциируется с пищей? От собратьев, повторивших мой маневр, фонило такой же настороженностью.

«Для Риша она не более странная, чем для нас поначалу были эти, – логично объяснил Орш. – Важнее то, как тела реагируют на противоположный тип оболочек».

«Они не уgomонились?» – Я экранировал вопрос от Риза и Шоха, задав его исключительно Оршу. За всей суетой с реакцией пленников на ультразвук не уделил внимания этой проблеме.

«Нет. По-прежнему стараются держаться поблизости от Риш. А уровень агрессии в его... ее присутствии очень нестабилен – любая мелочь тут же провоцирует неконтролируемый всплеск».

«Как будем с этим разбираться?»

Секундная задумчивая пауза, и Орш спокойно выдал:

«Твоя добыча. Ее инструкции помогли. Она продолжит помогать?»

Сейчас подобное могло привести к риску для Трои – мне оказалось непросто принять это, позволив ей какие-то действия вне моего присутствия, но игнорировать интересы эдайти я не мог.

«Да», – мне, привыкшему принимать решения молниеносно и без сомнений, ответ дался сложно.

«Чувствуете аромат? – вклинился в наш диалог Зом. – Это что-то подходящее в пищу?»

Сейчас, когда он сконцентрировал на этом наше внимание, чувство голода захлестнуло с новой силой. Словно в недрах оболочки образовалась дыра, в которую со свистом устремилось все нутро. Сосущее и одновременно изнуряющее ощущение. Я такого не

испытывал даже в момент побега со станции, когда вычерпывал все свои силы!

«Очень притягательное, – выразил охватившие нас общие ощущения Орш. – Невыносимо тянет...»

Мы переглянулись: неспроста и наверняка опасно.

Перегруппировка стала инстинктивным решением. Молниеносно мы расположились максимально удобно – достаточно близко, чтобы поддержать на случай неведомой угрозы, но так, чтобы не перекрывать обзор и не мешать.

«Сдерживаемся», – чуть ли не захлебываясь ощущением какой-то запредельной жажды, я целенаправленно блокировал в своем сознании все сигналы явно ошалевшей оболочки: ее практически сводило судорогами от слабости и лютой потребности насытиться.

Прищуриваясь, чтобы не быть ослепленным отражением лучей местного светила, я заметил, как содрогаются тела спутников. Еще несколько минут назад голод был, но не такой дикий. Что поразительно, даже оболочки собратьев начинали казаться... вкусными.

«Неведомое... – с трудом выдавил Хал, подобно всем нам борющийся с неожиданными потребностями. – Кажется, навязанное».

«Определенно внушенное», – словно выплюнул Орш.

Попытка заставить нас проявить слабость, подчинить, поработить... Это стало вызовом.

«Что-то, действующее на оболочку, – дополнил наблюдения Зом. – Искажающее восприятие реальности. Я вас жрать готов».

Усилиям сознания я постарался вернуть контроль над телом, обураваемым инстинктом голода, абстрагировался от зова, обещающего насыщение и блаженное довольство. Сущность эдаити твердила: если так толкают идти вперед – следует остановиться. Не сбежать, спасаясь от угрозы, но осмыслить ее. А уже потом...

Мир эдаити таков: нет ничего беспощаднее нас самих. И это не может измениться с появлением тел. Иначе мы проиграем, став рабами оболочек подобно всем материальным существам.

Умиротворяющая тишина, ослепляющее сияние голубоватого света, льющегося с неба и отражающегося от мириадов крошечных вкраплений в пористой породе, до которой мы добрались. Взгляд запечатлевал одну картинку за другой: причудливые контуры материи,

на которой мы стояли, ее уходящие ввысь пласты; тени наших тел, замерших в напряжении невидимой борьбы с самими собой; полное отсутствие чего-то похожего на растительность. Лишь голый плотный остов окаменелой породы под ногами.

Это точно было что-то разросшееся и, вероятно, погибшее когда-то очень давно. При жизни оно тянулось вверх и вширь, оплетало все, встреченное на пути, в итоге стало горами. Отсюда и округлые впадины, которыми изобиловала порода, – разной глубины провалы размером от шлема скафандра Трои до дверного проема звездолета, способного вместить и наши немаленькие тела.

«Войдем?»

Едва до меня дошла мысль совладавшего с собой Орша, как оформилась и собственная догадка – притягательная потребность толкает именно к этому! Приглашает проскользнуть в одно из отверстий.

«Должны, иначе не разберемся, – согласился с собратом. Все опасное в этом мире, так или иначе, будет вынуждено признать, что опаснее нас оно быть не может. – Я выясню».

Перехватив друг друга за руки, образовали живую цепь, звенья которой были крепки настолько, насколько незыблема сама сущность эдайти, не признававших поражения и не знавших слабостей. Но это не означало, что мы безрассудны: сейчас я был насторожен и доверял братьям, готовым выдернуть меня назад. Чтобы вновь вернуться и взглянуть в лицо неведомой угрозе!

Аромат, обещающий насыщение, по-прежнему манил, сияние усиливалось. Прочность материи под легчайшими изучающими прикосновениями руки говорила о незыблемости и долговечности этого пути. Все вокруг подталкивало рухнуть в недра ближайшего зева, окунуться в его темное тепло – все мы чувствовали жар, идущий от каждого из отверстий.

Чтобы найти путь – надо идти вперед. Я шагнул, чуждый страху, но ведомый извечной потребностью открыть для себя и поглотить нечто большее. Одна рука, готовая принять на себя первый удар неведомого, чуть выдвинута вперед, прикрывая лицо, вторая отведена назад и в надежном захвате сцеплена с рукой собрата.

Меры предосторожности. Раньше, в моем прежнем облике, они были бы лишними. Теперь же, несмотря на прочность тела, оказались

решающими в борьбе за знания и пищу.

Полость, в которую я проник, была сумрачной. Однако чувствительным глазам оболочки света хватало, чтобы рассмотреть пористые серые стены, покрытые неровными буграми и выростами. Один из них был просто гигантским. Выше моего роста, в два раза толще. С его вершины свисали перевитые красные жгуты толщиной с мою руку. А на конце каждого из них красовался раздутый нарост, источающий тот умопомрачительный аромат, что едва не свел нас с ума. Здесь запах был настолько силен, что просачивался даже через преграду, закрывающую ноздри.

Я торопливо сглотнул жидкость, мгновенно наполнившую рот. Осознав, что свободная рука помимо воли тянется к ближайшему наросту-пузырю, напряг мышцы, возвращая контроль над телом.

Если это образование съедобно – раз уж оно так изумительно пахнет, то одного нам будет недостаточно. К тому же оно наверняка защищено. Привычным «взглядом» прежнего эдайти я воспринимал опасность, силой сознания распознав напряжение энергии, скопившейся в жгутах, готовых схлестнуться и не позволить мне забрать желаемое.

Порождение материального мира создало ловушку. Идеальную, чтобы получить столь нужную ей органику. Но ведь и мне нужна пища... Нам, эдайти, нужна.

Резкий выпад. Захват у верхушки нароста сразу нескольких ветвей-жгутов, моментально и предсказуемо обвивших мою руку от запястья до плеча. Сущность эдайти, маревом метнувшаяся к основанию «ствола» и вытягивающая из него жизненную энергию, – члены подвластного мне физического тела и сокрытая в нем нематериальная сила действовали синхронно и стремительно.

Упор ногами, очередной рывок, отрывающий мясистые пузыри вместе с ветками. «*Тащить!*» – одновременный приказ собратьям. В неизбежном противостоянии с местным «хищником» я рассчитывал и на поддержку своих спутников.

Голубой свет ослепил, тело стремительно вырвалось на поверхность, покинув углубление-ловушку. Я с трудом оторвал от кожи присосавшиеся к ней жгуты, предназначением которых было разрушать и поглощать мою плоть. Вряд ли им прежде встречалась настолько неподдающаяся материя. Но и сейчас они пульсировали в

отчаянном стремлении выполнить свое предназначение – насытить голодное существо, содрогающееся от боли и ярости под нашими ногами. Только теперь мы с ним поменялись местами.

Не обращая внимания на вибрацию и тряску, каждый из эдаити, освобождая мою оболочку, оторвал себе по круглому наросту и впился зубами в мягкую кожу.

На вкус они оказались такими же потрясающими, как и их одуряющий запах. Сочная мякоть отлично утоляла голод, восполняя запас энергии. Я глотал ее огромными кусками, почти не разжевывая.

«Здесь можно будет брать еду. Когда понадобится», – сообщил собратям. Реакция приманившего нас суперхищника – вовсе не мертвого, а очень даже живого! – была ощутимой, но прямой угрозы не несла. Он явно сросся с поверхностью планеты, лишившись подвижности. И тех, кто мог нанести ему ущерб, противостоя воздействию, прежде здесь не было. До того, как появились мы...

«Я тоже хочу попробовать!» – неожиданно решился Орш. – *Любопытно, они все устроены одинаково?»* Несомненно, он имел в виду полости в пористой структуре горного образования – разные и по размерам, и по форме.

Его интерес разделяли и мы. Поэтому, страхуя друг друга около мелких и помогая у крупных, принялись за осмотр сразу нескольких углублений.

Неглубокие ямы оказались бесполезными – шары-приманки там отсутствовали, а несущие их выросты только-только зарождались. Стало понятно: чем больше углубление, тем более значимой будет добыча.

Но и тут нашлись исключения. Кое-где в лопнувших шарах красная и упругая питательная масса была иной – желто-зеленой, похожей на болотную жижу внешне и имеющей такой же запах. Ее наши организмы тут же отвергли в точности как первую пищу в лаборатории. Вывод напрашивался элементарный – это несъедобно. Впрочем, годных к употреблению шаров было больше, и мы не успокоились, пока каждый не попробовал себя в роли добытчика.

«Как же жарко...»

Мысль, пришедшая извне, не была «голосом» кого-то из эдаити.

Троя!

До этого момента я лишь фиксировал в сознании факт ее активности: не ощущал паники или страха – этого было достаточно. Сосредоточиваться на диалоге, что она вела с другими пленниками, возможности не было. Но сейчас что-то изменилось!

Застыв, сконцентрировался на ощущениях своей добычи. Тот факт, что Троя находилась далеко, заставлял задуматься о возвращении. При одной мысли о неведомой опасности для нее хотелось стремительно кинуться назад.

«Аккумуляторы скафандра скоро сдохнут... – донеслась очередная ее мысль, отягощенная усталостью. – Система вентилирования начинает сбоить».

«Кин! – Орш коснулся моего плеча, непривычно привлекая внимание физическим контактом. Это я, внутренней сутью обратившись к Трое, на мгновение оглох, перестав воспринимать сигналы собратьев. – Как поступим дальше? Поведем всех сюда?»

Предупреждающе подняв ладонь, дал понять Оршу, что необходимо подождать с решением. Моя сущность сейчас была далеко – рядом с одним из эдаити, что находился в числе окружавших мою добычу соплеменников.

«Рух! Как женщина?»

«Температура ее тела растет. Как и других пленников», – пришел ответ, подтвердивший мои наблюдения. А если добавить к перегреву ядовитые испарения, от которых Трою пока защищает скафандр...

«Возвращаемся, – переключился я на спутников, спокойно ожидавших решения. – Нужно покинуть болото. Мы должны поспешить назад с максимальной скоростью».

«Переместим всех в это место?»

Оглянувшись на сияющую отражением сверкающих бликов гору, которая точно была чем-то живым и опасным, я вспомнил чувство голода, вызванное ее влиянием. Мы с ним едва справились, а Троя? Это воздействие поработит мою добычу. Да и собратьям, еще не подчинившим свои оболочки, придется трудно.

«Нет, – ответ был очевиден. Взгляд сместился в сторону, оценив местность. – Мы выяснили, что сможем добыть здесь пищу. Но расположимся чуть в стороне, – подумав, кивнул в направлении

растительного массива, начинающегося слева от горы. – *Между лесом и этим местом».*

«Кто-то из нас встанет на страже, – дополнил план Орш. – Так не допустим, чтобы других одурманило голодом и привело в ловушку этого... существа».

Мы разговаривали уже на бегу, на максимальной скорости устремившись обратно. Путь от горы до топкой низины, где прежде продвигались с осторожностью, а потому медленно, промелькнул мгновенно. Неумолимым клином врезавшись в склизкую болотную грязь, с неменьшей решимостью мы принялись рассекать телами пространство, уже зная, чего ожидать: сознание еще на подходе послало нужный сигнал телу, трансформируя и укрепляя его покровы.

Наши мысли были открыты всем эдайти, позволяя им перенять знания и опыт, чтобы начать готовиться к преодолению преграды. Сегодня же состоится общий переход на сушу. Наша задача – перенести на равнину за болотом не только тех, кто слабее, но и захваченные ресурсы с корабля.

С обретением материальности мы получили и массу неудобных дополнений. Потребность во сне – одна из них. И если с пропитанием хотя бы на пару дней разобраться удалось, то организация места для ночлега еще предстоит.

«Это существо огромное!» – Орш вложил в наши мысли инфракрасный слепок местности, где гигантским бесформенным, уходящим ввысь пятном отображалось то, с чем мы недавно столкнулись.

И да, ядро, или сердцевина, глубоко под поверхностью земли было эпицентром жара – живой материей. Но чем дальше ороговевшие до окаменелости наросты находились от этого нутра, выходя на поверхность, тем более холодными они ощущались. Так мы и чувствовали ранее, продвигаясь по омертвевшим поверхностям инопланетного гиганта. Пористая порода под ногами была ощутимо теплее земли именно в предгории.

«И оно не единственное», – подобно Оршу, я силился охватить пространство мысленной сканирующей волной, распространяя ее так далеко, насколько хватало сил. По примеру собрата, отринув все пока малопонятное, сосредоточился на восприятии инфракрасного спектра.

И такие пышущие жаром пятна-наросты зафиксировал еще в нескольких местах.

«Но все же они довольно редки, рассредоточены по периметру болота, — сделал вывод Зом. — Видимо, каждому из них нужно пространство для охоты».

Это было понятно нам, по сути тоже являвшимся хищниками. Пусть существо не обладало подвижностью, но привлекало добычу со всей округи, имея свой личный ареал.

«Возможно, местную живность притягивает не только запах, но и тепло? Я чувствовал присутствие носителей энергии в округе, пока мы подбирались к скальнику. Они ищут в нем защиту и лишь потом попадают под влияние жажды голода? Прямо в ловушки-пасти этого существа».

«Главное, чтобы никто из нас там не оказался», — пришла мысль от Тора, одного из тех эдайти, что остались на болоте и сейчас внимательно прислушивались к разговору. Что не мешало им сортировать спасенные с корабля ресурсы, готовясь к их транспортировке через топь.

«Болото тоже обитаемо, — передал свои наблюдения Зом. — Такие мелкие комки. Слизь...»

Он запнулся, не найдя подходящего слова, просто кинув нам образ тех самых жалящих сгустков, что мы сдирали с тел, выбравшись на сушу.

«Медузы!» — вдруг нашелся я с подходящим названием. Это слово и его образ когда-то проскальзывали в мыслях Трои.

«Думаю, выделения медуз способны растворять белковую плоть, делая пригодной для их питания», — принял название собрат.

Еще одно наблюдение, приоткрывающее для нас завесу неизвестного мира. Завесу, что мы, несомненно, сорвем полностью.

Мой взгляд скользнул к белесому небу. Если ориентироваться по движению голубоватого светила, то мы потратили на вылазку почти половину светлого периода. На сколько рассчитаны накопители энергии в скафандре Трои? Ее медленно, но верно перегревающееся тело я неизменно продолжал ощущать.

«Женщину спрячь в тень, — подразумевая тень от контейнера, послал мысль Руху. — Но не отходи от нее дальше, чем на два шага!»

«Как Риш? – неожиданно последовав моему примеру, задал похожий вопрос Орш. И, словно сам от себя не ожидая, добавил: — В каком состоянии те, кого мы забрали из лаборатории перед побегом?»

Мы в этот момент брели, погруженные в мутную жижу почти по грудь, поэтому я заметил, что соратник глаз не сводит с приближающегося островка, где расположилась вся наша группа. Собственно, я и сам так поступал, стремясь как можно скорее убедиться, что моя добыча не слишком сильно пострадала от перегрева.

«Все использовали время, чтобы научиться взаимодействовать с оболочками, – услышали лаконичный ответ Руха. – У большинства значительные успехи».

«Кхм... – Орш на миг замялся. – Это хорошая новость. Чем скорее они будут самостоятельны, тем быстрее мы сможем все здесь исследовать».

«Риш уже справляется, – пришла более конкретная информация. – Даже пробует растаскивать предназначенные для переноски ресурсы. – Собрат тоже мысленно запнулся и исправился: – Пробовала...»

Да-а-а... Нам сложно осознать такие перемены. Разнополюе оболочки... Что же сотворили с нами эти ученые?

«Мы должны уделить этому больше внимания, – озвучил общий вывод Зом. – И разобраться, на что влияют различия. Возможно, женские оболочки слабее и уязвимее?»

А я снова подумал о Трое. Ее взаимоотношения с другими надзирателями меня мало интересовали, но наблюдения позволяли предположить: женских особей оберегали. В спарринге с нами ни одна из них не участвовала. За единственным исключением – я ни разу не замечал Трою и среди тех, кто охранял наши клетки. Да и вообще женщин на станции было несоизмеримо меньше!

Запоздалая догадка, сделанная на основе ощущений прошлого, заставила меня остановиться. Обогнавшие собратья оглянулись, вновь используя зрение для оценки моего состояния и поиска причины задержки.

«А что, если их в принципе очень мало? Таких биполярных особей. Возможно, они ценные? Примерно как наши энереллы?» – поделился мыслями со всеми эдайти.

«Энереллы восстанавливают поврежденную структуру. – Рух задумался и напомнил о существовавших в нашем прошлом мире различиях между особями. Да, эдаити тоже имели некоторую дифференцированность, но мы начали подозревать, что у материальных обитателей этого мира принцип разделения иной. – А эти... Вроде ничего такого не умеют. Скорее, даже сами несколько уязвимее. В чем тогда их ценность?»

Мы с Оршем переглянулись, силясь вспомнить и осмыслить сказанное по этому поводу Троей на транспортнике. Впрочем, она же не сообщила чего-то конкретного. Или понятного. Термин «размножение», который применила моя добыча, оставался бессмысленным набором звуков.

«Как выберемся из болота, спросим у пленников», – принял я единственно возможное решение. Только у материальных созданий мы сможем выяснить причины, побудившие ученых поместить нас в биполярные оболочки.

«Собратья... – внезапно, грубоватым треском врываясь в наш мысленный диалог, пришла немного заторможенная, но уже вполне оформленная мысль Риша. И прозвучала она так «своевременно», что мы дружно смолкли. – Чего все вдруг на меня уставились? И хватит молчать! Хоть что-нибудь ответьте. Я же сказал: уже в порядке, понял, как конечности переставлять, и ящик этот в состоянии дотащить. Вес-то никакой. Почему сомневаетесь во мне? Риш никогда не был слабаком!»

«О-о-о...» – В мысленном восприятии эмоциональные оттенки несколько приглушаются, но мне показалось, что Орш смутился.

«Риш, слышишь меня?» – мысленно позвал, стараясь переключить на себя внимание первого ворчуна нашей группы.

«Что за ерунда с этой оболочкой? К чему эти мягкие штуки, что болтаются спереди? И тянут к земле... Неудобно. Как все странно с этими телами... Остальные быстро освоились, а я все спотыкаюсь! И почему они постоянно молчат?!»

Не дойдя совсем немного до островка, мы вновь застыли. Догадка накрыла всех одновременно – не слышит. Он лишился нашего привычного способа общения!

«Риш!» – не выдержав, мысленно завопил Риз.

«Риш?! – одновременно крикнул Шох. – Ты не слышишь нас?»

Орш дернулся и, продемонстрировав поразившую даже нас скорость, выскочил на место стоянки. Миг – и он уже стоит возле Риша, таскающего какие-то куски обшивки.

– Ты оглох? – рявкнул, используя голосовой аппарат организма, опешившему от неожиданности эдайти – первому, получившему странное женское тело.

При этом он основательно потрянул Риша за плечи. Тот пошатнулся.

Эта реакция заставила Риза и Шоха кинуться на Орша. Оба, забыв обо всем, явно утратив контроль над собой, смазанными тенями метнулись к моему первому соратнику. А он, вместо того чтобы урезонить, отшвырнул их с такой силой, что противники по широкой дуге спикировали в болотную топь и плюхнулись на ощутимом расстоянии от острова.

«*Что происходит?!*» – Мы все услышали растерянную мысль Риша. Обретя устойчивость, он оглянулся на приводнившихся защитников и заорал, используя голос:

– Орш, ты чего творишь?

«*Мы его слышим, он нас – нет*», – бросил я остальным, выскакивая на островок в готовности пресечь намечающуюся схватку.

Быстрый взгляд на Трою подтвердил: она заметила проблему. Пусть тяжело, но приподнялась с места, где полулежала, привалившись к контейнеру. И тут же меня накрыло – с Риш все так же, как с Троей! Я ее мысли слышу, она мои – нет! Случайность? Или еще одна прямая взаимосвязь с женскими оболочками?

– Риш, спокойно! – Я вклинился между Оршем и его недоумевающим «подопечным». – Контролируй поведение. Иначе они передерутся.

– А что не так? Что я сделал?

– Если Ризу и Шоху кажется, что тебе больно или грозит опасность, они впадают в ярость, – пояснил и в очередной раз запнулся. Снова как в случае со мной и Троей! Угрожай ей кто-то из братьев, разве я не поступил бы подобно Оршу? Проблемы нет лишь потому, что она никому не интересна, эдайти просто приняли факт, что Троя – моя добыча, а значит, и моя зона ответственности.

– Разве Орш мне угрожал? – Риш уставился на мрачную физиономию давнего знакомого – мы трое были из первой волны

экспансии в физический мир.

– Он просто хотел кое-что выяснить у тебя, но действовал излишне резко.

Высказывать догадку, что поведение Орша сейчас ненормально, посчитал неуместным. Заняться этим можно позже. А еще лучше – предоставить разобраться во всем ему самому.

– Что именно? – Риш успокоился и теперь с интересом смотрел на выбравшихся из болота Риза и Шоха, которых тут же перехватили другие эдаити, позволяя нам завершить разговор.

– Почему-то у тебя отсутствует привычная связь эдаити. При этом все мы твои мысли слышим.

– Я не могу принимать ваши сигналы? То есть вы не молчали?.. – потрясенно выдохнул Риш, только сейчас понимая причину резкости Орша. И задумчиво умолк, прислушиваясь. – А ведь действительно, я слышу только этими... ушами.

Он сжал руками выросты на голове и потянул в стороны, словно желая избавиться.

– Риш, спокойно! – я повысил голос, не позволяя совершить необдуманное действие. – Мы со всем разберемся. Главное – выжили!

Ноги новообращенной оболочки Риша задрожали, тело неловко и грузно осело в грязное месиво под ногами. Я заметил оборванное движение Орша, как если бы он неосознанно дернулся на помощь, но остановил сам себя, едва осмыслив намерение.

Риз и Шох тоже рванулись, пробивая блокаду тел, в которые были заключены эдаити. Но, оказавшись рядом с Ришем, неловко застыли, топчась на месте и не решаясь дотронуться. Всех останавливало выражение лица его оболочки. Вот еще одна новинка нашей отныне материальной жизни – возможность определять настроение и состояние собрата по его мимике. И она сейчас трактовалась однозначно – Риш был зол.

– Я таким и останусь? Неполноценным? – не пытаясь встать, лишь подняв на меня взгляд. И в нем отчетливо читалось: неполноценным даже на общем фоне всех нас, отныне ущербных в сравнении с прежними эдаити.

Орш, тяжело вздохнув, резко отвернулся и отошел в сторону.

– Возможно, это временно, а возможно – нет, – честно ответил я. – Помимо тебя есть другие собраты, заточенные в женские оболочки.

Когда получится разобраться, кто в них, пронаблюдать процесс их привыкания к телами, появится больше информации.

Среди нас не принято скрывать правду – никто не принял бы подобного к себе снисхождения.

«Просто скажи ему, чтобы не вздумал сдаваться, – пришла надрывная мысль Орша. – Риш, тот Риш, которого все мы знали, ничего не страшился. Его нельзя победить этим! Пусть он не позволит этой странной оболочке и даже проявившейся глухоте стать его слабостью. Пусть станет сильнее вопреки всему!»

«Сам и скажи, – потребовал я. Орш и Риш еще с той, уже прошлой, жизни в мире эдаити всегда были поддержкой друг другу, братьями, слепо полагавшимися один на другого. – Никто из нас не представляет, чем обернутся перемены в существовании. Надо быть готовыми ко всему. И перестать реагировать... остро. – Последнюю мысль сопровождал предупреждающим взглядом в сторону нависших над Ришем Шоха и Риза, недовольно косящихся друг на друга. – Хватит создавать проблемы! – хлестко шикнул на них. – Это лишь начало, прежней наша жизнь уже не будет. Примите как факт и сосредоточьтесь на том, что принесет реальную пользу. Всем нам. И Ришу тоже. Побег мало что изменил. – Я обвел взглядом застывших в неподвижности братьев, прислушивавшихся к моим словам. – Мы еще не освоились окончательно в этом мире. Поэтому сосредоточимся на том, чтобы стать сильнее, Орш прав. Что до потери самоконтроля... – снова перевел взгляд на смутьянов. – Если продолжите в том же духе, то поставите под угрозу всех нас. Это недопустимо и... – задумался, принимая решение, – повлечет наказание. Уясните!»

– Тро, – с тяжелым сопением зашептал Игерь, напоминая мне, что моя добыча не единственная среди пленников находится в сознании и слышит наш разговор. По крайней мере словесную его часть. – Они ссорятся? Может, поубивают друг друга, наконец?

Штурман точно был в лучшей форме, чем моя добыча!

– Слышно плохо. Но по позам похоже на ссору... Да мне плевать, – непривычно сишло прошептала в ответ Троя. – Сдохну сейчас... Жарко, а забрало поднять боюсь. Кто знает, зачем он его опять опустил?..

То, что пленники считали тихим шепотом, переданным по голосовой связи между скафандрами, для чуткого слуха наших более совершенных оболочек было подобно громогласному крику. Каждый эдайти в этом мире отчетливо слышал малейший звук их переговоров.

«Все разговоры с использованием функций тела вести максимально тихо, – немедленно предупредил я, торопясь заняться Троей. – Шох, чуть позже донеси эту мысль и до Риша. И не топчитесь возле него! Используйте частоты, которые наши пленники почти не воспринимают. Не стоит им знать о нас много».

– У тебя температурный регулятор поврежден, – пыхтел Игерь одновременно с моим обращением к эдайти. – Тро, ты все же сними шлем, пока сознание не потеряла. Эти звери не подумают первую помощь оказать. Скорее наоборот, сожрут. Вон те двое стерегут, ни на шаг не отходят...

Раздражающий механик был живее всех живых! И у него, судя по всему, со скафандром был полный порядок! По крайней мере перегрева, как у Трои, я не ощущал.

– Соberись и займись делом, – вслух, но едва слышно обратился к Ришу. – Наша цель – выбраться из болота. Не становись обузой.

Говорил быстро, уверенный, что все сосредоточатся на самом первоочередном, и устремился к своей добыче. Женщина продержалась до моего возвращения, но дольше испытывать ее организм на прочность я не желал – понимал, что не выдержит. А потерять ее был не готов.

– Хорошо, что их обучили всеобщему, а не языку какой-то конкретной расы, – продолжал возбужденно шептать Игерь. – Хотя бы сможем узнать что-то полезное!

Неудержимый болтун! Даже такая встряска, как авария транспортного средства, его не изменила.

– Не знаю... – едва слышное бормотание заставило меня напрячься. – Чем это по...

Кивнув Руху, позволяя ему отойти от пленников и заняться помощью начавшим переход через болото соратникам, я стремительным касанием снес шлем с головы Игеря.

– А-а-а! – заорал штурман, дернувшись от испуга. Верно, решил, что «звери» пришли его есть. Но у меня были иные планы.

Один, два, три... Выждав и убедившись, что судорожные глотки местного воздуха не причинили вреда мужчине, я аккуратно стянул шлем и с головы Трои. Перехватив ее податливое тело, устроил так, что голова женщины оказалась на моем плече. Одну ладонь приложил к щеке, ощущая явственный жар. И попытался сделать то, что задумал еще на пути к островку: заставил температуру своего тела измениться, существенно понизив ее.

– Н-не надо. Не убив-в-вайте ее... – запинаясь и в ужасе уставившись на меня, предположил худшее штурман.

– Сдвинешься с места – умрешь, – снизошел до лаконичного ответа, чувствуя, как волны прохлады от моей руки растекаются по телу Трои. – Откроешь рот, когда не надо, – умрешь.

Поперхнувшись и немедленно умолкнув, мужчина впился в меня ненавидящим взглядом.

«Этого, – мысленно указал на Игеря ближайшему собрату, – и второго пленника захватите. Надо их тоже перенести».

Другой мужчина по ощущениям все еще был без сознания. Впрочем, это и к лучшему – достаточно с нас болтовни суетливого механика.

– Ты? – Троя открыла глаза, уставившись на меня. Я чувствовал, что температура ее тела начала приближаться к норме. – Вернулся?..

«Как и обещал», – поймал проскользнувшую мысль. А с ней и удивление, сменившее неверие.

Она во мне сомневалась? Я ощутил неудовольствие: предупреждал же – всегда буду возвращаться. Почему эта странная женщина не доверяет моим словам?

«Кин, останешься дожидаться тех, кто придет за второй частью ресурсов? – отвлек от размышлений вопрос Руха. – Первая группа уже добралась до середины болота. В ней идут Орш и Риш».

Я невольно кивнул, реакцией тела подтверждая услышанное. Хорошо. Орш направит всех к нужному месту, упредив столкновение с подавляющим влиянием хищного гиганта. Окинув взглядом небольшой островок, наше первое пристанище в этом мире, уверенно откликнулся:

«Нет. Забираю свою добычу, смогу унести еще что-то из оставленного и ухожу».

Пришла пора двигаться дальше – к новой цели эдайти, сумевших
вырваться из смертельного плена.

Глава третья

Переход

Троя

Хлюп-хлюп... Чавк-чавк... Хлюп...

Мерные звуки, рождающиеся под ногами бредущего сквозь болото амиота, меня одновременно радовали и тревожили. Радовали – потому что это был практически единственный источник шума в давящей тишине раскинувшегося вокруг болота. Тревожили – из-за того, что Седьмой по колено, а иногда и по бедра проваливался в топь.

Воняло нестерпимо. С момента, как он стянул ненавистный уже шлем, а я наконец-то сделав первые глотки местного воздуха, почувствовала прохладу и – адову вонь, от которой начали слезиться глаза и засвербело в пересохшем горле.

Обессиленная, давясь источаемым болотом смрадом, я болталась на плече Седьмого, то щурясь из-за страха ослепнуть от капель гнилой жижи, что в изобилии разлетались от рассекающего топь амиота, то судорожно сглатывая комки грозящего выплеснуться наружу содержимого желудка. Но готова была терпеть любые неудобства, несравнимые с вызванной тем кошмарным звуком мукой, что я испытала, очнувшись на этой планете.

Взгляд вновь и вновь возвращался к чернеющей мутными разводами, пугающей жиже. Нечто похожее имелось на Земле, хоть и отличалось в деталях. И мои знания подсказывали: сама я не отважилась бы сунуться в это гиблое место. А амиоты о подобном не тревожились...

Как Седьмой вообще движется в этой вязкой топи, которая наверняка затягивает в себя не хуже земной трясины?! Идет размеренно, дышит ровно, при этом на себе тащит немалых размеров контейнер и придерживает меня.

Лежать, то есть свисать с мужского плеча, было не слишком комфортно. Оно, конечно, широкое, и ноги мои Седьмой обхватил своей немалой лапищей, чтобы не свалилась. Но никак не получалось пристроить куда-то руки. Держать на весу, силясь прикрыть ими лицо, сил не хватало. Оставить безвольно болтаться, по локоть проваливаясь

в грязь, было жутко – не покидало ощущение, что там, под темной пеленой, притаилось что-то невидимое, но страшное! Вопьется в пальцы и... Отринув сомнения, попробовала обхватить руками торс мужчины, удобно разместив их на покато́й спине, но... Бугрящиеся мышцы его обнаженного тела постоянно были в движении, и скользкие от грязи руки срывались, лишая меня опоры. Всякий раз пугалась, что лишь мешаю Седьмому своим ерзаньем, и не сразу решалась вновь обхватить его. Болото есть болото. Топь. Трясина. Отвлеку, отступится и...

Представив страшную перспективу, зажмурилась. Погибнуть, захлебнувшись гнилой грязью... От одной мысли стало тяжело дышать.

– Я все контролирую. Трое не о чем беспокоиться.

Безэмоциональный голос, такой же спокойный и ровный, как и дыхание мужчины. Никакого напряжения и признаков усталости. И это учитывая, что он уже в третий раз пересекает болото! Вновь осознав собственную неспособность в сравнении с ним, я инстинктивно вздрогнула. Облегчения не добавила и его способность читать мои мысли.

Силиась переключиться на что-то, не связанное с амиотом, я невольно прогнулась, приподнимая голову и отыскивая глазами ставшее почти незаметным желтоватое пятно относительно плотного, чуть возвышающегося среди бескрайнего болота участка суши, который мы покинули.

Дым от горящих останков транспортного средства окончательно растворился в белесом небе, а сам корабль, доставивший нас сюда, полностью исчез в мутной топи. И если в розовых сумерках болото казалось мрачным и неживым, то сейчас, в более ярком голубом свете, ожило. Оно нагрелось и стало парить, насыщая воздух душистой влагой. С его поверхности срывались, устремляясь ввысь, плотные белые пузырьки, образуя сгустки туманной взвеси. Вслед за ними, подобно юрким насекомым, из болотных недр будто выпрыгивали серые кляксы-мушки, охотившиеся за каплями. Поймав, падали обратно, беззвучно шлепая по вязкой топи.

И все это в абсолютной тишине, вызывая у меня лишь слепоту от мельтешащего перед глазами туманного роя. Единственными звуками

были чавканья, с которыми трясина неохотно отпускала ноги идущих по ней амиотов, и мое тяжелое дыхание.

Седьмой неумолимо форсировал трясину, используя тело на манер тарана. Следом пробирались его спутники, по пояс проваливаясь в грязь. Они с той же легкостью тащили на себе груз. Контейнеры, какие-то непонятные тюки, не способных самостоятельно передвигаться себе подобных – видимо, тех, кто до сих пор не освоился с телами.

Перекинутые через плечо одного из амиотов, в той же позе, что и я, болтались Игерь и мужчина, имя которого я так и не узнала. Еще один из выживших пленников – он хоть и пришел в себя, но сознание его оставалось спутанным.

Сглотнула наполнившую рот обильную слюну, мысли вдруг утратили четкость. В растерянности испугалась, осознав – не помню, о чем только что размышляла!

Неведомая цель, к которой стремились амиоты? Куда несет меня Седьмой? Об этом, да? Или о надежде, что путь скоро завершится, а место, в котором мы окажемся, не станет причиной нашей гибели?

Почему я не помню? Снова сглотнула, едва не захлебываясь от нестерпимой потребности насытиться. Там можно будет поесть?

Вот оно! То, что взбудоражило, захватив все мысли и ощущения, отодвинув на задний план... Что? Я и этого не могла сообразить. Лишь вновь и вновь сглатывала слюну, умирая от вожделения, дурея от желания испытать столь знакомое ощущение вкуса...

Жареного мяса? И кусочков картофеля, запеченных в масле? Все это я обожала есть на Земле и не пробовала с самого начала вахты.

Перед мысленным взором неожиданно возник образ любимой еды, в нос ударил умопомрачительный аромат, вытеснив преследующую по пятам вонь. Сумасшествие! Не в силах себя контролировать, забыв о слабости и риске, яростно уперлась ладонями в поясицу Седьмого и потянулась... К чему?

К еде, что ощущалась совсем рядом. Такая доступная, сочная, свежая... В отчаянной жажде добраться до вожделенного блюда я забилась, впиваясь ногтями в тело амиота, грубо лупя кулаками его бока и спину. Я зубами готова была в него вцепиться, без страха и сомнения рвать его плоть на куски, лишь бы освободиться и... сожрать наконец до боли родную жареную картошку с куском мяса!

Забилась и с удесяттерившимися силами рванула из безжалостных тисков рук Седьмого. Голова крутилась как лопасть вентилятора, взгляд слепо шарил по округе, отыскивая источник пробудившего голод аромата. Лишь краем сознания отметила, что топь закончилась и ноги амиота ступали по пористой серой поверхности, похожей на вулканический туф.

Но все это мало занимало. Надо мной довлело единственное желание: вырваться и устремиться навстречу еде. Голод ошеломил, ослепил и разъярил, превратив из жалкой немошной землянки в алчущую добычи неустрашимую хищницу.

Мое тело жило собственной жизнью, используя все прежние навыки, опыт и рефлексy в этой борьбе. Сейчас амиот не был для меня сверхъестественным неодолимым противником, да я едва ли вообще осознавала его конкретное присутствие. Просто билась отчаянно и яростно, используя какие-то неведомые резервы тела.

– Терпи. – Словно и не ушами слышала амиота. Настолько одержима была борьбой, что и досады не ощутила: он легко справлялся с моей дикой активностью. Седьмой так сильно стиснул мои бедра и ноги, что возможности вывернуться или ударить не осталось. Я дышала-то с трудом! – Скоро наваждение исчезнет. Мы пройдем мимо.

Смысл слов я воспринимала ничуть не менее абстрактно. О чем он? Все, кроме осознания близости вожденной пищи, сейчас раздражало. Больше того – провоцировало неконтролируемый гнев и злобу.

Какое наваждение?! Я продолжала биться, не понимая и толком ничего не слыша. И так до момента, когда не смогла пошевелиться. Резко – как рухнуть в бездну, окаменев за секунды в параличе онемения, – застыла от бессилия. И, почувствовав усталость, накрывшую неподъемной плитой, осознав все противоречие недавно сводящего с ума ощущения голода, я наконец услышала:

– Закончилось.

Что бы ни подразумевал амиот, прочувствовала истину его утверждения на собственной шкуре: меня стошнило. Подобного упадка сил мое тело еще не знало.

– Плохо, – снова озвучил он мою мысль. Впрочем, даже на раздумья сил не осталось. Глаза закрылись. Что бы ни происходило

вокруг, я не способна была реагировать. А амиот не унимался: – Нужна энергия... пища. Трое.

– Мысль о еде отозвалась реальной болью – за время недавнего помешательства на мясе и картошке я столько раз сглатывала слюну, что нижнюю челюсть свело судорогой.

– Картошка и мясо? – безжалостно повторил Седьмой.

Если б могла пошевелить хоть пальцем, треснула бы! К чему этот мучитель бормочет все, что – и это несомненно – берет из моих мыслей? Изверг!

– Здесь этого нет. Я проанализировал состав и компоненты.

Ненависть затопила сердце. Что я сейчас ненавидела больше, и сама не понимала. этого бесчувственного монстра? Или жареную картошку с мясом? Кажется, отныне, случись чудо и повстречайся мне они, – съесть не смогу. Стошнит от одного вида и запаха. Сразу вспомню это омерзительное, сравнимое разве что с каннибализмом ощущение голода.

– З-заткнись...

Титаническим усилием открыв рот, прошлепала пересохшими губами всего лишь одно слово, но после этого минут пять дышала как марафонец по завершении дистанции. Руки, повиснув безвольными плетями, болтались подо мной.

Что удивительно, амиот послушался и больше не доводил до иступления своими заявлениями. Наступившая тишина принесла облегчение, через какое-то время я совладала с накатывающей слабостью и смогла открыть глаза. Мысль о насыщении уже не довлела надо мной с прежней неотвратимостью, но еще присутствовала на задворках сознания, отступая с неохотой.

Болото? С запозданием поняла: мы выбрались. Конечно, все лавры в очередном чуде положены амиоту, а я с приступом голода еще и доставила хлопот, но... Широко распахнув глаза от любопытства и напрочь забыв о смущении при необходимости хвататься за тело своего пленителя, уперлась локтями в поясницу Седьмого, с невообразимым упорством продолжавшего шагать вперед. Куда? Что там, за границей болота?

Едва голодное безумие развеялось, я задалась естественным вопросом – что будет дальше? Повиснув вниз головой на плече амиота, многого не выяснишь. Сейчас же, извиваясь ужом и выгибая шею, я

принялась целенаправленно озираться, осматривая неведомые территории опасной планеты. Местный световой день продолжался, в ярких лучах голубого светила все было хорошо видно.

Возвышенность, усыпанная серым пористым камнем и ведущая к туфовой горе, граничившей с топкой низиной, осталась в стороне. Окончательно рассеялась болотная вонь, воздух наполнился куда более приятным запахом озона. Теперь мы двигались по сухой желтоватой поверхности, схожей с песчаной. Взгляд сразу приковали к себе рассыпанные на ней образования, похожие на кустики, внешне напоминающие небольшие кристаллы – тот идеальный вариант, что часто изображают в земных визюфильмах. Вот только мне никогда не приходилось видеть разноцветные прозрачные кристаллы, очерившиеся острыми гранями и торчащие на поверхности земли, словно кусты черники. Впрочем, с безобидными растениями родной планеты у этих кристаллических образований было мало общего. Скорее уж они устрашали на манер зубастых щеток, грозя неизбежным ранением при малейшем соприкосновении.

Однако впечатление оказалось обманчивым. Наблюдая, как босые ступни Седьмого легко приминают «кристаллики» при каждом шаге, поняла – они мягкие! Как жевательный мармелад. Или губка... Они не крошились, а сплющивались, чтобы, избавившись от давления немалого веса амиота в довесок со мной, медленно распрямиться вновь.

Неужели живые? Отсутствие жесткости, свойственной истинным камням, навело меня на это предположение, а ассоциация с мармеладом потянула мысль еще дальше. Возможно... Возможно, эти кристаллы съедобны? Вроде желе?

Желе... Сладкое, апельсиновое, ароматное, с кусочками фрукта! Хочу-у-у... Безмолвный вопль стал ответом пережитому стрессу, не иначе.

Подумала и вздрогнула от ужаса – опять начинается?! Но нет, мысли о еде не стали навязчивым кошмаром, заставляющим вновь слететь с катушек. Просто есть уже хотелось. И пить!

– Скоро привал. Желе?.. Не знаю. Но отдых – да. И... все другие потребности.

Смотри я на лицо мужчины, при слове «потребности» точно рухнула бы замертво. Вот зачем Седьмой снова заговорил, если я

ничего не спрашивала? Почему вообще снисходит до общения, при том, что иногда ему сложно подбирать нужные слова? И он в принципе единственный из них общается со мной. Больше того – единственный, кто интересуется мной. Вон про потребности уразумел! Каково?

Зажмурилась и потрясла головой, силясь прогнать ворох неуместных и дурных мыслишек – от воспоминаний о расправе, учиненной этим заботливым сейчас монстром на станции, до... парочки тел, сплетенных в страстных объятиях. Б-р-р... жуть какая. И почему я вдруг подумала о сексе? Не об угрозе помочиться в штаны или о риске прозаично сдохнуть от жажды, а о... Нет! Стоп! Только не это! Не думать, не думать! Не хватало еще навести *его* на мысли о... Нет!

Что за наваждение? Фактически находясь на грани жизни и смерти, думаю о всякой бредятине, схожу с ума по земной картошке или, того хуже, начинаю видеть в Седьмом муж... Ох, нет, об этом даже думать жутко!

Содрогнувшись всем телом, закрыла лицо руками. Доран оценил бы, вакуум ему пухом! Видно, правду рарк говорил: воздержание – это проблема. Во всех смыслах! Такими темпами скоро оправдаю нападки капитана Жьерка.

Нет, нет! Что с моей головой? Может, я просто брежу, и амиоты мне просто пригрезились в кошмаре? Эх, если бы... Пришлось ущипнуть себя за щеки, возвращая ясность мыслей.

Так, что там бормотал Седьмой? Привал? Отдых? Счастье-то какое! Висеть вниз головой, еще и с регулярной опасностью вывернуть шею, отыскивая положение для лучшего обзора, оказалось сложно – начало ломить виски. На миг с усилием зажмутив веки, я собралась было с облегчением вздохнуть, и...

Ой!

Падение с высоты, пусть и смягченное перехватившей меня мужской рукой, стало неожиданным. Поперхнувшись воздухом, в инстинктивном стремлении избежать удара невольно схватилась за амиота. Вцепилась, как детеныш мартышки в мать. Впрочем, в моем случае причина была схожей – в паническом страхе остаться один на один с окружающим миром, без защиты от множества угроз. Один ультразвук чего стоит! При мысли о разрывающем голову вое горло сдавил сухой спазм.

– Звука сейчас нет, – ровным голосом пояснил Седьмой, не отводя руки, за которую я держалась. Чуть помолчал и добавил: – Звезда другая.

Скажи это кто-то иной, не монстр-амиот, приняла бы за слова поддержки. Но в случае с этим конкретным субъектом испытала очередной прилив раздражения: мы прямо на одной волне! Мысли для каждого из мне подобных – извечно сокровенный дар, на который ни у кого не было возможности посягнуть. Прежде...

Сейчас же, всякий раз натываясь на очевидное их чтение, ощущала себя использованной. Словно меня обокрали, вероломно и насильно лишив единственной оставшейся ценности – свободы духа.

Проклятие! Стоило подумать об этом, как вспомнилась лаборатория, где я впервые соприкоснулась с фиолетовым туманом, которым по своей сути и был амиот. Тот самый «дух», отныне и по воле мне подобных обманом, насильно заточенный в тело, что сейчас служит мне же единственной опорой.

Это было бы смешно, если б не было так грустно! Даже обреченно.

«Вон из моей головы!» – не сдержав эмоций, мысленно завопила, адресуя посыл Седьмому. Одновременно страхась и желая, чтобы он его получил. Безумно страшно было осознать, что я обречена понять мотивы его жестокости. Их мотивы!

Нет! Мы разные! Надо помнить об этом. Разные в самой сути существования.

С нахлынувшей решительностью я оттолкнула руку амиота, заставила себя разжать почти сведенные судорогой пальцы и окончательно рухнула, медленно съехав по его телу на упругие «кристаллы» рядом с грязными ногами мужчины.

На фоне желтоватой песочной поверхности и разноцветных кустиков босые широкие ступни с довольно узкими для такого исполина длинными пальцами смотрелись дико. Неестественно. Этим своим бессознательным вызовом всему цивилизованному, близкому и понятному мне амиот тоже раздражал.

«Словно дикарь», – мелькнула удивленно-презрительная мысль, которую я, вспомнив, о ком подумала, спешно постаралась прогнать.

Этому чудовищу не пришло в голову, что небезопасно шлепать босиком по неизвестной поверхности? Разумеется, трусливые

мыслишки для таких, как я. Ну и бездна с ним! Наши «смертные» проблемы этим «новосозданным» не понять.

Услышав непонятные звуки – чье-то бормотание или скулеж – я невольно оглянулась. Взгляд выхватил фигуры, сваливающие в кучу остатки ресурсов. Обоих пленных заметила тоже – несший их амиот как раз сбросил мужчин на землю. Игеря судорожно рвало – упираясь ладонями в песчаную поверхность, он содрогался всем телом. Второй мужчина, стянув с себя шлем и закрыв глаза, тяжело дышал. Именно его приглушенные рыдания я и услышала.

Причина их состояния казалась очевидной. Меня Седьмой нес аккуратно, придерживая так, чтобы голова оставалась выше уровня болотной топи. А если судить по корке грязи на голове и плечах Игеря и шлеме другого выжившего, то их не раз макнуло в мерзкую жижу. Возможно, механик глотнул грязи, и теперь его тошнит. Только бы не отравился...

Или?.. Одурающий голод и состояние полного изнеможения как итог? Могли испытать что-то подобное моему приступу отупляющей жажды насыщения? Впрочем, они живы – это в нашей ситуации уже победа.

Взгляд скользнул дальше, к подобию растительного массива. Присмотревшись, сообразила: его образовывали такие же кристаллические образования, как желеобразные «щетки» на желтой почве. Только в «лесу» они были в разы крупнее и выше. Своеобразные местные деревья поднимались ввысь острозубой стеной от границы поляны, на которой мы находились, и загораживали ту часть горизонта, к которой медленно опускался голубой гигант.

Амиоты, видимо, решили разбить тут лагерь?

– Лагерь, лагерь, – тут же забубнил Седьмой, возвращая к себе мое внимание.

Отвечал он или просто проговаривал новое слово с понятным значением? Медленно выдохнув, прикрыла глаза, смиряясь с неизбежным. Зачем амиот меня сюда притащил? Зачем вообще таскает меня с собой с самого начала?

Ответ для себя нашла, исходя из очевидного наблюдения: Седьмой с терпением попугая повторял за мной все что угодно. Выходит, я для него важный, а главное, очень удобный источник информации. Слышимый. Разговорчивый...

Зло зыркнув на злополучные босые ноги монстра, мысленно показала ему язык. Наверняка он и сейчас меня «слушает». Это раздражает, но что я могу противопоставить? Да и стоит ли в условиях моей полной зависимости от него? Конечно, я могу думать черт-те о чем... по сути, так чаще и бывает. Могу запутать его? Доказать свою бесполезность не словом, а делом! Ха...

Допустим, докажу. А что дальше? Без помощи амиота меня бы уже в живых не было. Приземление, этот кошмар с ультразвуком... А что было на выходе из болота? Когда я с полным осознанием пыталась грызть – ни больше ни меньше – бок его тела, вождедея жареное мясо?.. Конечно, это тот случай, когда вероятнее зубов лишиться, чем откусить кусок от Седьмого. Но сам факт?! Что за наваждение? И какое уже по счету на этой планете?!

Забыв обо всем, завывала в голос. Понимание нахлынуло лавиной мыслей и эмоций, вызвавших холодную испарину. Все следы тошнотворного голода и недавнего умопомрачения смыло осознанием простых истин. И самая отрезвляющая из них – я перестала бояться монстра.

Проклятье, как? Это ж немыслимо, противоестественно! Но... хоть я и не признавала его права на совершенное, не принимала их кровожадное и безальтернативное восприятие мира, твердо знала: сейчас мне нужен Седьмой.

Одобрительный смешок? Мне не послышалось? Как же это невыносимо – быть для него открытой книгой!

Яростно клацнув зубами, заставила себя думать о первоочередном. Точно, о потребностях! Об этом же твердил и Седьмой, будь он неладен...

Демонстративно вздернув подбородок – способен ли амиот уловить в этом жесте вызов? – оглянулась. Согнувшись, монстр невозмутимо сдирал с ног непонятные комки грязи и отбрасывал в сторону. Приземлялись они с едва слышным пискom и тут же принимались ползти к кристаллам-кустикам. Видимо, в поисках убежища.

Еще одна форма жизни? А сколько еще их будет?! И наверняка не все окажутся такими уж мирными и безобидными... Вот эти сгустки, например, вряд ли решили просто покататься на бредущем в болоте существе.

С опаской проследив за траекторией очередного отлетевшего в сторону комка, вернулась взглядом к амиоту. Избавившись от последних прилипал, он как раз начал распрямляться... А я в шоке замерла, вдруг со всей очевидностью уразумев почему-то до сих пор ускользавший от меня факт – мужчина стоял передо мной голым! Абсолютно...

Единственное, что скрывало бледную до сероватости кожу Седьмого и слегка смазывало детали его анатомии, – это повсеместная, толстым слоем присохшая к телу болотная грязь. Мои руки зудели от нее же, но в этот миг я и думать забыла о желании расчесать их, избавляясь от затвердевшего слоя.

Сглотнув, на миг прикрыла глаза, инстинктивно желая увериться, что вижу это воочию. Огромный, сложенный как бог мужик с широкой грудью, рельеф которой не могла скрыть даже сеточка мелких трещин на подсохшей грязи. А ниже – умопомрачительно плоский живот и совершенно дерзкая демонстрация всех атрибутов мужественности.

Твою ж...

Резко выдохнув, отвела взгляд, едва осознав, что лицезрею именно то, что так настойчиво желал продемонстрировать мне Доран в уединении каюты. При этом смущенной себя ощущала исключительно я! Амиот же – вот парадокс – на фоне дикого и опасного окружения кошмарной планеты, куда нас закинуло, со своим крепким задом и мускулистыми бедрами смотрелся... естественно. Словно вот таким, лишенным стыда и чуждым сомнений, он пришел в этот мир, выбравшись из чрева матери, прожил свою жизнь, преисполненный единения с местной природой, и сейчас неожиданно встретил меня, такую чуждую его мироощущению и самой сути этого места.

Но я-то знала, что это не так! Мы оба были здесь чужаками, не говоря о природе его «рождения». Впрочем, почему я удивлена? Поразительная способность подстраиваться под условия среды и более чем естественный и практичный подход к самовосприятию – чем не очередное преимущество этих созданных учеными существ?

«Я должна была сдохнуть там, со всеми...» – свежая мысль в моем самопознании, возможно, не была самой разумной, но точно отражала всю глубину смущения и растерянности, что я испытывала в данный момент. Беглого взгляда вокруг оказалось достаточно, чтобы понять: все амиоты голые. Очевидно, им так удобнее. Чувствую, в

таком окружении если и выживу, то одичаю. Сколько пройдет времени, прежде чем и я, отринув цивилизованность, соглашусь сверкать обнаженными телесами под весьма странными местными светилами?

Боковым зрением уловила движение – Седьмой присел напротив, и наши лица оказались на одном уровне. Колени он широко раздвинул, заставив меня судорожно поперхнуться. Если отбросить гнев на себя и дурацкое положение, в котором оказалась, то где-то глубоко в душе я ловила себя на какой-то животной реакции на пусть и не намеренную демонстрацию сексуальности. Вопреки желанию и всякому здравому смыслу часть моих женских инстинктов пробуждалась, взбудораженная близким присутствием такого очевидного самца.

«Убиться легче, – мысленно продолжила распекать себя, отодвигаясь и всем корпусом отворачиваясь от амиота. – У меня словно гормоны проснулись».

«Обнаженка» Седьмого заставляла трястись от волнения куда больше, чем все вместе взятые не менее мускулистые и грязные тела его соплеменников. Возможно, причина крылась в его близком, даже подавляющем присутствии? Подспудном страхе перед ним, как перед мужчиной? Все эти мыслишки насчет размножения не прошли даром? Я действительно страшилась такого его возможного интереса? Подсознательно ожидала его?

Реально оценивая шансы на наше выживание, я понимала, что «колонисты поневоле» вполне могли оказаться лишенными одежды. И неправильно на это так остро реагировать. По идее...

Медленно втянув воздух, на сей раз с нотками мускуса, дала себе мысленный пинок: нельзя дать понять Седьмому, что его тело вызывает у меня какую-то реакцию. Не хватало еще самой навести его на ненужные мысли!

«Мы словно на необитаемом острове, – вновь и вновь бормотала про себя. – В этих обстоятельствах нельзя быть излишне щепетильной».

Но справиться с собой, для начала хотя бы урезонив учащенное бьющееся сердце, получалось плохо. А ведь работа в мужском коллективе изрядно закалила мои нервы – видом впечатляющего мускулистого тела меня было не сразить. Мне доводилось видеть сослуживцев в разных ситуациях и видах – были в коллективе любители намеренно пощеголять перед коллегами-женщинами

натурой, особенно в общих душевых на заданиях. И все равно сейчас я смутилась. Искусственно созданные тела амиотов даже в вопросе мужской анатомии отличались внушительностью, пробуждая любопытство.

Потупив взгляд, все же не удержалась. Из-под ресниц снова бежала глазами полянку у опушки зарослей кристаллов, подмечая детали. Очевидно, что амиотам не знакомо чувство стыда – они с абсолютной естественностью занимались делами, сортировали спасенную поклажу, помогали более слабым. А тот факт, что все без одежды, волновал лишь меня. Ну еще, пожалуй, Игеря – я видела, что он, стоя на коленях, ошеломленно озирается, больше приглядываясь к женским версиям амиотов, тела которых тоже отличались эталонным совершенством. Хотя, похоже, штурману было пока не до серьезных выводов.

– Черт, – трясая головой, отчетливо выругался он. – Мерзость какая. Это не болото, а отхожая яма. Или кто-то сдох и разложился, или нагадил. Я словно дерьма нахлебался...

Мужчина отвел взгляд от Риш и схватился за живот – его снова тошнило.

– Надо в аптечке адсорбент найти. Конечно, если она тут чудом окажется, – попыталась помочь, с усилием заставляя себя не думать о все так же наблюдавшем за мной Седьмым. Вслух в окружающей тишине говорили только мы.

– Думаешь, – Игерь с надеждой впился взглядом в стоявший рядом с нами контейнер, – можно туда заглянуть? Разрешат? – Нервно оглянулся. – Им-то что... Никакого понятия человечности. Никаких моральных принципов. Ни стыда ни совести. Даже разгуливать голышом для них в порядке вещей. И полное отсутствие состра...

Последними словами Игерь буквально подавился, в ужасе выпучив глаза и уставившись на что-то за моим плечом. Или на кого-то?

Дернувшись, обернулась. Седьмой, который секунду назад сидел на корточках шагах в пяти, сейчас нависал надо мной, распрямившись во весь свой немалый рост. Бедро мужчины прижалось к моему плечу, и это прикосновение даже сквозь ткань скафандра ощущалось реальным жаром. Глаза амиота казались жутковатыми – неудивительно, что механик подавился собственными словами.

Подняв взгляд, я по привычке искала на лице Седьмого ответ на вопрос, что случилось.

– Почему?

Выдав единственное слово, амиот выглядел невозмутимым. Однако вопреки его вниманию, сосредоточенному на моем соплеменнике, интуиция подсказывала: вопрос адресован мне.

– Ч-что почему?

Не понимая, чего ожидать от непредсказуемого во всех смыслах сверхсущества, я лихорадочно пыталась понять, что могло так взвинтить монстра.

– Почему говоришь с ним? И...

– И?..

Забыв о странностях окружающего мира, других амиотах, что привычно не обращали внимания на инцидент, даже о наготе находящегося так близко пугающего чужака, я сосредоточилась лишь на ожидании его ответа. Мне катастрофически не хватало понимания его поступков и мотивов.

– Его состояние не имеет значения, – завершил мысль амиот, совершенно меня озадачив.

К чему подчеркивать очевидное? Наши жизни для них ничтожны.

– Мы воспринимаем по-другому, – не иначе как от волнения принялась объяснять Седьмому вещи, чуждые ему и его соплеменникам. – Взаимопомощь, любовь и сострадание к ближнему – лучшие качества, которые мы знаем.

– Троя, – внезапно зашипел механик, – не говори ему ничего! Им не говори... Не пытайся объяснить. Обо мне!

Перевела на него недоуменный взгляд. Разве не правильнее хотя бы попытаться установить взаимопонимание? Что еще остается? Здесь мы полностью в их власти.

– Ты совсем глупая? – одними губами прошептал механик, продолжая пялиться на Седьмого, словно кролик на удава.

– Что еще не так? – зашипела, раздражаясь. Игерь-то чего злится?

– Не говори со мной! – нервно выкрикнул в ответ мужчина. – Умоляю! Даже не смотри в мою сторону!

С чего такая внезапная перемена? Что увидел один мужчина в глазах другого – дикого и в нашем понимании безумного? И что в этой короткой перепалке спровоцировало амиота?

О последнем я подумала, осознав, что жара близости между телами больше не ощущаю. Переместившись как по волшебству, Седьмой стоял уже рядом с землянином. Больше того, обхватив пятерней его глотку, поднял несчастного Игеря высоко над землей.

Другой пленник, чье имя я так и не выяснила, потрясенно охнул, напуганный этим зрелищем. Казалось, сейчас мы оба увидим уже известную картину: фиолетовый туман, обволакивающий тело, а следом его бездыханное падение. Сама не поняла, как вскочила на ноги: страх стать свидетелем очередной трагедии толкал вперед.

Игерь обеими руками вцепился в безжалостную ладонь-удавку в тщетной попытке оторвать ее от своей шеи, скованной ободом скафандра. Взгляд, устремленный на мучителя, полыхал ненавистью. Словно мужчина понимал: пощады не будет. И знал почему...

Спотыкаясь на дрожащих ногах, устремила к этим двоим. В голове полное отсутствие мыслей, только глухое отчаяние. Никакого прогресса с амиотами! Едва начинает казаться, что хоть какой-то контакт устанавливается, как Седьмой все рушит проявлением откровенной жестокости и полным пренебрежением к чужим потребностям.

Подбежала и, не задумываясь о своих действиях, поднырнула под поднятую руку мужчины. Обхватила его поперек груди, силясь сомкнуть свои руки. А оказавшись с Седьмым лицом к лицу, уставилась на его глаза. Амиот на штурмана смотрел... испепеляюще. Однако голос остался бесстрастным, мимика неживой, и от этого становилось жутко.

– Я предупреждал.

Опешила от непонимания. Что он хотел этим сказать? Он же к Игерю обращался, не ко мне.

В тот же миг к землянину протянулась и вторая рука монстра, схватила за волосы и рванула вверх. Я еще только набирала в легкие воздух, а Седьмой уже надорвал ворот скафандра, сдирая его, словно шкуру освежеванного животного.

– Не надо! – взвизгнула, не думая о последствиях, в отчаянии стиснув тело амиота обеими руками.

Еще и головой в его грудь уперлась, соприкоснувшись щекой с измазанной грязью кожей. Собственное прерывистое дыхание, губы, бормочущие впрыток к его коже, дико стучащее сердце, трепещущая

от эмоций грудь, вжимающаяся в жесткое тело, – всего этого я не замечала в тщетных попытках оттолкнуть амиота от его жертвы.

– Ему просто плохо! Не хотел обидеть.

Так же внезапно, как накинуся, Седьмой разжал пальцы. Механик, хрипя и стenea, рухнул на песок. Вернее, на поросль из цветных кристаллов. Тут же шарахнулся в сторону, вскрикнув от страха, что их визуальнo острые грани его ранят, – без защиты скафандра мы уязвимы.

Пристальным взглядом проводила плюхнувшееся вниз тело, с напряжением ожидая последствий падения. С облегчением выдохнула – кристаллы как обычно сплющились, не принеся вреда. И не сразу обратила внимание на действия Седьмого – монстр переложил руки на меня! Но вопреки опасению не стиснул подобно горлу Игеря, а только придержал, сохраняя ровно ту степень тесноты между нами, что задала я, пытаясь сдвинуть его с места.

Опасность и неоднозначность ситуации обрушилась ворохом острейших ощущений. Столь сильных, что я прохрипела внезапно осипшим голосом:

– Не надо...

На большее меня не хватило. Слова закончились, а мысли испарились, растворившись в волне смущения. Тонкая броня скафандра словно вообще отсутствовала, и распластанной по мужскому телу грудью я отчетливо ощущала его рельеф. В сравнении с моим оно казалось таким твердым... И близким...

Незнакомое ранее ощущение!

В ошеломлении перестав слышать даже звуки, подняла взгляд к лицу амиота. Он смотрел на меня с неменьшим изумлением, задержав дыхание. На какой-то бесконечно долгий миг мы замерли в ступоре. Но едва этот факт пробился к моему сознанию...

– Отпусти, отпусти! – зачастила и заерзала, пытаясь отодвинуться. Вспомнила и о причине спасательной инициативы: – Нужно помочь другим. Нужны лекарства...

В памяти всплыл диалог с Игерем о медикаментах. Возможно, среди спасенных со звездолета ресурсов есть аптечки?

Мгновением позже амиот стремительно переместился к ранее обсуждаемому с механиком контейнеру, а я с трудом устояла на ногах. Крышку он буквально сорвал, видимо, не считая нужным возиться с

замком. Резким движением вытащил бутылку с водой и знакомую корабельную аптечку. Вот что значит – видеть мысленный образ! Достал именно то, что было необходимо. И все это с каменной миной!

– Пить.

Протянул мне воду, подождал, пока я решусь ее взять. Потом небрежно, не удосужившись оглянуться на настороженно наблюдавшего за нами Игеря, швырнул в его направлении аптечку. Попала она точнехонько в лоб, заставив механика сморщиться от боли.

Мое импульсивное желание прийти на помощь пострадавшему остановил сам пострадавший. Суматошно замотал головой, явно не желая моего приближения. Взглядом указал на спину амиота, который снова отвернулся, сосредоточившись на содержимом контейнера. Глаза полыхали лютой ненавистью – механик точно затаил злобу. Если ему подвернется возможность навредить нашим похитителям, он ее не упустит.

Опомнившись, Игерь отвел взгляд от Седьмого и торопливо вскрыл герметичный пакет. Порылся в упаковках, читая надписи, выудил какое-то лекарство. Вслед за Игерем и я решила не изменять своим намерениям, решительно двинувшись вперед. И штурман напрасно напрягся – игнорируя его очевидный испуг, я уверенно выхватила из аптечки нужный препарат и отошла к кулем сброшенному на землю, глухо постанывавшему второму пленнику. Встретившись с его серыми глазами, хмуро нас изучающими, протянула лекарство.

– Возьмите, это обезболивающее. Станет легче.

Оказавшись рядом, рассмотрела нашивку на воротнике формы, видневшемся в горловине скафандра. Военный! Подобно мне, он относился к службе внутренней охраны станции.

– Себе оставь, – презрительно скривился недавний коллега, отталкивая мою руку. – Пригодится, когда амиот тебя оприходует.

Опешила, не понимая, почему он злится. Ничего же плохого не предложила! И что за намеки?!

– Не пугай ее, – откуда-то из-за спины раздался приглушенный голос Игеря. – Не в ее силах изменить хоть что-то, если хочет выжить.

– Таковую разве испугаешь? – со злостью отмахнулся незнакомец. – Не зря о ней и Доране столько разговоров было. Бывалая! Ради своей шкуры по костям пройдет и монстром не побрезгует. И подстилкой

ему станет, забыв о погубленных этими тварями сородичах! – Он заводился все сильнее, голос мужчины звучал громче, а я стояла, онемев от шока и омерзения. – Ну да, жить захочешь – еще не так раскорячишься. Готова с дикарями под первым кустом кувыраться? Только зря мечтаешь, что жалкую свою жизнь таким способом убережешь! Конец один, что у нас, что у тебя – попользуются и сожрут.

Поняв, о чем бормочет этот малахольный, я задрожала от ярости. Словно вновь вернулась в атмосферу всеобщего презрения, спровоцированную конфликтом с напарником.

– Последние мозги растеряли? – зашипела на военного. – Что капитан Жьерк не отбил на тренировках, то амиоты отшибли? Головой шарахнуло при приземлении? Чтобы выжить, нам надо держаться друг друга и поддерживать, а не сыпать оскорблениями!

– Выжить? – сероглазый заржал в голос, каким-то безумным взглядом озираясь на амиотов, с невозмутимостью сфинксов продолжавших помогать тем, кто еще с трудом управлял телом. – Думаешь, они по доброте душевной нас с собой тащат?

– Прекратите истерику, – резко ответила, заставив себя успокоиться. – Проблема именно в том, что с самого начала никто не попробовал установить с ними взаимопонимание. Это мы принуждали их, первыми проявив жестокость.

– Ты блаженная?

– Троя... – вмешался в перебранку.

Сомневающийся тон механика ясно показал: он тоже видит в амиотах лишь врагов.

– Я просто не хочу умирать! – ответила сразу обоим. – И мы должны попытаться достучаться до них. Использовать каждый шанс. И для начала перестать думать о них как об опасных неуправляемых безмозглых обезьянах. Они же все понимают! Даже сейчас...

– У тебя есть все шансы пожить подольше, – хрипло хохотнул пленник. Запал спора оставил его без сил – после кратковременной вспышки гнева мужчина тяжело осел на землю. – Можешь сколько угодно фантазировать, но никакого взаимопонимания не будет. Мы все покойники. Но ты крути задницей, как делала на станции, тогда еще поживешь.

Шокирована таким мнением на свой счет оказалась, кажется, только я. Игерь мыслил порядочнее коллеги-негодяя и действовал быстрее. Все еще зеленоватый от тошноты, он тяжело поднялся, обогнул меня и неожиданно вцепился рукой в шею мужчины.

– Еще раз ее оскорбишь, – сипло пригрозил, – без помощи амиотов на тот свет отправишься.

– Давай! – брызжа слюной, выдавил вояка, безумно вращая глазами. – Защищаешь?! Неужели и тебя успела охмурить? Ах да, вы же в лазарете вместе...

Он захрипел, потому что Игерь вцепился в его горло и второй рукой.

В отчаянии от такой непрошибаемой слепоты и злобности себе подобных, я сжала кулаки, не представляя, что предпринять. Хотелось треснуть обоим. Полагают амиотов дикарями, а сами сцепились в драке ничуть не лучше парочки преследующих Риш! Как тут доказать амиотам, что путь жестокости неверен?

В следующий миг мужчины разлетелись в стороны, будто неведомая сила отшвырнула их друг от друга. Увидеть рядом Седьмого не стало неожиданностью, словно именно его вмешательства я подсознательно... ожидала?

И сразу обратила внимание – голым амиот уже не был. На его бедрах красовались армейские форменные брюки. Из-за них и рылся в контейнере? Однако мысль, что он понял мои переживания по поводу его наготы, смутила.

– Этот звук?

Седьмой, игнорируя копошения моих собратьев по плену, что теперь благоразумно молчали, указал рукой на мой живот. Из-за бешено стучащей в ушах крови сообразила не сразу:

– Живот урчит.

Амиот непонимающе смотрел на мое лицо.

– Есть хочу... – тихо призналась не без внутреннего напряжения, боясь заводить разговоры о питании.

Подобрав оброненную мной бутылку и неуловимым движением сорвав крышку, Седьмой ткнул горлышком в мои губы.

– Хочешь жить. Пей.

В горло ударила струя теплой, но такой живительной влаги! Я глотала ее, захлебываясь, но ощущая благодарность. Седьмой точно

слышал спор. Все ли понял? Видимо, достаточно.

Может, как сказал военный, он обо мне заботится с каким-то расчетом, но... Но ведь заботится! Этот амиот сейчас мой единственный шанс на спасение.

В нелепые идеи сошедшего с ума землянина о соблазнении я не верила. Абсурд! Амиоты – последние существа во вселенной, способные к кому-то привязаться. Но договориться с ними реально, и я все больше склонялась к этой мысли.

– Нужна еда. Тебе.

Дернувшись, неожиданно икнула: как только амиот заявил про нужду, я ощутила однозначный сигнал от собственного организма.

Еда, конечно, тоже стояла на повестке дня, но кое-что сделать оказалось куда важнее. То ли вода, что я выхлебала, стала причиной, то ли тело окончательно отошло от очередной встряски, но отчаянно захотелось в туалет. И если голод можно терпеть, но вот с самым насущным – никак.

Судорожно заозиралась – как?! Где?! Страшила сама мысль сделать это на глазах у всех, свойственная нашей цивилизации мораль накрепко въелась в сознание. Пугало как презрительное осуждение собратьев, так и несомненный интерес амиотов. Попробуй я устроиться за ближайшим кустом кристаллов, точно привлеку их внимание.

Однако достаточно обширных зарослей желеобразных образований рядом не наблюдалось, и мой взгляд устремился в сторону леса.

– Куда? Что?

За метаниями не заметила, как Седьмой подскочил вплотную. Ухватив за подбородок, задрал мою голову и прищурился, уставившись в глаза. Словно силился, но не мог рассмотреть что-то...

Однако сил терпеть уже не было, как и ждать, пока он разберется в моих сумбурных мыслях. Ему самому такие проблемы и в голову не приходили. О том, как и где избавиться от «лишнего», амиоты раздумывали не больше, чем о наготе. Только Седьмой и еще пара монстров, последовавших его примеру, натянули штаны, остальные так и разгуливали голышом. И нужду они справляли между делом, чуждые стыду и брезгливости. Но я-то?!

Рефлексы возобладали над страхами – рванула к лесу, схватив амиота за руку и потянув за собой. Инстинктивно боялась вновь испытать воздействие ультразвука, вот и решилась на инициативу.

Вопреки моим опасениям, мужчина не воспротивился, с очевидной легкостью подчиняясь и продолжая буравить меня взглядом. Но когда до спасительных зарослей оставалось метров пять, а я уже начала расстегивать фиксаторы комбинезона, амиот резко дернул за плечо, остановив меня почти в воздухе.

– Ш-с-с... – выдала я нечленораздельное шипение, моментально сжав ноги крестиком.

– Что... Трое там? Надо?.. – словно издеваясь, Седьмой принялся выдавливать слова с медлительной отчетливостью.

– Умереть как надо, – перебила, завопив в голос. Кажется, услышали все в лагере.

– Троя не умрет, – деловито сообщил амиот. – Но там, – махнул свободной рукой в направлении леса, явно скопировав мой недавний жест, – неизвестное. Опасно.

– Описуюсь! – наплевав на стыд, прошипела в ответ.

– Что? – Разумеется, он не понял. А я со всей обреченностью осознала: предел.

– Сядь! – силясь надавить на его плечи, завопила так, что все опасное, что, по утверждению амиота, было в этом лесу, обязано было сей же миг очочуриться от страха.

Седьмой, уши которого дрогнули, чуть отклоняясь, послушно присел, явно заинтригованный моей столь яркой эмоциональной реакцией. Монстр бесчувственный!

Дернув комбинезон вниз и смирясь с неизбежным позором, я опустила на корточки. Журчащий звук заинтересовал Седьмого меньше моих, судя по жару, покрасневших щек. Спрятавшись от других за его мощной фигурой, я не ожидала внезапного прикосновения мужской руки к щеке.

– Горячо, – не знаю, мне или себе сообщил Седьмой, подтверждая опасения. – Ты полагала, смерть от перегрева?

Он сделал свои дикие выводы, а я...

– Нет, – огрызнулась, избегая смотреть в его глаза и поднимаясь, амиот синхронно распрямился. Подумав, решила пояснить: – Боялась, что лопну.

– О!

Несколько секунд он пялился на меня, анализируя сказанное. Наконец медленно опустил взгляд, очевидно сообразив, в чем причина моих недавних страданий.

– Не смотри!

Проклятая вьевшаяся под кожу мораль! Стыд нахлынул с еще большей силой. И почему я так стеснялась лужи под ногами, быстро исчезающей в сыпучей поверхности?

– И почему? – немедленно повторив мой вопрос, потребовал пояснений Седьмой.

Из-за своей глупости оставалось только в отчаянии поднять взгляд к небу. Глаза буквально впились в быстро светлеющую на горизонте сиреневую полосу. С каждой минутой она становилась все шире, ярче и... розовее!

Это... Это *оно* восходит?!

Смущение отошло на второй план, меня накрыла волна паники – убийственный кошмар сейчас вернется? Со всей отчетливостью вспомнила: амиот сказал «другая звезда», когда объяснял, что ультразвука нет. То есть его испускает розовая? И сейчас приходит ее время?

– С-стыдно, – не думая, что говорю, выдала чистосердечный ответ на вопрос, не отрывая глаз от горизонта, – в туалет ходить при ком-то.

– Стыдно? – Он переспросил, а я вспомнила, с кем говорю. Они и понятий таких не имеют. Седьмой подтвердил догадку. – Ходить в туалет? Функция тела. Одна из. Потребляет ресурсы для получения энергии. Избавляется от вредных и лишних веществ. А что делает «стыдно»? Какая функция?

При других обстоятельствах я бы с его рассуждениями смирилась: так заведено в природе. Надо перебороть стыд, раз все естественно и жизненно необходимо. Но сейчас мне было не до этих вопросов. Совсем иное владело мыслями: ультразвук! Розовое солнце краем диска уже вылезло из-за горизонта, и я, едва успев натянуть скафандр, теряя разум от захлестнувшей паники, подорвалась. Бросилась к тому, кто мог спасти, и обхватила его руками. Меня гнал страх перед неодолимым и инстинктивная потребность в защите.

Какое-то время мы стояли неподвижно: я – в оцепенении предчувствия боли, он – спокойно, с высоты своего роста наблюдая за

мной, то ли принюхиваясь, то ли как-то иначе изучая. Минута сменяла минуту, розовый диск с не самой маленькой скоростью поднимался к зениту, но ничего не происходило, и Седьмой привычно спокойно заявил:

– Нет угрозы.

– Нет? – переспросила, не веря, очень уж ярким был в памяти ужас боли.

– Не слышу, – подтвердил чужак.

Сквозь страх пришло осмысление – звук не появился. Почему? Да какая разница! На этой планете наверняка немало явлений, объяснить которые можно, лишь тщательно их изучив. А я не ученый. Для меня главное факт. Амиот тоже вряд ли пытается понять причину, ему достаточно того, что он сам чувствует. А его восприятие лучше моего.

Отмерев, разжала до онемения сжавшие обнаженный торс пальцы, собираясь отступить. Но так этого и не сделала, потому что из груди склонившегося ко мне Седьмого неожиданно раздался гортанный звук, похожий на... мурчание? Раскатистый, мягкий, не угрожающий, скорее приятный, он словно был следствием моего прикосновения!

Это Седьмой одобрил мою инициативу быть к нему ближе? Отчего еще могло так среагировать его тело?

Амиот, похоже, сам не понял. На его обычно безэмоциональном лице отразились растерянность и изумление. Рот удивленно приоткрылся, позволяя выглянуть из-за ранее плотно сомкнутых губ паре острых клыков. Глаза расширились, а следом и зрачки – резко и почти полностью поглотив радужку.

В таком же шоке, должно быть, смотрела на него и я. Что происходит? Свидетелем чего я стала? Проявлением какой из способностей созданных тел? Но времени подумать не осталось – заставив вздрогнуть от неожиданности, вступил в «диалог» мой живот.

– Тоже... урчит, – пролепетала смущенно.

Вот ведь незадача: стоило разобраться с одной потребностью, как напомнила о себе другая.

– Еда, – провозгласил Седьмой как установку и, прежде чем я успела испугаться, подхватил меня на руки.

Пришлось закрыть глаза, чтобы не спровоцировать приступ тошноты, – с такой стремительностью он рванул в лагерь. Пары минут

не прошло, как я оказалась устроенной на контейнере, из которого ловкие руки мужчины предварительно выдернули стандартный корабельный паек.

— Я сама, — буркнула, увидев с каким непониманием рассматривает герметичную компактную коробку Седьмой, и протянула руки к вожделенной пище.

Голод она утоляет отлично, а вкус... К счастью, не картошка с мясом.

Сняв защитную пленку, принялась грызть концентрат. Напрягал только неотступно провожающий каждый кусочек взгляд амиота, вызывавший не самые приятные ассоциации.

— Хочешь? — С внутренним напряжением протянула кусочек мужчине. Лучше поделиться, чем быть съеденной.

Седьмой пищу принял, но вопреки моим ожиданиям пробовать не стал. Вместо этого его рука взлетела, замерев напротив моего рта, и белковый концентрат, что я предложила амиоту, коснулся губ.

В недоумении уставилась на его лицо. Как это понимать? Кормить меня хочет?

Ответа не получила — невозмутимая физиономия ничего не выражала. От волнения облизнув губы, я решила и приоткрыла рот, аккуратно забирая зубами еду.

Седьмой кивнул с одобрением и отобрал у меня остатки пищевого пайка, чтобы кусочек за кусочком скормить мне его полностью! Чувствуя себя зверюшкой, которую вознамерился приручить опытный дрессировщик, противиться даже не пыталась. По сути, ведь ничего нового — меня считают игрушкой.

Только... Разве амиот сам не проголодался? Его организм получил немалую нагрузку, но я не видела, чтобы он что-то ел.

— Мы насытились.

Уже не удивилась, услышав ответ на невысказанный вопрос. Зато при упоминании других невольно перевела взгляд на его собратьев. Действительно, большая часть амиотов, рассевшись небольшими группами, аппетитно поглощала что-то похожее на растения. Странно было, зная, что вокруг только кристаллоподобные кустики, видеть совсем иные по форме лианоподобные образования с выростами-шишками на концах. Но куда больше поражало другое — амиотам

подходит местная пища, и они уже успели выяснить, что она безопасна.

Мысленно впечатлившись, зевнула и прикрыла глаза.

– Что за изощренная пытка? – из сытой задумчивости меня выдернул гневный голос Игеря.

Обернувшись, обнаружила двух амиотов, настойчиво предлагающих моим собратям те самые «шишки», буквально запихивая в рот землянам.

– Это может быть ядовитым! – упирался и мужчина, недавно насмехавшийся надо мной.

– Мне тоже попробовать?

– Я потянулась было к спорящим, желая принять свою долю риска, но Седьмой молниеносно опустил ладонь на плечо, удерживая на месте.

– Нет, – припечатал категорично и, обернувшись к Игерю, холодно бросил: – Хочешь жить – ешь, не хочешь – не ешь.

На этом его внимание к пленникам иссякло. Поэтому амиот не увидел угрюмый ненавидящий взгляд механика, который, посмотрев на жующих амиотов, осторожно надкусил образчик местного неведомого продукта.

– Почему мне... – попыталась было разобраться в мотивах Седьмого, но он даже не дослушал, порадовав очередным «Нет». А потом указал на небо, привлекая внимание к розовому светилу. За прошедший с его восхода час, быстро пробежав по небу, оно догнало медленно ползущее голубое, и сейчас они вместе закатывались за горизонт.

– Наступает ночь. Троя будет спать.

– Не спрашивая, амиот подхватил меня на руки и уложил прямо на землю, устраиваясь рядом. Противиться я и не думала – что могло ожидать вынужденных колонистов в этом мире, не представляла, спать рядом с монстром уже случалось, сейчас безопаснее места нет. А утро вечера мудренее – это истина. Особенно если сил спорить с судьбой уже не осталось. Да и темнота обступила.

Глава четвертая

Неожиданности

Кин

Добыча заснула. Я терпеливо ждал момента, когда сердцебиение Трои чуть замедлится, сообщая, что организм перешел к фазе расслабления. В том, как жизненно важен телам сон и восстановление сил, я успел убедиться на примере собственной оболочки.

Сегодняшние нагрузки не прошли даром – ресурсы навязанного тела изрядно истощились. Но несоизмеримо в меньшей степени, чем у Трои. Оттого я замер, устроив ее рядом, как и в прошлый период сна.

«Отдых. Сейчас для всех», – пришла адресованная каждому мысль Орша, и в импровизированном лагере все изменилось – до сих пор сохранявшие активность немедленно выполнили указание собрата.

Среди нас не возникало разногласий. Не требовалось лишних пояснений, чтобы действовать предусмотрительно. Каждый осознавал своевременность приказа и рациональность выбранного темного периода суток планеты для восстановления функций оболочки.

Однако Орш, кажется, учел не все...

«Пленники, – послал я аналогичный сигнал. – Кто-то пусть будет рядом».

Не то чтобы их жизни значили для меня многое. Особенно сейчас, когда мы убедились, что легко сможем добыть пищу. Влияние ультразвука на соплеменников Трои оказалось столь интересным, но начинать утро с очередных криков, бездарно растеряв и эти жизни, я не планировал.

Неизменно анализируя реакции тела своей добычи и контролируя ее состояние, я погрузился в изучение окружающего нас пространства. Почему Трою и других пленников все только пугало? Всем нам было сложно понять их отношение к происходящему. Куда важнее казалось освоиться в этом мире, научиться взаимодействовать с ним.

Как и я, каждый из амиотов, внося свою лепту в общее дело, сейчас прислушивался и присматривался к ночному миру планеты, формируя в нашем совместном сознании максимально полную картину реальности.

На удивление, ночью звуков было больше, чем днем. Видимо, время беспросветной мглы ценилось местными обитателями куда выше, чем день, формируемый удушливым жаром голубого светила-гиганта или холодным светом его розового спутника-карлика, да еще и в сочетании с ультразвуком. Вероятно, подобные условия оставались экстремальными даже для приспособленных к жизни на планете существ. Теперь же, когда факторы изменились, став более благоприятными, активизировалось и все живое вокруг.

А его здесь оказалось немало.

Зрительными органами тела в наступившей темноте рассмотреть много не удавалось, лишь наши уши улавливали какофонию звуков – от тихого шелеста, который издавали желеобразные кристаллы, находящиеся рядом, до яростных криков какого-то подвижного существа вдали.

Привычным «взглядом» эдайти я опознавал куда больше. Используя имеющиеся возможности, позволил истинной сущности привычно прощупывать пространство вокруг поляны, осязая и формируя в сознании образы активизировавшихся подвижных организмов, порожденных миром планеты и пробужденных отсутствием освещения.

Длинных, выползающих из крошечных щелей в песке. Плоских, скользящих в воздушном потоке над нашими головами. Громоздких, бродящих по туфовой возвышенности, где мы добыли первую еду. Мелких, стремительно перемещающихся по кристаллическому лесу, в который нам предстоит углубиться уже завтра. Крошечных, навязчиво мельтешащих рядом с моим телом и... И с телом Трои, голова которой расслабленно обмякла на моей руке, и чем плотнее становилась темнота, тем кучнее обступали нас эти организмы. Их присутствие насторожило. Я не желал нарушать отдых своей добычи, но не знал, могут ли они стать для нее угрозой.

В своих подозрениях оказался прав – местная роящаяся живность действительно несла опасность. Почувствовал это, едва первое крошечное тельце, не испытывая ни малейших колебаний и не снижая скорости спикировало на меня и буквально вгрызлось в кожу в области плеча.

Мог ли я избежать соприкосновения? Мог, легко увернувшись, – скорость существа несоизмеримо уступала возможностям этого тела.

И тем не менее позволил себя укусить, желая проанализировать угрозу. Да и двигаться, беспокоя уснувшую Трою, не хотелось.

Тело среагировало, уплотняя покров, выталкивая ротовой аппарат существа и отбрасывая его крошечное тельце. Ощущение болезненности не впечатлило – эта оболочка способна вытерпеть большее, да и крошечная ранка немедленно затянулась. Однако что случится, если существо вопьется в куда более уязвимую и практически лишенную возможностей к восстановлению кожу моей добычи? А ведь их вокруг много – целый озлобленный и голодный рой, и крошечные хищники стремятся полакомиться нами.

«Плотоядные», – сделали тот же вывод собратья. Подобно мне присматриваясь к проявившему себя новшеству незнакомого мира, а мысль о питании, в нашем понимании, неразрывна с самим существованием.

Я рефлекторно выпустил свою бестелесную сущность, схватив те крохи энергии, что были запечатаны в приблизившемся тельце. Немного, но наш инстинкт потребителей еще более неумолим.

Первый укус словно стал сигналом, на нас устремились сотни существ, окружая меня и Трою.

«Насекомые? – донеслась ее вялая из-за сонливости мысль. – Пакость... Где репеллент? Надо включить систему вентилирования воздуха... Нет. Ой! Я же не на станции. Да и откуда там взяться комарам? – Она заерзала, пытаясь неловко отмахнуться, явно пробуждаясь, но пока путая сон с реальностью. – Спать невозможно, жужжат...»

Доставучие и кусачие мелкие хищники мешают моей добыче отдыхать?! Эта мысль стала приговором. Сам бы я не уделил возникшей угрозе столь пристального внимания, но их способность причинить вред Трое мне не понравилась. К тому же энергия лишней не будет. А с учетом количества мельтешащих рядом кусачих существ, решивших повторить судьбу первой жертвы, – вполне ощутимый глоток получится!

Быстро сообразил, что отслеживать каждый объект, уничтожая насекомых поодиночке, нерационально. Намного эффективнее выпить всех, кто в зоне поражения, разом. Истинная сущность эдаити незаметным в темноте фиолетовым облаком окутала тела – мое и моей добычи, с легкостью отбирая крохи жизненной силы у летающих

существ. Безжизненные крошечные кусочки материи в тот же миг упали на землю.

«Высасывайте их разом», – поделился советом с братьями.

«Риш нас не слышит. И вообще, похоже, не в состоянии даже кратковременно выйти за пределы оболочки. Он пытался, когда освоился. Не получилось», – пришло резонное замечание Орша.

«Муш, Там и Лис тоже», – подтвердил Зом, который весь вечер налаживал контакт с оказавшимися в женских оболочках, но до сих пор не до конца осознавшими реальность.

Впрочем, мы и без напоминаний опознавали движения эдаити в «оглохших» телах, подобно Трое пытающихся отмахнуться. А если Орш прав... Получается, что женские организмы имеют куда больше ограничений и неприятных изъязнов, чем мужские.

«Орш, возьми Риш на себя, – отреагировал я, позволяя позаботиться о безопасности тех, кто слабее. Теперь рядом с ними будут братья, укрывающие защитным полем своей силы. – *О других тоже побеспокойтесь. И еще о пленниках».*

О последних вспомнил по инерции, все внимание было уже приковано к результату эксперимента. По сути, таковых оказалось два. Первый – от нас с Троей на равном ее росту расстоянии, не было ни единого летающего существа. Второй – я вновь столкнулся с крайне досадным ограничением: для истинной сути эдаити удалиться от тела-якоря на большее расстояние возможности не имелось.

«Короткий поводок», – улетела к братьям образная ассоциация, которую я когда-то уловил в мыслях Трои.

«Мы привязаны к телам крепче, чем полагали, – несомненно, предпринимая аналогичную попытку, посетовал Орш. – *Это может стать помехой».*

«Значит, надо учитывать привязку в будущем. Все теперь у нас не так, как раньше, – напомнил я и приказал: – *Расположиться еще ближе, не отдаляться. Все, кто на периметре, разделите контроль, распределитесь по времени, концентрируйтесь на любой приближающейся угрозе».*

Мгновение, быстрое перемещение эдаити, ранее занявших не слишком удачные позиции, и вновь спокойствие и тишина, лишь изредка нарушаемая тонким звоном насекомых. Они подлетали, но не успевали прорваться через «заграждение» – всех, кто все еще не мог

сладить с телом, и мужчин-пленных собратья окутали защитным полем силы, как я свою добычу.

Потребность оградить ее от любого дискомфорта ощущалась чем-то непреодолимым. Почему? Даже о собратьях, на которых всегда всецело полагался, размышлял меньше. Это из-за очевидной уязвимости Трои? Выпить ее уже не казалось мне значимым. Было ощущение, что результат не удовлетворит.

Но что мне тогда надо от добычи? Зачем трачу на нее свои ресурсы и время?

Внятных объяснений не находилось, в итоге утвердился в мысли, что ее ценность для меня в возможности получать информацию напрямую. Пусть женщина меньше меня разбиралась в окружающих процессах и с местными планетарными реалиями была незнакома, но ее знания о наших оболочках и материальных законах, довлеющих над ними, приносили пользу.

Этого же достаточно, чтобы пытаться сохранить ей жизнь?

Троя шумно вздохнула во сне и повернулась, устроившись щекой на моем предплечье. Ее кожа ощущалась такой гладкой и нежной в сравнении с моей... И снова уже знакомое мне отсутствие пространства между нашими телами!

Руку обдало жаром, а я не понял реакции оболочки – что спровоцировало локальное расширение сосудов и всплеск температуры? Через несколько ударов сердца осознал, что вдруг перестал дышать и продолжаю задерживать дыхание. Что за странные сбои? Могут ли они служить предвестием проблем с оболочкой?

Что-то подобное сегодня уже было! Когда мы добрались до этого места, и я опустил Трою с плеча на песок. Усевшись, она какое-то время приходила в себя, пока... Пока не уставилась на меня, и в ее мыслях не начался привычный уже хаос.

Обнаженка? Почему это слово столь сильно взволновало мою добычу?

В тот момент ее дыхание, в точности как у меня сейчас, замерло, а сердце резко ускорило ритм. Соотнеся направление взгляда Трои с шепотками пленников-мужчин, догадался – причина в моем теле. Вернее, в отсутствии на нем одежды. Однако понимания, почему захватившие нас гуманоиды придавали такое большое значение вторичной и совершенно никчемной оболочке, так и не было. И все же,

желая погасить панику женщины, я отыскал эту их «одежду» и натянул на себя.

Вроде помогло, Троя немного успокоилась. Еще и укорила себя, опасаясь, что наведет меня на мысли о размножении.

Очередное не желающее проясниться понятие. Уже не в первый раз женщина старательно гасит свои мысли, стоит в них возникнуть этому слову. Очевидно, оно как-то связано с телом. Моим или ее?

Сейчас тело женщины ощущалось отчетливо – ни скафандр, ни тонкая преграда эластичной ткани костюма не могли служить преградой моим осязательным способностям. Повернувшись на бок, Троя инстинктивно вжималась в мой бок, такая теплая, разомлевшая и расслабленная.

Неожиданно осознал: именно этот факт мешает моему сну, и вопреки усталости оболочка не погружается в полубессознательную отключку, призванную восполнить энергию. Или же дело в той подпитке, которую продолжали приносить подлетающие насекомые? Глоток за глотком – при соприкосновении с моей сущностью, погибая, они питали меня, осыпая крохами энергии.

Свободная рука, вдруг действуя вне моего контроля, необъяснимым образом заскользила по телу Трои, осязая его. М-м... Те самые отличительные особенности, что были и у тела Риша. Ладонь замерла на одной из выпуклостей в области грудной клетки женщины. Четкий ритм ее дыхания и равномерно бьющегося сердца только обостряли возникший интерес.

Переместил ладонь на свою грудь – в моем теле все иначе. Нигде в моей версии оболочки не было схожей мягкости. Зачем тела мужчин и женщин отличаются? Так заведено в физическом мире?

И тут же в мыслях возник еще один заинтересовавший ранее образ. То самое ощущение приятности в момент тесноты между нашими с Троей телами. К чему упускать возможность? Пока есть время, надо исследовать непонятное. В данный момент – рассмотреть тело добычи. Возможно, пойму, почему материальным существам так важно прятать их тела. Или построю догадки о размножении? Оно точно связано с телом! Если это какая-то его жизненно-полезная функция, то подобное знание, несомненно, пригодится.

Ткань скафандра поддалась с возмутительной легкостью. Второй рывок, и еще более тонкая одежда опала двумя уже бесполезными

лоскутами. А я впился взглядом в тело Трои – ту его часть, что стала видимой и кардинально отличалась от мужской версии оболочки. Одного взгляда достаточно, чтобы утвердиться в очевидном и уже проверенном факте – женская кожа более уязвимая, более нежная. Тут о самодостаточной защищенности и говорить нечего.

Все ее тело буквально кричало о мягкости и слабости, грудь трепетала даже от легчайшего дыхания. Моего воображения не хватало представить, что способен сделать с ней даже не самый крепкий удар. Смять? Необратимо изломать?

Почему именно удар? Достаточно чуть крепче сжать женщину, чтобы нанести непоправимый вред. Что, если на нее упадет что-то тяжелое? Или она сама рухнет на твердую поверхность?

Эдайти не признают слабостей. Никогда не признавали. Такая вопиющая уязвимость могла вызвать в сознании любого из нас лишь презрение. Я понимал это!

Понимал, но... ощущал что-то иное. Удовлетворение? Желание защитить? Что за необъяснимые реакции? Сознание, отныне привязанное к оболочке, подкидывает их мне, реагируя на неведомые сигналы тела? Вот и еще один – желание не только смотреть, но и дотрагиваться.

Рука вновь переместилась на мягкое, едва подрагивающее полушарие женской груди. В месте соприкосновения наших тел словно образовалось статическое электричество – в кожу впилась сотни молний внезапно сгенерировавшейся энергии. Меня обдало жаром – волна тепла в доли секунды прокатилась по телу, поднимая температуру. Дрогнув, без привычной эдайти решительности ладонь робко скользнула ниже, на менее мягкий живот. Она продолжала жить своей жизнью, получая команды не от моего сознания. В нем сейчас царила абсолютная пустота.

Пальцы странно дрожали, не столько осязая, сколько... поглаживая? С волнением первооткрывателя я вслушивался в ощущения, уже ничего не понимая! Не слыша ничего, кроме внезапно ускорившегося кровотока, отдающего звоном в ушах.

Троя застонала, с тягучей плавностью перекатившись на спину. Другая ее щека, а с ней и такая беззащитная грудь впечатались в мое тело, практически ошпарив множеством жалящих импульсов.

– Еще, – сонно, едва различимо пробормотала добыча.

Ее долгий выдох прозвучал для меня так внезапно и оглушающе громко, что сердце от неожиданности чуть не лопнуло в груди. Каким чудом я не вскинулся, уже через миг оказавшись на ногах в режиме отражения глобальной угрозы? И чего, собственно, испугался? Как вообще мог испугаться? Прежде ничто во вселенной не могло поколебать моей стойкости.

«Кин?»

Вместе с мысленным призывом Орша с оглушающим грохотом обрушился на меня внешний мир. Как это возможно? Я что, на время перестал слышать и воспринимать абсолютно все, что происходило вне кокона наших с Троей тесно соприкоснувшихся тел?!

«Что с твоей оболочкой?»

Конечно! Для тех эдаити, кто сейчас бодрствовал, продолжая прощупывать пространство вокруг спящих, я воспринимался странно. Словно эпицентр жара в инфракрасном спектре. Жара похлеще, чем в подземной сердцевине местного гороподобного существа. И жар этот уже не растекался волнами от тела Трои. Источником повышенной температуры оказалась собственная оболочка! Мой живот напрягся до каменной твердости, сдерживая сильнейший порыв к движению. Телом овладела какая-то невообразимая, сводящая с ума потребность прижаться к моей добыче. Толком не понимая, как и почему, я жаждал движения и тесноты. Тесноты между нашими телами, заморозившей новыми ощущениями.

«Все... хорошо», – с дичайшим трудом выдавил ответную мысль.

Концентрироваться на происходящем вне круга наших сплетенных тел стало необычайно сложно. Но... это же неправильно. И опасно!

«Ты... – Орш запнулся, пытаюсь подобрать объясняющий образ, – разрушаешься?»

Подобный вопрос стал возможен только с обретением материальности.

«Нет».

Мне удалось сфокусироваться на окружающем мире, заставляя сознание возобладать над реакциями оболочки. С тем, что произошло с телом, я не разобрался, но сейчас не время признаваться собрату в слабости. Это место изобиловало угрозами, и мне было кого защищать.

«Тогда отдыхай», – пришел резонный совет Орша.

«Да», – безропотно согласился, переключая внимание на Трою.

Чего ожидать от женщины, уже и сам не представлял. Впервые моя добыча меня... устрасила. Нет? Инстинктивно дала отпор? Неосознанно выявила естественный способ влиять на созданные для нас оболочки? Может ли так быть, что в их природе заложен некий механизм противостояния нам нынешним?..

Это надо прояснить! Позже. Сейчас, уверившись в возвращении контроля сознания эдайти, обхватил Трою и второй рукой. Чтобы она во сне не навредила кому-то еще... Она же моя добыча?! Значит, имеет право вредить исключительно мне.

Чем бы ни грозил этот вред, пережитые ощущения захватили. Уже сейчас я жаждал испытать их вновь. Только в более благоприятной обстановке.

Прислушался. Троя затихла, успокоилась, кажется... Заснула.

Понимание этого сказалось успокаивающе. Я тоже начал погружаться в состояние, которое называлось «сном».

Однако долго оно не продлилось – нашелся возмутитель спокойствия, привлечший внимание. Сознание эдайти оставалось настороже и среагировало молниеносно, пробудив оболочку. Приоткрыв глаза, я увидел темный силуэт, шатающейся походкой бредущий к зарослям высоких кристаллов. Оpoznать в нем пленного, в светлую пору сцепившегося со штурманом, труда не составило.

Что погнало его в сторону от лагеря? Особого интереса не было, скорее отстраненное любопытство – никто из них, кроме Трои, не являлся для меня значимым. Ощущая роящихся и сдерживаемых только воздействием эдайти насекомых, добыче я бы не позволил отойти. Но этот пленник... Его перспективы никого из нас не занимали. Никто из эдайти не шелохнулся, чтобы воспрепятствовать мужчине. Упав он в темноте в своей сонной прострации и сломав шею – внимания бы не обратили. Было лишь интересно понять, зачем он в одиночестве движется в сторону от всех? Не я один наблюдал сейчас за пленником.

Услышав журчащий звук, сообразил – причина в потребностях оболочки. Покинуть лагерь мужчину вынудила необходимость избавиться от излишков жидкости. Раздался скрежет фиксаторов скафандра и яростно-злое: «Идите вы все...»

«Бесполезный, – услышал ленивую мысль Орша. Крайний со стороны зарослей, он, конечно, тоже наблюдал маневр. – Зачем таскать с собой? Давай подпитаюсь им?»

«Голодный? – отозвался без особого усердия. Участь пленника меня не заботила, но настораживала возможная реакция Трои, обнаружь она его после пробуждения. – Хватает другой пищи».

Постояв в раздумьях, обратно пленник не вернулся. Подпитанная дурным сном ненависть, которую я видел в его глазах, когда он пререкался с Троей, гнала его прочь от нас. Мужчина, забыв спросонья, где находится, отошел к самой границе кристаллического леса и опустился на песок.

– Твари... Все твари... Давить гадов, – бормотал, отмахиваясь от снующих вокруг насекомых. Наконец улегся на бок.

«Сверху!» – Орш подал безмолвный сигнал, переключая наше внимание на новый объект.

Над верхушкой дерева-кристалла бесшумно скользнула тень пролетевшей в ночном небе огромной плоской твари. Порыв ветра раскачал ветви. Издали донесся стрекочущий звук. Ему ответил еще один, рванный, жесткий, переплетающийся с раскатистым приглушенным стуком. А следом раздался протяжный стон – резкий, громкий и очень уж близкий.

Нет, местный мир совсем не пуст. Мы все спокойно принимали данность: тут есть свои чудовища. И одновременно знали, что о себе позаботимся.

«На контроле проблема?» – бросил в пространство Заку, охраняющему периметр лагеря.

«Нет, – пришел ответ. – Угроза для эдаити отсутствует».

Каким бы ни был мир и кто бы его ни населял, главными хищниками останемся мы. Это неизменно.

Глубоко втянув воздух, напитанной ночной прохладой и смесью незнакомых пока запахов, уловил такой близкий и молниеносно узнаваемый аромат волос Трои.

Стон, больше похожий на вскрик, раздался снова. Но проверять, отыскивая его источник, я не стал. Привык доверять и полагаться на собратьев. Беспокойства со стороны остальных не ощущал. Значит, пусть сам разбирается, кто бы там ни кричал.

У меня появилась куда более важная забота – разбуженная звуками Троя начала проявлять активность. Вздохнула, завозилась в моих руках, пробормотала «дайте поспать», уткнулась носом в сгиб локтя и затихла.

Очередное нелепое и лишённое смысла прикосновение поразило, я опять словно выпал из реальности, оглушённый всплеском ощущений, что спровоцировала своеобразная ласка теплого дыхания. Пришлось вновь прилагать усилия, чтобы успокоиться.

Когда шум крови в ушах стих, понял, что прежние вскрики и хрипы со стороны зарослей тоже смолкли. И расслабился, окончательно погружаясь в столь нужный телу период покоя. Рад был бы сохранить обычную для бодрствования связь с оболочкой, использовать рецепторы и продолжить активный анализ окружающего, но увы, ее потенциал на сегодня был исчерпан.

В этом своеобразные минусы материального организма – он восстанавливался, только когда я от него отключался. С этим приходилось считаться – для полноценного существования в этом мире одних сил эдайти недостаточно, требовались и ресурсы физического тела.

Но в отличие от оболочки сознание эдайти не выключалось. Я все равно улавливал мыслеобразы собратьев, поочередно сменяющих друг друга во время ночного дежурства и сообщающих отдыхающим о происходящем вокруг.

«Температура воздуха падает – усиливайте теплообмен».

«Женских особей прикройте, они меня не слышат».

«Приближается какое-то крупное существо...»

«Помощь не нужна, я его отогнал».

«Новая атака насекомых, их все больше».

«Начинается розовый восход».

«Местная живность прячется».

«Пошло нарастание ультразвука».

«Влажность воздуха тоже растет».

Я все это улавливал и не задумываясь реагировал, посылая организму нужные для правильной адаптации к изменяющимся условиям импульсы. Повысить температуру тела? Теснее прижать Трои к себе! Приготовиться к возможным активным действиям.

Вываться сущностью эдайти из оболочки, забрать крохи энергии, осмотреться и вернуться. Снова расслабиться...

Почувствовав, что тело полностью восстановило силы, открыл глаза. Напряг мышцы, возвращая им тонус, и осторожно приподнялся, стараясь не потревожить свернувшуюся в странной позе Трою.

Глаза распахнулись шире, реагируя на неожиданные перемены. Поляна, на которой мы обосновались, выглядела иначе, нежели накануне. Озаряемая тусклым розовым светом меньшего светила, заполненная снижающим видимость туманом, она покрылась толстым слоем объемных ледяных белых сгустков, скрывших под собой кристаллические растения. От них и промерзшей поверхности веяло холодом. Лишь вокруг наших тел, очевидно, растопленные более высокой температурой оболочек, образовались песчаные островки.

Зачерпнув холодную рыхлую массу в ладонь, я с любопытством наблюдал, как хлопья исчезают, превращаясь в белесый пар и оставляя ладонь совершенно сухой.

Мои движения разбудили Трою. Она села и тут же вскрикнула, уставившись на свое тело и обхватив себя руками. Ее движение совпало с моим – я притянул добычу к себе, решив, что она вознамерилась вскочить. Розовое светило четко ассоциировалось с опасностью для Трои – я ощущал вибрацию ультразвука вне защитного поля, что генерировала сущность эдайти.

– П-почему?.. – добыча запнулась, нервно дернувшись в моих руках. В ее голове царил такой хаос, что не получалось разобрать ни единой мысли, но, на удивление, отодвинуться она не пыталась. Наоборот, сжалась и словно силилась спрятаться за моим телом. От какой угрозы?

Я всеми доступными ресурсами изучал окружающее пространство, пытаясь это неведомое найти, когда услышал глухое бормотание:

– Где моя одежда?

Снова одежда? Почему материальным так важна ничемная дополнительная оболочка? Одной рукой легко удерживая Трою, второй подхватил надорванные лоскуты, протягивая женщине.

– Она?

– Что?! – зашипела она все так же шепотом, демонстрируя очевидное потрясение, едва увидела остатки своего вчерашнего

облачения. И тут же вскинула голову, видимо, желая отыскать мой взгляд. – Это ты ее испортил? – Щеки добычи обдало жаром. – Я не могу без нее!

Ну вот опять.

– Почему?

– Стыдно. – Троя отвела глаза, чтобы тут же зажмуриться.

Я следил за ней, с неудовольствием отметив, что посмотрела она туда, где накануне устроились на ночлег ее собратья. Добыча явно боялась напоротся на их ответные взгляды. Это озадачило. Но проблема не казалась существенной, позже я смогу выяснить эту нелогичную зависимость материальных. А пока...

«Лех!» – короткий зов и мысленный образ, посланный эдайти, которому перед рассветом досталась обязанность обогреть и защищать пленников от насекомых.

В тот же миг, не заботясь о реакции еще спавшего Игеря, собрат сорвал с него куртку и перебросил мне. Подтверждая состояние крайней растерянности, Троя не возражала, когда я укрыл ее плечи.

Спешно просунув руки в рукава, она сомкнула все застёжки на груди и громко облегченно выдохнула, словно бы выныривая из-под воды. Только после этого начала озираться, с неверием присматриваясь к белому покрытию.

– Снег?.. – выдохнула очередное новое обозначение, а с ее губ сорвалось облачко пара. – Нет, серьезно снег? Брр... – женщина пожилаясь, неосознанно теснее прижимаясь к моему горячему телу.

Движение правильное – сейчас ей грозило не только переохлаждение, но и ультразвук, которого она панически боялась. И оно отозвалось полным одобрением не только моего сознания, но и тела, которое, как и вчера, удивило неожиданно родившимся в груди перекатывающимся звуком. Что это за реакция? Какой смысл несла?

Ответ могла дать только Троя, но она лишь растерянно прислушивалась, не спеша вносить ясность. И я, отставив проблему, занялся обменом информацией с собратьями. Все уже пробудились и коллективно анализировали сведения, за ночь собранные наблюдателями.

Крохи моего внимания достались и штурману – он странно хлопал глазами, осматриваясь с тем же изумлением, что и Троя. Неосознанно растирал ладонями плечи, ощущая пониженную

температуру. Насекомые с приходом светлого периода суток донимать перестали, и ответственный за пленника Лех сдерживал только влияние ультразвука, не прилагая усилий на обогрев. А теплая куртка Игеря обеспечивала комфорт моей добыче. Ситуация устраивала меня всесторонне!

Эти наблюдения являлись лишь фоном приоритетных задач: удостовериться, что все эдаити в порядке, а имевшие проблемы с оболочками прогрессируют в навыках управления телами. Сегодня нам предстоит продолжить путь через устрашающего вида заросли кристаллического леса. Будет лучше, если все смогут передвигаться самостоятельно.

Но прежде насытимся. Пункт первый нашего плана – добыть еду. Ночная гигантская летающая тварь пробудила хищный азарт извечных охотников – я ощущал голод. Самое время отыскать местную зверюшку, заодно немного разведав окрестности. Если судить по размерам твари, хватит наполнить энергией не одну сущность эдаити, значит, отправимся группой.

«Поохотимся? – бросил мысленный клич собратьям и назвал тех, с кем намерен отправиться: – *Щег, Тас, Орш, Хем, Хал*».

«Женские организмы не в состоянии получать энергию извне, как это все еще способны делать мы, – отозвался Орш. – Видимо, поэтому они требовательнее к количеству материальной пищи. Им нужно больше еды, чем нам. Корабельные запасы невелики, и рациональнее их сохранить на случай, если другой еды не будет. Следует отправить вторую группу за теми красными шарами».

«Согласен», – одобрил его предусмотрительность, между делом поглядывая на небо – предпочтительнее идти, когда угроза для моей добычи минует. Маленькое розовое светило практически завершило свой стремительный бег по небу. Скоро ультразвук пропадет, Трою можно будет оставить на попечение собрата, который присматривает за пленниками.

Шестеро эдаити синхронно развернулись и направились к хищной горе – им предстояло противостоять обволакивающему влиянию ороговевшего гиганта и принести столько отростков со съедобными шишками, сколько смогут.

Остальные по-прежнему занимались необходимыми в настоящий момент делами: согревали и пытались разговорить пока еще

дезориентированных, но уже осмысленно осматривающихся и норовящих подняться женских особей, изучали ближайшую зону леса, распределяли остатки питательных шаров, освобождали организмы от излишков воды и ненужных веществ.

Состояние Трои ощущалось как вполне удовлетворительное – угрозы жизни не было. Сидя рядом, в коконе тепла, исходящего от моего тела, она продолжала теревать остатки форменной куртки и рассматривала беловатую массу, названную снегом. В мыслях женщины наблюдалась странная пустота, как если бы она погрузилась в некий созерцательный транс. Там крутились непонятные мне белесые образы и часто всплывало слово «дом».

– Т-троя, Т-троя... – привлек внимание изрядно дрожащий голос мужчины.

Игерь бросал на меня нервные взгляды, но все же шепотом пытался дозваться до моей добычи. Нет, Орш прав, – его пора употребить в пищу, раз неосмотрительно привлекает к себе внимание.

К штурману мы с Троей обернулись синхронно. Я еще и оскалился – мышцы лица, которые, как выяснилось, чутко реагируют на внутренний настрой, дернулись. Почувствовал, как нос сморщился, а верхняя губа поднялась, обнажив зубы, – сказалось раздражение, мне не хотелось тратить время на пленника.

– Что? – тихо отозвалась добыча, не подозревая, что поверх ее головы я прожигаю взглядом бледную физиономию мужчины. – Ой! – она явно опомнилась и спохватилась: – Ты же замерз до полусмерти! Почему? – Троя перевела взгляд на снег, соотнося очевидное – похолодало, а тепло исходило от меня. – Черт, тебя раздели ради меня.

Она потянулась к горловине куртки, намереваясь ее снять. Моя рука стремительно опустилась поверх женской ладони, останавливая. Взгляд был все так же устремлен на Игеря.

– Предпочтешь немедленно стать едой или потерпишь холод? – поинтересовался, и механик проявил понятливость.

– Нет, нет, Троя! – Он истоково замахал руками, взмолившись: – Не снимай! Не возвращай... Я ничуть не замерз!

Зубы его при этом оглушительно стучали, и не только от страха за жизнь.

– Но?.. – Моя добыча напряглась, решая, стоит ли настаивать. Она тоже испугалась и теперь пыталась, скосив глаза, оценить выражение

моего лица.

– Погоди, – перебил Игерь, судорожно указывая куда-то в сторону, чем заинтересовал и находившихся поблизости эдаити. – Вояки нет! Я уже все вокруг осмотрел!

Он шептал, нервно оглядываясь, пока я пытался разобраться, что так всполошило раздражающего пленника.

– Как нет? – Вздогнула Троя и тоже завертела головой. – Ты же не думаешь?..

– Они его сожрали! – как он полагал, беззвучно двигая губами, механик подтвердил невысказанную догадку женщины.

Вот только я отчетливо слышал это в мыслях добычи.

– Может, в туалет отошел? – пробормотала Троя одновременно с внезапной попыткой отодвинуться. Я вновь предстал перед ней угрозой!

Причина паники Игеря ясна – он потерял собрата. А я вспомнил эпизод, который отметил сквозь сон. Второй пленный! Его ночная прогулка, о которой мы забыли, переключившись на летающую живность.

Скользнул в нужном направлении сканирующей волной. «Щег, – позвал ближайшего к пленному эдаити, бросив ему образ видоизменившейся припорошенной снегом материи. – Проверь».

В принципе, мне не требовалось подтверждений – в распознанном у кромки леса материальном объекте жизненной энергии не осталось. Однако хотелось понять причину, по которой он ее лишился, и оценить стремительную трансформацию его тела – оно ощущалось как-то иначе.

– Что они с ним сделали?!

Штурман вслед за Щегом оказался возле того, что осталось от тела его вчерашнего собрата по плену. Голос мужчины звучал яростно, но надломленно. И он явно обращался к Трое, от страха перестав осознавать наше присутствие.

Моя добыча не реагировала. Интересный момент... В ее случае ничуть не менее сильное потрясение проявило себя иначе – Троя молчала и не двигалась. Прижав к себе замершую в напряжении женщину на случай, если она рванет из безопасной от ультразвука зоны, я принялся внимательно фиксировать детали: совершенно целый, неповрежденный скафандр с поднятым забралом; бордово-

красное, потерявшее четкие формы лицо, превратившееся в нераспознаваемую маску...

Когда Щег начал стаскивать искусственную оболочку с мертвого тела, донесся отчетливый звук разомкнувшихся фиксаторов, и на белые хлопья под ноги моего собрата устремилась бордовая густая жидкость. И следом целый рой насекомых, вырвавшихся из скафандра. Их прожорливость впечатлила – эдайти вытащил лишь останки плоти, что когда-то были пленным. А ведь в недра защитной оболочки успели попасть далеко не все мелкие хищники.

«Правильно, что не разрешил использовать его для питания», – проявил Орш неизменную практичность.

Наши выводы совпали: распорядиться пленником удалось эффективнее – мы получили наглядное представление о силе поражения этих плотоядных насекомых.

– Что вы с ним сделали?! – Игеря трясло, он с трудом себя контролировал, переминаясь на месте.

И явно заикнулся на убеждении, что состояние его собрата – целиком и полностью наша вина. Почему?

– Он стал пищей для... насекомых, – спокойно пояснил Лех, подступивший вплотную к штурману, чтобы выполнить свою задачу и защитить его от звуковой угрозы.

– Насекомых?! – переспросила Троя. В ее мыслях царил паника, дыхание участилось.

– Ночью вокруг лагеря летали насекомые, – Лех был настроен донести истину до пленников, которые, словно слепые, не видели очевидного. – Его одежда... возьми. – Собрат уверенно указал на брошенный на песок скафандр и измазанный ошметками плоти.

– Что?! – Игерь и Троя отреагировали одинаково: подскочили на месте.

– Чтобы согреться, – пояснил совершенно очевидное Лех и вознамерился ткнуть рукой в плечо подопечного, напоминая о переохлаждении. – Ему она уже не пригодится.

Трою и штурмана стошнило одновременно. Они даже попыток отойти не сделали – просто рухнули на четвереньки там, где стояли, и принялись давиться сухими спазмами. Наблюдая за ними и дожидаясь заката розового светила, мы мысленно обсуждали собственные выводы.

«Защита лагеря была разумной мерой», – признал Орш.

«Здесь определенно есть другие плотоядные источники угрозы», – напомнил я, имея в виду местную живность.

«Голодать не придется», – согласился Щег.

Даже такая мелочь, как насекомые, в некоторой степени восполнила утраченный запас. Что уж говорить о более крупных формах, которые встретятся на нашем пути!

«Пора в этом убедиться!» – Я оценил взглядом постепенно темнеющее небо: световой день на планете проявлял себя уникальным образом. Затем чуть пнул штурмана, отчего он рухнул лицом в снег.

– Используй оболочку или замерзни.

Больше мне нечего было сказать собрату Трои, но первый вариант казался более предпочтительным.

– Н-не глупи, – взмолилась моя добыча, протягивая к штурману руки. – Просто с-сделай, как он с-сказал. – Она икнула, со страхом косясь на меня. – Надо выжить!

– Как ты можешь... – зашипел Игерь, но оборвал себя, стоило мне отодвинуть Трою в сторону.

Осознав, что надвигающийся сумрак – свидетельство розового заката, я оставил добычу на попечение Леха и шагнул к кристаллическому лесу. Что решит пленник, меня не заботило, а за Троей поручил присмотреть собрату.

Пора на охоту! Прожорливость насекомых раззадорила и мой аппетит.

Темнота долго не продлится – голубой гигант скоро появится на небе, и тогда шанс поймать что-нибудь значительное устремится к нулю. Сейчас, в отсутствие обжигающего света, появилась вероятность, что летающее существо, которое присматривалось к нам ночью, вновь поднимется в воздух.

Инстинкты хищников уверенно твердили: живность избрала нас добычей. Поэтому мы первыми поймаем ее! В назидание, доказывая и этому миру, и непреложным законам всего материального существования, что эдайти, даже заточенные в оболочки, остались прежними. Мы – те исключительные хищники, которые охотятся на охотников! И летающее существо станет первым, или мы не эдайти!

Разумеется, и населяющая ближайший лес наземная живность с лихвой нас насытит, но... Что-то особенное чувствовалось в

овладевшим воздушным пространством существе. Близкое, знакомое, волнующее... Возможно, то самое, что позволяло нам в своем истинном облике, не имеющем привязки к телам, невзирая на гравитацию, перемещаться между звездами и опускаться на планеты?

Потому я устремился вперед вслед за своими собратьями, лавируя между кристаллическими деревьями, чутко ловя малейшие колебания пространства, бросая сканирующие волны вверх – методично отыскивая уже знакомый отклик намеченной жертвы. Когда отраженный сигнал принес образ нужного существа, не раздумывая бросился в его направлении.

Эдаити, которые тоже прощупывали местность, синхронно совершили тактический маневр – разошлись веером в стороны, чтобы увеличить площадь захвата, делая все для того, чтобы не упустить существо, которому, в отличие от нас нынешних, подвластно небо.

«Как планируешь его брать?» – на ходу поинтересовался Орш. – *Он высоко, у нас нет способностей, позволяющих подняться в воздух».*

«Кристаллы, – напомнил ему. – Крупные деревья – тверже и плотнее, чем маленькие наземные. Если забраться на вершину, окажемся близко».

Тело и разум слились воедино. В окутавшей нас серой тьме зрение обострилось, и в изменившемся серо-фиолетовом спектре я отчетливо видел каждую крошечную зазубрину на грубых плотных поверхностях гигантских кристаллов, между которыми мы скользили тенями. Высоченные, кучно растущие вместе столпы появились здесь явно не вчера, они росли многие годы, вгрызаясь в песчаную почву и противостоя холоду и ветру. Их грани оказались устрашающе острыми не только на вид. За долгое время жизни растения огрубели, превратившись в прочнейшие разномастные пестрые колонны, оскалившиеся смертоносными краями.

«Легко рассекут плоть...» – пришла задумчивая мысль Хема, рискнувшего провести ладонью по ближайшей грани, испещренной опасными зазубринами-крючками.

Но для нас они не представляли угрозы – маневренность и ловкость оболочек позволяли буквально просачиваться сквозь острогранные заросли, не колыхнув и малейшего отростка. Один шаг плавно перетекал в другой, тела двигались бесшумно, не вызывая даже дуновения ветерка.

Каким бы чутким ни был слух добычи, опознать приближение эдайти ей не суждено. Наши пленители обманули сами себя, наградив нас оболочками, в материальном мире сами по себе являвшимися идеальным орудием уничтожения. И сейчас все ресурсы этих совершенных тел были сосредоточены на конкретной цели, сканируя и фиксируя каждый нюанс действий и местоположения добычи. Живность зависла над верхушками самых высоких кристаллов, облегчая нашу задачу.

«Добрались», – Орш счел необходимым обозначить ощущаемое всеми.

Выбрав самое высокое дерево из тех, над которыми парило существо, я устремился вверх, ловко цепляясь за выросты. Пластичность движений не изменилась, всей поверхностью кожи я осязал окружающее пространство, чувствуя направление ветра, частоту дыхания близкой добычи, малейшие шероховатости на твердой поверхности дерева, по которому карабкался. Не выпуская из виду потенциальную жертву, уцепился за верхушку кристалла. Отсюда координировать охоту и держать под наблюдением местного обитателя и местоположение собратьев было удобнее всего.

«Готовимся!»

Убедившись, что все вышедшие со мной на охоту эдайти не приметными тенями слились с серыми красками погруженного в темноту леса и заняли удобные позиции, оценил нашу общую диспозицию.

«Контролируем дыхание и температуру тела», – напомнил собратьям.

Кто знает возможности инопланетной живности? Что, если она, подобно нам, ориентируется на тепловое излучение или энергию мыслительной активности? Если это так, то со стороны мы должны восприниматься как окружающие кристаллы – холодными и неподвижными. И при этом быть стремительными на пределе возможностей оболочек.

Определил скорость и направление скольжения существа в воздушном потоке. Рассчитал вероятную траекторию. И все за два ровных удара сердца. Перебросил собратьям образ нужных действий, выждал момент и приказал: *«Хем!»*

Слитным сгустком тени собрат молниеносно и невероятно пластично отделился от соседнего кристалла-гиганта. Мощный рывок, толчок – и его тело стрелой взметнулось вверх, оказавшись над деревьями. Всего на миг! Надолго инерции подскока не хватило – Хем столь же стремительно начал падать. Но даже этих мгновений оказалось достаточно: в полете успев схватиться за одну из веток-отростков, эдайти повис, не упав на землю.

Расчет оказался верным, его появление в воздухе привлекло внимание существа. Приняло ли оно Хема за жертву, безрассудно проявившую себя под носом у хищника, или за ринувшегося в открытое противостояние за ареал обитания конкурента, неважно. Главное, летающая живность заинтересовалась и теперь целенаправленно отыскивала незнакомый, стремительно мелькнувший объект.

«Хал!» – новый приказ, и очередной прыжок.

«Щег... Тас... Орш!»

Собратья прыгали один за другим, породив целый вихрь в поглотившей мир темноте. Суматоха служила единственной цели – приманить подстрекаемое голодом существо и одновременно дезориентировать его, заставив потерять бдительность.

Последний прыжок – совсем рядом и при этом синхронно со мной. Свои действия я планировал с четким пониманием момента наивысшей уязвимости жертвы. Натурой хищника почувствовал, когда любопытство и жажда охоты затмили осторожность, заставив существо устремиться вниз, вслед за такой неразумной добычей. И атаковал стремительно, взметнувшись вверх, но не ради внимания добычи.

Встречное движение, его рывок и мой. На доли мгновения мы оказались рядом – тело существа и моя оболочка. Но не она предвещала необратимый конец летающему хищнику. В тот миг, когда черная туша – шмат органической материи – со свистом рассекла воздух рядом с моей головой, я рванул к ней сущностью эдайти. Оболочка сдерживала, не позволяя развернуться во всю мощь прежних возможностей, но все же расстояние сократилось до минимума, и я почувствовал, что буквально захлебываюсь обрушившимся на меня энергетическим потоком. Погружаюсь в живительную силу другого существа, готовый поглотить ее полностью...

Контакт внезапно прервался. Тело ухнуло вниз, утаскивая меня следом. Однако и добыча, получив незримый, но сокрушительный удар по всем системам жизнеобеспечения организма, не смогла сохранить траектории. Я понимал, что больше всего наша незримая атака напоминает молниеносный паралич физического тела. Заваливаясь на бок, оно так же стремительно, как и моя оболочка, по касательной спикировало вниз.

Только, в отличие от своей жертвы, я мог двигаться, координируя свои движения. Вот где пригодилась изумительная изворотливость и ловкость навязанной оболочки – я замедлил падение, уверенно ухватившись за жесткие боковые отростки древних деревьев. Когти тоже прошли проверку на прочность, оставив борозды в практически окаменевшей материи и позволив мне зафиксировать положение.

«Кин, мы его окружаем», – донеслось до меня сообщение Орша.

«Взять в кольцо, заблокировать, не дать подняться в воздух, но не уничтожать!» – среагировал я.

Цепляясь за ветви кристаллов и перепрыгивая на соседние, быстро спустился, чтобы немедленно броситься к добыче.

Она трепетала. Придавленная телами моих братьев к поверхности, на которую рухнула, дрожала, то ли пытаясь снова взлететь, то ли в агонии из-за соприкосновения с истинной силой эдайти. Толстая упругая масса, распластанная почти на все свободное пространство поляны, черная, сверху идеально гладкая, она напомнила мне те маленькие кристаллы, что росли под ногами, – когда я на них наступал, они становились такими же плоскими, гладкими и эластичными. Однако в отличие от них добыча двигалась и имела еще более мягкую текстуру материи.

«Несъедобно», – мелькнул в общем мысленном фоне невыразительный вывод Хема. В нем не было разочарования, лишь простая констатация факта.

Соприкосновение с существом запустило анализирующие механизмы наших новых тел, и все чувства буквально кричали, что местный хищный организм не подходит в пищу нашим оболочкам.

«Максимум, что можем – выкачать из него остатки энергии. Но насытит ли это нас нынешних?» – Орш неизменно думал о главном.

Мы его поняли: в настоящий момент этого недостаточно, нам необходимо поддерживать жизнеспособность оболочек. Хотелось не

прилива энергии, дефицита которой я, кстати, сейчас не ощущал – крошечные сгустки жизненной силы насекомых, наседавших в период долгой темноты, в достаточной степени насытили наши сущности, – а сочного куса пищи во рту, разорванного зубами и заполнившего беспокоящую пустоту, ощущаемую в животе. Как никогда остро чувствовал голод, но иной, не тот, что был привычен ранее. А в этом качестве «плоский летающий упругий кристалл» оказался абсолютно бесперспективен.

Открытие напрочь отбило аппетит. На трепещущую под ногами материю я теперь смотрел как на совершенно бесполезную. Оглянувшись, оценил плотность темноты – на первую охоту мы потратили совсем немного времени.

«Отпускаем, – бросил собратьям, прикрывая глаза, чтобы сконцентрироваться на способности видеть иначе. Но прежде чем сканирующие волны в поисках новой добычи, затаившейся где-то в зарослях, устремились в пространство, позволил себе нащупать на удивление легко обнаружившуюся в отдалении Трою. Женщина ощущалась слегка недоумевающей, но не обеспокоенной. – Надо найти другое существо. Которое перемещается по поверхности. Возможно, оно будет съедобно».

Мы не привыкли к долгим рассуждениям. Действия – вот основа существования эдайти. Есть новая цель! Собратья устремились к ней, оставив бесполезного хищника приходить в себя от постигшей его неудачи.

Экономя время, далеко отходить друг от друга мы не стали, вновь рассредоточившись веером. Заросли древних кристаллов тянулись очень далеко – даже с максимальной скоростью перемещения нашим оболочкам понадобится не менее трех местных суток, чтобы их преодолеть.

«Чувствуете это?» – мысль Хема кольнула особенным акцентом: собрат подметил деталь, на которой желал сосредоточить общее внимание.

«Да. Они мерцают?» – скупой на одобрение Орш тоже заметил странные пятна в образе окружающего мира.

Прошедшей ночью несущим дозор собратьям пару раз удалось зафиксировать странное явление – словно вспышки и пульсацию неизвестной нам энергии. Они неосознанными сгустками возникали

среди зарослей, в которые мы сейчас углублялись, но потом неведомым образом исчезали. По крайней мере сканирующая волна сознания эдайти ничего не фиксировала, что само по себе странно. Нам лучше всех известно, что энергия не может рассеиваться бесследно.

«Больше похоже на подвижность. Словно перемещаются», – внес уточнение Орш.

«Бестелесная форма жизни?» – предположил Хал.

Это было бы интересно, но возможно ли подобное в материальном мире? Да и ощущалось пятно как-то иначе, нежели в прежней жизни воспринимались мы, эдайти.

«Не дум...»

Мысль Хема не успела оформиться, а мы дружно застыли, подчиняясь единому ощущению накатившего давления. Что-то возникло в пространстве. Что-то, не связанное с отсутствующим светом и влиянием ультразвука. Сложное неидентифицируемое явление, которое без мысленных подсказок моей добычи мне было сложно облечь в смысловую словесную форму. Воздух вокруг словно уплотнился и наэлектризовался, породив то самое ожидание неведомого.

Угроза?

Так и не обнаружив подходящих в пищу живых объектов, мы сосредоточились на опознании причин явных изменений, происходящих в окружающей среде. При этом продолжали движение, не видя причин останавливаться. Гигантские окаменевшие кристаллы все так же устремлялись к небу, заставляя нас лавировать между ними, избегая соприкосновений с гранями, способными отсечь конечность.

Отслеживая перемещение, я отметил, как ловко Щег увернулся от выступающего на пути острейшего отростка, сместился чуть в сторону и в следующий миг... исчез вместе с высоченным голубоватым кристаллом, рядом с которым находился.

«Щег!» – единый мысленный вопль оглушающей силы и синхронное движение. Все мы как один кинулись к месту, где только что стоял собрат. Но в ответ, притормаживая наш маневр, метнулась неведомая тень, уже в движении превратившись в огромное существо.

«Съедобно!» – Рефлексы оболочек сработали молниеносно, распознав пригодное в пищу еще до того, как мы кинулись на

свалившуюся на нас из ниоткуда добычу.

И все же не голод управлял нами, когда, не задумываясь и не анализируя, мы так же стремительно, как появление этого существа, атаковали. Сейчас оно предстало перед нами не пищей, скорее преградой. Отвлекло от несоизмеримо более важного: спасения собрата, с которым что-то произошло. Какой бы невероятной ни была мысль, но каждый из нас отчетливо осознавал: Щег исчез, будто за доли мгновения бесследно растворился в воздухе.

Действуя, словно единый организм, сразив противника – неизвестного хищника, – ни один из нас даже не подумал заняться изучением добычи. Совсем иные потребности управляли сейчас каждым эдайти, допустившим, как нам казалось, роковой просчет...

В голове родилась единственная мысль: оболочка подвела! Ее несовершенные зрительные органы подвели, и все мы видим то, чего быть не может – отсутствие одного из нас! Словно бы его физическое тело развоплотилось, явив взамен неизвестного противника, который вознамерился атаковать, посчитав нас добычей. Но мы, разумеется, оказались быстрее.

Итог – прижатая к поверхности туша неизвестного существа у нас под ногами. И по-прежнему необъяснимое отсутствие Щега.

«Что, если...» – начал Тас и оборвал себя.

«Может ли быть?..» – продолжил Хем.

«Случайно нашел способ отделиться от материального тела?» – Орш поспешно завершил невероятную мысль, которая накрыла нас одновременно.

И тут же пришло общее разочарование – нет, это не объяснение. Ведь тело, пустое и бездыханное, все равно осталось бы!

«Щег?»

«Щег... Щег! Щег?»

Каждый из нас звал собрата. Все мы недоступным пониманию образом ощущали его присутствие, но... его не было. Нигде! Забыв о голоде и так удачно оказавшейся рядом съедобной добыче, мы вновь и вновь торопливо прощупывали местность. Сканирующие волны сознаний эдайти разлетались во всех направлениях – мы раскинули поисковые щупы на максимальный радиус, но... Щега не было! И одновременно он существовал. Был жив – факт, явственно осознаваемый нами.

«Как такое возможно?»

Случилось что-то, с чем мы прежде не сталкивались.

«Почему он не откликается?»

«И мы его не слышим!» – наблюдательность Орша помогла обратить внимание на еще одну странность – распознать мысли собрата не получалось. Все усилия оказывались тщетными, будто что-то неодолимое отделило нас от Щега. Как физически, так и ментально.

Кажется, раньше мы ни на что не реагировали так остро. В прежней жизни мы никогда не теряли одного из своих: или исчезали все разом, или существовали все. А с учетом того, что нас в принципе осталось так мало...

«Надо вспомнить, как это случилось», – я надеялся отыскать объяснения в предшествующих событиях.

«Стремительно даже для нашего восприятия. На этом месте полыхнуло мерцающее энергией пятно, подмеченное во время ночного патрулирования», – откликнулся Тас.

«Наэлектризовавшийся и уплотнившийся воздух», – следующее уточнение от Хала.

«Это все предвестники его исчезновения?»

«Еще это, – Хем пнул ногой пока еще живую и силящуюся вырваться из захвата добычу, – появилось ровно на месте Щега».

«В миг его исчезновения?»

«Нет», – немедленно ответил наблюдательный Орш, – *секундой позже».*

«Трансформация оболочки?»

Мы дружно уставились на существо, не представляя, имеет ли предположение реальную основу. Способны ли к таким метаморфозам материальные оболочки?

И все же, несмотря на отсутствие ответа на этот вопрос, способности эдайти говорили однозначно – внутри свалившийся из ниоткуда добычи нет нашего собрата. Это не он.

«Абсолютно не он!»

«Но я чувствую Щега... где-то», – затряс головой Тас, словно пытался разобраться в путанице мыслей и образов.

«Все мы чувствуем».

«Но найти и определить местоположение не можем».

«Тогда возвращаемся», – решил я, одновременно прислушиваясь к мыслям собратьев, оставшихся возле зарослей: не случилось ли и там чего-то странного.

«А Щег?»

«Мы не можем действовать разрозненно. Если отправимся на поиски, то разделимся. Это неверный подход. Поэтому возвращаемся, забираем всех и движемся вглубь леса. По ходу продвижения будем искать Щега».

Все приняли это решение, понимая, что собрат небеззащитен. И, пока жив, так же будет стремиться вернуться к нам.

«А добыча?» – пихнув ногой гигантскую тушу, обездвиженную нашим давлением, Орш напомнил о тех, кто помимо нас нуждается в пище, и все мы увидели образ Риша. И столь же сосредоточенно изучили обреченную жертву: две пары конечностей, мощное, но не неуязвимое тело, крупная голова с пастью, усеянной острыми пластинами, перепончатые выросты на спине. Однозначный хищник, возможно, способный к простейшему полету. Но самое главное, чутье подсказывало, что эта материя отличается от структуры кристаллов. Тело существа было иного состава. В его основе находился волокнистый белок. Именно то, что нужно для подпитки оболочки.

«Пробуем», – коротко бросил я, понимая, что в острогранных зарослях целиком эту тушу не протащить.

Не теряя времени, мы когтями распластали добычу на куски, действуя скорее инстинктивно – подобно тому, как бестелесными вытягивали в себя энергию, наполнявшую других. И после первого же проглоченного куска последовал общий вывод:

«Вкус хороший».

«Идентичен съедобным выростам в нишах окаменевшего гиганта возле болота».

«Точно! Такая же сочная волокнистая ткань. Только без пробуждающего безумный голод аромата!»

Клыки разрывали питательную материю, мощные челюсти перетирали ее, насыщая тело. И ничто не мешало нам вести мысленный диалог, одновременно продолжая фиксировать размытое ощущение присутствия Щега.

«Возвращаемся. Начинает светлеть».

Наша охота увенчалась успехом – добытая туша оказалась так велика, что даже после полного насыщения всем пришлось изрядно нагрузиться огромными кусками сочащейся аппетитным соком плоти, что напитает ресурсы оболочек оставшихся в ожидании собратьев.

Пищу мы получили, но еще столкнулись с чем-то неоднозначным. Впрочем, и в этом разберемся. Это лишь вопрос времени...

Глава пятая

Наблюдатели

Троя

– Ушли?

Мне не требовалось пояснений: штурман спрашивал о вездесущих амиотах. Вернее, о том из них, кто постоянно держал меня подле себя. И группе его неизменных сопровождающих.

– Да... думаю, ушли, – прошептала я в ответ, практически уткнувшись в ухо мужчины.

Мы сидели близко друг к другу прямо на холодной заснеженной земле. Где-то рядом, чуть в стороне, лежали останки погибшего военного, с которого один из амиотов содрал скафандр. Неожиданно наступившая темнота не позволяла мне вновь и вновь обращать взор к тому месту. Но спокойнее от этого не становилось.

Всеми силами старалась совладать с эмоциями, однако ощущение дрожи, сотрясавшей тело привалившегося к моему плечу штурмана, мешало. Еще и странное состояние тревоги... Не сразу поняла, что оно связано с амиотом. Я неведомым образом чувствовала отсутствие Седьмого. Или просто интуиция подсказывала, что монстр ушел?

– Ты должен надеть... это, – запнувшись, я ткнула Игеря в плечо.

В темноте мы не могли видеть следы крови на скафандре, но ее запах... Неважно. Воображаемый или реальный! Он усиливал панику и рождал отвращение.

– Ты спятила? Я не могу...

Игеря трясло. Он обессиленно обмяк, в поисках поддержки привалившись ко мне.

– Ты же замерзнешь. Надень, – продолжала увещевать.

В сумерках мир сузился до нас двоих. Я догадывалась, что другие амиоты рядом – изредка доносились похожие на бормотание звуки и стоны амиотов. Но как-то реагировать на их присутствие, опасаться или прислушиваться сил не было – ни моральных, ни физических. И не у меня одной.

– Какая разница? – голос мужчины дрожал. Возможно, он плакал.

Я и сама с трудом сдерживала слезы: после всех пережитых смертей, казалось, уже ничто не способно поколебать мое смиренное принятие происходящего. Но нет. То, как ужасно погиб этот человек, пусть он и произвел на меня неприятное впечатление... Такой смерти никто не заслуживает.

— Все, что нам остается, — цепляться за жизнь, — я заставила себя ожесточиться и настойчиво толкала сверток штурману в руки. — Не думай о случившемся. Сейчас намного важнее, чтобы системы обогрева этого скафандра работали. — Подняв глаза к небу, куда тише добавила: — Это место... оно жуткое. То ультразвук, то внезапная темнота, хотя лишь недавно наступило утро. И странный снег... Накануне ничто его не предвещало. Другой теплой одежды не предвидится, а с заходом розового светила снова похолодало. Что с климатом на этой планете? Вдруг дальше будут заморозки?

Игерь ко мне прислушался и, пересиливая рвотные позывы, кое-как на ощупь очистив скафандр от ошметков чужой крови, наконец оделся.

— Они с ним это сделали?

Говорил он глухо, но дрожал уже ощутимо меньше. А неприязненное пожевивание легко было объяснить воспоминанием о судьбе, постигшей предыдущего владельца скафандра. Ясно же, о ком речь...

— Не они. — У меня сомнений не было. — Те, кого они убивали, после смерти выглядели иначе. Да и зачем бы амиотам утром интересоваться его гибелью, если сами это устроили? Планета сама по себе гибельная. Или ты забыл сообщение переселенцев-колонистов?

— Амиоты куда большее зло, чем вся планета! Думаешь, почему ничто здесь не может их сокрушить? — Игерь не унимался.

Под влиянием согревающих систем его озноб прошел, темнота, дарующая условное уединение, никуда не исчезла, проголодаться мы еще не успели. Оттого весь свой пыл штурман направил на обличение врагов в моих глазах. Только я была с ним не согласна.

— Потому что идиоты ученые создали их такими! — запальчиво напомнила о реальных обстоятельствах. — И амиоты в этом точно не виноваты.

— Троя, я уверен, что в плену мы погибнем. И следующим буду я!

– Прекрати паниковать, – поспешила оборвать собрата, догадываясь, что оставшиеся в лагере монстры нас слышат. – Наша задача – держаться к ним ближе и не допускать ссор. Ясно же, что на этой планете безопаснее рядом с ними. А мы с тобой первые земляне, оказавшиеся в таком гиблом месте. Мало того, оставшиеся в живых! Следует сосредоточиться на этом, – продолжила тихо, надеясь, что к штурману вернется способность спокойно рассуждать и он меня услышит. Как скоро появится Седьмой? Возможно, у меня совсем мало времени.

– В каком смысле сосредоточиться? – удивился непонятливый собеседник.

– Надо собирать информацию! Узнать больше о планете. Вчера, засыпая, я подумала, что неплохо бы начать вести дневник, описывая события и местные явления. В скафандрах есть система фиксации.

– Пфф, – почувствовала, как землянин отмахнулся. – Зачем? Эти данные сгинут здесь вместе с нами. Впрочем, – он запнулся, но все же продолжил после небольшой паузы. – Ты наверняка проживешь дольше. Только будешь ли этому рада?

– На что ты намекаешь?

Штурман снова поднял неприятную тему? Сглотнув, невольно подумала: вчерашние измышления на мой счет для третьего пленника плохо закончились.

– Ты же заметила, – Игерь заговорил немного о другом лихорадочным голосом, выдававшим абсолютную убежденность. – Этих их самок... Их меньше! – в темноте он нашарил и судорожно стиснул мою руку, будто желал обратить на свои слова особое внимание.

– Пожалуйста, – умоляющим тоном пытаюсь вразумить собеседника, и я сжала ладонь мужчины, – не стоит болтать о таком...

Ощущение опасности усилилось, мне совершенно не хотелось обсуждать наших пленителей. Повода заподозрить их в сердечности не было, так к чему гневить лихо? Но Игерь словно обезумел, продолжая напрашиваться на проблемы и упорно настаивать на своих выводах.

– Их создали с прицелом на размножение, это же очевидно, раз есть женские и мужские особи. Но женских меньше, – шепотом разглагольствовал он, заставив меня посреди стылой от выпавшего снега поляны вспотеть от ужаса. – На всех не хватит.

Еще во время полета со всей очевидностью уяснив, что амиоты не осознают причин свойственной нам разнополости, я меньше всего желала просвещать их. И без вчерашних скабрёзных намеков военного сама беспокоилась из-за манеры Седьмого держать меня при себе, потому и гасила любые мысли на сей счет, уверившись в его способность слышать невысказанное.

Идея, что я могу нравиться этому существу, нравиться как женщина, казалась мне абсурдом. Какие симпатии к еде?! Откуда взяться понятию о симпатии у тех, кто не знаком с самой возможностью чувствовать и испытывать эмоции? Да, им создали тела. Но что такое тело без души? Субстанции, которые ученые вселили в искусственно созданные оболочки, несомненно, разумны, но совершенно бесчувственны.

А оболочки очень впечатляющие! Они сбивали с толку, пугая, но и пробуждая некий интерес. Поражали воображение. То, что выдержали эти тела, впечатляло. Амиотов создали неуязвимыми, с массой способностей. И, как совершенно правильно заметил Игерь, одной из них является возможность размножения. Только пусть амиоты никогда об этом не узнают!

Радуюсь отсутствию Седьмого, невольно оглянулась, забыв о темноте и подспудно желая удостовериться, что он не услышит.

– Эй, – спешно перебила штурмана, сообразив, к чему ведет соплеменник. Еще и схватила его ладонь второй рукой, судорожно ее подергав. – Так что насчет наблюдений за планетой? Про ультразвук надо в первую очередь записать. Это фактор, существенно влияющий на нам подобных. Что мы уже знаем?

– Отбрось эти бредни, – сердито посоветовал Игерь и, словно не замечая, что делает, накрыл мою руку своей. – Если мы каким-то чудом сможем выжить и добраться до своих, нам достаточно будет сообщить: эта планета – самое гиблое место во вселенной. На этом все!

– Добраться до своих? – повторила на автомате, сраженная словами штурмана.

Насколько же разные у нас мысли! Я себе думать об этом запретила, еще во время полета решив, что прошлое потеряно навсегда. Отныне оно так же далеко от меня, как эта планета от Земли.

Все равно что в другой реальности. Мне казалось, теперь у нас одна задача – приспособиться и выжить здесь.

– Должен быть способ! – с убежденностью фанатика зашептал Игерь. – Я тут подумал...

– Да заткнись уже! – Не выдержав, оттолкнула мужчину, оборвав на полуслове.

Стало страшно, что он просто обезумел! И погибнет прямо сейчас из-за сдавших нервов.

– Троя... – Игерь снова подался ко мне и, ткнувшись губами в ухо, упорно пытался что-то прошептать, но я отшатнулась.

– Амиот возвращается!

О том, кого именно я подразумевала, двух мнений не было. Слова стали попыткой уstrasшить штурмана, заставить замолчать. Но, уже произнеся завуалированную угрозу, вдруг поняла, что реально ощущаю необъяснимое наитие – Седьмой где-то рядом.

На Игеря упоминание о вожаке возымело эффект – он наконец отстранился, застыв в чинной неподвижности, взглядом обшаривая все вокруг: от песчаных окрестностей с вкраплениями разноцветных кристаллов до плотных сплетений ветвей-отростков странного леса. Темнота начала рассеиваться. Тонкая полоска голубого зарева окрасила небо в светлые оттенки. Светлело и вокруг нас – стоянка-лагерь амиотов просматривалась все лучше и лучше.

– Голубой гигант восходит, – прищуриваясь от ярких даже сейчас лучей, заметил Игерь.

Голос его звучал спокойно, а фраза разумно, и я с облегчением выдохнула. Оставалось надеяться, что остальным амиотам до нас нет дела, и они не особенно прислушивались к перешептываниям пленников.

Со всей этой нервотрепкой я даже не оделась толком, лишь максимально укуталась в куртку, сдернутую с товарища по несчастью. Вряд ли амиоты останутся здесь надолго, значит, вероятен новый переход. И лучше, если одежда на мне будет удобной, а не рваной-лохмотной. Может, пока Седьмой не появился из своей вылазки-разведки, мне стоит вернуть Игерю его куртку, обменяв ее на страшным образом освободившуюся одежду?

Скосив глаза на демонстративно отделившегося от меня на пару шагов штурмана, с огромным трудом сдержала рвотный спазм при

виде темных и зеленовато-бурых пятен на поверхности его облачения. Уже потерявшая четкость картинка жалких остатков тела прежнего владельца скафандра, буквально вытекших наружу, едва эту куртку распахнул амиот, вновь встала перед глазами.

Брр... Малодушие взяло верх. Зато разум сообщил – я точно последняя, кто может осуждать этого парня! Сама бы захлебнулась рвотой, если бы на меня натянули одежду, снятую с трупа. Да еще с такого! Можно ли удивляться лихорадочному возбуждению, что охватило Игеря? Я бы на его месте еще и не такое высказала.

Здравомыслие подсказывало – надо быть практичнее! И сильнее. У нас больше нет права на взыскательность и разборчивость! Как нет и возможности думать о мертвых. Надо выжить самим!

Резко переведя взгляд на амиотов, большей частью кормивших и помогавших расхаживаться тем из своих, кто плоховато справлялся с телами, решила заняться собой, вернее своей одеждой. Голубоватый свет принес пока едва ощутимое, но все же тепло – холод отступил, белоснежные хлопья испарились, словно их никогда и не было на поляне.

Верх скафандра, безжалостно разодранный Седьмым, пришлось отстегнуть от брюк. Ну хоть они сохранили свою форму и функциональность, уже хорошо. Форменная куртка Игеря пришлась впору. Он, не в пример Дорану, имел не самое мощное телосложение.

На одежду штурмана старалась больше не смотреть, страхась увидеть следы крови ее прежнего владельца. И всеми силами контролировала свои думы, которые упорно возвращались к вопросу: откуда у меня такая уверенность в скором появлении амиота?

Открепив функциональный браслет от бесполезного рукава скафандра, надела устройство на руку. Понятно, что большая часть его функций, необходимых для регулировки жизнеобеспечения, теперь бессмысленна, но тот же блокнот, например, или диктофон работали прекрасно.

– Все же будешь записывать? – скептически поморщился, проследив за моими действиями, Игерь. Он поразительно собрался и преобразился с приходом дневного света, будто вспомнил о необходимости играть некую роль. – Может, ты и права. Когда в жизни есть дело, проблемы воспринимаются не так остро...

Голос штурмана звучал отстраненно, он словно задумался, хмурясь и покусывая губы, не отрывая взгляда от вещей, которые оставшиеся на стоянке амиоты вытряхнули из контейнера, изучая. Мужчина подался к ним всем корпусом, видимо, что-то его заинтересовало.

– Ты чего? – напряглась, отвлекаясь от своего занятия.

– Я понимаю – контейнеры с едой и шмотки... Но портативная система дальней связи?.. – по-прежнему не сводя глаз с груды, пробормотал мужчина. – Зачем они ее с собой тащат?

– Вряд ли они вникали, что есть что, – пожала плечами, не понимая, почему он придает такое значение этой вещи. На таком расстоянии от ближайшего освоенного сектора космоса никакой передатчик не потянет. – Хватали все, что могли унести с транспортника. Наверное, решили вытащить, а потом разбираться. А чем она тебя заинтересовала?

– Ничем, – зыркнув на меня, неожиданно лаконично шикнул Игерь. – Ничем... – повторил, закрывая глаза и запрокидывая голову, словно вознамерился вздремнуть, наверстывая время, потерянное из-за утреннего холода.

Я пожала плечами и продолжила кромсать остатки одежды, сооружая пояс и настраиваясь принять с должным спокойствием все сюрпризы нового дня. В том, что они будут, даже не сомневалась.

Не хочет Игерь говорить – не надо. Может, и правильно делает. Пусть штурман об этом не догадывается, но я же как открытая книга для Седьмого, и лучше мне не знать ненормальных мыслей собрата.

Седьмой и амиоты, которые куда-то исчезли после наступления кратковременной утренней тьмы, появились на поляне так внезапно, словно бы конденсировались из воздуха. Я склонилась к грубому самодельному поясу, затягивая его на талии, – амиотов еще не было. А когда спустя мгновение подняла взгляд – они уже стояли на поляне, привычно безмолвно переглядываясь со своими.

От изумления сразу выхватила важную деталь: ушли пятеро, а вернулись четверо! Где еще один? Остался в арьергарде? Не погиб же? Последнее не укладывалось в голове – обладатели специально созданных оболочек после всего, через что мы прошли, воспринимались мной как совершенно неуязвимые.

А если все же погиб, значит... Значит, в этом лесу есть нечто кошмарнее амиотов?!

Стоило подумать, как Седьмой обернулся, практически пришпилив меня взглядом к земле. Я физически ощущала, как его глаза медленно путешествуют по моему телу и замирают на правом плече и руке, которых касался Игерь.

Крылья идеальнотескуьптурного носа серокожей «статуи» дрогнули, перепугав меня подозрением, что похититель и на расстоянии нескольких метров способен учуять чужой запах на моей коже.

Ох, мои мысли... Хлопнула себя по лбу, рьяно принимаясь вспоминать... о динозаврах.

Почему? Да просто в панике в сознании возникли гигантские скелеты давно вымерших тварей, что видела в детстве в музее. Что угодно, лишь бы не думать об Игере!

Фокус сработал – амиот отвернулся. Но через пару моих быстрых вдохов подошел, протянув какое-то растение. Плотный стебель, увенчанный вкусно пахнущей «шишечкой» размером с приличный хлебный батон. Вчера вечером чем-то подобным кормили моих соплеменников.

– Надо есть, – коротко и безэмоционально прокомментировал подношение, подпихивая его мне под руку.

Стоило инстинктивно ухватиться за стебелек, как Седьмой демонстративно впился своими жуткими клыками в экземпляр, оставшийся в его руках. Кожура шишки смачно лопнула в мощных челюстях – аппетитный дух усилился, и я едва не захлебнулась слюной. Точно еда!

Скользнула взглядом по сторонам – все амиоты трапезничали, активно уничтожая приличную горку этих съедобных отростков. Откуда только взялась?

– А он?

Прежде чем надкусить местный гибрид плода, овоща и дичи, я осторожно указала на Игеря. Уж слишком нарочито вышло: ели все, кроме него.

Седьмому мой маневр не понравился. Сама не знаю, как поняла это, но руку поспешно отдернула, пожалев об инициативе, однако

амиот не глядя пихнул еще один стебелек штурману. При этом почти угодил ему кулаком в лоб.

– Опять? – едва успев отшатнуться, с подозрением прошипел соплеменник, буравя ненавидящим взглядом руку Седьмого. Тот, к счастью, этого не заметил, продолжая смотреть на меня. – Что, если в этой еде причина гибели военного?

Мысленно застонав, прокляла упрямство Игеря: очевидно же, что он не прав.

– Не ешь? – Седьмой не шелохнулся, продолжая изучать меня, но уголки его губ дрогнули, выдавая довольство. – Пойдешь голодным.

Амиот отдернул руку и поднес предложенную штурману пищу к своему уже успевшему перемолоть первую порцию рту. Пара хрустких движений зубами – и от еды не осталось ни крошки.

Испытав прилив жаркого страха, что и меня заставят топтать впроголодь, спешно надкусила свою шишку. Немного пряный сок, похожий на мясной, заполнил рот. О том, можно ли это есть сырым, старалась не думать, как и о неизвестных науке местных паразитах и патогенах. Какая, в сущности, разница, если пища вкусна, а альтернативы нет?!

Стараясь не отставать от монстра, в считанные минуты уплела свою порцию. И с грустью заметила недобрый взгляд Игеря, направленный на амиота: испытание голодом точно не сделает штурмана доброжелательней.

– Нужно идти. – Седьмой поднялся, едва я проглотила последний кусок.

Меня потянул за собой. О втором пленнике он вновь не вспомнил.

– Куда? – спросила первое, что пришло в голову. – В лес?

– Через лес, – к моему удивлению, уточнил амиот и посмотрел на заросли. – Немного. С грузом будет сложнее. Между кристаллами мало места, чтобы нести Трою.

– Не надо меня нести, – спохватилась, вспомнив массу «приятных» ощущений, когда приходилось висеть вниз головой, болтаясь на плече амиота и цепляясь за него руками. – Я и сама в состоянии идти.

Бросив на нас угрюмый взгляд, Игерь отошел в сторону и остановился возле ближайшего распотрошенного контейнера, который ранее гипнотизировал взглядом. Мысли о том, зачем он там топчется,

пока амиоты массово навьючивают на себя нехитрый скарб, у меня не возникло. Наверняка надеется отыскать еду из числа корабельных пайков.

Штурман так долго мялся на месте, озираясь по сторонам, что в итоге один из амиотов оттолкнул пленника. Небрежно запихнул рассыпавшееся содержимое обратно в контейнер и легко вскинул его на плечо.

По незримой команде все синхронно двинулись вперед, и это меня поразило. Спустя всего лишь несколько сумасшедших дней с побега со станции монстры, попавшие на борт звездолета на руках собратьев, уже шли уверенно и самостоятельно!

«*Та самая...*» – невольно отметила амиотку, ставшую причиной конфликта между ее собратьями в первые часы полета.

Вплотную за ней двигался еще один из знакомых амиотов – он чаще других оказывался рядом с моим похитителем.

«*Надо как-то назвать их*», – размышляла я, бочком просачиваясь между двумя высокими кристаллами. Ребристые грани этих колоссов оказались острыми. И я бы давно порезала защитный материал скафандра, если бы на плечо вовремя не опускалась направляющая рука Седьмого.

В первый раз, напугав прикосновением до икоты, он, вероятно, счел мою реакцию забавной, поскольку затем регулярно повторял этот маневр, уверенно координируя действия моего тела в опасные, с его точки зрения, моменты. Опасаться было чего: больше всего этот лес напоминал мне механизм мясорубки, где окаменелым исполинам-кристаллам отводилась роль ножей, либо громадные акулы зубы. Для преодоления этих зарослей требовалась концентрация – все внимание уходило на изучение поверхности под ногами и рядом с телом, чтобы избежать соприкосновения с острыми, как лезвия, гранями.

– Орш, – вдруг произнес Седьмой. – Обозначение, – пояснил, указав рукой на мужчину, что шел по пятам за амиоткой. И, чуть помедлив под моим озадаченным взглядом, перевел руку на нее. – Риш. – Затем на меня. – Троя.

Это их имена! Риш – амиотка. Жуткий тип, который ее отвоевал и теперь явно опекает, – Орш.

Я кивнула, запоминая, и проявила понятное любопытство:

– А ты? Обозначение?

Надо поддерживать любые доброжелательные порывы. Почему-то казалось, так амиоту будет сложнее просто взять и убить меня.

– Кин, – очередное короткое заявление от устрашающего мужчины. При этом он легонько подтолкнул меня в плечо. – Троя идти.

Спешно шагнула вперед и тут же снова замерла, остановленная ладонью Седьмого. Подняв взгляд, сообразила, что проморгала свисающий сверху острый отросток. И быть бы моей голове пробитой, если бы не молниеносная реакция амиота.

– Дьявольские столбы! – гневный вскрик Игеря позади заставил обернуться и вытянуть шею, чтобы из-за необъятной фигуры Седьмого увидеть штурмана.

Он шел едва ли не последним. Собственно, казалось, амиотам вообще безразлично, следует за ними пленник или остался на опушке. Но, разумно рассудив, что одному здесь не выжить, Игерь зашагал за всеми. Только никто и не думал вовремя останавливать его, оберегая от травм. Оттого он неустанно ругался, налетая на местную флору.

Однако именно благодаря своему любопытству, оглянувшись на штурмана, я неожиданно поймала взглядом других персонажей – Орша и Риш, что двигались рядом. Риш уже не заваливалась беспомощно на бок, как поначалу, но смотрелась все еще неуклюже. Особенно на фоне своего ловкого и стремительного спутника.

Момент, когда он с неуловимой скоростью втиснул ладонь между ее щекой и острым стволом, я и зацепила. Глубокий порез, мгновенно набухший кровью, поразил куда меньше, чем потрясенно уставившаяся друг на друга парочка. Они замерли, всматриваясь в лица, ладонь Орша по-прежнему прижималась к щеке Риш. Казалось, оба дышать перестали, а потом... амиотка как-то медленно и неумело, словно в жизни этого не делала, подняла обе руки и обхватила ладонь своего защитника.

Нежность?! В ее взгляде, осторожном прикосновении было что-то, так похожее на ласку, что я опешила. Отрезвило, напомнив, за кем наблюдаю, лишь осознание, что полученный Оршем порез успел за эти мгновения затянуться.

Я схожу с ума, раз предполагаю подобное у монстров!

Подумала – и тут же, испугавшись, что Седьмой уловит, лихорадочно попыталась занять свои мысли чем-то нейтральным. Да

вот хоть бы освещением – густые острогранные заросли легко приглушали голубоватое свечение местного солнца.

– Иди, – словно намеренно напомнил о себе мой похититель, потянув за руку.

Отвела взгляд от остолбеневший парочки, сосредоточиваясь на том, кто незаметно проскользнул мимо меня, пока я глазела на Орша и Риш. И теперь тянул за собой, вынуждая двигаться. Это было разумным напоминанием, но почему он взял меня за руку?! Кажется, впервые поступил так по-человечески. Таскание меня под мышкой не в счет.

Растерявшись и забыв и об Игере, и о романтической парочке амиотов, я бездумно брела вперед, полностью положившись на «рулевого».

Как давно мы уже идем? По ощущениям казалось, что несколько часов – ноги изрядно гудели, глаза слезились от сухости воздуха и необходимости постоянно смотреть вперед.

Мысль оборвалась – я клюнула носом мужскую спину. Обнаженную, ведь рубашку в дополнение к армейским брюкам Седьмой накинуть так и не удосужился. Едва не упала, когда он резко замер. Удержалась на ногах лишь потому, что амиот рванул меня к себе и прижал к груди.

Сердце от неожиданности бешено заколотилось. Почему мы остановились? Что он делает?!

Боковым зрением заметила – замерли и другие, шедшие рядом и впереди. Игерь, наконец догнавший всех, тоже застыл, вытягивая шею в попытке рассмотреть причину задержки. Я тоже попыталась углядеть препятствие, оказавшееся на нашем пути. Очередная странность? Присмотрелась в надежде отождествить неведомое нечто с чем-нибудь знакомым. Словно оттого, что я дам этому название, мне станет проще. Мысленно засмеялась. Наивная! Разве так бывает на планете, где все незнакомо и пугающе опасно!

– Станет, – вновь в унисон моим мыслям проурчал Седьмой. – Нужно. Всем.

Невольно вздрогнув от подобной прозорливости, взглядом по-прежнему изучала то ли новую форму жизни, то ли необычное природное образование. Увиденное впечатляло.

Большая поляна, на границе с которой остановились амиоты, полностью свободная от кристаллов – ни «деревьев», ни «травы», – казалась гладкой, как зеркало или поверхность ртути. Нарушало гармонию идеальной ровности лишь невысокое вспучивание в ее центре. Словно в жидкость что-то бросили, и поднявшаяся волна навеки застыла в момент движения.

Я бы и рада была сделать какое-то предположение, но увы, в сознании ассоциаций не возникло. Оставалось непонятным, жидкое это или твердое – никто из амиотов границу желтого песка и серебряной поверхности не пересекал.

«Вот если бы потрогать... Хотя нет, вдруг эта штука опасна? Швырнуть туда что-то для начала? Что-то ненужное... Да вот хоть горсть песка».

Мысль о попытке исследовать очередное местное нечто еще не успела оформиться в голове, как рука Седьмого уже отодвинула меня в сторону, ровнехонько под крыло спутника Риш, которую тот придерживал за локоток. Возможно, упреждая этим вероятность ее крена в гипотетически опасном направлении?

Теперь Орш свободной рукой сжал и мое предплечье. Видимая легкость прикосновения не могла обмануть – я осознавала, что меня, выражаясь языком профессионального вояки, зафиксировали на месте.

Но почему?..

Ответ пришел молниеносно, как и все, что делали амиоты. Мимо, накрывая ужасной догадкой, в буквальном смысле просвистело тело Игеря. Взмыв по дуге, словно камень, выпущенный из пращи, штурман эффектно рухнул вниз. Аккурат в застывшее зеркальное озеро. Какие же проклятия он при этом изрыгал...

Испытав шок, даже не осознавая, я начала верещать, но, глянув на лицо Седьмого, который и отправил Игеря в неизвестность, умолкла. Уголки его губ едва приметно поднялись. Я бы голову в заклад отдала – амиот был сверх меры доволен собой.

– Нашел ненужное, – заявил ровным тоном, заставив меня испытать муки совести: штурман пострадал из-за моих идей!

– Твари! Чтоб вам всем гореть в аду! – вопил Игерь, буквально разрывая повсеместную тишину этого места.

Поверхность, на которую он приземлился, оказалась твердой, как стекло. Скорее, лед. Потому как еще и скользкой – шипя и ругаясь,

мужчина попытался встать, но тут же вновь упал. Еще одна попытка – и снова падение. В итоге, призывая на головы амиотов все мыслимые и немыслимые кары, он пополз обратно на четвереньках. Игеря трясло как в лихорадке, испугался до одури. Впрочем, я сама дрожала, умоляя провидение позволить ему выбраться.

Но Провидению сегодня было не до богом забытой планетки. И не до мучений, уготованных землянину чудовищами. Зеркальная поверхность вздрогнула. По ней прошла рябь, затем края озерца приподнялись и всколыхнулись, скинув Игеря назад, ближе к центру. Новая встряска – и он уже совсем рядом с...

Я похолодела от ужаса, увидев, во что превратилось прежде бесформенное возвышение – вместо него появилась воронка с хищно мечущимися в ее недрах выростами, похожими на языки. Они лишь усилили ассоциацию с разверзшейся гигантской пастью хищника, что жаждал втянуть в себя попавшуюся на уловку безмятежности добычу.

Видимо, узрев и осознав то же самое, Игерь завопил и суматошно заскреб руками и ногами по скользкой поверхности. Отчаянное желание спастись заставляло его рваться на свободу. Трепыхаться до последнего, на пределе сил стремиться к нам, лишь сильнее увязая, все ближе соскальзывая к краю бездны...

Его крики ошпарили мои чувства реальной болью – мука, агония страха, какой-то животный безумный ужас звучали в них. Терпеть это было невозможно. Словно я сама сейчас погибала, извиваясь и обессиливая в неведомой пасти. Но амиоты стояли как ни в чем не бывало, наблюдая за происходящим со спокойствием и проблесками легкого интереса в глазах. Значит, спасать штурмана никто не будет.

Действия шли от сердца, разумом я и не пыталась осмыслить происходящее, просчитать свои шансы. Короткий рывок, стремительный прогиб – поднырнула под руку Орша, освобождаясь от его хватки. Было бы время, оценила бы секундную заминку амиота, он же мог легко воспрепятствовать мне, но не стал, позволив подскочить к Седьмому.

Толку впиваться ногтями в это жилистое и прочное серокожее тело не было, но я все равно вцепилась ногтями в руку своего похитителя и завопила, захлебываясь истерикой и собственной болью:

– Кин! Кин! Умоляю! Спасите его! Он же живой!

Крик мой разнесся над чуждым лесом, вторя слабеющим хрипам Игеря. Осознавала ли я в этот миг, что делаю? Вряд ли. Думала ли о том, кого позволяю себе трясти, вцепившись в плечи? Что сама нахожусь рядом с тем, кто, подобно неведомой пасти, способен осушить меня за секунды и не поперхнуться?

– Черт с вами, лучше просто убейте его! Убейте! Сами! Слышишь меня?!

Орала так, что связки звенели от боли, а в ноздрях зазмеился аромат спекшейся крови. сжатые в кулаки руки вновь и вновь молотили по непрошибаемой груди монстра, не причиняя ему никакого вреда.

Подобно Игерю я билась в агонии, заведомо проигрывая – Седьмой лишь наблюдал, не отступив и на полшага под моим напором. Его голова немного склонилась к плечу, глаза чуть расширились, охватывая всю меня, содрогающуюся от раздирающих сердце эмоций.

«Бесполезно, – билась в голове единственная мысль. – Их ничем не проймешь! Игерь обречен».

В самые критические моменты мы видим жизнь иначе. Вот и я, словно парящий в воздухе дух, увидела себя со стороны. Маленькую в сравнении с громадным амиотом женщину, бессильную против его непоколебимой бесчувственности.

Порыв стал наитием. Я лихорадочно искала хоть что-то – способ его задеть, пронять, достучаться... Подскочив на носочках, из последних сил потянулась вверх. Обхватив шею мужчины, коснулась его губ своими...

Поцелуй. И внезапно – целый залп острейших ощущений.

Мои губы словно обрели сверхчувствительность. Я будто утратила связь с реальностью, утонув в потоке прокатившегося по телу жара. Так безумно, крышесносно ярко и нестерпимо мучительно... Точно почувствовала амиота от кончиков пальцев до последнего волоска на затылке, ощутила ритм биения его сердца, вкус его потрясения... Стала молнией, что прошла через все тело мужчины, внезапно развоплотив его на миллионы клеточек, сокрушив...

Наверняка это была самая бредовая идея за всю мою жизнь. Самая бессмысленная, но... она сработала. Седьмой пошатнулся и закрыл глаза. Его губы дрогнули, отвечая...

– Тро... – жалкий, уже обессиленно-смиренный хриплый вскрик-прощание.

Игерь!

Очнулась, разом осознав, что ничего не слышу, кроме ударов сердца мужчины рядом. Что забыла даже о цели, ради которой потянулась к нему. К чудовищу, погубившему множество мне подобных!

Отшатнувшись, в панике оглянулась вокруг: мир же не перевернулся и небеса не рухнули на мои плечи?

Одновременно с моим движением, словно получив незримый приказ, четверо амиотов сбросили на землю свой груз и стремительно метнулись к хищной поляне, без всяких сомнений пересекая границу сжимающегося озерца. Один из них, не притормаживая, подпрыгнул вверх. В момент, когда его ноги оторвались от земли, рука второго амиота крепко ухватила первого за щиколотку. Сам он тоже подпрыгнул, подталкивая дальше первого прыгуна.

Тот же маневр повторил третий из них, а четвертый, схватив за ногу своего собрата, остался стоять, упираясь ногами в песок. Немыслимое зрелище! Глаза сами распахнулись шире, а рот приоткрылся: акробатам такое и не снилось. Даже пережитая миг назад чувственная встряска отошла на второй план – я узрела чудо, призванное спасти штурмана.

Образовавшаяся цепь из амиотов действительно стала спасением для Игеря – первый, пролетевший дальше всех прыгун схватил жертву за ворот скафандра и рванул на себя. Смазанное движение, похожее на вьющуюся в воздухе веревку из тел, которое я толком не рассмотрела. И вот уже пятеро поднимаются на ноги за пределами опасной поляны. Вернее, четверо амиотов поднимаются, а пятый, Игерь, в шоке от скорости, с которой меняются обстоятельства, силясь поверить в то, что выжил, в ступоре сидит на земле, захлебываясь рваным дыханием.

Голова штурмана тряслась, руки и ноги дрожали, плечи ходили ходуном, а лицо отливало даже не бледностью, синюшностью...

– Игерь! Ты как?..

Попытку приблизиться к соплеменнику пресек Седьмой. вновь положил ладонь на мое плечо, категорично задавая вектор движения. В противоположном от штурмана направлении. Проговорил спокойно, словно исключительно для меня:

– Идти в обход.

Его прыткие собратья, подхватив свою ношу, дружно продолжили путь. Деловито, даже буднично, как если бы мгновения назад одному из присутствующих не грозила страшная смерть, а за этим не последовало героическое спасение.

Что они вообще такое, амиоты? Что может выбить их из колеи? Они же как роботы, бесчувственные и жестокие! И жестокость их даже не в способности уничтожить приличную армию численно превосходящего противника, а в безразличии к другим! Первое если не принять, то понять я еще могла – нас они воспринимают как возможную пищу, опять же, ради освобождения из плена все мы готовы переступить через жизни врагов. Но амиотам и в голову не приходит страшиться чего-то на этой неизвестной планете или спешить на выручку другому разумному существу. Одно слово – бесчувственные!

Воспоминание о пробудившейся эмпатии и неожиданно чувственном отклике Седьмого я от себя гнала. Мало ли что в истерике померещится? И дать ему повод услышать мои впечатления не хотелось – уж слишком все обескураживало. Седьмой в очередной раз удивил, снова спутав все мои представления о нем.

С одной стороны, немыслимая, какая-то до безумия пренебрежительная манера поведения в отношении Игеря. Амиот не уничтожал его, но поступал неизменно жестоко! С другой – вопреки всему он отозвался. Его собратья пришли на помощь штурману с безмолвного одобрения Кина.

Точно!

Глаза непроизвольно распахнулись шире: я вспомнила, что в пылу эмоций взывала к нему, назвав тем именем, как Седьмой представился совсем недавно.

Выходит, имена, или клички, или что там еще у них – Кин, Орш, Риш... Эту троицу безжалостных похитителей я уже отлично идентифицировала. Есть ли шанс если не сблизиться, то хотя бы установить с ними контакт? Для начала с этими тремя?

Вокруг постепенно темнело. Острые края кристаллов, меж которых мы лавировали, продвигаясь вперед, все так же угрожали порезами. Казалось, мы плутаем здесь несколько суток – ноги гудели

от усталости. И ладони саднили – кажется, я отбила их о каменный торс амиота.

– Двужильные твари... Чтобы вас всех темная бездна засосала...

Отголоски бормотания Игеря, что изредка удавалось разобрать, служили утешением: где-то позади землянин тоже идет в общей компании. Остальные безмолвствовали. Устало поморщившись, споткнулась. Ладонь Седьмого, который так и придерживал мое плечо, немедленно сжалась, уберегая от падения. И я решилась.

– Кин? – слетело с губ едва слышным лепетом, но амиот – не сразу, а словно выдержав удивленную паузу, – бесстрастным тоном ответил:

– Да?

– А этот погибший... утром. В чем причина его смерти?

– Съели насекомые, – сообщил так же отстраненно, без намека на эмоции.

Ничего себе тут насекомые! Мысли усомниться в словах не возникло, а я ухватилась за возможность диалога.

– А почему других не съели?

– Нас не могут.

Понятно, он об амиотах. В их неуязвимость перед гнусом я тоже с легкостью поверила – такие шкуры никому не по зубам. Отлично справились создатели их тел.

– А меня? Или Игеря?

Упомянуть штурмана было страшновато, но я опасалась, что иначе амиот может дать необъективный ответ.

– Вы были рядом. Не отходили.

– Это как с ультразвуком? – осенило меня. – Рядом с вами безопасное пространство? Вы отпугиваете... насекомых?

Кто знает, может, феромоны какие-то продуцируют, неприятные для местных хищных комаров.

– Съедаем.

Ответ в духе монстров! Сглотнула, уже не уверенная, что готова к такому диалогу. И поспешно сменила тему, не решившись выпытывать подробности.

– А когда вы ушли в лес, – осторожно взмахнула рукой в направлении ближайших кристаллов, жестом поясняя слова, – почему вернулись не все?

– Щег пропал.

Опешив, я остановилась. Безликая тональность ответа лишь усугубила впечатления, а мои наихудшие подозрения насчет инопланетного леса нахлынули вновь.

– Он погиб? – прошептала потрясенно. – На него напали?

– Не погиб.

Амиот чуть подтолкнул меня в плечо, вынуждая идти дальше. Невольно отведя взгляд, заметила, что Орш и Риш прислушиваются к нашей тихой беседе.

– Тогда как он пропал?

– Исчез.

Что Седьмой имеет в виду? Растерявшись, по привычке попыталась оглянуться на ходу – порой недосказанное можно прочесть по лицу собеседника. Но это не про амиотов! И место неподходящее – тут же чем-то полоснуло по горлу. Вернее, полоснуло бы, не успей амиот в буквальном смысле сцапать меня за шею, и острая грань ближайшего отростка кристалла прошла по тыльной стороне его ладони. Мне же пришлось лишь ощутить отдачу от этого соприкосновения и отчетливо услышать рассекающий плоть скрежет.

Порезался?

Мы застыли на месте. Напрочь забыв о регенерации созданных учеными тел, судорожным движением обхватила руку мужчины ладонями, силясь оторвать ее от своей шеи и осмотреть. Это было инстинктивным порывом – так бы я поступила с любым другим. Военных учат не только нападать, но и оказывать помощь.

Вскрик мой вышел таким громким, что оглянулись все идущие цепочками амиоты. Игерь, прохромав мимо, и вовсе наградил меня красноречивым взглядом: спятила?

Кин разжал пальцы очень медленно, будто неуверенно. С толикой заторможенности позволил мне оттянуть его ладонь к себе. Словно не понимал, чего я добивалась.

Не обнаружив повреждений и запоздало сообразив, что мой порыв бессмысленный, вновь и вновь ощупывала мужскую руку, разглаживала поверхность бледной до серости кожи Седьмого, даже ближе к глазам ее поднесла, невольно согревая дыханием.

– Раны нет, – пробормотала скорее для себя.

– Троя должна смотреть вперед. Опасно смотреть назад.

Стыдобища, он меня еще и поучает. И ведь прав... на этот раз.

Спешно отвернувшись, поплелась за другими – из-за заминки мы оказались последними. Как относиться к амиоту, который то обещает убить, предварительно на моих глазах прикончив моего же напарника, то собой рискует, чтобы меня обезопасить, я не понимала.

И что он заявил про исчезновение собрата? Конечно, не факт, что мы под исчезновением понимаем одно и то же, но возобновить разговор не решилась. Кин тоже молчал. Сколько же еще нам идти? И куда?..

Погруженная в свои мысли, я лишь краем сознания отметила, что, углубившись в плотные заросли деревьев-кристаллов, мы еще трижды обошли подобные зеркальному озерку ловушки. Две были небольшими, а одна огромной. Интересно, чем же они питаются? Это должно быть что-то движущееся... Однако пока ничего активного и с конечностями так и не увидела. К счастью!

Впрочем, я все чаще ловила себя на мысли, что уровень моей беспечности зашкаливает, на гиблой планете, которую не смогли не то что колонизировать, но даже изучить. Иду через какой-то жутковатый лес, в котором пропал – что бы это ни означало – такой несокрушимый тип, как один из амиотов. И?.. И ничего. Особого страха, как в первые дни плена, нет. Потому что Седьмой идет позади? Что за игры подсознания?!

Но не зря говорят: думать о беде – все одно что ее накликать. Стоило, петляя, пройти еще метров сто, как, словно по заказу, на нас метнулась тень. То есть это мне она такой показалась из-за своей стремительной атаки. Что до амиотов... их лиц не покинуло скучающе-постное выражение, а ответные маневры оказались столь же молниеносными.

И моргнуть не успела, как на песке рычала и выла неведомая тварь, сплетаясь с телом Орша. Ростом с человека, узкая как змея, многоногая, с шестью горбами-наростами и совершенно мерзкой, шипастой двумордой головой. Оживший кошмар! Местная зверюга, несомненно, пригодная для пропитания хищных ловушек-озер.

От испуга и отвращения меня разобрал истеричный смех.

– Стой рядом.

Кин вдруг прижал к себе. Одновременно с его движением еще три гигантские многоножки рванули к нам, выпрыгивая из засады.

Чудовище оказалось не единственным. Амиоты об этом знали?..

Горбатым многоножкам не повезло. Из охотников они превратились в добычу – я успела лишь взвизгнуть и вжаться в рельефную грудь Седьмого, а амиоты уже деловито изучали судорожно дергающиеся на земле частично деформированные тела. Обнюхали, играючи оторвали одну из лап и швырнули ее Игерю.

Штурман, с отвращением рассматривавший местную живность, шарахнулся в сторону от упавшего рядом подарка.

– Еда, – пояснил бросивший.

Затем амиот сгреб всех многоножек в охапку и зашагал за вновь пустившимися в путь собратями. Случившееся минутами ранее уже никого из них не интересовало.

– Нам тоже. Идти, – потянул за собой Седьмой, снова взяв меня за руку.

Сердце ускоренно застучало, а ноги одеревенели, и я начала спотыкаться, странно отреагировав на новое «рукопожатие». Возможно, амиот способен распознать присутствие хищников, поэтому выступил вперед? Но почему сейчас эта его манера касаться меня начала смущать, а не пугать?

Страх, на удивление, не было. Ни перед угрозой в лице амиота, ни других неведомых живностей, что толкуются в этом лесу. Все заслонило смущение, руку словно сотнями крошечных разрядов покалывало. Нестерпимо хотелось вырвать ладонь из лапы Седьмого, но он не отпускал. Просто молча с неизменно каменным выражением лица шагал вперед, обводя меня вокруг опасно торчащих на пути кристаллов. Уж лучше бы таскал, перекинув через плечо, в том было как-то меньше личного.

Стараясь прогнать волнение, уже привычно заозиралась и заметила, что Игерь все же подобрал конечность многоногого зверя и теперь нес ее в руке, периодически поднимая к лицу, то ли рассматривая, то ли принюхиваясь. Неужели действительно решил съесть?

При мысли о пище рот наполнился слюной – с утра никто из нас не ел, а маршировать среди острогранных зарослей пришлось много часов. Уже не знала, отчего страдаю больше, от усталости или от голода. Но выбора не было – надо идти дальше.

Кристаллический лес никак не желал заканчиваться. Красные высокие деревья сменялись похожими на кустарники желтыми, тонкие синие – толстыми оранжевыми. Я потеряла счет времени, казалось, будем идти вечно.

Даже когда останавливались на подвернувшихся полянках для кратковременного отдыха или по зову тел, я лишь обессиленно оседала на землю. Перед глазами по-прежнему мелькала пестрота красок и форм. Что до некогда живых существ, которые безрассудно решили напасть на амиотов и чьи тела были практично прихвачены с собой, то на них смотрела практически с безразличием. Лишь отмечала, что лес обитаем.

Я устала, как не уставала уже очень давно. Устала удивляться, переживать, пугаться, смущаться, идти... В голове гудело, ноги дрожали, пот стекал по коже ручейками – голубое светило, давно прошедшее через зенит, раскаляло воздух, делая его жарким и невыносимо душным. Охватившая меня апатия не исчезла, даже когда на небольшом участке, относительно свободном от растительности, амиоты сбросили груз и начали обустраиваться на отдых.

– Ультразвук скоро. – Кин бросил на меня пристальный взгляд.

Выглядел он при этом вопиюще бодрым и полным сил. Долгий переход на нем не сказался – тела амиотов значительно превосходили наши с Игерем в выносливости.

Рухнув на песок, я мечтала лишь о том, чтобы избавиться от сводящего с ума ощущения пересохших губ, закрыть глаза и отрубиться. Ультразвук? Рой плотоядных насекомых? Хищные двумордые сороконожки размером с носорога? Сил бояться не осталось.

– Пить и есть. – В угодую моим мыслям и желаниям Седьмой впихнул мне в руки бутылку с водой и чудом сохранившийся корабельный паек.

Еда! Вода!

Голод и жажда заставили вскинуться, тело отреагировало всплеском потаенных сил. Забыв обо всем, схватила упаковку, чтобы немедленно, кусок за куском впихнуть в себя пищу. Жадно давась и подбирая с колен упавшие крошки.

Стыда не было. И взгляд наблюдавшего за мной Кина не способен был поколебать. На это банально не было сил.

– Дайте мне аптечку! Я требую! – голос Игеря звучал слабо, и я устыдилась, что эгоистично забыла о сородиче. Получил ли он еду, страдает ли от ран? – Треклятые кристаллы! На мне столько порезов... И синяки по всему телу. Нужно их обработать!

Он прав. Вокруг неизвестная патогенная микрофлора, любые открытые раны могут быть смертельно опасными.

– Пожалуйста... – Надеюсь, что взгляд передает мольбу, подняла глаза на Седьмого. – Игерю нужна аптечка. Это коробка с медикаментами в одном из контейнеров. Медикаменты – это лекарства. Помнишь, мы брали на корабле?.. – Запнулась. Вряд ли он понимает. Мысленно представила царапину, которую покрывают заживляющим кремом, и она исчезает. – Раны. Их необходимо обработать. – С небольшой заминкой амиот кивнул, явно усвоил этот жест согласия, переняв его из наших со штурманом редких разговоров. – Спасибо...

Я испытала облегчение, когда Игерь доковылял до контейнера, а один из амиотов помог снять крышку. Намеревалась было встать и помочь штурману, но сытость лишь добавила вялости, двигаться не хотелось. В конце концов, он же мужчина, может сам о себе позаботиться.

Сквозь мутнеющий от сонливости взгляд я какое-то время смотрела, как Игерь роется в контейнере, потом прикрыла глаза и, завалившись на бок словно дикарка, заснула прямо на земле. Что происходит вокруг, какие угрозы наступают на пятки – не волновало. Мое тело израсходовало все силы и нуждалось в отдыхе.

Глава шестая

Привал

Кин

Многое изменилось... Я испытывал практически осязаемую потребность во всем разобраться. Словно само мое тело требовало ясного и конкретного объяснения, подстегивая меня ощущением нарастающего в груди и животе напряжения.

День принес множество неясностей. Причем та, что казалась главной, вовсе не была связана с этим местом, тут все как раз понятно: физический мир лишь формами воплощения отличается от нашего родного. Что касается энергии, то она везде одинаково перетекает от одного объекта к другому. Так что мы с легкостью сможем здесь освоиться.

Но Троя... Она никак не вписывалась в понятную мне модель существования. Добыча совершала иррациональные поступки. И именно их значение я желал понять сильнее всего остального.

Наблюдая, как женщина сначала торопливо, а затем все медленнее пережевывает пищу, не терял из виду и второго пленника. Так и не присевший для отдыха, он ругался и требовал...

Аптечку? В мыслях Трои явственно увидел знакомый образ флакона, содержимое которого помогало заживлять раны.

Подобные повреждения у штурмана нас не беспокоили, этот пленный в принципе бесполезен. Не имеет значения, отчего он погибнет. Но если для него есть возможность оставаться в живых как можно дольше, то это в первую очередь несомненный плюс для нас — Игерь отличный материал для экспериментов с окружающим миром. Сегодня я в этом наглядно убедился.

«Дайте ему то, что просит, — бросил собратьям. — Шох! Контролируй его, будь рядом».

Так пленник избежит воздействия ультразвука, насекомых и хищников, что могут появиться позже. На нас все это не действует — доставшиеся нам тела неуязвимые и стойкие, поэтому на основе результатов влияния на них окружающей среды сложно делать правильные выводы. Значит, имеет смысл сохранить того, на ком это

воздействие проявляется явственно. Троя? Кинул на нее быстрый взгляд – глаза женщины почти закрыты. Сделать подопытной мою добычу? Нет! Игерь в этом качестве куда предпочтительнее!

Я уже оценил возможность испытывать на нем неизвестное. И это принесло неожиданные результаты. Поведение Трои изменилось. Ее действия спровоцировали новую реакцию моего тела. Пока непонятную, но впечатляюще мощную, полностью дестабилизирующую меня на некоторое время. Это и опасно, и интересно одновременно. И я обязательно повторю удивительный опыт с прикосновениями. Как выяснилось, они во многом зависят от того, какой частью материальных оболочек и с кем соприкасаться.

В этом я разберусь, а пока...

«Щег так и не нашелся», – одновременно со мной подвел итог Орш.

Поиски собрата и были основной целью сегодняшнего перехода. Те из нас, кому не достались «глухие» женские оболочки, неизменно чувствовали его где-то рядом. Поэтому точного направления движения не было. Мы просто бродили среди кристаллических зарослей, пытаюсь определить, где ощущение близости собрата было бы максимальным. Однако оно словно перемещалось вместе с нами, то отдаляясь, то приближаясь.

Дважды мне казалось, что мы в шаге друг от друга, но, когда я делал этот шаг, ощущение присутствия пропадало – Щег снова становился размытым отголоском своей сущности.

Явление непонятное, но мы знали точно – не уйдем, пока не познаем его суть, а судьба собрата не станет ясной.

«Он жив! Значит, мы сумеем найти его».

Помогая другим эдайти разместиться на поляне, периодически поглядывал на Трою. Она свернулась в комочек и ворочалась с боку на бок. Ей холодно? Жестко?

«Орш, – воззвал к собрату, – во время полета Троя советовала тебе что-то для Риш. Чтобы успокоить и позволить отдохнуть. Что?...»

«Подстилку!» – сразу откликнулся он, словно сам думал о том же...

В наш беззвучный мысленный разговор вмешалось шумное сопение:

– Дикари! Людоеды! Они что, думают, я стану сырым мясом питаться? Да и чье мясо-то? Всякую гадость в рот тащить?! Нет бы прежде просветить его в пищевом анализаторе... Должен же быть хотя бы один в комплекте с корабельными пищевыми пайками? И если съедобно, надо костерок развести, запечь...

Игерь, сосредоточенно выуживающий что-то из контейнера, бормотал едва слышно, но для нас его голос звучал отчетливо и громко. Мы внимательно прислушивались, недоумевая – чем ему не угодила еда? Отклик наших тел на структуру многоножек был однозначным: в ней нужный для оболочки набор веществ. Что пленник собрался делать с добычей? Для нас, существующих ради поглощения энергии, сама идея о каких-то приготовлениях к процессу питания звучала абсурдно. И непрактично!

Сместившись к Игерю, который с небывалым рвением копался уже в третьем контейнере, заглянул поверх плеча. Он вздрогнул.

– Э-э-э... ничего, я уже все почти нашел...

Побагровев, штурман суетливо прижал к себе стопку каких-то пластин в прозрачной упаковке, а черную коробочку с цифровым экраном и вовсе поспешно сунул за полу скафандра.

– Зачем это? – Я ткнул пальцем в упаковку в его руках. Искреннего интереса не было, но испуг пленника выглядел впечатляюще.

– Т-термиче... – начал он и запнулся, – термические горючие пластины. Чтобы... – Сглотнул, перевел взгляд на конечность местного хищника, предложенную ему для питания, а теперь лежащую на крышке контейнера. – Чтобы мясо приготовить. Я проверил, оно съедобно.

– Съедобно? – кляцнул зубами.

Вплотную приблизился к вмиг побелевшему пленнику. Не стоит ему забывать, что и он для нас сгодится в этом качестве!

– Если поджарить...

– Как это действует? – Я снова ткнул пальцем в плоские диски. Если уж мы прихватили с собой все, что удалось спасти с корабля, следует узнать его практическое применение.

– Запал поджигает горючее, – растерянно пробормотал Игерь. – Еще замедлитель срабатывает... Я не химик, мне проще показать, чем объяснить.

– Показывай.

Трясущимися руками он разорвал упаковку и вытащил верхнюю круглую пластину. Отложив остальные в сторону, присел, разровнял ладонью песок под ногами и аккуратно разместил на нем непонятный предмет. Ухватив пальцами тонкий шнур, выступающий из центра, резко дернул вверх.

Место контакта полыхнуло огненным росчерком, выбрасывая волну тепла и плазмы. Раздался вскрик не ожидавшего вспышки Риша. Это было так похоже на взрывы, которыми военные осыпали транспортник, чтобы нас уничтожить, что я не рассуждая бросился к губительной субстанции. Схватив за горло, рванул Игеря вверх, ногой затаптывая пластину в песок и уничтожая источник разрушительной угрозы.

– Решил нас истребить? – прошипел прежде, чем вырваться сутью эдайти из оболочки и поглотить замышляющего подлость пленника.

Но мужчина яростно замолотил по воздуху руками и так замотал головой, словно настали последние секунды жизни. Выпучив глаза в бессильных попытках вырваться, просипел:

– Это не то, что вы подумали! Это не опасно!

Помедлив, все же отпустил его. Пока! Любопытство пересилило – другие эдайти тоже наблюдали за происходящим.

Тяжело дыша, Игерь рухнул на песок. Отыскал глазами растоптанную пластину, от которой остались лишь фрагменты. Бросил на меня полный ужаса взгляд и потянулся к упаковке.

Дрожащая рука. Рывок. Вспышка.

Пластину снова охватил огонь, но на этот раз я сдержал порыв, позволив Игерю продолжить. Схватив кусок многоножки, он осторожно положил его на раскалившийся диск. Орш, стоявший с наветренной стороны за спиной пленника и подобно мне подскочивший с намерением его уничтожить, с интересом потянул воздух носом.

– Надо подождать, – сообщил штурман, когда я заинтригованно присел рядом, присматриваясь к тому, как обугливается и потрескивает кожа на лапе многоножки.

Запах, первоначально тревожащий, навязывающий воспоминания об оружии, вскоре сменился совершенно иным. И чем дольше питательная материя нагревалась, тем более сочным и насыщенным

становился аромат. Аппетитным в той же степени, в какой и вырос ты в нишах-ловушках живой горы, но без доводящего до безумия дурмана.

Даже спавшая Троя зашевелилась и приподнялась, приняхиваясь и осматриваясь.

– Хватит, наверное, – с долей неуверенности пробормотал Игерь, которому было неуютно в эпицентре нашего внимания. Натянув край рукава куртки на ладонь, он схватил совершенно видоизменившуюся конечность и вытащил из огня. – Горячая... – зашипел, торопливо поднимаясь, чтобы скорее положить еду на крышку ближайшего контейнера.

Посмотреть на процесс приготовления подошли и другие эдаиты и с тем же интересом, что и я, изучали трансформировавшуюся под влиянием высокой температуры материальную еду. Зачем делать это? Не проще ли употребить ее в первоначальном виде? Есть ли преимущества или какой-то еще смысл в таких манипуляциях?

По ощущениям пища осталась съедобной, пусть и изменившей первоначальную структуру, но привлекательность ее для оболочки на порядок повысилась. Все мы вдруг осознали, что рот наполнился жидкостью, призванной стимулировать процесс питания. Любопытное явление...

Штурман тоже сглатывал эту жидкость, с вождением обоня притягательный аромат. Питаться под прицелом наших взглядов ему было неуютно, но голод и пробудившийся аппетит пересилили. Отодрав жесткий обуглившийся верхний слой, Игерь обнажил матово-белую волокнистую субстанцию, усилив сочный аромат. Оторвал кусок и торопливо отправил в рот. Лицо мужчины при этом выражало удовольствие.

«Такая обожженная еда для материальных предпочтительнее», – сделал я очевидный вывод.

Это стало значимой информацией. Запасы пищи с корабля практически иссякли, а до шишек не всегда можно будет добраться, если мы уйдем от живой горы. Чем тогда кормить мою добычу? Но прежде нужно попробовать самому!

Ждать не стал, протянул руку и забрал с контейнера видоизменившуюся еду. Под пристальным жадным взглядом нервно дожевывающего свою порцию штурмана оторвал такую же полоску.

Надкусил, на миг замерев, анализируя впечатления вкусовых рецепторов оболочки: безопасно, вкусно, допустимо.

Передав поджаренную лапу Оршу, вытащил из второго контейнера кусок толстой ткани и с остатками горячей еды направился к недоумевающе хлопающей глазами Трое.

– Ешь, – присев рядом, протянул ей...

«Жареное мясо?»

Добыча активно задвигала носом, а в ее мыслях так четко и образно отразилось название, что я удовлетворенно кивнул – точное и конкретное обозначение. Все же необычайно удачно, что с нами оказалась именно Троя, ведь мыслей других пленных я не слышал. А как-то называть все эти новшества материального мира нам необходимо даже между собой.

Троя, прикрыв глаза и слегка покачиваясь от усталости, бездумно жевала, я наблюдал за ней и одновременно держал в поле зрения то, что происходило вокруг. Игерь забился в щель между большими контейнерами и злобно следил за процессом дележки. От жаренной им ноги уже ничего не осталось – Орш, демонстрируя присущую ему практичность, предусмотрительно разделил мясо на части, позволив попробовать всем желающим.

Интерес к модифицированной еде, подстегнутый аппетитным ароматом, пробудился у многих. В том числе и у обитателей «глухих» женских оболочек: не способные воспринять наши образные впечатления, они оглядывались на Игеря, явственно принохиваясь.

– Жареное мясо, – подхватив ретранслированное мною обозначение, Орш предложил новинку Ришу, – попробуй. – И заботливо предупредил: – Горячее!

Предпочтение, оказанное собрату, было понятно каждому: мы продолжали надеяться, что сможем выявить фактор, что позволит совершенствовать женские тела. Довести до общего уровня мысленного восприятия. Что, если это зависит от качества потребляемой пищи?

Риз и Шох, вопреки предупреждениям продолжавшие реагировать с излишней агрессивностью всякий раз, когда Орш оказывался рядом с Ришем, на этот раз отнеслись с пониманием. Троица с одинаковым ожиданием уставилась на вгрызшегося в пищу «безмолвного» эдайти с куда более рельефной оболочкой. Что, если поможет?..

– Нравится! – одобрил Риш, увы, все так же на словах. – А еще есть... жареное мясо?

– Он облизнулся, неловко пытаясь смахнуть с губ жирные капли. Отчего-то этот жест произвел на Орша, Шоха и Риза одинаковое впечатление: они застыли, уставившись на его рот.

– Есть?

Прозвучавший повторно вопрос заставил эдайти активизироваться. Но если Риз и Шох подскочили, развернувшись в направлении штурмана – с ним теперь ассоциировали новшество, то Орш, внезапно подавшись вперед, коснулся губ Риша ладонью, стирая аппетитный сок.

Оба вздрогнули, уставившись в глаза друг друга.

Не сразу сообразив, содрогнулся и я от пронзительного воспоминания. Когда губы Трои коснулись моего рта... Ощутили ли сейчас Орш и Риш нечто подобное? Это напрямую связано с губами? Стоит их коснуться, и сквозь тело словно проходит волна энергии. Невольно перевел взгляд на лицо Трои: вдруг нестерпимо захотелось испытать это вновь.

Оттого и пропустил момент, когда необъяснимая ярость накатила на двух братьев, увидел уже, как Риз и Шох кинулись на Орша. А он и вовсе допустил нападение, как-то слишком медленно, с явным усилием отстранившись от Риша.

«*Остановитесь!*» – шарахнул по сознанию всех троих, вынуждая замереть.

Разъяренная парочка пригвоздила Орша к земле, но сомнений не было – если он ответит им в полную силу, оба в считанные мгновения отлетят и ударятся оболочками о высоченные кристаллы на границе поляны.

– Прекратите! – тут же крикнул все увереннее пользующийся речью Риш. – Почему вы атакуете?

Хороший вопрос. Он занимал сейчас многих свидетелей очередного срыва. Лица участников свары перекосило – небывалое проявление эмоций для эдайти. Возможно ли, что оболочки этих двоих тоже бракованные, только не глухие, как в случае с Ришем, а излишне возбуждаемые? Уже появилось понимание, что всплеску агрессии всякий раз предшествует всплеск эмоциональный. Но что тогда с Оршем?

– Накормите его, – кивнув на Риша, как-то глухо и тоже вслух бросил он собратьям, ограничившись простыми толчками, от которых Риз и Шох плюхнулись рядом. Когда оба вскочили на ноги, Орш уже исчез за ближайшими кристаллами.

«*Осмотрюсь*», – пришла его сдержанная мысль.

Однако за нарочитым спокойствием я чувствовал такое знакомое... ошеломление. Больше всего это походило на бегство. Но от кого могут бежать эдайти?..

Впрочем, мимолетный инцидент быстро сошел на нет – эдайти вернулись к прежним занятиям, продолжая обустройство, распределяя обязанности и выбирая удобные места для ночевки. Троя и Игерь вообще вряд ли что-то заметили: уж слишком стремительными для их восприятия были действия моих братьев. Риз и Шох, объединившись, притащили и бросили у ног штурмана целую многоножку, выразительно указав ему на все еще не угасшую горячую пластину. Идея продолжить кормление Риша явно им понравилась.

– Э-э... – Пленный в растерянности выбрался из своего укрытия. Пнул ногой упругую тушу размером с самого себя и пролепетал: – Слишком большая.

Сообразив, в чем проблема, Риз и Шох разорвали многоножку на части и снова указали на них штурману.

– Сделай жареное мясо!

– Я в повара не нанимался... – протестующе заворчал тот, но, услышав рычание, которое дружно издали наблюдавшие за ним эдайти, тут же положил сразу три оторванные лапы на раскаленную пластину.

Скривился, вздохнул сокрушенно, вытащил из упаковки и зажег еще одну. Вновь полыхнуло вспышкой пламени. Мы же внимательно следили за процессом, анализируя причины и условия явления. Огонь как следствие трения особой по составу материи? Очередное открытие физического мира – нам прежним подобное не пригодилось бы. Сейчас же требовалось осмыслить практическую пользу.

Еда готовилась, распространяя по всему лесу необычные, наверняка непривычные местным обитателям ароматы. Это заставило меня проявить бдительность – неясно, привлечет кого-нибудь этот запах или отпугнет?

«Быть внимательнее, – предупредил собратьев. – Сегодня ночью бодрствуем, сменяясь, парами».

«Кто насытился – рассредоточьтесь на подступах к лагерю», – поддерживая меня, пришла новая мысль Орша, явно вернувшего концентрацию и самообладание.

– Еще? – вслух спросил я, обращаясь к Трое.

Она лишь покачала головой, отказываясь уже знакомым мне жестом. Прядь волос при этом прилипла к губам женщины, вновь приковав мой взгляд к ее рту. Прежде чем задался вопросом «почему», протянул руку и коснулся ее губ, отбрасывая волосы. Троя отшатнулась, широко распахнув сонные глаза. Мне же было интересно: по примеру Орша успев смахнуть с ее губ и мясной сок, поднес ладонь ко рту и кончиком языка слизнул капли.

Это оказалось даже лучше, чем когда я сам ел жареное мясо! Взгляд вернулся к губам Трои. А что, если?.. Следуя намерению, чуть подавшись вперед, потянулся к добыче. Но она, словно разгадав порыв, вдруг покраснела и плюхнулась на землю. Плотно прикрыв глаза, отвернулась, устроившись ко мне спиной. Я же внезапно понял, что за эмоция владела Оршем перед уходом: это было не ошеломление, а разочарование.

– Да что ж за напасть, – продолжал ворчать Игерь, отвлекая на себя внимание. – Раздевают меня, швыряют, как таракана, в пасть какой-то местной громадной росянки, голодом морят, то дают еду, то отнимают, угрожают, а я им готовь на всех?! Кому рассказать – не поверят... – С ненавистью зыркнув на ближайшего эдайти, полагая, что неслышно, забормотал: – И этот еще... Словно прилип...

Шох, выполняя мое распоряжение, действительно не отходил от пленника дальше чем на пару шагов. Кстати, очень предусмотрительно – ультразвук нахлынул мощной волной, едва голубое светило ушло за горизонт.

Но мысли проучить штурмана, на несколько минут оставив его без сопровождения, не возникло, сейчас он был полезен эдайти. Жареное мясо, пусть пропекшееся не так хорошо, как в первый раз, разошлось между собратьями моментально. Риш, к разочарованию ревностно опекавшей его парочки, от добавки отказался.

– Расхотелось, – пояснил спокойно, растягиваясь на песке.

Двигался он вполне уверенно – собрат практически освоил азы управления своей необычной оболочкой. Только вот выпуклая грудь топорщилась, привлекая внимание эдаити с мужскими версиями оболочек. Ризу и Шоху осталось лишь улечься рядом, вознамерившись защищать Риша, пока не придет их время охранять лагерь.

Мой интерес быстро сменил ориентир, когда Троя сонно засопела и расслабленно обмякла, уронив на песок руку с полусогнутыми пальцами. Она и приковала к себе мой взгляд. Такая крошечная, хрупкая. Короткие ноготки, мягкие подушечки пальцев – ладонь словно олицетворяла саму Трою.

Потянувшись к ней, осторожно, не желая разбудить, подсунул руку под полусжатый кулачок женщины. Контраст поразил – должно быть, так же сокрушительно разными мы смотримся рядом. В сравнении с ее ручкой моя лапа казалась огромной и грубой, когтистой, опасной, какой-то безжалостной и неумолимой, способной сокрушить этот мягкий и беззащитный комочек плоти.

Так казалось со стороны. В действительности же тело обессилело. Даже такого мимолетного соприкосновения оказалось достаточно, чтобы обезоружить меня, лишив всякого желания сокрушать или давить. Все, чего хотелось сейчас, – защищать. И наслаждаться теплом и мягкостью, что порождала ее ладошка. Оберегать от холода, укусов насекомых, даже от колких песчинок...

Я так и не убрал руку, баюкая доверчиво обмякшую ладонь в своей. Вытянувшись рядом и окутав Трою коконом защитного поля, что продуцировала сущность эдаити, завернул безвольное тело в кусок тряпки, вытащенный из контейнера. Сомкнув полы куртки, переложил голову спящей добычи на свое плечо, оберегая от ночного холода.

– Троя спит, – беззвучно пробормотал ей в ухо, незримо посылая наказ отдохнуть и восстановиться после долгого перехода.

Мне столько отдыха не требовалось – тело еще не растратило накопленные ресурсы, но я не стал отказывать себе в удовольствии полежать около добычи. Устроился рядом, вглядываясь в свою ладонь, обхватившую женскую ручку, и вслушиваясь в ощущения этого прикосновения.

Незнакомый прежним нам тактильный мир. Способность осязать не силой разума, а посредством соприкосновения телами. Например, губами или пальцами – то, что я узнал сегодня. Испытал... Очередное

откровение, совершенно новые возможности и неожиданные, пока малопонятные последствия.

В эту ночь мрак, наступивший с заходом обоих светил, казался непрогляднее и гуще. Вероятно, из-за того, что вокруг нас не было открытого пространства, а кристаллический лес словно вбирал в себя малейшие проблески света. И вот что странно – здесь, глубоко в зарослях, наши возможности видеть своей истинной сутью оказались на порядок ниже. Бросив сканирующую волну, вместо того чтобы одним махом обозреть даже самое дальнее пространство, я увидел лишь ближайшие окрестности. Вся энергия, ушедшая в направлении зарослей, будто исчезла, с жадностью поглощенная тьмой? Или...

«Кристаллами! – в унисон моим мыслям откликнулся Орш. – Днем они насыщаются энергией светила, сейчас этого источника нет. Потому забирают нашу».

«К счастью, пассивно, – дополнил Зом, переместившись к одному из ближайших кристаллических колоссов и даже дотронувшись до него ладонью. – Принудительной откачки я не чувствую. Если не отдавать энергию по собственной инициативе, она никуда не утекает. Эти организмы поглощают только свободную».

«Но их влияние ощутимо снижает наши возможности видеть окружающий мир, – предупредил я. – Дозорным придется учитывать и это ограничение».

И они учитывали – в выводах-сообщениях о происходящем рядом с лагерем теперь было больше опоры на органы чувств, имеющиеся у оболочек, – обостренный слух, тактильные ощущения и ночное зрение, а не только на привычное эдайти ментальное сканирование, свойственное нашим истинным сущностям.

«Шаги... Кто-то приближается».

«Остановился и сопит...»

«Удрал, когда мы подошли ближе».

Какой-то обеспокоенности за этим не было, каждый из нас знал, что, если кто-то решится атаковать из тьмы, он будет немедленно уничтожен.

«По ногам чувствуется движение холодного воздуха – температура снижается». – Констатация факта, не более.

«Мерцающие пятна в глубине леса разрастаются. Такие же, как то, в каком исчез Щег».

Собрат был жив – мы по-прежнему ощущали его, но не более. С подобным мы ранее тоже не сталкивались.

И вдруг...

«Песок дрожит... Подземная вибрация. Опасность!»

Последнее прозвучало дважды: хлестким беззвучным мысленным предупреждением и вслух – громким вскриком, пробудившим всех.

Я подскочил, среагировав мгновенно. Совершенно бездумным, рефлекторным движением подхватил перепуганную Трою и, перекинув ее через плечо, приготовился взвиться в воздух в высоком прыжке.

Каждый эдаити сейчас был готов взметнуться вверх, чтобы уцепиться за выросты кристаллов, тем самым разрывая контакт с поверхностью. Тех, кто не мог слышать мысли собратьев либо нуждался в дополнительной опеке, держали на руках.

Песок под ногами действительно шевелился, расползаясь и стекая в невесть откуда появившиеся углубления между кристаллами. Они росли и ширились на глазах, сливаясь в единый зияющий сумраком провал. Кристаллы вокруг шатались, опасно кренясь, будто ожили, хотя потенциала для этого в них не чувствовалось. Подобное могло означать лишь одно – кто-то заставляет их двигаться. И этот кто-то находится под нашими ногами!

«Новое неизвестное», – озвучил в общем-то понятный всем факт Шол.

«Оно пришло напасть!» – сделал уверенный вывод Орш, чуть помедлил и передал Риша замершим рядом Ризу и Шоху, напряженно вглядывающимся в творящееся под ногами.

Пусть собрат в «глухой» оболочке не участвовал в беззвучном диалоге, но ресурсов тела и реакции эдаити ему доставало, чтобы чувствовать угрозу. Все мы застыли в ожидании. Даже Троя, не способная хоть что-то рассмотреть в ночном мраке, напряженно замерла, прижавшись к моему телу и не дыша. Вслушиваясь?..

Стремившееся на поверхность было огромным. «Оно» ворочалось грузной массой, буквально прорывая себе путь из-под земли. Вспучивало каменные глыбы, выталкивая их на поверхность и заставляя песок исчезать в образующихся ямах.

Все вокруг рушилось. Или же стремилось отдалиться от эпицентра прорыва – мы ощущали существ, уносящихся во всю прыть.

Что двигало ими? Почему они предпочли сбежать?

Лавируя между норовящими задавить падающими кристаллами, я старался не выпускать из поля зрения эпицентр локальной катастрофы. Удерживал вопрос, что это за явление и как в следующий раз его предотвратить. Было важно разобраться в новом явлении, осмыслить его практическую значимость. Убегать никто из нас и не думал. Подхватив эдаити в не столь быстро реагирующих женских вариациях тел, предусмотрительно оттащили их в пока безопасную зону. Мы лишь реагировали на меняющуюся обстановку, избегая прямых угроз.

Забыли только об одном – Игерь, подобно Трое не обладающий зрением, позволяющим видеть в сумраке, остался там, где спал. И теперь, вскочив, слепо озирался, не зная, куда бежать, и не понимая, что происходит.

– Проклятье! Кто скажет мне, поглотит вас бездна, что тут творится? – верещал он, судорожно хрипя и отскакивая от скрипящих при падении кристаллов, ему пока удавалось не быть раздавленным и не свалиться в очередную разверзшуюся пропасть.

Хотя понятие «забыли» было не совсем уместно. Скорее «намеренно оставили», поскольку больше никто не годился на роль приманки для выяснения причин появления подземной твари и ее возможностей. Игерь подходил идеально: безрассудно и суетливо метался на небольшом пятачке пространства, привлекая к себе внимание.

– Помогите! Нелюди! Вы снова бросите меня?! Троя!

Он еще и вопил, один производя шума больше, чем все мы, вместе взятые. Крайне непрактичное поведение! Да, эта потеря была для нас несущественной. Разве что моя добыча судорожно дернулась, услышав его вскрик. Но я придерживал ее рукой, не позволяя соскользнуть на землю.

«Оно близко, – деловито отметил Зом, предвкушая встречу. – Точно живое».

«А что это такое под землей?!» – с куда большей экспрессией в мыслях Орш акцентировал внимание на новом непонятном объекте.

Вопрос его относился не к существу, явившемуся на место нашей ночевки, а к глубинным слоям породы. Залегающий пластами минерал простирался далеко, широким поясом охватывая, наверное, всю планету. По крайней мере огромное болото и кристаллический лес

полностью находились над его залежами. И именно он мешал видеть пространство, смазывая восприятие, создавая экранирующий, отражающий эффект, а потому ощутимо влияя на наши способности эдайти.

Возможно, мы не догадались бы о его наличии, но живущее под землей существо всколыхнуло сокрытую в недрах породу, и ее фрагменты в виде бесформенных глыб появились на поверхности.

Природа вещества, способного естественным образом противостоять даже нам, эдайти, крайне интриговала. Но...

«Исследуем минерал, когда разберемся с живностью, – напомнил Хал о первостепенном и с надеждой добавил: — *Вдруг она съедобна?*»

В том, что к нам прорывается возможная добыча, убедились, едва из самого крупного провала в воздух взметнулись тонкие светящиеся нити. Словно кто-то выбросил водяные струи, не позволяя им потерять структуру, рассыпавшись каплями. Гибкие, подвижные, они мельтешили и как будто прощупывали поверхность, двигаясь вверх, вниз, в стороны... Через несколько мгновений стало ясно – это всего лишь длинные выросты на каждом покрове подземной темно-коричневой твари.

Увидев ее, Игерь замер, едва дыша, и перестал вопить.

– Мать моя, червь?! Гигантский чер... – начал было шептать и резко замолчал.

На этот раз мужчина не пытался сбежать, а словно впал в панический ступор. Так и стоял, покачиваясь от подземных толчков, не сводя глаз с колеблющихся световых нитей.

Странно... Ничего хорошего не ждал и подобного ранее не видел?

Многие из нас были не против подпитать ресурсы оболочек – добыча очень вовремя решила поохотиться на нас, и потому наблюдали за маневрами ночного визитера с плотоядным интересом хищников. Если существо окажется пригодным в пищу – оно обречено. При этом собраты действовали на опережение, ловко уворачиваясь от пролетающих мимо светящихся щупалец-выростов.

Хотя...

«*Лис!* – выкрикнул предупреждение-мысль, заметив непонятную заминку одного из числа везунчиков, получивших «глухие» женские тела. И тут же, осознав ошибку, переключился на эдайти, который находился рядом. – *Зом, что с Лисом? Его же сейчас прихватит...*»

Мгновенно среагировав, собрат успел перехватить ставшее малоподвижным тело Лиса прежде, чем его коснулся светящийся щуп.

Когда же спасенные из лаборатории эдаити окончательно совладают с оболочками, не допуская подобных ситуаций? Сейчас медлительность могла стать для них роковой.

Еще один вырост устремился ко мне. Я приготовился к оперативному маневру, чтобы разминуться с ним, надежнее перехватив тело Трои. Четко отслеживая движения противника, одновременно озадачился поведением своей добычи. Неизменно вздрагивающая по малейшему поводу Троя слишком спокойно, даже расслабленно лежала на моем плече и ровно дышала. Для нее это не было нормальным поведением!

Вгляделся в лицо женщины. Она, не моргая, замороженно и бездумно смотрела на яркое свечение. Я и мыслей ее не ощущал, словно их не было совсем, лишь пустота.

Что-то не так! Вывод возник с одновременным громоподобным рычанием Орша:

– Риш!

Собрат в шумовом эффекте превзошел даже Игеря, который, кстати, продолжал безмолвствовать, в неподвижности пялясь на мельтешащие светящиеся нити. Как и Троя...

Рык никакого эффекта не возымел: Риш с необъяснимой заторможенностью реагировал на летящий прямо на него светящийся щуп. При том что с женской оболочкой собрат уже точно освоился!

«Вы оба! – Орш непривычно мощно для мысленного и обычно безэмоционального диалога рявкнул на Риза и Шоха, в последний момент с запредельной ловкостью успев вывести Риша из-под удара. – Куда смотрите?! Вам доверили опекать его!»

В свою очередь ускользнув от атаки, я сконцентрировался на общей картине происходящего. С пленниками проблемы: Троя и Игерь словно спят с открытыми глазами. Риш и Лис ведут себя не лучше, на угрозу реагируют, но слишком медленно.

Существо продолжало целенаправленно карабкаться из недр земли, рассеивая тьму свечением своих выростов. Повсюду мелькали тела собратьев, уверенно уворачивающихся от них в ожидании возможности для своей атаки. Всем хотелось дождаться, пока этот...

червь выберется полностью, лишившись шанса ускользнуть. Оршу пришлось отвлекаться, чтобы спасти Риша...

Стоп! Со всей очевидностью я вдруг понял. *«Только эдаити с мужскими версиями тел подвижны!»* – крикнули мы с Оршем одновременно, а Зом дополнил: *«А собратья с женскими оболочками в ступоре! На слова тоже не реагируют»*.

Я мог бы добавить, что пленники в том же положении, но, кроме меня, этот момент никого из эдаити не интересовал. Да и я учитывал его исключительно из-за Трои.

«Всем защищать более слабых», – мгновенно сориентировался, подразумевая собратьев с менее совершенными телами. Уничтожение подземного обитателя отошло на второй план.

«Как оно влияет на них?»

«Очевидно, жертвы отрешаются от происходящего, концентрируясь только на свечении. Ощущение угрозы притупляется».

«Это реальная уязвимость!» – Орш словно выплюнул мысль, продолжая по моему примеру придерживать на плече обмякшее тело Риша.

Другие эдаити тоже расхватили подпавших под воздействие свечения собратьев.

«Механизм блокировки... Упреждает атаку?» – мы продолжали коллективно анализировать способности неведомого противника, с прежней легкостью уворачиваясь от все более стремительно раскачивающихся щупов.

«Похоже, обездвиживает добычу, чтобы не сбежала, пока существо выберется на поверхность. Оно довольно медлительное», – подытожил Хал.

«Проверим».

У нас имелась идеальная кандидатура на роль подопытного. Штурман!

Игерь по-прежнему стоял неподвижно, теперь совсем близко от мерцающего, завладевшего его вниманием свечения, словно видел только его, не замечая реальный источник угрозы. Он вылезал, становясь все больше, а его выросты разгорались ярче.

«Несъедобно для оболочки», – разочарованно сообщил Тас, первым озаботившись практической стороной ситуации.

Собрать оказался прав. Подобно летающей плоской твари и это существо по своей структуре воспринималось неживой материей, несъедобной. Это напрочь лишало его материальной питательной ценности, убивать теперь не имело смысла.

Осознать однозначную непригодность удалось лишь сейчас, когда червь практически полностью вылез на поверхность. Причина в том самом минерале, смазывающем эффект ментального сканирования. С существом, обитающим глубоко в земле, эта наша способность не работала.

Эдайти не уничтожают ради самого процесса разрушения или с целью развлечения. Такого не было и в прошлой, нематериальной жизни. Вся ценность добычи в ее способности стать энергией-пищей. Пусть прежде нам для этих целей сгодилось бы что угодно, но материальные оболочки оказались более разборчивыми.

«Шол, Хал, Зом, – выбрал лучших из тех, кто не был сосредоточен на помощи женским особям. – Существо надо загнать обратно под землю».

«Если не отступит?» – деловито уточнил Хал, намекая на старания, что затратил червь, пробиваясь на поверхность.

«Используем его для восполнения энергетического запаса».

Это тоже плюс. Если не для оболочек, так для сущностей эдайти.

«Поступим с ним, как с летающим кристаллом, все по глотку жизненной энергии оттянем», – согласился Зом.

«Своеобразно организована жизнь на этой планете, – жажда насыщения побуждала Таса на рассуждения, – словно развивалась параллельными путями. С одной стороны, из неживой материи, но способные двигаться существа. С другой – довольно распространенные белковые формы».

Мы дружно согласились, принимая наблюдение: *«Первое неплохо для эдайти. Второе благоприятствует нашим оболочкам. Планета словно предназначена для нас».*

«Тянете время, – поторопил нас Орш. – Так ночь пройдет».

И то верно.

Слитным стремительным движением Шол, Хал и Зом подскочили к существу, намереваясь оттянуть энергию. Сиреневый бестелесный туман окутал оболочки собратьев. Там, где их сущности вступали в контакт с червем, свечение колеблющихся нитей затухало. Впрочем, с

той же быстротой они вспыхивали вновь, словно эдайти не откачивали энергию, а, наоборот, насыщали ей существо. Червь и не думал обращаться в спасительное бегство! Но он остановился, активность светящихся щупов тоже спала, как если бы существо сконцентрировалось на Шоле, Хале и Зоме.

«Что не так?» – хором спросили мы братьев.

«Оно подпитывается от нас», – задумчиво развеял наше недоумение Зом, безрезультатно попытавшийся втянуть в себя порцию энергии.

Вот это поворот! Червь – не только подобие летающего кристалла, он еще и сам впитывает энергию, как деревья в этом лесу. Только те делали это пассивно и лишь в темное время местных суток. А если червь способен вытягивать ее вопреки желанию носителя? В любое время? Как мы?!

«Он словно один огромный кристалл-накопитель, – Хал со всей силы ударил рукой по ближайшему кристаллу-дереву, переломив его. – И скорее он высосет нас троих, чем мы у него что-то оттянем».

«Червь гигантский. Нам теперь такие объемы энергии за раз не поглотить, даже если действовать всем одновременно, – сообразил Орш. – Получается, это существо неубиваемое, подобно нам. Как поступим?»

Как? Хороший вопрос. Причем не имеющий ответа, потому что наши знания об этом мире все еще остаются недостаточными. С другой стороны, поглощение энергии – то, с чем эдайти знакомы лучше кого-либо.

«Он почти под завязку наполнен энергией», – согласился Зом, подав мне идею.

Прежние мы способны были насытиться! Пусть ненадолго, но... состояние полного насыщения возможно. В такие моменты мы не искали объекты для питания.

«Подобное насыщается подобным».

«Точно!» – поддержал Орш. – *«Пусть обожрется».*

«Займите его пока», – бросил я Зому, а сам отскочил, одновременно снимая с плеча Трою. Встряхнул свою добычу, разворачивая спиной к обездвижившему ее свечению, и попытался в темноте поймать глазами расфокусированный взгляд женщины.

– На меня смотри! – приказал строго, удерживая ее лицо перед собой.

Мутный взор наконец обрел некоторую ясность. Троя моргнула, прищурилась, судорожно вдохнула, попыталась оглянуться, но я не позволил.

– Сиди неподвижно! Смотри только вперед!

Она еще не полностью осмыслила происходящее, но во взгляде замелькали понимание и страх вперемешку с решимостью держаться. Вот это уже похоже на реакцию знакомой мне Трои. Конечно, она не могла знать, что и при ночном освещении я способен видеть выражение ее глаз, оттого не таилась.

Спокойно отступив, уверенный в ней, заметил, что другие эдаити проделали с «ослепленными» собратьями примерно то же самое.

«Всем подойти ближе, – приказал, перемещаясь к эдаити, по-прежнему безрезультатно атакующим червя. – Выброс энергии. Максимум! Отдаем весь накопленный потенциал, все, что есть! Сейчас!»

Опасные ситуации требуют опасных мер. Прежним нам не пришла бы мысль отдать добытое. Но физический мир вынудил пойти на риск, столь критично опустошая резервы.

Вмиг все мы оказались рядом, и в то же мгновение энергетическая волна ошеломляющей мощности накатила на червя, заставив его тело содрогнуться. Энергия впиталась в сегментированное темное тело, прошла искрящим разрядом по нитям-выростам и вспыхнула реальным пламенем.

«Перенасыщен и потому воспламенился...» мы понимали его состояние и не допустили бы подобного с собой.

Тело существа задрожало в агонии – стремительно раскалилось, сжалось, раздулось, снова скукожилось. А затем резко замерло, грузно осев и окаменев. Мерцающие щупы-нити обмякли, безвольно упав на песок, и погасли.

Мы дружно отшатнулись, уворачиваясь от них, не уверенные, что выросты не несут угрозы. Впрочем, кое-кого они все же задели. Под удар попал Игерь, всеми забытый в суматохе борьбы, так и простоявший поблизости как замороженный. Край одной из затухающих нитей коснулся его щеки, и пленник рухнул как подкошенный.

Все же не зря мы опасались.

«Он жив», – безразлично констатировал ближайший к нему Шол. Судорога, изогнувшая дугой тело штурмана, стала лучшим подтверждением слов собрата.

– Как состояние? – Риш со вполне уже осмысленным взглядом приблизился к нашей временно обессиленной компании, осевшей на землю.

– Осторожно! – Орш умудрился подскочить, предупреждая выткнув руку в сторону потухших щупалец.

– Да, вижу, – понимающе кивнул Риш, осторожно переступая через ближайший вырост и уверенно подставляя плечо собрату.

Орш немного помедлил, но помощь принял, неуверенно опершись на плечо Риша. Другие отсидевшиеся в сторонке обладатели «глухих» оболочек тоже подошли и последовали примеру. Помощь оказалась очень кстати. Пусть наши физические тела не пострадали, но истощившиеся резервы давали о себе знать, провоцируя сумбур в сознании, раскоординацию и легкую слабость.

«Кого бы выпить?», – мысленно изнывал Тас, бросая плотоядные взгляды на все еще корчащегося на земле Игеря.

«Его одного на всех не хватит. Скоро появятся насекомые», – приободрил собрата.

Сам уже смотрел на Трою. Выпить ее желания не возникало, а вот потребности быть рядом на случай еще какой неведомой угрозы – сколько угодно. Почему реагирую так по-разному?..

– Что происходит? – Троя с облегчением выдохнула, едва я, не таясь и намеренно шумно шагая, подошел к ней. – Звуки такие... сзади... И голова кругом, состояние странное. Что-то же случилось?

Еще больше вопросов было в голове женщины.

«Нападение? Что за чертовщина? Проклятье, как же сложно сидеть и не дергаться! Особенно когда вокруг непроглядная темень. Почему амиот приказал не оборачиваться? Черт, он же Кин! Нужно приучить себя называть его так и вслух, и мысленно. А что за пятна света? Там точно что-то светилось. И почему голова раскалывается? Опять ультразвук? Хотя все же не так сильно...»

– Это не ультразвук, – не сумев разобраться в вихре мыслей, ответил на вопрос, который считал самым важным.

Состояние добычи мне не нравилось. И хотелось разобраться – причина в угнетающем влиянии на нее червя? Увы, Игерь сейчас не мог послужить сравнительным ориентиром, ему явно было хуже.

– Теперь спокойно. Надо спать. Отдохнуть.

Подхватив Трою на руки, устремился к основной группе собратьев. Все вновь устраивались на ночлег. Пришлось немного сместиться в сторону от первоначального места – прежнее было разворочено гигантским телом червя.

Троя не могла этого видеть, но за мою шею ухватилась с готовностью и без прежнего страха. Кажется, она начинает понимать, что меня опасаться не стоит... Только ей!

«Что с пленником делать?» – пришла безликая мысль Зом.

Он без особого интереса изучал Игеря, затем поддел его ногой и уже в воздухе перехватил чуть заметно подрагивающее тело штурмана.

«В каком он состоянии?» – вяло поинтересовался я. Идти и смотреть самому было лень, куда интереснее укладывать Трою спать, вслушиваясь в ее мысли, – женщина по-прежнему пыталась осмыслить случившееся, строя самые разнообразные предположения, расширяющие мой кругозор.

«Дергается, – проинформировал Зом. Чуть подумав, добавил: — Но уже меньше».

«Хорошо, хоть молча», – еще одна немного заторможенная мысль: штурман всех впечатлил неумной громогласностью.

«Похоже, ему речевой аппарат судорогой свело, – поделился Зом наблюдением, объясняющим причины тишины. Таких формулировок все мы нахватались еще со времен первого боя на станции. – Так что с ним делать? Выбросить? Выпить?»

«Я это сделаю!» – тут же вызвался Тас, одновременно с ним Троя сонно пробормотала, борясь с нахлынувшей слабостью:

– А Игерь?

– Жив, – коротко бросил я в ответ.

Уложил голову добычи на свое плечо, такое уже знакомое и необычайно приятное дело... почему-то подумалось, что второе подряд утро Трои начнется с обнаружения бездыханного тела собрата.

«Нет, – пришлось отринуть идею использовать Игеря для восполнения энергетического запаса. – оставьте его в покое. Но кто-то пусть находится рядом».

Нельзя забывать про ультразвук. Как бы плохо ни отразился на организме Игеря контакт со светящимся щупом, прежняя напасть и вовсе его уничтожит.

«Только не я. Не удержусь, выпью», – отреагировал Тас, одновременно отшвырнув подброшенное к нему тело штурмана, которым решил позабавиться Зом.

«Мне тоже не до пленника, – оттолкнул тот живой «мячик». – Собираюсь бодрствовать, чтобы охранять остальных».

«Риз?»

Напряженным одеревеневшим снарядом тушка Игеря полетела к последнему.

«Не-а».

Штурмана перебросили назад.

«Шол?»

«Пфф... – Мысленный образ, что в интерпретации Трои походил бы на мученический вздох, и снисходительное: – Ладно уж».

Одной рукой перехватив Игеря, собрат уложил его на землю.

«Скафандр его полностью закрой, – сообразил, проделывая это же с уже отключившейся добычей. – Только осторожно, чтобы не повредить».

Пока мы восстанавливаем резерв жизненной энергии, скафандр согреет и убережет от укусов хищных насекомых. Выходит, не совсем бесполезная материальная вещь. В памяти всплыл диалог Трои с уничтоженным мной рарком, они вели его возле клеток, в которых мы очнулись на станции. Она тогда просила его не быть излишне самонадеянным...

«Проваливайте!» – отвлек меня негодующий посыл. Не узнать в его источнике Орша было невозможно.

Все, даже погрузившиеся в сон, как по команде приподнялись и уставились на собрата. Я тоже. Впрочем, рассмотрев попытавшихся улечься поближе к Ришу Риза и Шоха, интерес к происходящему утратил. Орш сам разберется.

«Мы поможем, – огрызнулся Шох. – Резерв у всех почти исчерпан, а втроем точно согреем».

«Вы уже помогли, – гневно отчитал Орш. – Большие не стоит и пытаться».

Что происходит? Прежде мы не ссорились. Все было общим, одинаковым и повсеместным. Однако существование в материальном мире внесло коррективы. Породило потребность обладать чем-то единолично. Или кем-то?.. И я это осознаю, потому что сам так реагирую на Трою? В чем причина?

– Что происходит? Почему вы молчите и с яростью смотрите друг на друга? Общаетесь? Тогда делайте это вслух! – решительно прозвучал голос Риша, к нему пришло понимание, что с обретением странных материальных оболочек взаимоотношения собратьев перестали быть доверительными.

Только объяснять ему эдайти ничего не стали. Разошлись, обменявшись тяжелыми взглядами. Риз и Шох отступили к другим, а Орш под гневное рычание Риша молча махнул ему рукой, предлагая продолжить прерванный сон.

Но меня их поступки уже не интересовали. Вытянувшись рядом с Троей, давая оболочке возможность восстановить силы и одновременно с жадностью вытягивая всю возможную жизненную силу из роящихся вокруг насекомых, я пытался понять, почему больше не желаю съесть свою добычу. И как бы разобраться, чего желаю теперь?..

Едва взошло розовое светило, принося с собой смертоносный для пленников ультразвук, все эдайти уже были готовы продолжить путь. Троя выглядела отдохнувшей, Игерь – нет. Едва женщина разглядела землистый цвет и следы небольших повреждений на лице штурмана, как подскочила, вознамерившись ринуться к нему.

– Ультразвук, – одним многозначительным напоминанием Трою удалось остановить.

С досадой прикусив губу, она скользнула взглядом по окрестностям и изумленно застыла, рассмотрев развороченную поляну и лежащую среди камней обугленную тушу гигантского червя.

– Что это... что?.. – Троя сглотнула, на миг прикрыв глаза. – Что тут случилось?

– Идем, не стоит задерживаться, – не желая тратить время на объяснения, придерживая женщину за плечо, другой рукой подхватил свою долю общей ноши.

Эдайти уже потянулись вперед. Необходимость отыскать Щеганикто не отменял, значит, и сегодняшний день мы проведем, кружа по

лесу в поисках собрата.

Словно по инерции переставляя ноги, добыча двинулась следом. Кряхтя и ругаясь, зашагал и штурман, понимая – если отстанет от нас, и вовсе погибнет. Замыкали шествие Орш и Риш, они напряженно молчали, но украдкой посматривали друг на друга, вызывая у остальных недоумение своим странным поведением.

В сознании Трои крутилась одна и та же мысль:

«Надо выяснить, что за чертовщина творилась тут ночью. Что опять с Игерем? Выглядит так, словно его протащили через черную дыру. Неужели амиоты что-то сделали с ним?!»

Она совсем ничего не помнит? Это следствие воздействия червя или защитная реакция ее сознания?

«Орш, выясни, остались ли у Риш воспоминания о ночной встрече с подземным обитателем, – передал мысль. – Воздействие этого существа сказалось на эдаити с женскими оболочками. Надо понять, насколько сильно».

«Сделаю», – отозвался он молниеносно, будто был рад любому поводу для разговора с Риш.

Я невольно продолжил прислушиваться к мыслям Трои, пытаюсь понять логику ее мышления.

«Совсем забылась? Они же монстры! Амиоты вырвались со станции, оставив позади горы мертвецов! Они точно мучили Игеря всю ночь! А тот военный, что погиб накануне? Не прав ли был штурман, подозревая подопытных? А я слишком доверчива, раз надеюсь научиться взаимодействовать с ними».

Добыча, как и прежде, называла нас амиотами. Чуждое слово раздражало. Но куда больше мне не нравилось, что мысли женщины крутятся вокруг Игеря. По мне, так было бы разумнее подумать о чем-то другом. О полном опасности пути, где она, не корректируй я ее движения, давно бы разможила голову или конечности о кристаллы. Или о ком-то. Обо мне, например. Почему эта неуклюжая женщина никак не уразумевает, что я куда более значимый объект для размышлений?

«И что тогда? Я забыла, что мы для них просто еда. А сейчас, когда пищи достаточно, они... развлекаются? Как-то жестоко и методично. Прав был треклятый рарк! Сначала военный, затем Игерь... А я напоследок?»

Розовый карлик скрылся, избавив нас от разрушительного воздействия звуком. Но я не спешил отстраняться от Трои. Она шагала вперед, не глядя и в буквальном смысле утонув в своих мыслях, вынуждая меня быть особенно внимательным. И недоумевать: как можно настолько чем-то увлечься, чтобы не замечать ничего вокруг? Всего несколькими мгновениями ранее, если бы своевременно не развернул ее в другом направлении, она бы протопала прямо на очередное зеркальное озеро-ловушку.

Она не укулюжая, она... безрассудная!

«Надо держаться вместе! Я и Игерь – все, что осталось от нам подобных. Подставлять друг другу плечо, обнимать и утешать, стараясь найти в происходящем повод для одобрения. Что еще мы можем? Смешно даже... – Троя мысленно тяжело вздохнула. – Словно сюжет из безумного фантастического фильма. Мы последние выжившие мужчина и женщина. И наш долг – продолжить род. В фильмах всегда так... Горе и тоска толкают в объятия друг друга, первые робкие поцелуи, затем вспыхнувшая животная страсть, поспешный и местами неловкий секс. И готово – мы справились, новая жизнь зародилась. Следующее поколение нам подобных, залог грядущего размножения и существования вида...»

Что-что?

Я перестал прислушиваться к фоновым мыслям братьев, силясь уследить за цепочкой образов, рождающихся в голове Трои, – от знакомых и памятных мне соприкосновений губами до странных комбинаций из двух сплетенных тел с последующей трансформацией одного из них... Что-то непонятное промелькнуло в ее памяти. Существо, вылезающее из недр тела другого существа?

«Проклятье, о чем я думаю?! – Добыча на себя разозлилась, инстинктивно еще и топнув ногой. – Мозги набекрень? – Она на ходу затрясла головой, разметав и без того растрепанные волосы. – В голове кисель. Может, вчера по затылку получила, но не помню? Я и Игерь? Брр... Да гори наша цивилизация адовым пламенем!»

Резко остановившись, стиснул ладонями плечи Трои. Это зрелище... То есть картинка, на мгновение вспыхнувшая в сознании женщины, разозлила! Рык, превосходящий даже гнев Орша накануне, вырвался из-за моих сцепленных зубов. Добыча испуганно подскочила на месте, попытавшись развернуться. Как на мое поведение

реагировали собратья, не замечал. Что беззвучно вопрошали – тоже. Все заслонила ярость, вызванная образом Игеря и Трои, соприкасающихся губами. Моя добыча!

И она не безрассудная, она... притягательная!

Реакция оболочки оказалась неожиданно сильной. Показалось, что воздух потяжелел, заискрившись, а свет уплотнился, окружив золотисто-белой стеной. Глаза перестали видеть, обоняние заблокировалось, а руки? Руки сильнее притиснули к себе женщину.

Моя добыча!

Склонив голову, дотронулся до ее губ своими, концентрируясь лишь на расширяющихся, потрясенных глазах Трои. Вновь накатило испытанное ранее ощущение жадного довольства. Мы словно оказались только вдвоем, отрезанные от вселенной и парящие над землей.

Вернее, падающие вниз...

Глава седьмая

Зияние

Троя

Коснувшись моих губ, Кин замер. Словно окаменел, явив мне свою прежде невиданную сторону. Непередаваемое ощущение, я в доли мгновения стала частью скульптурной группы, причем единственной одушевленной ее частью. Ни биения сердца мужчины, ни тепла дыхания – лишь ощущение его практически осязаемой концентрации и напряжения.

Инстинктивно я быстрее среагировала именно на состояние амиота – испуганно отстранилась, разрывая физический контакт наших губ. И лишь затем осознала перемены: окутавшее нас золотистое свечение угасло, вновь позволив видеть окружающий мир. Вот только он стал... иным.

Иначе не объяснить ни поблекшие цвета, как на потерявшей яркость фотографии. Ни исчезнувшие звуки, будто громкость свели до минимума. Ни пропавшие напрочь запахи и ветер... Что произошло?!

Судорожно потеряла глаза, извернувшись в кольцо рук монументом застывшего Кина, потрясла головой, осматриваясь. И обнаружила еще одно изменение. Вернее, странное исчезновение. Пропали все, кто шел вместе с нами и находился рядом. Испарились!

Вокруг никого не было. Ни-ко-го... Абсолютно! Остались только я, Кин и блеклое, словно калька прежней картины кристаллического леса, безликое и безмолвное окружение.

Ощущение, что кто-то нажал на кнопку «пауза».

В голове возникла единственная ассоциация, способная объяснить, отчего кажется, что застыло время, изменился мир и жизнь в нем замерла. Хотя и оставалось непонятным, почему это не подействовало на нас?

– Что это? – просипела, страшась всколыхнуть ватную удушливую тишину.

Кин ответил не сразу. Он все так же безмолвствовал, в отличие от меня не проявляя признаков волнения. Но я уже достаточно наблюдала за амиотами, чтобы понять: мой спутник напряженно прислушивается

и присматривается ко всему вокруг. И то, как сосредоточенно он это делал, не сулило ничего хорошего. Кин даже хмурился, что для их обычно бесстрастных физиономий было совсем уж нехарактерно и свидетельствовало о настоящих проблемах.

– Мы провалились.

– Вот так, лаконично и совершенно спокойно. Еще бы понять, о чем он...

– Куда?

– В свечение. Так же пропал Щег.

Свечение? В памяти всплыл белесо-желтый ореол окружившего нас сияния. Но почему Кин говорит о падении? Словно мы в яму провалились... Стоп! Пропал Щег?! Кажется, до меня дошло: амиот действительно подразумевал именно падение! Только «яма», неожиданно вспыхнувшая у нас под ногами, была чем-то невозможным в моем понимании. Пишут же в научных статьях о черных дырах, характеристиках времени и пространства. Прежде я не придавала этому значения, но то, как Кин произнес «провалились», вызвало четкую ассоциацию: зияние. Так на Земле принято называть места, где пропадают люди. Физически пропадают. Вроде как история знает такие случаи. Ученые-теоретики в своих бесконечных рассуждениях называли их зияющими ранами в матрице пространства и времени. Только вот кто бы относился к ним серьезно?!

– Место, где мы находимся, похоже на ваши... зияния, – подтвердил мою догадку Кин. – Пространство то же, я чувствую, но воспринимается иначе. Смазанно. Будто оно и мы в разных... – Кин задумался, подыскивая правильное слово. Наконец нашел: – Слых времени.

Уж не знаю, насколько подобранное определение оказалось верным, сути я все равно не поняла. Смысл его выводов поразил, но внутренний голосок зудел интуитивным вопросом: кому, как не недавним нематериальным, быть сведущими в таких странностях бытия? Признание амиота приняла на веру вопреки очевидному безумию сказанного.

– Я слышу собратьев, – продолжил Кин, – ощущаю их присутствие – относительно, без всякой четкости и конкретики. Не способен разобрать сути того, что они сообщают.

– А при чем тут Щег?

– Сравниваю. Слишком быстрое звучание. Щега мы слышали иначе, растянутым звуком.

– Разная скорость течения времени? – пришло в голову единственно возможное объяснение. Тоже из пока еще научных земных теорий.

– Да.

Ответ краткий, но емкий. И оттого страшный. Время ведь самое необъяснимое явление в нашем мире, сколько всяких теорий существует на его счет! И к каким последствиям может привести такой временной провал?

– Мы тут... навсегда? – Больше вопросы задавать некому, я надеялась, что чуждое, во многом пугающее, но познавшее многое из того, что мне не известно, существо сможет ответить. – Ладно, если мы застрянем на пару дней. А если на годы? Как тут выжить?

– Нестрашно, – в противовес моим опасениям спокойно парировал Кин. Его видение ситуации привычно оказалось иным. – Лес тот же, пусть и существующий в другом времени. Мы живы, остальные живы, смогут справиться и без нас. Выживем.

Мне бы такую уверенность! А еще хоть крошечный намек: сколько понадобится так выживать?

– А если мы никогда не воссоединимся с остальными? Если застряли навсегда?

Несколько дней назад, когда я оказалась на звездолете в окружении подопытных, того, кто сказал бы мне, что буду желать к ним вернуться, сочла бы сумасшедшим. Сейчас все перевернулось с ног на голову.

– Пока непонятно. Но если я правильно оценил произошедшее, то слой не может удерживать нас постоянно. Энергия, стабилизирующая прокол, иссякнет, и мы вывалимся обратно. Вероятно.

– И как быстро она иссякнет?

Паника не желала отступать, заставляя выяснять то, что амиот вряд ли мог знать. И действительно, в бесстрастном голосе спутника мне почудился укор:

– Зачем рассуждать о том, что невозможно прогнозировать?

Наконец-то ожив, Кин разжал руки, дав мне относительную свободу. Только у меня и мысли не возникло отступить. Наоборот, мир в очередной раз перевернулся. Больше всего я сейчас боялась остаться

одна. Совершенно одна! И потому из двух зол без раздумий выбрала своего похитителя и сама прижалась к обнаженному крепкому жилистому торсу. Уже не волновало, каким образом мужчина обрел это тело, как и то, насколько оно совершеннее моего. Более того, на последнее я надеялась, связывая с неуязвимостью Кина наши шансы на выживание.

– Что делает Троя? – заинтересовался амиот.

– Мы не должны разлучаться, – нашлась с ответом, решив приклеиться к амиоту. – Раз остались только вдвоем.

На удивление, Кин понятиливо кивнул, не делая попытки отпихнуть меня, позволяя стоять, обхватив его за талию. – Мы же остались только вдвоем. – Он задумался, даже морщинка так почеловечески прорезала лоб. – Я знаю, когда остаются мужчина и женщина, их задача спасти свой вид. Мы же стали последними?

Опешив, уставилась на невозмутимое лицо амиота. Он действительно это сказал? Смутно помнила, что какие-то образы на этот счет в голове всплывали... Но не всерьез же!

– У нас нет на это времени! – выпалила скорее от шока.

– Мы никуда не спешим. – Кин чуть заметно пожал плечами, демонстрируя заимствованную от нас, материальных, черту.

– Разве нам не нужно идти? – предприняла еще одну попытку его отвлечь.

Кин наконец перестал пристально меня разглядывать и посмотрел куда-то вглубь леса. А затем просто уселся на песок, потянув меня за собой.

– Нет, – пояснил свой поступок. – Собратья будут нас ждать.

– Ждать?

Обрести ощущение реальности не получалось: внутренняя потребность забиться в истерику разбивалась о почти флегматичное спокойствие монстра. Рассудок требовал определенности: мы фатально влипли или нет? На волне этих метаний я послушно опустилась рядом с сидящим со скрещенными ногами Кином и замерла, вдруг осознав, как изучающе он на меня смотрит.

Словно кот на сметану. Любой женщине пришла бы в голову такая ассоциация. Только субъект напротив не был обычным мужчиной! А я меньше всего желала примерить на себя роль сметаны.

– Или искать, если почувствуют наше перемещение. Как и со Щегом...

– Но разве нам не надо... – запнулась, судорожно подыскивая предлог, чтобы занять амиота чем-то вселенским, уж больно мне не нравилась эта его расслабленность, – ну, обосноваться на местности, придумать, как защититься от хищников? Не замерзнуть, если температура упадет? – Переведя дыхание, чуть тише уточнила: – Здесь же есть какие-то... звери? И что насчет еды?

– Судя по количеству провалов, – он подумал и поправился: – светящихся пятен, сюда должны попадать и другие обитатели леса. Если они оказываются на этом же слое времени, мы с ними встретимся. И съедим. Трое не о чем переживать.

Чудненько... Что может быть кошмарнее, чем оказаться неизвестно где с тем, кого опасаясь? Причем оказаться с ним наедине! Жуткое место эта планета, конечно.

– А как же Щег? – Всеми силами старалась поддерживать отвлеченный диалог.

– Он не в этом слое, – уверенно заявил амиот, неотрывно наблюдая за мной.

Догадывается о моих страхах? Мне смотреть ему в глаза было сложно.

– Ты уверен, что слои разные? Почему? – делано серьезно продолжила расспросы, хотя участь пропавшего амиота меня мало занимала. Особенно в сравнении с собственной.

– Потому что пятна были разными по интенсивности. Это я сейчас понял. Туманные, видимо, самые слабые и вызывают незначительное торможение процессов. Возможно, мы в них попадали и даже не замечали этого. Искрящие и мерцающие сильнее. Но они тоже не могут быть одинаковыми. Нужно больше сравнительного опыта для анализа.

– Значит, мы просто будем сидеть здесь и ждать... – Старательно отводя взгляд от Кина, задумалась, как сформулировать услышанное ранее. – Пока энергия, спровоцировавшая вспышку и временной разлом, иссякнет, а нас не выкинет назад? Кстати, а откуда здесь такие всплески энергии? Особенность планеты? Как-то связано с газовым составом атмосферы?

– Трое стоит опустить свой взгляд на землю. Причина скорее в веществе под нами. – Кин ритмично похлопал ладонью по песку. – Оно необычное.

– Необычное? – Я насторожилась, наблюдая за движением руки.

– Мне мешает, – пояснил он в своей странной манере. – Наверное, потому, что накапливает и непредсказуемо выплескивает эту необычную энергию, вернее, меняющее ход времени излучение.

– А чем оно тебе мешает?

Ответ прозвучал не сразу. Казалось, мужчина о чем-то крепко задумался. Но когда ответил, я догадалась: осмысливал, как описать реакции тела.

– Оглушает. Ослепляет. Притупляет восприятие.

Оставалось только догадываться, насколько же сильны его – и всех амиотов – не приглушенные возможности. Я все же набралась решимости, чтобы попытаться установить между нами подобие дружеского общения. – А что вы решили делать дальше? Как жить?

Ни больше ни меньше – меня все это время занимали вопросы глобальных перспектив. Если доживу, то хоть понимать до чего.

– Мы не принимаем такого существования. – Кин неожиданно подался вперед и ухватил мой подбородок, чуть приподняв лицо. – К чему постоянно возлагать надежды на новый день? Просто проживи текущий.

Испуганно замерев, я моментально стушевалась.

– Конечно. Этого достаточно.

– И есть много того, что не успели сделать вчера, – продолжил он развивать какую-то лишь ему понятную мысль.

– В-вчера?..

Подушечкой большого когтистого пальца Кин коснулся моих губ, и мысли разом вылетели из головы, а сердце забилося словно безумное. Что делает амиот?!

– Эдайти, – неожиданно произнес он что-то непонятное.

– Что? – растерялась.

– Мы эдайти. Те, кого заставили остаться в этих телах.

Мы говорили шепотом, сидя близко друг к другу. Он – продолжая поглаживать мои губы и неотрывно наблюдая за движением собственного пальца. Я – в предчувствии дальнейшего проявления любопытства, запинаясь и едва дыша.

– Вам в них... плохо?

Заерзав, подалась назад, но Кин не позволил отстраниться, подхватив другой рукой под спину.

– Все не так. Воспринимается и... чувствуется странно. Даже непонятно.

– А прежде?

Едва ли я соображала, о чем мы беседуем, бормотала первые пришедшие в голову слова.

– Прежде...

Кин закрыл свои странные, словно пронзающие насквозь глаза, но не отстранился. Его рука так и сжимала мой подбородок, только внезапно сгустились тени, стало сумрачнее. Не сразу сообразила, что причина в буквально повеявшем от него тумане. Мгновенно вспомнила самую первую встречу с амиотом, когда в лаборатории этим фиолетовым маревом обволокло мою руку.

Тогда туман был холодным и... голодным. Сейчас он скорее согревал, даже гладил, теплым ветерком скользя по щекам. Ждала ли я смертоносного поцелуя, когда, как у рарка, этот туман высосет жизнь одним глотком? Видимо, да. Чем еще можно объяснить накотившую слабость? Тело обмякло, я покачнулась, не осознавая, привалилась к плечу монстра. Монстра, демонстрировавшего свою опасную уникальность!

– Но есть и то, что интересно.

Бестелесная сущность исчезла, вновь втянувшись в тело сидящего рядом мужчины, на чье плечо я уронила голову. Он что же, сейчас «отпил» из меня?

– Троя не еда, – не отнимая руки от моего лица, тихо признался Кин. – Троя интересная.

– Я обычная, – отмахнулась с чувством накатывающего смирения, – но не хотела бы быть съеденной ами... эдайти.

– Интереснее не есть, – успокоили меня.

Однако я почувствовала новую волну страха. И инстинкт самосохранения заставил искать способ отвлечь амиота от своей незадачливой персоны.

– Можешь рассказать о мире эдайти?

– Расскажу. Позже. Сейчас важнее вернуться к тому, с чем мы не закончили вчера.

Опять он об этом! Попыталась отодвинуться. но Кин перехватил, молниеносным движением опрокинув к себе на колени. Одна ладонь опустилась на лоб, придерживая на месте, пальцы второй снова занялись моими губами.

— С чем же?..

В горле пересохло, голос звучал надрывно. «*Вот оно*». Все мысли свелись к единственной: Игерь и тот вояка, которого сожрали насекомые, были правы. Я и сама это знала, чувствовала, но отказывалась признавать. Амиоту давно, возможно, с самой первой встречи, я интересна совсем не в качестве источника энергии.

Сердце дрогнуло, на миг замерев, взгляд устремился к лицу Кина. Он тоже вглядывался в меня, неотрывно, словно следя за сменой эмоций в глазах. Мне до его невозмутимости далеко, наверняка читает меня как открытую книгу.

— Продолжим?

— Уточнять, о чем он, было страшно. В глубине души знала ответ, день за днем все к тому шло. Но перебороть себя и не пыталась, только молча затрясла головой, отказываясь.

— Зачем Троя вчера касалась меня своими губами? Когда хотела спасти Игеря.

Можно подумать, требовалось напоминать об этом поцелуе! Как вообще можно расценивать его как что-то осмысленное?

— Это был порыв отчаяния, единственная действенная мера, что пришла в голову.

Объясняться, лежа на коленях нависшего надо мной Кина, и видеть его сосредоточенное лицо было пугающе. Жизнь научила опасаться таких ситуаций. Не так давно отбивалась от Дорана, теперь предстоит противостоять амиоту? С рарком справилась благодаря везению, а тут какие шансы? Смехотворные...

Ощущая осторожные прикосновения мужской ладони к своему лицу, оказалась не готова к молниеносному движению. Окружающий мир слился в неразличимую серую тень — так быстро Кин склонился ко мне, и Его рот прижался к моему. Напряжение достигло максимума. Я сжалась изнутри, одеревенев, страшась шелохнуться, желая ничего не чувствовать. Казалось, еще немного, и потеряю над собой контроль, сорвусь в бессмысленную истерику с криками, мольбами и слезами.

Я в плену у тех, кто не знает жалости, не понимает страха или душевных страданий. Амиот хуже всего, чего опасалась прежде, вдвойне: он способен не только убить, но и сломить морально...

– Совершенно незнакомое ощущение, – бормотал Кин, вновь и вновь прикасаясь губами к моему рту.

Назвала бы я это поцелуем? Точно нет. Он словно эксперимент ставил, а я была подопытной. Не желая всякий раз встречать его изучающий взгляд, закрыла глаза. Надо заставить себя не чувствовать! Как тогда с Дораном – я же смогла не обращать внимание на боль.

– Реакция и уровень восприятия обостряются...

В голосе Кина зазвучали новые интонации, глаза удивленно расширились. Зрачки увеличились, оттеснив к краям радужки насыщенное сиреневое свечение. Тело мужчины возбуждалось, пусть сам его владелец не понимал происходящего. Однако если он продолжит следовать его потребностям...

– Троя, подобные реакции всегда возникают при прикосновениях?

Мне осталось лишь сглотнуть, почувствовав возрастающий интерес мужчины к происходящему. Робкая попытка скатиться с его колен привела к неожиданному результату – руки амиота, оставив в покое лицо и шею, устремились ниже, размыкая магнитные застёжки скафандра.

Действовал ли он, следуя инстинктам тела, или успел уже что-то понять, но между нашими телами оставалось все меньше преград.

– Не надо... – в ошеломлении попыталась было его остановить.

– Это важно, – перебил Кин, словно нечто невесомое выдерживая меня из одежды.

Подняться или увернуться от его ловких стремительных движений было нереально. Скафандр уже валялся рядом, а я все так же полулежала на коленях мужчины.

– Мне необходимо понять... – дыхание амиота немного участилось, в нем явно пробудилось желание. А я в этом странном месте была единственным объектом, олицетворявшим удовлетворение его потребности. – Понять, что происходит с оболочкой, со мной... – Он снова умолк, изучающе обводя меня взглядом. Руки следовали за движением глаз. – Это явно связано.

– Конечно связано! – не выдержала, пытаясь оттолкнуть мужчину. – Но ты должен сдерживаться, контролировать себя!

В следующий миг одна его ладонь, перехватив, прижала мои руки над головой, вторая продолжила путешествовать по телу. Странное ощущение: кожа его была теплой, но сами прикосновения... Кин действовал наугад, не понимая смысла происходящего, как-то рвано, дергано, местами чуть придавливая, а где-то едва соприкасаясь с моим телом.

Увы, скудная одежда лишь способствовала маневрам мужчины. Когда же он внезапно склонился еще ниже и прижался к моему животу щекой... Резкий выдох вырвался сам собой. Охватившее напряжение прорвалось наружу – я довольно громко вскрикнула, тело содрогнулось, грудь качнулась.

Взгляд Кина зацепился за это движение, потянулся выше, и вот уже щека амиота соприкоснулась с моей грудью. Неожиданностью стала и моя острая реакция на близость – тело выгнулось, желая усилить контакт. И это меня безумно напугало.

Не я одна ощутила разряд чувственного укола – Кин тоже отшатнулся. С очевидным вопросом в глазах несколько секунд вглядывался в мое лицо. Я чувствовала жар щек, сама уже толком не понимая, чего больше боюсь, на кого злюсь – на себя или на амиота.

Передышка оказалась крошечной – обуреваемый возросшим интересом, Кин вновь накинудся на меня. Остатки одежды слетели, свою единственную деталь облачения он тоже отбросил. Я зажмурилась, понимая, что худшее неизбежно: амиота накрыло неведомой ему прежде похотью, пока не изученной монстрами стороной материального существования, когда влияние рассудка перекрывается силой физиологической реакции.

Тело монстра обуяло желание, а я стала объектом для его удовлетворения. Банальная биология, ничего большего. Обижаться можно лишь на природу...

– Послушай, – выдохнула хрипло, испытывая давление лихорадочного возбуждения, вызванного скорее паникой. – Это неправильно. Ты должен остановиться.

– Троя не права, – возразил Кин. Я почувствовала приближение его лица, тепло дыхания, легчайший поток воздуха, создаваемый движениями мощного тела мужчины. – Прикосновения – это очень интересно! И поцелуи...

Напор, интонации голоса – все усилилось. Дышал Кин чаще, я слышала стук его ускорившегося сердца. Прежде чем я все осмыслила, он вновь накрыл мой рот своими губами. С куда большим напором, нежели раньше.

Едва ли я была ошеломлена этим, вслушиваясь в свои ощущения, и не сразу поняла, что руки свободны, – ладони амиота переместились на грудь, познавая прежде неизвестное. Прикасался ко мне чуть неуверенно, но обстоятельно, и это буквально выворачивало душу. Терзаемая страхом и нарастающим в недрах тела напряжением, я боролась сразу с двумя противниками – с потерявшим всякое здравомыслие похитителем и с собой. Ничего не делать я не могла, сделать что-то – тоже. Кин упивался целой лавиной новых и таких интересных откровений. Казалось, он ощупал уже все мое тело, где-то быстро проскальзывая, где-то замедляясь или даже возвращаясь вновь. Особенно когда я непроизвольно резко выдыхала. Заметил ли он взаимосвязь?

На самом деле я меньше всего желала стать полноправным участником происходящего. Чем больше он напирал, стремясь подавить малейший протест и полностью владеть ситуацией, тем сильнее я желала вырваться.

Боль неизбежного разочарования и страх перед несокрушимым напором все туже скручивали спираль моей ярости.

Как же мерзко и как знакомо...

Бессмысленность сопротивления, собственное жалкое состояние – я отринула все, стремясь оттолкнуть Кина. Он не отступал, продолжая неистово целовать меня, одновременно ерзая поверх моего тела. Не понимал, что делает не так. Но... инстинкты, заложенные на уровне генетики тела, и еще большее упорство неизбежно приведут его к цели. О которой он тоже пока не имеет понятия.

Рука сама взмыла вверх, нанося рубящий удар в шею мужчины, согнутым коленом попыталась достать его пах и ногтями в лицо. Действовала без оглядки на последствия – просто стала бы совсем уж жалкой, не прими хоть попытки отбиться. В памяти вновь всплыл инцидент с напарником, те страх и отвращение, что застилали тогда душу и разум.

Амиот увернулся. Конечно, мои жалкие потуги не могли нанести ему вреда. Даже в состоянии полного погружения в страсть он был

куда стремительнее меня.

Без шансов... Я признала свое поражение, чувствуя, как Кин снова перехватил руки, распластав их по песку, как притиснул к земле мои ноги своими. Мощная грудь почти расплющила мою, дышал он надрывно и рвано. Губы замерли в миллиметре от рта, смешивая наши дыхания.

Ну почему? Почему со мной всегда так?!

Полившиеся слезы скользнули к подбородку.

– Не надо... Не сейчас... – почти беззвучно взмолилась, не ожидая пощады от судьбы и амиота, ставшего ее орудием. Происходящее было неизбежно. Я добыча. Игрушка. Трофей, с которым можно экспериментировать...

– Троя?

Видимо, небеса, в каком бы мире они ни находились, меня услышали – Кин вдруг замер, стремительно скатился с меня. Голос донесся откуда-то сбоку. Боясь поверить, не сразу открыла глаза – прежде отсчитала тридцать ударов своего растерзанного на кусочки сердца.

– Почему ты сражаешься?

Как никогда остро ощущая уязвимость своего положения, я тут же села, притянув ноги к подбородку. На амиота не смотрела, уставившись на блеклый кристалл за его плечом.

– Кин... Ты понимаешь, что делаешь? Что сейчас происходит?

– Нет. Но я пойму. Разберусь с тем, как оболочка на тебя реагирует. Я чувствую, что сейчас было правильно положиться на реакции тела. Почему Троя сражалась?

Я ошиблась. Этот случай коренным образом отличается от нападения рарка. Кин ко мне прислушался и отвечает, что само по себе невероятно в подобных обстоятельствах! И говорит без уверток. Просто поразительно!

– Потому что для меня происходящее плохо.

– Это не может быть плохо. – Кин уверенно качнул головой в отрицании. – Я проанализировал, вреда для тел не будет, это для них... – он задумался, подбирая слово, – естественно. Как предназначение. Уверен, что все делал правильно, это требовалось... оболочкам. Ты тоже это понимаешь. Так должно было случиться. Смотри – мое тело отреагировало на твое.

Он не спрашивал, утверждал. Мысленно вздохнув, на этот раз не посмела себе солгать. Он прав. Именно поэтому я не погибла. На каком-то пока не осознанном им физиологическом уровне этот мужчина выделил меня из общей массы, захотел. С первого нашего контакта я его чем-то заинтересовала. Наверное, встретиться мы при других обстоятельствах, я была бы даже не против. Но сейчас даже посмотреть на него не могла!

— Я понял! — внезапно воскликнул Кин. — Поэтому у мужчин и женщин разные тела. Ну... немного разные. Они дополняют друг друга, их предназначение в соединении. Вот почему так влияют прикосновения — они побуждают сближаться больше. Но это не объясняет, почему ты меня остановила.

Больше всего хотелось поблагодарить его именно за то, что остановился. Дор, бывший напарник, не захотел меня услышать, озабоченный лишь первобытным желанием самца овладеть самкой. А монстр, уничтоживший немало наших, прислушался. И кто из них в итоге человечнее?

— Я не могу так... сейчас... — сильнее сжав колени, уткнулась в них лицом. — Мне нужно время. Мы можем... не торопиться?

Раньше назвала бы сумасшедшим того, кто сказал бы, что попрошу о таком амиота. Монстра, который на моих глазах не задумываясь выпил десятки противников, которого я все еще боялась, понимая, что он способен выпить и меня. Но, отбросив эмоции и чувства, в ситуации, когда я рядом с ним, и, возможно, так будет до конца моей жизни, есть смысл быть только честной. С собой! Рано или поздно между нами это случится. Вынужденно оказавшись на пути познания материального существования, амиот пройдет его до конца. А кроме как со мной, познавать больше не с кем...

— Мы эдаити, — Кин вновь напомнил, что слышит мои мысли.

Нарочито неспешно протянув руку, грубовато погладил по волосам. И я решилась. Он прямолинеен и честен — я должна ответить тем же.

— Да, тела мужчин и женщин предназначены для таких... прикосновений. Но... Самое важное в этом процессе — обоюдность. Нравиться должно и мужчине и женщине. Близость идет на пользу телам, когда приносит удовольствие и не причиняет боли.

Кин задумался, наверняка анализируя новую информацию. Я молчала, незаметно подтянуть ближе брючную часть скафандра. Окружающий мир был необычно тих, но отсутствие внешних звуков в этом «изломе времени» уже не так напрягало.

– Ты меня боишься?

Вот так вопрос... И как на него ответить?

– Нет, что ты...

– Вижу, что да. Когда ты меня обманываешь, это очевидно: расширяются зрачки, меняется пульс и температура тела. – Вздохнув, укорила себя за ложь. Будь он на моем месте, разве не боялся бы? – Что мне надо сейчас сделать?

Опешив, невольно посмотрела на Кина. Глаза уперлись в мощную грудь, рельефный живот и... Стремительно вскинув голову, пробормотала:

– Пожалуйста, контролируй свое тело. Не позволяй ему... действовать самостоятельно. Ты же можешь?

– Могу, – заверил Кин. – Но зачем? Мне необходимо все знать об оболочке. И раз она так жаждет твою, попробую снова. Нужно в этом разобраться.

– Хорошо. – Я смирилась: любознательность и напористость моего похитителя можно остановить лишь одним. – Я сама помогу тебе, даже объясню то, что непонятно. Только... не сейчас. Мне нужно время, чтобы к тебе привыкнуть.

Мысленно умоляла его согласиться. Проявить то самое понимание, что так меня удивило.

– Как много времени нужно Трое?

И когда он успел вновь придвинуться вплотную?

– Неделью? – Я заерзала бедрами по песку в надежде чуть отползти. – Несколько дней?

Амиот вздохнул точь-в-точь как я недавно.

– Хорошо, несколько дней. Но не больше. Мне не терпится выяснить до конца предназначение тел и причины их различий у мужчин и женщин. Прикасаться к Трое в разных местах очень познавательно. – Слова с делом не расходились: костяшками когтистых пальцев он погладил мой бок, затем плечо и щеку... – Ты на это тоже реагируешь. – Так же быстро, как делал все, Кин убрал руку и отстранился. Перебросив мне одежду, уточнил: – Ты это хотела?

Пока я поспешно и неловко, в нелепых попытках не слишком откровенно демонстрировать тело, натягивала остатки скафандра и куртку, Кин неторопливо надевал форменные брюки.

— А как заинтересовать Троя? Чтобы не боялась. Быстрее привыкла. И получила удовольствие?

Очередной каскад неожиданных вопросов заставил замереть. Тут и обычному парню не сразу ответишь, а уж амиоту...

— Нужно доверие, — нашлась наконец с ответом, надеясь, что он поймет. Взгляд кружил, избегая останавливаться на спутнике.

— Троя мне не доверяет, — констатировал он очевидное. — Почему?

Вопрос в лоб. Как объяснить, что мы слишком разные? Что отношения «хищник — жертва» не подходят даже под понятие дружба, что уж говорить о симпатии и любви.

— Троя не еда, — вновь повторил Кин ранее сказанное, подслушав мои мысли. И своим ответом доказал — он не понимает причин моего страха перед ним и ему подобными. Неужели эдайти полагает, что мой исключительный несъедобный статус должен утешать? Особенно на фоне гибели других.

— А Игерь — еда?

Решившись, подняла взгляд, и мужчина отреагировал молниеносно: перехватив меня за руки, притянул к себе вплотную.

— Когда Троя ест, — Кин задумался, но очень быстро отыскал в моем сознании нужное слово из тут же промелькнувших образов пищи, — курицу. Она переживает из-за мыслей птицы на свой счет? Троя не думает об этом. Почему нам так нельзя? Мы не такие уж разные, но ты осуждаешь именно нас. Признай право эдайти так же поступать с едой.

— Курица не разумна! — выпалила, опешив.

— Возможно, потому что выгодно так думать? Троя понимает, что без пищи не выживет, и предпочитает не вести с курицей дискуссии, а чувствовать ее в своем животе.

— Нет, — в шоке замотала головой, отрицая его логику. Лицо Кина было рядом, и в его глазах я видела отражение собственного потрясенного лица. — Я же знаю, что разговаривать с ней бессмысленно. Она не поймет...

Как он все вывернул! Как же они мыслят?!

– Но убежит, если ты крикнешь. Или подойдет, если позовешь. Разум – понятие относительное, его градаций слишком много. А все, что касается восприятия других существ, зависит лишь от точки зрения. Значимости. Пользы. Вреда. Заинтересованности. Возможностей использования, – упрямо наседал Кин. – Для нас, эдаити, вы полезнее как пища. Значит, мы так о вас и думали. За что тут ненавидеть? – Он усмехнулся.

В исполнении клыкастого рта это выглядело не по-доброму. А я возмутилась:

– Тогда почему ты адресуешь свой вопрос той, которая значит не больше курицы? Почему желаешь не пугать меня?

– Потому что точка зрения изменилась. Я и сам, – он запнулся, – удивлен. Оказалось, в материальном мире значимы не только смысл и польза, но и нечто неосознаваемое... ощущения? Нет... А, знаю название – чувства!

Вот оно! Единственное, чему противостоять не получалось, – искренность и прямолинейность мужчины. То, что основательно подтачивало образ чудовищного монстра. Он не понимает... А как мне понять его настрой? И на что решиться?

– Почему так, я еще не выяснил, – продолжал рассуждать Кин, завораживая меня движением губ. Я стояла, вплотную притянутая его руками, и глазела на его рот. – Но направление интереса точно зависит от инстинктов тел. Материальный мир тесно связан с бесплотным – неосознаваемые чувства и эмоции влияют на физическое тело и его действия. Я это ощущаю! Они побуждают... – Кин, чуть прищурившись, от рассуждений вновь перешел к вопросам: – К чему? Троя объяснит? В чем основная цель материального существования?

Испугавшись его прозорливости, какого-то инстинктивного умения выбирать единственно верный вопрос, затрясла головой. Слишком страшно идти этим путем – учиться слышать его, понимать, признавая другие, отличные от моих представления о мире. Мире, где подобные ему – не монстры, а в чем-то такие же потребители, что и мы. И наоборот, что все мы – не меньшие монстры, чем чуждая раса эдаити. Смотря с какой стороны посмотреть. А смотреть на ситуацию его глазами мужества еще не хватало.

– Отпусти... – сглотнув, пробормотала, стараясь вывернуться, слишком разоблачающе стучало сердце!

– Троя же намеревалась ко мне прилипнуть?

Больше всего этот безэмоциональный ответ походил на иронию! Вот только чувство юмора у Кина обнаружить еще не хватало! Мысленно застонала: это его совсем очеловечит.

– Тогда я испугалась, что останусь одна.

– Не забывай, я говорил, что всегда приду к тебе. Троя не останется одна.

Кин позволил мне отстраниться на пару шагов, однако слова прозвучали впечатляюще, даже весомо, вселяя в душу непонятную надежду.

– А еще обещал, что не тронешь Игеря. Если буду в этом уверена, смогу быстрее к тебе привыкнуть.

Сама не поняла: подкинула ему «морковку» для мотивации или неосознанно обозначила свою готовность сблизиться? И в итоге принять явно и открыто интересующегося мной мужчину?

Яростным щелчком захлопнув последнюю застежку скафандра, выдохнула – хоть какое-то ощущение защищенности. Да, иллюзорное, как недавно доказал амиот, за секунды избавив меня от скафандра. Такими же иллюзорными он представляет и мои потуги все время напоминать себе, что он – не человек, а чуждый хищник.

– Троя не должна бояться, я не угроза для нее. – Обхватив одной рукой за плечи, другой медленно и неуклюже Кин погладил меня по волосам.

Замерев от неожиданности, я вслушивалась в ощущения от его прикосновений, пытаюсь свыкнуться с мыслью, что и такое возможно. Амиот немного помолчал, обдумывая дальнейшее.

– Игеря не трону. Троя не должна бояться. Меня.

Неведомым наитием отчетливо ощутила – это уступка. Величайшая уступка в неизвестно сколь долгом существовании амиота. То есть эдайти. Разве не станет проявлением высшей справедливости и мне признать очевидное: он не так уж и пугает.

Если представить себе отдельно взятый мир где-то на окраине вселенной, а нас – последними мужчиной и женщиной... Мне хотелось прожить свою жизнь полностью. И мой выбор – возможное решение принять эдайти в качестве избранника, отринув прошлое и нашу абсолютную непохожесть, – не так уж невозможен?

Живот заурчал, и на знакомый звук Кин среагировал привычно быстрым взглядом и столь же мгновенной реакцией.

– Пойдем, будем искать еду.

Словно и не было несмелой ласки миг назад. Передо мной вновь стоял несокрушимый и сконцентрированный на вызовах окружающего мира амиот.

Чуть помедлив, согласно кивнула. В самом деле, пища первостепенна. Понимаешь это, лишь оказавшись на задворках жизни. Хорошо бы найти не только еду, но и воду, потому как корабельных запасов с нами нет.

Я послушно побрела за неторопливо шагающим Кином. На этот раз он шел первым, и для меня после выяснения отношений между нами было большим облегчением не встречаться с ним взглядом. Впрочем, оказалось, что лицезреть его впечатляющую спину ничуть не легче.

Шел он как гулял, движения мужчины не были похожи на крадущуюся походку хищника, отслеживающего добычу. Наверное, лишь потому, что опасности он не чувствовал.

А вот когда она появилась... Вопреки обещанию самой себе поменьше концентрироваться на эдайти, я все равно невольно глазела на четкие линии мужской спины. И потому не сразу поняла, что случилось: внезапный рывок, мелькнувший перед глазами раскидистый кристалл, яростный рык...

Осев на песок, еще мотала головой, пытаюсь прийти в себя, а Кин уже стоял напротив, с интересом рассматривая жутковатую тварь, которую держал перед лицом за одну из лап.

Мне добыча напомнила надломленного жука с простреленным насквозь панцирем. Только вместо жвал у него были тонкие, как иглы, зубы...

– Несъедобно, – безэмоционально констатировал эдайти. Отшвырнув добычу в сторону, как ни в чем не бывало протянул мне руку. – Идем.

Не отводя глаз от упавшего на песок существа, с опаской поднялась. Сама! Проигнорировав нетипичное проявление заботы от Кина, подскочила сразу на обе ноги, мысленно себе напомнив, что я – пусть бывшая, но военнослужащая Троя Флэш, а не обморочная

барышня. А в компании эдайти уже просто обязана воспринимать как должное все запредельное и кошмарное.

— Оно несъедобное, — зачем-то повторил Кин. И лишь когда продолжил, стала ясна суть: — Для тебя. Для моего тела. Но не для меня.

— Ты его... выпил?

Не то чтобы я одобряла все их способы питания. Но рассуждения о курице заставили с большей практичностью отнестись к вопросу питания. Особенно когда мы провалились куда-то во временную яму, увы, без мешка со снедью. Голод куда эффективнее человеколюбия. И если хоть один из нас сейчас может пополнить силы...

Дойду ли я на этой планете до того, что смогу закрыть глаза на «потребление» себе подобных? Оправдать такие меры выживания? Мысли реально заставили поежиться: между гуманизмом и жестокостью, оказывается, такая тонкая грань — всего-то и надо оказаться на грани гибели. Самый сильный наш инстинкт — потребность выжить. Любой ценой?..

— Забрал энергию. Ты не можешь. Трое нужно другое.

Голос эдайти звучал мягче обычного, и смотрел он пристально, не отводя взгляда. А мои глаза бегали по блеклой округе, избегая зрительного контакта со спутником.

Уж точно не могу. А вот получу ли «другое»? Мы, кажется, бесконечно долго бредем, а никого так больше и не встретили. Во рту пересохло, жажда все сильнее давала о себе знать; голова кружилась, но я старалась держаться. Выбора, по сути, не остается: либо мы хоть что-то найдем, и я съем и выпью что угодно, мало-мальски пригодное в пищу, либо...

— Стой.

Кин решительно меня придержал, так как последние часы вел за руку. Перехватив за плечи, чтобы не рухнула, аккуратно усадил на землю и отступил, развернувшись спиной. А потом и вовсе зашагал вперед, оставив одну.

Я потянулась было следом, но осела обратно. Сил не осталось, казалось, мы сутки бродим в этом туманном лесу. Меня хватало лишь на то, чтобы наблюдать за непонятными действиями эдайти.

Выйдя на открытое пространство небольшой поляны, которая в нормальном лесу была бы заполнена зеркальным озером, а здесь

оказалась пуста, Кин потоптался в ее центре. Как-то по-звериному пригнул голову к плечу. Прислушивался?

Подпрыгнул, с силой ударив ступнями в землю. Присел, всматриваясь. Встал, снова прыгнул... А через мгновение провалился по пояс.

Ахнув, я вздрогнула, инстинктивно дернулась на помощь... и с облегченным вздохом опустилась обратно. Тихо засмеялась. Вот глупая! За кого перепугалась? За сверхсущество, которое даже этой жуткой планете не по зубам?

Кин легко и спокойно выбрался из ямы, подошел ближе, и я увидела в его руках нечто серебристое, похожее на мешок.

– Это что? – одновременно с подозрением уставилась на добычу.

– Точно не знаю. Но оно съедобно.

Эдайти опустился рядом на песок, помял «мешок» в ладонях, изучая. А потом раскрыл, рванув за узкое горлышко. Внутри оказалась белесая полупрозрачная мякоть, напоминающая протеиновое желе с фруктовым вкусом. В нос ударила смесь запахов смолы и клубники. Именно такие образы возникли в памяти.

Станный тяжелый аромат. Одновременно притягивающий и отталкивающий. Клубнику я любила, но смола ассоциировалась с хвойным гелем, стандартным для душевых кабин на станции. И ощущение, что я сейчас хлебну моющего средства, заставляло морщиться и мешкать.

Кин долго раздумывать не стал.

– Трое можно есть, – сообщил, демонстративно окунув палец в массу, и запихнул его в рот, смачно посасывая.

Невольно сглотив, решила. Один вид вероятной еды придал сил. Антисанитария? О ней не думала, возможность насытиться стерла остатки налета цивилизованности. По примеру эдайти поначалу обмакнула в массу палец. Вкус продукта оказался сносным. Распробовав, принялась ладошкой, горсть за горстью, черпать питательное желе, в меру сладкое, водянистое, неплохо утоляющее и жажду и голод. Измазалась, но наелась.

Когда «мешок» опустел, а чувство сытости накатило сонной ленью, я наконец-то озадачилась: что же такое съела? Или кого? Гладкая на ощупь поверхность опустевшей и сжавшейся емкости навевала какие-то знакомые ассоциации. И этот серебристый цвет...

– Может, возьмем эту штуку с собой? – предложила Кину.

Использовать ее в качестве сумки? Или подушки, если скомкать и подложить под голову? Он наверняка увидит эти образы в моей голове.

Эдайти, устроившись на песке, никак не отреагировал, продолжая рассматривать меня с задумчивым видом. Строил какие-то планы? Искренне недоумевал, к чему какие-то подушки, если с его телом и на камне поспать не проблема? Одно точно: спешить нам некуда, цели достигли – наелись. Или?.. От догадки прошибло испариной, неужели он вновь решил заняться самообразованием по взаимоотношениям полов?

– А ты? – опомнившись, что проглотила практически все содержимое «мешка», резко подалась к мужчине.

– Пока сыт, – лаконично бросил Кин.

В смущении от своего неуместного беспокойства опустила взгляд на серебристый обвисший пузырь в руках, прикидывая, можно ли высушить и очистить от липкого содержимого его поверхность. Вывернув «мешок», заметила на самом дне крошечную шишечку с дюжиной мелких выростов. Словно...

– Зеркальное озеро! Это его... зародыш?

Все части ассоциаций сложились в одно целое: цвет, выросты и полянка подходящая – со временем по ее поверхности растеклась бы ловушка-хищник.

– Да, – подтвердил спутник.

– Откуда оно здесь? – спросила, борясь с подступившей дурнотой, со всей отчетливостью осознав – я тоже хищник, пусть и уровнем попроще.

– Как знать, – неспешно осматривая окружающие нас блеклые кристаллы, пожал плечами Кин. – Тоже могло провалиться. Или это такой способ самосохранения, и оно ждало, пока погибнет родительская особь... Зародыш, значит? Понравилось?

Я снова сглотнула, признав, что без малейших угрызений совести уничтожила то, что, возможно, предназначалось для первоначального питания для зародыша. Ну как белок в яйце. Брр...

Однако эдайти сейчас намекнул именно на это. Что не так уж отличаюсь от них. Разве что с поражающим уровнем возможностей у меня попроще. Ради спасения или выживания все мы способны

уничтожить другую жизнь. Еще и оправдываем себя убеждениями в ее неразумности.

Неужели так заведено в природе?..

– Что будем делать дальше?

Мой голос звучал уныло – я запуталась в своих же принципах, устремлениях и намерениях. Одно ясно: чтобы выжить, мне придется оставить привычную Трою в прошлом.

– Отдыхать, – откликнулся Кин. – Трое необходим отдых.

– Как долго мы шли? – Попыталась рассмотреть хоть что-то над вершинами тусклых сероватых кристаллов, но ничего, кроме туманной мути, не увидела. – Местных солнц не видно.

– По моим ощущениям, уже наступила ночь. Здесь стало немного сумрачнее.

Мне тоже показалось, что слегка потемнело, будто небо над нами накрыло грозовой тучей; глаза приходилось напрягать сильнее, чтобы видеть окружающее пространство.

– Отдыхай.

Поразив невероятно, Кин вдруг похлопал ладонью по своим расслабленно вытянутым ногам, очевидно, предлагая устроиться на них.

– Ах, да, ультразвук, – со вздохом пробормотала уже привычную мантру и двинулась к мужчине с чувством полной предопределенности.

– Здесь его нет.

Замерев, не сразу осознала смысл сказанного. Убийственного звука нет? Страшиться мучительной смерти не надо? А значит, нет необходимости и спать рядом...

В душе, к моему удивлению, промелькнула досада на такую несвоевременную честность. И тут же одернула себя: так размякла от пережитого, что уже осознанно и целенаправленно ищу защиты у ами... эдайти?! Троя Флэш, это – позор!

Решительно отстранившись, села с Кином рядом. Стараясь делать это не слишком явно, заерзала на песке, отдаляясь. Лягу тут! Совсем уж отходить неразумно, угрозу нападения кого-нибудь непонятного никто не отменял. Бродя целый день в поисках хоть какой-то живности, встретили всего одну тварь, но по закону подлости...

Потерла ладони, непроизвольно пытаюсь очистить их от песчинок, налипших, как на клей, на слой протеинового желе, оставшегося на руках после еды. Да и лицо я основательно измазала, вынужденная загребать еду руками. Вздохнув, одернула себя: отныне я дикарка. И благоухаю наверняка соответственно, с момента посадки пригодная для умывания вода нигде не попадалась. Водоемы на этой планете нам не встретились – вязкая грязь болота не в счет.

– Мыться, как в душе? – переспросил Кин, продолжая наблюдать за каждым моим движением.

Стоило услышать вопрос, сразу вспомнила, как в первый раз уснула с ним рядом мокрая. Тогда совместный душ был вынужденным и неожиданным, сейчас куда более желанным, но... Как подобное осуществить, когда душевая зона звездолета отсутствует? И все же коротко кивнула, не поднимая глаз, хватило и ощущения заалевших щек. Почему мне во всем видится чувственный подтекст?..

– В кристаллах есть жидкость, – неожиданно поделился наблюдением мужчина. Немного подумав, добавил: – В больших ее должно быть много. Трое хватит.

– Для чего? – насторожилась.

– Помыться.

Озадаченно, но преисполнившись надежд, замерла, разрываясь между радостью и страхом. Даже просто обтереться стало бы благословением, но я отдавала себе отчет – для этого придется раздеться. А как поведет себя Кин, предположить не могла...

– Подойди.

Я раздумывала, а эдаити действовал. Потому я проморгала момент, когда он сорвался с места, а отыскав глазами, обнаружила его возле мощнейшего кристалла в три обхвата.

– И как?..

Неуверенно теребя магнитные застежки куртки, опасливо двинулась к нему. Пока шла, Кин вдумчиво осматривал кристалл, медленно водил рукой вверх и вниз по гладкой поверхности высоченной, будто каменной глыбы. Огладил ствол, перешел на боковое ответвление-ветку. Замер, словно прислушиваясь, отвел руку, развернув ладонь ребром, готовясь нанести рубящий удар. Отставил ногу, присел, вдохнул, выдохнул...

Что он собирается сделать, догадалась моментально. Но выбранный кристалл выглядел неприступным колоссом! Даже эдайти не под силу его сокрушить. И такие отчаянные маневры без травм не обходятся. Кин просто не понимает, что физическое тело, даже совершенное, имеет свой предел прочности. И его можно повредить. Теоретически.

Пока я судорожно ловила ртом воздух, собираясь остановить эдайти, его рука смазанным движением впечаталась в ветку. Звонкий хруст вспорол окружающую тишину, когда появившаяся от удара трещина разделила кристалл на две части. Завороженная узором разбегающихся паутиной трещин, в ступоре смотрела на откалывающуюся вершину окаменелого великана. Она рухнула бы прямо на меня, если бы Кин вовремя не перехватил ветку, аккуратно опустив на песок чуть в стороне. Но благодарности за очередное спасение эдайти не дождался – мое внимание переключилось на куда более значимое событие: из нижнего обрубка кристалла рванул вверх столб фонтанирующей жидкости.

Вода... Вода?! Да без разницы, ведь это так похоже на воду!

Окрыленная истинным чудом, забыв о прежних сомнениях и ведомая лишь желанием очиститься и освежиться, сама не заметила, как сорвала скафандр, за ним оставшуюся одежду и белье. Миг – и я уже счастливо барахталась в потоке освежающей и такой желанной влаги.

Засаленные, висящие сосульками волосы намокли, грудь и плечи бомбардировали сотни капель, сливаясь и стекая по телу юркими ручейками. С остервенением принялась тереть кожу руками, потом вспомнила: во внутреннем кармане скафандра по инструкции должна быть небольшая емкость с антибактерицидным гелем на пару водных процедур.

Надорвав пакетик, вспенила гель, старательно размазывая его по телу и голове. И полной неожиданностью стали ладони Кина, присоединившиеся к действию. Повторяя мои движения, большие руки мужчины заскользили по моей коже, оставляя мыльные следы.

– Лучше собой займись, – посоветовала, уворачиваясь от изучающих прикосновений. – Тоже не повредит помыться.

Не повредит – мягко сказано. Начиная с форсирования болотной топи и по сей момент тело Кина покрывал слой заскорузлой грязи. Был

ли запах, я не ощущала. Или мои обонятельные рецепторы на этой планете сбились, или уже свыклась с несвежими ароматами. Сама не лучше благоухала!

Кин спорить не стал и вмиг нырнул под поток влаги. Вот уж кто не полагал наготу проблемой. Впрочем, и я, успев налюбоваться крепким мужским задом, не реагировала. Да, мужчина, да, с пропорциями бога... Но для меня в самом факте наличия тела не было ничего экстраординарного. Ему куда необычнее и все эти различия между нами, и необходимость купаться.

– Готово, – отрапортовал эдайти, игриво поддев меня бедром.

Как и со всем прочим, с помывкой он справился с запредельной скоростью, в отличие от меня, вальяжно расслабляющейся, подставляющей лицо и грудь струям воды и массирующими движениями втирающей гель в волосы. О том, что мужчина за мной наблюдает, знала, чувствовала его взгляд, однако купательных заигрываний от него не ожидала и шлепнулась на песок, получив тычок в бок. Мокрое тело покрылось слоем желтых песчинок, а я, поддавшись накотившему возмущению, безрассудно зашипела:

– Ты!..

– Троя?

Кин поднял меня за руки, обхватив своими ладонями. Голос его едва уловимо дрогнул, но я это заметила, словно настроенный на него сверхчувствительный детектор.

– Все в порядке, – отмахнулась, сообразив: он ищет слова, чтобы дать понять – у него не было намерения навредить.

Вот уж для кого такое взаимодействие в новинку. Не знает, несчастный, о любовных играх в кошки-мышки и не учел, что я не из его собратьев и весовые категории у нас разные. Им всем еще предстоит осознать, что с нами, женщинами, стоит быть помягче.

Попыталась высвободиться и замерла, когда взгляд остановился на локте Кина. Шокированная зрелищем противоестественно выпятившейся из-под кожи кости, сразу забыла о переживаниях насчет интереса эдайти к моему телу.

– Что это? – пробормотала потрясенно, потом сообразила – удар по каменному кристаллу даром не прошел. Это как мне со всей силы треснуть по бетонному столбу. Ахнула: – Да чтоб тебя! Это же закрытый перелом...

– Троя злится? – заинтересовался эдайти, расшифровав эмоции и соотнеся их со своим поступком, одновременно выверенным движением снова задвинул меня под уже иссякающий поток, чтобы смыть с тела песок.

– Тебе не больно?! – ладонями стирая с лица воду, чтобы распахнуть глаза, ткнула пальцем в очевидную проблему.

Глазам своим не верила: он этой рукой еще и двигал! Даже меня поднял!

– Больно? – Кин приблизил лицо к моему, словно искал там ответ.

– Руке! – осторожно коснулась локтя. – Ты ее сломал.

– Сломал? Как кристалл? – Эдайти перевел взгляд на свою конечность, медленно согнул-разогнул, вынудив мои брови поползти вверх: вот это высокий болевой порог!

– Да! – Ясно, что им все еще малопонятны особенности физических оболочек, но проблемы это не уменьшало. – Тело можно повредить, как любой другой материальный объект. Сломать, разорвать, обжечь... Ты локтевую кость сломал! Неужели не чувствуешь?

– Нет, – еще и плечами пожал, сразив наповал. Снова эта детская наивность в сочетании со смертоносными возможностями. Понимают ли эдайти последствия повреждений тел? Знакомо ли им само понятие травмы? Смерти? Они все же не неуязвимы! Эта мысль заставила действовать.

– Не дергайся! – Подскочив к Кину, бережно перехватила его руку. – Нельзя, сделаешь только хуже.

Взгляд уже шарил по округе, подмечая быстро исчезающую в недрах песка лужу, крошечный ручеек, стекающий по надломленному стволу, – все, что осталось от бьющей ввысь струи, обломки вершины окаменевшего колосса. При этом я инстинктивно, едва касаясь, поглаживала пострадавшую конечность Кина, успокаивая боль, которой он даже не осознавал...

– Придержи рукой. – Подтянула ближе другую его ладонь.

Эдайти послушно подчинился, немигающим взглядом впившись в мое лицо. Не заботясь о том, в каком я виде, наклонилась к своей отброшенной в сторонку одежде, схватила нательные брюки – единственное, из чего можно сделать повязку.

Осколок кристалла достаточной длины решила использовать в качестве шины, чтобы зафиксировать кость в правильном положении. Сколько времени понадобится, чтобы она срослась, старалась не думать – череда проблем продолжалась.

Игнорируя молчаливую заинтересованность и непрерывный контроль каждого моего движения, ощупала мужскую конечность. По оказанию первой помощи в учебке целый курс был, и я его неплохо знала. Поэтому смогла вправить кость и зафиксировать ее, примотав к руке осколок. Свободные концы брючин связала на шее эдайти. И он позволил это сделать, чуть присев и пригнув голову, почти уткнувшись лицом в мою ничем не прикрытую грудь. Глубоко вдохнул, словно желая наполнить легкие ароматом чистого тела.

– Зачем это? – эдайти наконец проявил хоть какой-то интерес, шевельнув своим новоприобретением.

– Так надо, чтобы рука восстановилась.

– Ладно.

– Кин... – запнулась, смутившись, – так естественно слетело с губ его имя. – Тебе точно не больно?

– Да.

Берсерки, как есть берсерки! Еще одна запредельная черта созданных тел?

Переведя дыхание, отступила, решив, что сделала все возможное для помощи. Пусть и для помощи монстру, не знающему боли, но замирающему от одного поцелуя.

Суетливо завертевшись на месте и старательно гоня из головы несвоевременные образы, задумалась, как быть дальше? Влажные волосы холодили спину. Помимо остатков скафандра у меня есть куртка Игеря. Но намочить ее не хотелось. Стыда из-за наготы уже не было: сейчас эдайти стал моим пациентом. Не будет же приставать с одной работоспособной рукой?

– Давай присядем. – Указала на разложенную на песке брючную часть скафандра. – Немного обсохнем.

– Хорошо.

Привычная лаконичность и спокойствие. Не позволив позаботиться о нем, прежде усадил меня, устроился сам, сев вплотную – наши бедра и плечи соприкасались.

– Правда не болит? – вновь уточнила, заполняя неловкую тишину. – Не надо демонстрировать стойкость, будь честен.

– Нет. Я всегда честен.

– Ясно... Нужно ждать, пока кость срастется, – сказала и зевнула, всплеск лихорадочного возбуждения иссяк.

– Троя должна поспать. – Призывным жестом Кин похлопал по здоровому плечу.

Воспользовавшись приглашением, привалилась к нему. Сил бороться с жизненными невзгодами не было, глаза закрывались. Однако я вспомнила, что забыла сказать...

– Спасибо за душ.

– Трое надо? Сразу скажи.

– Угу. И он опять себе что-нибудь травмирует, решив свернуть очередную гору. Мысленно тяжело вздохнула, когда эдайти внезапным маневром переместил меня к себе на колени. – Спи. Так удобнее. – Вот и все объяснение...

Только здоровую руку не отвел. Погладил влажные пряди, плечо и положил поверх моей груди. Я напряглась, сделав попытку подняться. Но Кин не позволил, прижав локтем. Впрочем, удерживая меня на месте, ладонью не двигал. Но и я не могла расслабиться, не зная, чего ожидать от эдайти, и потому героически сражалась со сном, инстинктивно не доверяя своему спутнику.

– Мягкая. Приятно, – сухо проинформировал мужчина, спровоцировав очередной всплеск настороженности.

Теперь, несмотря на усталость, сон не шел. Мысли крутились как заведенные, мешая расслабиться. И напряжение не отпускало, и вопросов появилось много, а ответов я так и не получила. В итоге, чтобы не мучить себя, а Кина отвлечь от физических отличий моего тела, напомнила:

– Ты обещал рассказать. Сказал, позже...

– О чем?

– О вашем родном мире.

– Да. Верно. – Эдайти помолчал, то ли решая, с чего начать, то ли обдумывая, что именно мне можно знать. Наконец заговорил: – Он другой. Мой мир. Совсем иной. В нем нет ничего вещественного, осязаемого, плотного. Многомерность – это... – запнулся, с трудом подбирая слова, – волновые потоки, перепады частот, колебания

фотонов, силовые поля и гравитационные искажения. Там много уровней, но мы предпочитаем использовать три. Самый удобный – изотропный. Он спокойный, размеренно инвариантный. Есть эмпирический – заполненный бозоновыми скоплениями. Еще анизотропный – неравномерный, с циклическими флуктуациями, спонтанно рождающими новые частицы. В нем избирательные отклонения квантовых полей, случайные гравитационные искажения, сингулярные дыры, потоки первичной субстанции, кварковые завихрения и полевые возмущения.

Кин умолк, видимо исчерпав запас терминов, которые отпечатались в моей памяти из курса физики и были напрочь забыты за ненадобностью. Теперь вот пригодились. Больше того, я поразилась, насколько он успел освоиться с нашими понятиями, характеризующими реальность, с представлениями о мирах.

– А вы сами? – пролепетала, несколько ошарашенная от слов, которые были понятны лишь на уровне «когда-то слышала». – Какие там вы? Тоже невещественные?

– Разумеется. Хочешь, чтобы я себя описал? Это сложно, используя имеющийся у тебя понятийный запас, но попробовать могу. – Кин покосился на меня, а когда я неуверенно кивнула, загадочно усмехнулся и выдал: – Тонированный сиреневыми длинами волн спектр свечения, прямой вектор глюонов, высокий уровень кинетики и выраженный потенциал силовых полей. А еще сильные выверты спиновых матриц, четкая калибровочная симметрия и преобладание кварков верхних ароматов. Мы общаемся, меняя амплитуды частот, притягиваемся, поляризуя контуры, стабилизируемся, корректируя матрицы вращений...

Серьезно?! Я знала слова, которые он только что произнес, – работая на станции, где велись постоянные научные разработки, нахваталась и наслушалась многого, но...

– Ни хрена себе... – выругалась, обрывая Кина. Потрясла головой и выставила перед собой ладонь, останавливая готового продолжить эдайти. – Думаю, достаточно.

Кин настаивать не стал. Я улеглась удобнее, даже глаза закрыла, намереваясь уснуть.

Уснуть? Да разве это возможно?! Чем активнее убеждала себя, что больше не коснусь этой зауми, тем сильнее жгло любопытство –

хотелось понять, но... на бытовом уровне.

— А вы там все одинаковые? — не выдержала и приподнялась, заглядывая в малоподвижное лицо эдайти.

В памяти снова замаячил сиреневый туман. Уразуметь *его* как осмысленную форму жизни не получалось. Со слов же Кина выходило, что они — нечто более развитое и совершенное в сравнении с нами.

— Разные. Но по-другому, не как здесь, у материальных. — Кин говорил медленно, с трудом добывая нужные слова. Точно ступил на зыбкую почву вопроса, в котором сам еще не разобрался. — Мы разнимся по статусу. Энереллы-лекарки выправляют искаженные конфигурации кварков у всех эдайти. Эдилати-импульсники оперируют энергией, перебрасывая на разные уровни мерности. Эдоцити-гасители нивелируют избыток энергии и подавляют ее спонтанные всплески. У меня статус эдилати-дойщика. Я забираю энергию отовсюду и перекачиваю ее в многомерность. Без нас она исчезнет.

— То есть ты не ради прожорливос... э-э... — спешно поправилась, — не ради себя всех выпиваешь? — судорожно сглотнула, осознав, что эгоистичность и бездушность, с которой эдайти убивают, надуманные. Это только наш, субъективный, в границах собственного развития взгляд на ситуацию. А они всего лишь заботятся о своем мире.

— Н-не знаю, — в сомнении качнул головой Кин. — Я больше не ощущаю той связи с мерностью, какая была до того, как нас заточили в этих телах. Но связь с братьями осталась. И энергия, которую я поглотил, все же медленно тает, возможно, что и сейчас многомерность тянет из нас свою долю. Впрочем... — Он откинулся на песок, заложил здоровую руку за голову и бесстрастно закончил: — Объяснение может быть и иным.

Приподнялась на локте, потеряв из виду лицо мужчины. В его внезапном отдалении мне почудилась тоска по дому, по прошлой жизни.

— Мне тоже никогда не вернуться, — тихо призналась, что понимаю его. Да, в чем-то мы оказались схожи!

Кин промолчал, возможно, не желая обсуждать необратимое или... осознавая свою роль в моей трагедии?

– А новые эдайти... откуда они берутся? – осторожно коснулась щекотливого вопроса, спеша сменить тему.

Размножение – камень преткновения в наших с Кином отношениях, хорошо бы понять, как с этим обстоят дела у них.

– Просто появляются. Спонтанно возникают на разных уровнях. Независимо от других эдайти. И каждый из нас также спонтанно может исчезнуть. Это нельзя контролировать. Мы живем, пока мерность нас в себе удерживает.

Точно ничего схожего с физическим вариантом!

– А потом? После исчезновения? – Лишь задав вопрос, сообразила – фактически требую от него невозможного. Кто вообще в курсе, что происходит после смерти?

Кин предсказуемо не ответил. Пожав плечами, продолжал смотреть в мутное серое небо. Я прекрасно видела его четкий профиль и замершие глаза. Не стоит продолжать разговор, и без того разбередила его душевные раны. Конечно, если предположить наличие души у... чужака. Впервые даже мысленно назвать его монстром не получилось.

Молча улеглась, повернувшись к Кину спиной и устроив голову на его ногах. Свернулась в клубочек, как никогда остро ощущая одиночество. Теперь еще и его...

Мы словно скитальцы, ушедшие так далеко от привычного и родного дома, что точка невозврата оказалась пройденной. Два одиночества, встретившиеся на краю вселенной... Лишь почувствовав солоноватый привкус на губах, поняла, что плачу. Наверняка за нас двоих...

Упадок физических и душевных сил сказался. Глаза наконец закрылись, я уснула. То, чего страшилась – боли, насилия, – не случилось. Сегодняшний день и наше с эдайти внезапное уединение преподнесли неожиданно значимый сюрприз – этот пугающий и дикий мужчина открылся мне, став чуточку понятнее...

Легкого шевеления рядом со щекой оказалось достаточно, чтобы проснуться. Смутилась, заметив, что во сне обхватила ноги Кина руками, а сама расслабленно распласталась по земле. Прямо Ева и Адам какие-то! В вопросах наготы и безрассудства так уж точно.

Но тело отдохнувшее, дискомфорта нет. Ничто вокруг не напоминало о холоде, окутавшем нас наутро после первой ночевки на

планете. Оттого и нагишом спалось чудесно.

– Полагаю, в зиянии отсутствует не только ультразвук, но и температурные перепады, – отреагировал эдайти на мои мысли.

Повернувшись к нему лицом, обнаружила его снимающим повязку с импровизированной шиной.

– Что ты делаешь?.. – Подскочив, обеспокоенно потянулась к Кину, я же не предупредила его о сроках сращивания!

– Все уже в порядке.

– Но перелом...

– Кость срослась.

В подтверждение эдайти демонстративно совершил пару вращательных движений рукой, ощупывая место вчерашней травмы. Оно действительно выглядело иначе – естественно!

– Да ты регенерируешь покруче любой ящерицы, – не без зависти признала очередную данность.

Браво создателям тел для амиотов! Посмертно я признала их заслуги.

– Трое пригодится, – вместо ответа Кин протянул мне нательное трико, послужившее эластичными бинтами.

Не споря, стряхнула с бедер налипшие песчинки и молча натянула штаны. Подняв взгляд, обнаружила уже одетого спутника с предупредительно распахнутой для меня курткой Игеря. Пока продевала руки в рукава, Кин обескуражил меня ласковым прикосновением к груди.

– Мягкие. Приятно, – вновь сообщил свои ощущения, давая понять, что не исчерпал интереса к вопросу различия наших тел.

Мне только и оставалось, что поднять взгляд к неизменно мутному небу: такой беспокойный Адам мне достался! Кин времени на рефлекссию не оставил – уже двинулся в сторону, удаляясь от разрубленного накануне кристалла.

– Куда ты собрался? – Спешно сомкнув застежки куртки и подхватив с земли скафандр, понеслась за ним.

– Мы уходим. – Эдайти снова был собран, деловит и невозмутим, словно ступал по знакомому с детства ковру в спальне.

– Но ты же хотел остаться здесь. Сказал, что другие будут ждать.

– Я кое-что понял. Щег вывалится обратно раньше нас и расскажет всем о сути зияний. И они наверняка примут решение

уходить из леса, начиненного такими ловушками. А направление их движения я знаю.

– Но если... – хотела сказать «ты ошибся» и не успела.

Кин обернулся и своей лапищей обхватил мое лицо, закрывая рот большим пальцем.

– Не надо во мне сомневаться. – И... улыбнулся!

Что сразило больше, слова или улыбка, сама толком не поняла. А когда мы продолжили путь, вдруг поймала себя на том, что тоже улыбаюсь, уставившись на широкую бледнокожую спину. Задавать вопросы желания не было, и впервые с момента похищения на душе не скребли кошки. Я доверилась своему опасному спутнику.

В звенящей тишине мы безмолвно шли сквозь серую кальку местного леса. Я намеренно выкинула все мысли из головы, сосредоточиваясь на том, чтобы избегать соприкосновений с острыми гранями кристаллов. Кин шел впереди, но умудрялся и меня направлять, ведя за руку.

– Троя голодная? – В какой-то момент он замедлил шаг. – Рядом есть еще один... мешок.

Сообразив, что эдаити подразумевает яйцо-зародыш зеркального озера, отрицательно покачала головой. Вчерашнее-то с трудом переварила, до сих пор при мысли о питательном киселе дурнота подкатывает. Да и чувство голода пока не одолело...

– Нет, не хочу.

Блекло-серые кристаллы, разительно отличавшиеся от пестрой яркости оригинальных версий, начали редеть; уворачиваться от опасных выростов приходилось все реже. А я задумалась, почему в зиянии не встретилось ни одной полноценной зеркальной ловушки? Только их зачатки?

– Скорее всего, провалившись сюда, они погибают, – Кин привычно ответил на незаданный вопрос. – Им не хватает пищи. А на месте разрушившегося озера остается яйцо. Когда его выкинет из зияния, оно разовьется...

– Что это? – перебила, притормозив и указав на пространство перед нами.

Граница леса казалась ненормальной. Странно призрачной. Там, где заканчивали расти кристаллы-деревья, не было спокойного перехода к равнине или горам. На туманном горизонте не было другой

местности. Лишь муть, похожая на плотную стену светящегося пара, мешающего видеть то, что располагалось дальше.

– Смотри! – вскрикнула, заметив яркую вспышку, – от стены отрывались, медленно уплывая в лес, искрящие сгустки. Зияния! – Почему так? – удивилась, всматриваясь в необычное явление.

Кин интереса не проявил, будто давно все рассмотрел и понял.

– Видимо, здесь минерал, о котором я тебе говорил, располагается ближе всего к поверхности. А меняющие ход времени частицы, которые он образует, слипаются в сгустки и поднимаются вверх, – поделился догадкой. – Что-то подобное я и предполагал.

– Значит, нам туда нельзя, – вздохнула, делая шаг назад, – иначе в новое зияние провалимся. А еще из этого не выбрались.

Кин молчал. Пристально смотрел то на сгустки, то на туманную стену, а потом... Без предупреждения подхватив меня на руки, шагнул в туманную завесу.

– Что ты делаешь?! – взвизгнув, дернулась, судорожным движением цепляясь за шею эдайти.

– Мы возвращаемся! – кратко и уверенно.

Кин просил доверять – все, о чем успела подумать, проваливаясь в искрящуюся бликами муть.

Глава восьмая

Столкновение

Кин

Надежно удерживая Трою, я целенаправленно и дотошно фиксировал каждый миг перемещения, используя и возможности тела, и силу эдайти. Понимание – в основе всего. Мы сможем стать полноправной частью этого мира, лишь досконально разобравшись в процессах, его наполняющих. «Чехарда» – слово, которое частенько мелькало в мыслях добычи и запомнилось емким смыслом, лучше всего отражало нынешнюю степень познания. И этот сумбур нужно было привести в порядок.

Мы выпали из зияния так же быстро, как попали в него. Однако я успел почувствовать малейшие изменения – воздух завибрировал, пространство вздрогнуло. Голоса собратьев зазвучали медленнее, становясь все более внятными, послужив сигналом: жизненные процессы наших тел ускоряются.

Едва я, прижимая к себе Трою, перешагнул завесу, на нас нахлынул мир в своем естественном течении. Оглушил ожившими запахами, стремительностью звуков, сочностью красок и, главное, движением. Вокруг больше не было погрузившегося в стазис пространства.

– Мы вернулись! – надрывно-облегченный шепот добычи вторил моим мыслям.

Стремительно обернувшись, чтобы проверить свое предположение, ожидаемо ничего не увидел. Свечения позади нас не было – ни бликующего вспышками энергии тумана, ни искрящихся сгустков, лишь густо росли раскидистые деревья-кристаллы. Лес из окаменевших исполинов закончился... и все!

Интересно...

Не сразу догадался, что порождаемая минералом искрящая стена не только отдает, но и забирает замедляющие время частицы, а потому невидима для тех, кто движется во времени с нормальной скоростью. Нам же, «заторможенным», она была видна, и когда я на нее смотрел, осознание пришло как наитие, толкнувшее на эксперимент. Ну а то,

что он оказался удачным... Скорее элемент вероятности сработал. Могло ведь и наоборот получиться, и нас затянуло бы глубже в зияние.

Зато теперь сомнений не было – пятна вовсе не провалы, они всего лишь сгустки частиц, изменяющих ход времени для отдельно взятого объекта и замедляющих его. А исчезновение, то есть невидимость для тех, кто остался в нормальном времени, – побочный эффект такого замедления.

Медленно и шумно выдохнула Троя, дыханием пощекотав шею и шевельнув мои волосы. Ее сердце только-только перешло с судорожного стука на более спокойный ритм. Добыча едва ли осознавала, с какой силой вцепилась в мои плечи, с каким доверием вжалась лицом в грудь. Но сейчас все...

Стоп!

Сущность эдайти словно ошпарило волной накатившей информации – если оболочка концентрировалась на близости женщины, то сознание мгновенно начало анализировать перемены в окружающем мире.

Перемены!

Я осознал их значимость и масштаб за доли секунды, синхронно со словами: *«Кин! Наконец-то! Не мешкай! Ты нам нужен»*.

– Призыв Орша донесся, едва мы переступили стену. Звучал отчетливо и ясно, хотя эдайти не был рядом – я слышал лишь мысленный голос, но он ждал моего появления и почувствовал меня сразу. Как и остальные.

«Я же говорил, что он догадается!» – еще один довольный комментарий.

«Щег! – узнал и порадовался воссоединению. – Ты как?»

Пусть возможности эдайти уже подсказали о наличии в мире перемен, которые необходимо учитывать, но не поинтересоваться состоянием одного из нас я не мог. Да и бессловесное общение протекало стремительно.

«Бегал по лесу, чувствовал, что вы рядом, звал. Не сразу разобрался, что происходит. Сбросил с себя тормозящий заряд, когда прошел через искрящийся частицами столб. Нашел такой в глубине леса».

Столб? Не стена? Хм... Значит, выходов несколько. Это любопытно. Тоже необходимо обдумать, но не сейчас. Сущность

эдайти настойчиво подталкивала разобраться с первостепенным и присоединиться к своим.

Бросив сканирующую волну, детально обозрел окружающее пространство. Справа еще одно гигантское болото, за которым ощущалась гряда хищных гор. Слева холмистая равнина, простирающаяся до горизонта. А на склоне одного из возвышений – пригревшаяся в лучах голубого светила группа распластавшихся существ, похожих на тот плоский летающий кристалл, за которым мы охотились в первый день в лесу.

Нашел я и место стоянки, где обосновались собраты, – ложбину между холмами на небольшом удалении от границы леса. А чуть дальше – непонятное образование из камней, формирующих практически прямые полосы, заканчивающиеся кольцами. Почему-то они привлекли внимание, было в них что-то неестественное даже для этого мира.

Опасность? Нет! Дальше... Причина подспудной тревоги в чем-то ином.

На время отложив выяснение происхождения и значения неведомой конструкции, сконцентрировался на том, что находилось дальше... выше... над нами.

Вот оно! Угроза...

Возможности эдайти позволили опознать корабли, зависшие над планетой на границе атмосферы. Корабли, преследовавшие и атаковавшие угнанный транспортник, когда мы приближались к точке перехода в подпространство. Те самые, повредившие двигатель и часть устройств. Но так и не сумевшие нас остановить.

Они нас выследили?!

«Что произошло, пока меня не было?» – рявкнул, срываясь с места и удобнее перехватывая и устраивая на своем плече едва начавшую ровно дышать Трою.

– Я сама могу идти, – пискнула она, но сразу умолкла, когда задохнулась от потока встречного воздуха и осознала, с какой скоростью я бегу.

«И сколько не было?!» – добавил поспешно. Уж слишком многое поменялось...

«Прошло двадцать восходов голубого светила, – сообщил Орш. – Все было как со Щегом: мы ощущали вас живыми, но без конкретного

местоположения. Решили ждать, оставались на месте. Обследовали лес, охотились, еду жарили, практиковались с огнем. Воспламенить вещество просто, надо лишь задать его структурным частицам высокую скорость движения».

«Пленника съели?» – Я не переживал об Игере, но предпочел бы предвидеть реакцию Трои.

«Не было необходимости. Лес изобилует пищей. Хищные горы недалеко, можно за шишками ходить. Особого внимания на пленника не обращали. И он помогал. После вашего исчезновения паниковал, потом вел себя тихо, даже не приметно. Часто дрожал, но без возражений выполнял все, что говорили. Как огонь использовать, показывал. Жареная пища хорошо подходит оболочкам, особенно женским», – закончил Орш.

«Проблемы были?» – разумеется, я имел в виду странности с телами и агрессивную реакцию эдайти с мужскими оболочками на взаимодействие с эдайти-женщинами.

«Да».

За скупым ответом собрата скрыто многое. Но оба мы понимали, что проблемой, целенаправленно созданной учеными со станции, заточившими нас в телах, придется заниматься основательно. Это не то, в чем мы способны разобраться, исходя из опыта прежней жизни.

«Почему ушли из леса?»

«Щег появился через шесть восходов голубого светила, – не мешая моему продвижению, информировал собрат. – Тогда мы и поняли, как устроены зияния. Сколько ждать тебя, не знали. Продолжили путь. Не сомневались, что нагонишь».

«Верно, – одобрил я общий выбор. Сам поступил бы так же. – Что с братьями? Все совладали с оболочками? Особенно с женскими?»

«Да, контроль над телами есть. Времени зря не теряли: развивали координацию и взаимодействие тел и сущностей эдайти. Но...»

«Что?»

«Женские оболочки существенно слабее. Это факт. Мы проверили возможности всех, кто попал в такие тела».

«Они не самостоятельны?» – уточнил. Сейчас особенно важно знать наши слабые стороны!

«В бытовом смысле вполне самостоятельны, если не брать в расчет неспособность слышать нас привычным способом. Существенно ниже их возможности реагировать на внешние угрозы. При любой опасности эдаити-женщин необходимо защищать!»

В интонациях Орша не слышалось логичного сожаления. Скорее наоборот, некое потаенное довольство. Словно собрат был рад необходимости проявлять заботу о Рише? Я знал, о ком он говорил, хоть имя «беззащитной» не прозвучало. И понимал его, потому что те же ощущения испытывал по отношению к Трое.

«Как ведут себя Риз и Шох?» – адресовав вопрос Оршу, скрыл свой интерес от остальных. Не хотелось афишировать некоторые неясные моменты, связанные с близостью женских тел и нашей на них реакцией.

«Риз по-прежнему проявляет заинтересованность в Рише, но я его не поощряю. Шох сконцентрировал внимание на Муш. А с ним Зом и Щег... – Орш умолк на мгновение, затем напомнил: — *У нас всего пять эдаити в женских версиях тел, а в мужских восемнадцать. Конкуренция неизбежна, женские оболочки обладают притягательным влиянием».*

«Как они сами это восприняли? Ты Риша спрашивал?»

«Всем нам пришлось привыкать к материальности, – мысль Орша прозвучала немного философски. – Всем было одинаково непривычно: как в мужских, так и в женских телах. Куда сложнее эдаити-женщинам было свыкнуться с отсутствием бессловесного общения. Тут уже все мы нарабатываем навык общения голосом».

«А как они воспринимают вспыхивающие конфликты между братьями из-за желания других эдаити быть ближе?»

«Им интересно. Наблюдают. – Орш только подтвердил потребность эдаити к познанию. – Но как это работает, пока разобраться не смогли. – В сознании возник образ печального вздоха. – Риш экспериментировал! Пробовал на мне разное... Трудно пришлось. Влияние женских оболочек очень сильно».

Вспомнив собственное состояние в момент близости с Троей, я понял собрата. Но тут же прогнал из головы мысли о недавнем захватывающем тактильном сближении – не время об этом думать, когда явились одержимые идеей нашего уничтожения преследователи. Прежде необходимо устранить угрозу в их лице.

Место нынешней остановки эдайти приближалось. Троя бессознательно обмякла на плече, неспособная выдержать подобный темп движения, поэтому, опасаясь ей навредить, я замедлился.

«Что с нашими врагами?» – вновь обратился ко всем, продолжая вникать в произошедшее за время моего вынужденного отсутствия.

«Они появились этой ночью. На розовом восходе пробовали приземлиться, но не учли разрушительного влияния ультразвука. У всех маленьких кораблей, которые отделились от крупных и вошли в атмосферу, видимо, отказали устройства полета. Или пилоты не выдержали и от высокой интенсивности звука потеряли способность к управлению техникой. До нас не долетели, рухнули. Место падения – за кристаллическим лесом».

Этот мир не принял наших врагов, невольно оказав нам услугу. Одно преимущество есть!

«До голубого восхода больше попыток приземлиться не было, – продолжил Зом. – Сейчас активность преследователей высокая. Похоже на спасательную операцию?»

«Я этого не ощущаю», – поделился наблюдением.

Действительно, бросив сканирующую волну через лес, в ответ получил лишь неясную размытую картинку без четких ориентиров.

«Минерал мешает видеть. Под кристаллами его очень много, в дополнение они сами поглощают наши волны. Мы отправляем разведчиков через лес, чтобы иметь точную информацию о происходящем по другую его сторону», – доложил Щег.

«Кто-то еще попал в зияния, под влияние частиц, искажающих ход времени?» – проявил я привычную практичность. Если нас стало меньше, нужно четко представлять перспективы.

«Нет, теперь все действуют осмотрительно. Сгустки хорошо заметны, если концентрироваться на исходящей от них энергии», – отчитался собрат.

Разговор движению не мешал, но я предпочел его завершить. Основное выяснил, а упущенные детали можно уточнить позже. Куда больше меня занимало состояние Трои – она пришла в себя, когда я снизил темп и снял ее с плеча, взяв на руки. Теперь женщина сверлила мое лицо напряженным взглядом, почему-то не решаясь заговорить вслух. Зато мыслей в ее голове было более чем достаточно...

«Проклятье! Почему я вечно болтаюсь на нем, как мешок с требухой? Вот что не так с этим эдайти? Куда он понесся с такой дикой скоростью? Хотя бы предупредил заранее... Если я заблую ему всю спину, проймает этого дикаря?!» – Троя мысленно шипела! Я никогда раньше подобного не воспринимал... – *«Нет же, о чем я думаю? Он же все опять услышит! Как меня это достало, кто бы знал!»* – Добыча обхватила руками мою шею и в упор взглянула в глаза. Так странно, словно что-то там желала рассмотреть? – *Эй, ты! Радуйся, что я отказалась от второго яйца-зародыша, иначе это нечто уже красовалось бы на твоей крутой заднице! Слушаешь же? Моргни хотя бы!»* – Обстановка не располагала к общению, и потому я не обращал внимания на провокации. Главное, до лагеря женщина продержится. – *«Конечно, сделал вид, что не понял! Как все просто... Ну вот опять ускорился, так спешит к своим? Соскучился? Да бред, всего-то пара дней разлуки! Или?..»* – Троя замерла. – *«Возможно, что-то не так? Случилось за это время? Точно! Вот я дуреха, не учла. Не сожрали же эти ненормальные штурмана?»*

От промелькнувшей мысли она содрогнулась – прижимая к себе добычу, я ощущал малейшее движение ее мышц.

Дуреха? Смысл слова остался невыясненным, в этот момент меня интересовало иное. Поднявшись на холм, остановился, окидывая взглядом пространство. Собратья были близко: короткий спуск, и я окажусь в нужном месте. Кристаллический лес, граница которого широкой дугой окружала равнину, подступал вплотную к ложбине и был, пожалуй, еще гуще. Но сейчас вовсе не он занимал меня.

В небе над макушками самых дальних кристаллов висели крошечные темные пятна. Троя, проследив направление моего взгляда, тоже заметила их.

– Что там? – голос был полон напряжения. Упершись ладонями в мое плечо и неотрывно всматриваясь вдаль. Она видела хуже меня, но, обладая более широким представлением о творениях материального мира, не могла не распознать необычное явление. – К-корабли?

– Корабли, – коротко бросил, подтверждая и одновременно пытаясь достать до врагов сканирующей волной.

Осознавал бессмысленность – и все равно не мог не попытаться. Вдруг отсюда, с возвышения, сила эдайти сработает привычно? Увы. Результат был тем же – сигнал ушел и пропал, частично поглощенный

кристаллами, частично отраженный полем, что генерировали залежи подземной руды.

— Как корабли? — теперь в голосе моей добычи была осмысленность и растерянность. — Откуда?.. Ведь здесь не выжить... Этот сектор не заселили... — Запнулась, пробормотала: — Все переселенцы погибали, никто не вернулся. Откуда вдруг корабли?! Или это?..

Троя умолкла. То есть ничего не произнесла вслух. Однако ее сознание говорило со мной куда активней. Рождающиеся картинки врезались в мое восприятие, накладываясь на происходящее в реальности.

Я осторожно спускался по крутому склону, следя, чтобы ступни не соскальзывали с осыпающейся поверхности. И всматривался в образы, мелькающие в мыслях Трои, где боевые крейсеры неспешно совершали разворот и ныряли в разворачивающиеся перед ними зоны перехода через подпространство.

Я перепрыгивал через расщелины, отмечая их глубину и запоминая расположение. А в воображении Трои маневренные штурмовики пронзали атмосферу, стремительно опускаясь на поверхность, чтобы...

Спасти? Нет! Убить! Именно этого она ожидала от явившихся следом! Она знала их лучше, она была одной из них...

Ее страх нарастал, я чувствовал охватывающее женщину напряжение, вместе с тем с неудовольствием отмечая возросшее количество объектов вдаль — ультразвук пропал, и противник сконцентрировал силы у поверхности планеты.

Чрезмерное скопление энергии в одном месте неизменно приводит к взрыву. В материальном мире будет так же? Если судить по ожиданиям Трои, да. Осознав появление преследователей, женщина не проронила ни звука, но сковавшее ее тело напряжение и взгляд, словно приклеившийся к горизонту, говорили красноречивее любых слов.

Моя добыча была одной из них. Не прихвати я ее при побеге, Троя сейчас могла бы быть на одном из тех транспортных. И уж точно предвидела их действия — я же видел образы в ее сознании! Мало того, она готовилась к их воплощению в реальность. Со страхом и чувством обреченного смирения. Почему она и ей подобные заранее настроены на негативный результат? Столько думают о гибели, о неудаче.

Мы, эдайти, иначе воспринимаем жизнь – как нечто фактическое, что есть в данный миг существования. И лишь в наших силах сделать в этот миг все возможное ради своих целей. Зачем в мыслях программировать будущее, достаточно выполнить необходимые задачи прямо сейчас. Ведь если мы исчезнем в одно из мгновений, то этот факт для нас лично уже не будет иметь значения. К чему тогда напрасные траты энергии на мысли о поражении?

Оказавшись среди собратьев, в первую очередь аккуратно снял с плеча онемевшую от новостей добычу и усадил ее рядом с ошалело открывшим рот и пытавшимся отползти подальше Игерем. Пленник вел себя нелогично, я ожидал радости после возвращения Трои, а он словно испугался.

Осмотрев лагерь, не заметил активности и уточнил:

«Чем занимаетесь?»

Вокруг царило привычное спокойствие, собратья отдыхали. Кто-то восполнял ресурсы оболочек, поглощая жареную пищу. Кто-то, позволив фиолетовым сгусткам истинной сущности выскользнуть из тел, вытягивал энергию из недавно пойманной мелкой добычи. Была даже пара, которая, не теряя времени, занималась изучением оболочек друг друга. В мужской особи я распознал Зома, а в недрах женской оболочки был сокрыт Муш. Именно его волосы и гладил брат, отмечая их сравнительную мягкость.

Если не брать в расчет стук зубов Игеря и шумные удары ускорившихся сердец наших пленников, на поляне господствовала мирная тишина.

«Ждем, когда враг проявит неосмотрительность и приблизится, – пояснил Орш. Пользуясь моментом, он переглядывался с сидевшим неподалеку от него Ришем. – Остаемся приманкой на поверхности».

С одной стороны, все верно: придет время действовать – эдайти будут действовать. Внешне незаметно, но каждый из нас освоился с оболочками настолько, что готов был реагировать молниеносно. С другой...

«Ты не теряешь хватку? – отчитал я собрата. – Разве пассивное ожидание – подходящая тактика? Она неоправданно опасна с учетом ограниченности наших возможностей. Ведь рядом минерал,

снижающий, приглушающий и частично блокирующий влияние силы эдайти».

«Достать врага, когда он в атмосфере, мы не можем. – Орш растянулся на песке и уставился в небо. Подобно мне, он облачился в армейские штаны. – Для воздействия на чувствительные к перепадам энергии устройства на транспортниках необходим прямой контакт. Воздушная среда для этого не годится. Да и энергетический уровень у нас сейчас не настолько высок, чтобы его хватило на масштабные разрушения, когда можно ликвидировать корабль разом. Поэтому остается один вариант – вынудить врага напасть на нас на поверхности планеты».

Доводы собрата звучали резонно – в этом я с ним согласился, но остальное не принял: *«Атака противника с воздуха более вероятна, чем наземная, если их цель – наше уничтожение».*

«Цель может быть иной – захват», – проявив сомнение, вмешался Рух.

«В любом случае, пока мы этого не знаем, нельзя рисковать сразу всеми. Уязвимых собратьев в женских оболочках следует увести в лес, – поделился я иным видением стратегии, – спрятать в зиянии, если ситуация выйдет из-под контроля. Щег! Ты сможешь это организовать?»

«Смогу».

Уверенные интонации меня удовлетворили, и, проследив за тем, как собрат принялся собирать в группу «глухих» эдайти, я продолжил:

«Кроме того, мы должны перехватить инициативу и напасть первыми. Кто был на месте первой попытки приземления кораблей врага? Что видел?»

– Ты видел?! Что нам делать? – одновременно с моим вопросом Троя, развернувшись к Игерю, прошептала свой практически ему в ухо. Впрочем, это не помешало всем эдайти его услышать. – Они явились не ради переговоров! Но как нас нашли?! – Добыча дышала судорожно. – Да еще так быстро...

– Это да, так быстро... Я не думал... – в бессвязном бормотании штурмана было еще меньше осмысленного, чем в тревогах Трои.

«Когда голубой гигант подавил действие ультразвука, рядом с разбившимися кораблями приземлились новые, – не считая необходимым слушать не несущий важной информации диалог

пленников, Зом продолжил наше бессловесное обсуждение. – *Они отличаются – крупнее шаттлов, но меньше транспортника, на котором мы улетели со станции. И могут двигаться в атмосфере. Похоже, противник разворачивает лагерь».*

«К нам летят семь маленьких кораблей! – пришел сигнал Таса, с высокого холма неотрывно следившего за маневрами врага, – я опознал его местоположение еще на подходе к лагерю эдаити.

«Тас, остаешься на холме, маскируешься среди камней и выполняешь роль наблюдателя. Докладаешь обо всех изменениях в дислокации противника. Первая группа – Зом и Шол! Помогаете Щегу спрятать уязвимых эдаити и пленных, уводите их к краю кристаллического леса по кратчайшей траектории! Вторая группа – Орш и еще шестеро эдаити, третья – все остальные – со мной. Движемся в противоположных направлениях, вдоль границы леса, отвлекая внимание врага на себя. Когда окажемся в зоне поражения, действуем в зависимости от обстоятельств. Выполнять!» – рявкнул, пресекая возможное обсуждение, хотя чувствовал, что собратья поддержали идею о разделении. Тем не менее сейчас все должны действовать как единый организм, согласованно и подчиняясь одному. Самому опытному и сильному. Мне!

Прежде чем собратья разделились и стремительно разошлись по указанным направлениям, я оказался рядом с Троей. Едва мы принялись действовать в рамках новой стратегии, как моя добыча и Игерь придвинулись вплотную друг к другу, с лихорадочным вниманием следя за мечущимися по поляне тенями эдаити.

– Троя, ты и он, – подбородком указал на штурмана, одновременно отталкивая его от женщины, – отправитесь с Щегом. Ты же помнишь Щега? – Мысленно подозревая собрата, дождался утвердительного кивка добычи, которая опознала в нем «того самого, пропавшего первым». – Вы, Риш и другие женщины-эдаити сейчас уйдете обратно в лес. Ничего не бойся, – оборвал готовые сорваться с губ Трои вопросы, которые и так прекрасно слышал. – Это на время, ради вашей же безопасности. Будь готова к тому, что вновь провалитесь в зияние. Ты уже видела, из него есть выход. И главное, ты знаешь, что я всегда вернусь за тобой.

– Что?! – вопреки всякой логике первым вскрикнул Игерь, с невероятным вниманием ловивший каждое слово. – В зияние?!

Добровольно? Помучить напоследок? Да за кого они нас...

– Тише, – наконец-то, сделав глубокий вдох, отреагировала моя добыча, решительно взмахивая рукой и обрывая поток протестов. – Там действительно не так страшно! Не страшнее, чем где-либо еще на этой планете, – добавила, чуть подумав. – И там нет ультразвука!

На мой взгляд, это было не главным, но тратить время на обсуждение я не желал. Одним движением подняв Трою на ноги, посоветовал:

– Старайся не отходить от Риша.

Еще один эдайти, с кем она установила некий контакт, и я даже готов был мириться с этим фактом. А вот с Игерем, с кряхтением поднимающимся на дрожащих ногах, мириться не хотелось. Потому, ловко крепя к телу Трои знакомый рюкзак, в который Щег по моей просьбе уже засунул жареную еду и одну емкость с водой, бросил штурману:

– Можешь остаться здесь и дожждаться... подмоги. Которой ты так жаждал.

Сколько раз начиная с момента отстыковки угнанного транспортника штурман молил о таком вот «спасении» своими!

– Я все поняла. – Троя не сводила с моего лица серьезного взгляда, предварительно предупреждающе зыркнув на собрата.

Мысленно одобрил: она сильнее многих. Своих соплеменников, конечно. Верно восприняла поставленную задачу, не спорила, больше того, отчаянно старалась совладать с волнением. Последнее получалось не очень, но хотя бы ноги и голос не дрожали.

– Двигаться эдайти будут быстро, – предупредил, вспомнив ее реакцию на наш забег. Нести женщину я поручил лично Щегу.

– Спасибо. – Троя умудрилась перехватить мою ладонь. То есть я позволил ей это, заметив целенаправленное движение. – Спасибо, что снова пытаетесь спасти нас. Не думай, – запнулась, покраснев, – что я этого не понимаю.

«Но понимаю, что вам это в принципе не нужно, мы лишь обуза...» – Ее мысли, как обычно, были куда красноречивее.

– Благодарись их?! – зашипел Игерь, ковылявший за Троей по пятам. – Не устрой они заваруху, мы бы об этом кошмарном месте не узнали, тихо-мирно проживая свои жизни.

На этот раз добыча не успела развернуться и закрыть ему рот – пленник получил от меня щелчок в лоб. Я сделал это стремительно и слегка, но мужчина рухнул на песок, обеими руками схватившись за голову. Словно боялся, что расколется.

– Мы разберемся с этой проблемой. Затем я заберу Трою.

Не позволив женщине оглянуться на шепотом изрыгающего проклятия Игеря, провел по ее порозовевшей щеке ладонью. Такое во всех смыслах приятное прикосновение...

«Готовы», – пришла мысль Щега и такие же от остальных эдаити, занятых подготовкой женских особей к эвакуации.

Мгновения мысленного ответа я потратил на поцелуй. То ли дело было в выражении глаз Трои, то ли в ощущении растекающегося жара по поверхности ее кожи, то ли в аромате, усилившемся при повышении температуры тела, но я разрешил себе не сдерживаться и вновь испытать это вдохновляющее и побуждающее к большему прикосновение.

Реакция тела оказалась молниеносной, неизменно острой и призывно-алчной. После такого невозможно не вернуться. Зрачки Трои расширились, затянув чернотой карие радужки. Не ожидая поцелуя, она охнула, но попытки оттолкнуть не сделала.

Следя, как собрат, под моим пристальным взглядом действуя немного скованно, подхватывает на руки Трою, я сделал шаг в направлении своей группы. И тут же все те, кого я выбрал для защиты неприспособленных особей, понеслись, с места бросившись соревноваться с ветром. И Игеря кто-то из «просвистевших» мимо подхватил за ворот уже изрядно потрепанного скафандра.

Уводя свою группу, я одновременно контролировал и перемещение Щега, прислушиваясь к мыслям моей добычи.

«Разберутся? Проблема? И всего-то?! Он вообще нормальный? Все они?! Нет, мозги у эдаити точно набекрень – никакой связи с реальностью! – беседовала она сама с собой. – Увижу ли я его? Выживет ли вообще хоть кто-то? Щадить их не будут. Тот случай, когда никому не нужны неуправляемые пленные! Свидетели тоже... – Троя вновь представила себе рой кораблей на горизонте. – Сказал, что придет за мной? Ха!»

«Самонад...»

«...почем...»

«отчаян...»

Связность из мыслей Трои пропала, остались лишь обрывки слов, значит, группа Щега практически достигла леса с его поглощающими сигнал кристаллами и экранирующим силу эдаити минералом в подземной породе. И теперь я окончательно сконцентрировался на приближающихся объектах.

А приближались быстро!

Маленькие маневренные корабли, как мы и рассчитывали, обогнув кристаллические заросли, разделились, и теперь четыре из семи преследовали группу Орша, уходившую к болоту и начавшую проваливаться в топь.

Враг сообразил, что беглецы вскоре станут для него недостижимы, и потому мешкать не стал – корабли открыли огонь, даже не успев приблизиться на удобное для поражения цели расстояние.

«Дальность стрельбы невелика, а в этой странной жиже разряды замедляются, и зона поражения сводится к минимуму, – обобщил наши наблюдения собрат. – Их можно избегать, всего лишь опускаясь на дно».

«Только не дайте им понять, что это так. Заблуждения противника дают самое большое преимущество. И уводите их дальше в болото, вынуждайте снижаться, пока не появится шанс воздействовать силой эдаити и потопить», – откликнулся я, с неудовольствием отмечая – мою группу пытались догнать всего три корабля. Оршу повезло куда больше!

В памяти вновь вспыхнули Ощущения, накрывшие после перехода через разрыв многомерности в физический мир, когда мы еще в своем прежнем состоянии впервые наткнулись на объекты этого мира и, разрушая их, поглощали чистую энергию и упивались ее доступностью. Увы, заточенные в материальных телах и ограниченные в объемах энергии, которую способны усвоить, то же проделать сейчас мы не могли. Но и противник, находясь далеко от основной базы, вряд ли мог наращивать силы и получать ресурсы. Выходит, нам надо лишь уничтожить один за одним имеющиеся корабли!

Небо прорезали вспышки выстрелов. Перед нами встала куда более сложная задача – лавировать, уклоняясь от пронзающих воздух обжигающих лучей и разлетающегося каменного крошева,

перепрыгивать через рытвины и воронки открытой местности, одновременно сохраняя скорость и направление движения. А еще анализировать действия врага, учитывая его ходы и определяя цели, которые поставили себе нападающие.

Мы бежали очень быстро, но не на пределе сил, стремясь подманить и оценить возможности врага. И результаты этого анализа оказались любопытными: обстрел шел не на поражение! Большинство выстрелов делалось с опережением – воронки от ударов образовывались впереди или сбоку, преграждая путь и вынуждая нас уходить в сторону.

«Они нас выматывают», – деловито подтвердил мои выводы Орш.

«И отвлекают!» – донеслось сообщение Таса, оставленного в одиночестве на вершине холма. – *В обход леса низко движутся два тяжелых маломаневренных транспортника»*.

«В каком направлении? Ко мне или Ориу?» – бросил я, перемахнув очередную глубокую расщелину и разминувшись с плавающим воздухом.

«К тебе. Скоро вы их увидите».

Действительно, на горизонте довольно быстро возникла громоздкая темная масса идущего практически у самой земли корабля. За ним второго...

«Что они задумали?» – в недоумении отвлек меня вопросом Орш.

«Сейчас узнаем», – ответил, бросаясь навстречу врагам. Важно действовать не только на опережение, но и непредсказуемо.

Мы приближались, лавируя и уклоняясь от пронзающих воздух зарядов, которыми пытались ограничить наши маневры маленькие корабли. Успеха они добились, потому что транспортники, которые намеревались разойтись и пролететь дальше, торопливо опустились на землю, едва пересекли границу леса и оказались над равниной.

Громкий лязг рухнувших пандусов, рванувший из недр корабля десант...

Опрометчиво. И неосмотрительно.

Мы не умеем отступать. Повреждения, получаемые нашими телами, хоть и неприятны, но скорость продвижения снижали незначительно. И вот первые глупцы, рискнувшие выйти против нас, оказались рядом. Что ж, они сами подставили себя под удар. Мы лишь

воспользовались их ошибкой, рачительно пополняя свои энергетические ресурсы. Сосредоточились на избирательном поглощении и уклонении...

При этом мое сознание привычно чутко улавливало посылаемые Тасом сообщения: *«Маневры транспортников непонятны. Приподнялись, но не сдвинулись... Снова опустились. Опять поднялись. Начали отходить!»*

Десант, который все это время атаковал, но упорно старался держать дистанцию, тоже сменил тактику, начав отступать к месту, откуда ушли транспортники. А маленькие корабли снова рванули в бой, с удвоенной силой подстегивая нас.

Ловушка – единственно возможное объяснение. Слишком уж явно вынуждали нас идти именно в этом направлении. Но что конкретно нас ждет?

Настигнув очередную замешкавшуюся жертву, влил всю полученную от нее энергию в новую сканирующую волну. Равнина – не кристаллический лес. Здесь в почве нет поглощающего минерала, поэтому сущность эдаити с привычной легкостью прошла по интересующему меня месту и под слоем вещества, имитирующего естественную поверхность, обнаружила чужеродные образования.

Знакомые настолько хорошо, что сомнений не возникло.

Энергетические клетки! Вернее, платформы, внутри которых спрятаны механизмы, готовые активироваться и создать непреодолимый каркас, едва мы окажемся над ними. Противник, отвлекая нас атакой, успел их выгрузить на поверхность планеты и замаскировать. Вот зачем крались большие грузовые корабли, заинтересовавшие Таса!

«Они все же желают нас пленить», – Орш, как и я, сделал верный вывод.

Наивность врага. Его самоуверенность... Глупость! Это даже перестало быть интересным. Впрочем, то, что нас недооценивают, лишь ускорит победу.

Втянув максимум накопленной братьями энергии, я направил ее в недра механизмов. Вливание розового потока энергии – способ, что сработал на станции, а потом уничтожил червя – теперь сжигало энергетические каркасы ловушки, разрывая корпуса платформ,

вздымая маскирующую их псевдопочву и... вынуждая атакующих паниковать, спешно меняя планы.

«*Всего-то?*» – собрат поделился со мной образом презрительно фыркающего Игеря.

Вероятно, если бы мы попали в расставленную ловушку и были обезврежены, транспортники беспрепятственно забрали бы тех, кто высадился на поверхность. Теперь, лишившись этой возможности, громоздкие корабли вновь опускаться не рискнули и медленно двинулись обратно. План провалился, осознав это, они отступили. А десант?..

Десант под прикрытием малых кораблей, усердно оттесняющих нас от потенциальной добычи, рванул напрямик в кристаллический лес. Наверняка нападавшие намеревались лишь пересечь его, пешком добравшись до лагеря. Вот только нас это не устраивало! Там они могли наткнуться на тех, кто не сумел бы оказать им должного сопротивления.

«*Щег, уводи всех в зияние! Немедленно!*» – рывкнул я, одновременно меняя траекторию движения своих эдаити и намереваясь по широкой дуге обогнуть долину, чтобы успеть перехватить хотя бы часть десанта, снизить численность противника и пополнить стремительно снижающийся энергетический запас.

«*Кин, осторожнее! Слева!*» – влетело в сознание предупреждение Таса.

«*Тас, вниз! Не высовывайся!*» – не менее остро резанул призыв Орша.

Окинув взглядом поле боя, я молниеносно выстроил в сознании картину происходящего. Огненную завесу, что отрезала мою группу от десанта. Выбравшихся из болота и спешащих к нам эдаити, ведомых Оршем. Преследовавшие их малые корабли теперь окружили вершину холма, на котором находился наш наблюдатель. Они все же засекли присутствие того, кто успешно предупреждал нас о маневрах противника и благодаря кому попытка заманить нас в ловушку закончилась неудачей.

Отступив от полыхающей стены огня и раскаленной почвы, ставших непреодолимой преградой на подступах к лесу, мы метнулись навстречу группе Орша. Объединение сейчас стало первостепенной

задачей. Хотя бы потому, что так легче обмениваться энергией – чем мы дальше друг от друга, тем сложнее оказалось это делать.

«Какие цели первоочередные?» – стремясь к тому же, Орш одновременно прояснял наш потенциал и намерения.

«Десант недосыгаем. Корабли, пока они в воздухе, тоже. Но можно попробовать вынудить их приземлиться», – предложил единственно возможное решение, и мы немедленно приступили к реализации стратегического плана, возникшего в моих мыслях.

Быстрое перемещение, призванное создать у противника иллюзию панического бегства от источника огненной угрозы. Остановка, словно мы растеряны и не понимаем, куда дальше двигаться. Незначительное рассредоточение, будто среди нас нет единомыслия и слаженности.

«Сейчас!» – краткий приказ, и...

И мы исчезли для врага. Пропали. Не потому, что ушли в зияние – увы, на равнине подобное невозможно. Причина куда прозаичней: во время сканирований я обнаружил подземные полости – там, где на поверхности имелись те самые непонятные каменные кольцевые образования, замеченные мной еще в момент возвращения к своим. Входы в них были необычайно узкие и практически незаметные.

Их наличие и повлияло на наши намерения. Синхронность, стремительность... Тела не подвели, позволив идеально реализовать задумку. Мы исчезли, словно стертые с поверхности земли, именно такого эффекта и добивались, чтобы дезориентировать противника, заставить его совершить ошибку и приземлиться – надо же выяснить, куда мы провалились!

Не сработало.

Вместо ожидаемой реакции на равнину обрушился огневой шквал – корабли бомбили место нашего исчезновения. Стены подземных полостей содрогались, осыпаясь и с трудом выдерживая натиск. Очень нехарактерно для природных образований. Впрочем, на этой планете чрезвычайно прочного мы встретили немало...

«Их планы изменились, – рассудительно заметил Орш. – Захват не удался, решили уничтожить. Думают, что мы попали в естественную ловушку и пользуются моментом?»

«Или намерены максимально повредить, чтобы на восстановление мы потратили время и энергию, а они успели собрать новые силы и подтянуть ресурсы».

Прикрыв глаза и полностью погрузившись в восприятие эдаити, ладонями прикоснулся к поверхности под ногами. Чтобы рухнуть сюда, нам пришлось оказать синхронное давление на землю, вернее на тонкие пласты вещества, прикрывающие входы в подземные полости. Неясно, были они созданы природой или стали следствием жизнедеятельности пока не известной нам формы местной жизни, но пещерки ощущались чем-то незыблемым! Столь основательный прочный каркас стен насторожил. Наш дружный скачок, мощь приложенного одномоментного усилия позволили пробить пласты лишь частично и несоразмерно затраченным силам. Узкие щели, в которые мы соскользнули, возможно, даже не были заметны с воздуха!

Едва провалившись, мы стремительно откатились в стороны – размеры подземных полостей позволяли – и тем самым избежали вреда от залетевших вовнутрь снарядов, попавших в самые широкие бреши.

Слишком хорошо...

Прислушиваясь к хлопкам и стрекоту выстрелов, между делом отмечая крепость укрывших нас стен, старался воспринять максимально больше информации о месте, где мы оказались.

«Там не одна пещера, – подтвердил общие наблюдения Орш. – Их несколько».

«И они уходят глубже. Целый подземный лабиринт...»

«Естественное укрытие?» – предположил я, радуясь отсутствию злополучного поглощающего минерала в прочных стенах и почве вокруг.

«Не хочу даже предполагать чье!» – рационально заметил Орш.

Огненные вспышки на поверхности продолжались. Сложно сказать, как долго длилась бы атака и чем закончилась бы, только спасительный момент настал – голубое светило коснулось горизонта, а небо начало окрашивать сиреневое зарево. Розовый восход стремительно приближался, а с ним и ультразвук, воздействие которого губительно для наших врагов. И они об этом знали. Обстрел по всем направлениям прекратился, атака превратилась в стремительное отступление. Маленькие корабли на высокой скорости умчались к базе следом за транспортниками, начавшими движение ранее.

То, что сейчас происходило в лесу и на их базе, было нам недоступно, а собрат-наблюдатель, который мог хотя бы частично прояснить этот вопрос, молчал.

Почему его *нет*?

«Тас?» – позвал, хотя чувствовал – собрата нет рядом. То есть вообще нет. Нигде. Даже эдайти, исчезнувшие в зиянии, воспринимались слабыми отголосками жизненной силы, а оставшийся на холме Тас...

«Я его не *ощущаю*», – отозвался Орш созвучно моим мыслям.

Ощущение, когда одного из нас вдруг... нет. Словно в том «облаке», что мы все собой объединенно представляем, внезапно образовалось слепое пятно.

Не сговариваясь, прекрасно понимая, к какой цели стремимся, мы оба выскочили из ям, которые служили укрытием. Страхнув осыпавшую нас землю, резкими тенями пронеслись по изуродованным взрывами камням, стремясь побыстрее добраться до холма.

Даже сведения о Трое и группе укrywшихся в кристаллическом лесу эдайти в женских оболочках сейчас воспринимались не так значимо. Их я тоже большей частью не ощущал, ориентируясь лишь на смутное присутствие Щега. Но так и должно быть, раз они, следуя приказу и избегая столкновения с десантом преследователей, целенаправленно провалились в зияние.

С Тасом все было иначе. Качественно иначе...

Мы неслись, обуреваемые не страхом, нет, скорее ошеломленные пониманием: вот оно, то, что вынудит признать необратимые перемены. Наше отныне иное существование.

На самой вершине холма среди развороченной груды валунов как нечто чуждое и неуместное, раскинув руки и глядя в темнеющее небо широко распахнутыми замершими глазами, лежало серокожее тело. Только тело, без малейших признаков того, кто когда-то был в нем заключен. Так, должно быть, выглядели оболочки, прежде чем нас, эдайти, сумели законсервировать в них.

Тас смог выбраться? Как?!

Мы безмолвно переглянулись, продолжая с лихорадочной поспешностью прощупывать пустую оболочку и окружающее пространство. Если выбрался, он же не стал бы отдаляться?.. Даже

избавившись от материальности, стремился бы к своим, а мы все так же ощущали бы его присутствие.

Но нет, собрата не было. Нигде. Вообще. Он исчез бесследно. Как исчезали в нашей прошлой жизни другие эдаити, когда внезапно пропадали из многомерности.

Тас перестал су-щест-во-вать! Его истинная часть, сущность эдаити, единственно имевшая для нас значение. Тем ничтожнее и бессмысленнее казалось это тело, мощное и совершенное, но при этом бесполезное.

«Пропал? Умер?» – почему-то именно последнее слово, когда-то подслушанное в мыслях Трои, пришло на ум.

Мы с Оршем недоуменно замерли над обмякшим и неподвижным, словно кусок кристалла, телом. Сейчас оно воспринималось чем-то синтетическим и неуместным.

«Вернулся в мерность...» – как осознание-догадка.

Вернее, предположение. Ведь доказать это или опровергнуть невозможно. Тас исчез, и у этого должно быть объяснение.

«Почему?» – вопрос, родившийся одновременно у нас с Оршем. Эдаити всегда старались разобраться в значимом для себя.

Мы ощущали пространство, отыскивая возможную причину исчезновения. Гибели, если оперировать понятиями материального мира. И... мы ее нашли.

Рядом, за высоким валуном лежало еще одно тело. Остромордое, крупное, покрытое длинной рыжей шерстью, с четырьмя толстыми короткими лапами.

«Шош!» – опередил меня собрат, безошибочно определив, кому оно принадлежало.

Встреча из прошлой жизни... Существо, знакомое всякому эдаити. Однако впервые моя реакция на него оказалась столь явственной. Задрожала, приподнимаясь, верхняя губа, приоткрывая опасные клыки, глаза распахнулись, а волосы на макушке словно бы вздыбились, рычание вспорол обступившую тишину – оболочка, обретя связь с сознанием, наглядно отображала сокровенные рефлексy внутренней сущности: негодование, возмущение, злость. Шоши – жуткие порождения сразу двух миров, одновременно имеющие материальный облик и являющиеся сущностями мерности. Те, кто блокирует поступление энергии, забирает ее, тянет, мешает нам. А

теперь, по всей видимости, уничтожает. Даже когда мы в столь неуязвимых телах. Естественные враги, которых не остановило и появление у нас материальных оболочек!

Угроза...

«Откуда здесь взялась эта тварь? И почему теперь она... такая?» – Орш задумчиво потрогал ногой мягкую массу. Неподвижную, потому что нематериальной сущности, побуждающей органику к активности, в ней больше не было. Однако куда она делась, версий не было. – *«Не опасная?»*

Оставалось лишь строить предположения о месте его прежнего обитания и причинах появления здесь: *«Либо это что-то местное, либо...»*

Мы оба развернулись, чтобы зрительными органами своих оболочек рассмотреть происходящее за лесом. Нельзя исключать вероятность того, что шош прибыл вместе с нашими врагами. А участь встретить его один на один выпала Тасу. После чего он исчез. Они оба исчезли!

А нам осталось только осознать, какой безжалостной была эта встреча и каковы ее последствия для одного из нас. Для любого из нас, окажись мы на месте Таса.

Троя тоже могла его встретить! Стоило этому образу оформиться в сознании, как тело подвело – реакция сущности эдайти оказалась настолько сильной, что оболочка не справилась с «воплощением». Перед глазами померк свет, на доли мгновения погрузив во тьму, сердце замерло, замедлив ток крови, а слух словно пропал, накрыв полной глухотой.

Исчезновение Таса волновало меня исключительно как необычный факт, причину которого необходимо понять. Но исчезни Троя... Неожиданно я осознал, что не представляю, как смог бы принять эту данность. Этого я не умел.

Она в зиянии со Щегом, в безопасности! Чтобы к ней вернуться, мне надо скорее избавиться от преследователей.

Высота холма была недостаточной для хорошего обзора, лагерь противника располагался далеко – взгляд, продираясь сквозь верхушки окаменевших кристаллов, мог дать лишь общее представление. Но и его хватило, чтобы сделать простой вывод:

«Закрылись».

Над местом приземления преследователей раскинулся мерцающий купол. Догадаться о его предназначении несложно: блокировка ультразвука, снижение влияния других неблагоприятных факторов, щит от насекомых.

Соплеменники Трои и Игеря, другие их союзники явились сюда с конкретной целью и, даже столкнувшись с проблемами в виде губительной реакции местной экосистемы на физические тела и технику, не имели намерений отступить.

«Им важно уничтожить нас», – скупно поделился я с Оршем.

«Нас стало меньше», – прагматичный собрат воспринял ситуацию как данность.

«Нужно поставить сюда нового наблюдателя».

Сделанный мной вывод стал откровением для меня самого: жизнь Трои важнее, чем жизни других эдаити. И я смогу защищать их, лишь зная, что моя добыча вне досягаемости врага. Идея укрыться в зиянии оказалась крайне удачной!

«Возможно ночное нападение, когда снова пропадет ультразвук?»

Просчитывая степень угрозы, мы с Оршем искали варианты, как противостоять ей.

«С учетом силы, которую противник вложил в последнюю атаку, – нет, – высказал я свое видение ситуации. *– Но дозор все равно необходим».*

Приняв решение, мы спустились с холма.

Первое же столкновение с преследователями на планете оказалось ничьей и сулило затяжное и изматывающее противостояние. Будет новый бой, который потребует быстрых и жестких ответных действий. Пока же мы, как и они, нуждаемся в восстановлении сил. Значит, пусть ненадолго, но в этом мире воцарится привычный покой.

Вторя моим мыслям, на соседнем холме неторопливо распластались вернувшиеся на прежнее, видимо облюбованное, место плоские летающие существа, которых спугнули боевые действия и огненные залпы.

В сиреновом небе пронеслась еще одна стая, направляясь к хищным горам.

«Пища нужна и нам».

Двое эдайти, которым мы послали предупреждение, отправились следом – добывать еду, и еще трое – на место бывшей стоянки, забрать уцелевшее.

«Хорошее место. Подходящее». – Орш воспринимался сосредоточенным, анализирующим картину подземного лабиринта, где ожидали другие эдайти.

Мы нырнули в так удачно обнаруженные подземные полости.

Конечно, собрат подразумевал их использование в качестве убежища.

Интересно, как глубоко и далеко они простираются?

Глава девятая

Встреча

Троя

Время действовать!

Сказалась ли военная выучка, прошла ли первая оторопь, но ощущение реальности вернулось. Появления недавних соратников я не ожидала – успела убедить себя: шанса вернуться не будет. Поэтому не сразу поверила глазам, увидев зависшие над планетой звездолеты. И испугалась, уверенная, что и мне эти перемены хорошего не сулят.

Амиоты-эдаити захватить себя не позволят, не для того они вырвались со злополучной станции. С какой бы целью ни явились преследователи, рано или поздно встанет вопрос уничтожения. Как военнотружущая я хорошо понимала последствия такого решения. Поначалу – попытки уничтожить локально, но если справиться с недавними подопытными не выйдет, в средствах никто ограничиваться не станет.

Ядерная бомба или еще что-то столь же разрушительное? Без разницы, если перед моими сослуживцами поставят задачу полного уничтожения «экспериментов». Важен только результат. А ради его достижения рискнут и планетой, не то что жизнями пленников.

Все это мелькало в сознании, пока я переживала мгновения страха и паники на руках уносящего меня прочь Щега, попутно приходя к мысли: следует делать все, что в моих силах, ради выживания, остальное – как пойдет. Но воздаяния Кину и его собратьям я больше не желала.

Самоконтроль вернулся, когда эдаити сгрузил меня на землю – передвигаться сквозь частокол острогранных кристаллов предстояло на своих двоих.

– Куда нас ведут? Снова в жуткий лес? Решили червям ночным скормить? Или озерам?.. Трех амиотов разве хватит, чтобы всех защитить? А жрать мы что будем?..

Игерь, хоть и топал послушно позади, ворчал и бормотал невнятные ругательства, когда спотыкался. Иногда затихал, чтобы вскоре начать костерить амиотов с удвоенной силой. Я предпочитала

идти молча, казалось правильным лишней раз не отвлекаться. О том, что невольно соотношу себя скорее с группой беглецов, чем с недавними соратниками, старалась даже не думать. Увы, сейчас я в одной лодке именно с эдайти.

Не отставать от Щега было сложно. Но я неустанно напоминала себе, что пришло время проявить профессиональные навыки. Собраться и действовать согласно указаниям, отставив споры. Сосредоточиться на конкретной задаче, пусть она и исходила от Кина.

Идти в кристаллический лес с женщинами-эдайти? Я шла. Вновь провалиться в зияние? Сделаю. Примирившись с реальностью, где я больше не коллега, а наверняка одна из целей, старалась сделать все от меня зависящее, чтобы помочь тем, рядом с кем волею судьбы оказалась.

Или хотя бы не мешать.

Кин сказал, что вернется за мной. Он был уверен, что с преследователями они справятся. Но я-то реалистка! И хорошо понимаю ход своих мыслей.

Проклятье, как же они нас нашли?! И как быстро боевые крейсеры оказались около планеты... Почему корабли приземляются, а военные планируют атаку, если некогда долетевшие сюда колонисты сообщали, что планета – гиблое место для любой техники?

Все это порождало обреченность: преследователи не считаются с потерями.

– Стоять!

Неожиданная команда принесшего меня и главного сейчас Щега вынудила остановиться. Мы с Игерем испуганно заозирались, когда пространство между кристаллами внезапно наполнилось гулом.

Очевидно, эдайти расслышали его раньше нас, потому и насторожились.

– Летят... – зачарованно прошептал штурман, всматриваясь в серое небо, частично закрытое разноцветными ветвями, и потрясенно ойкнул, когда рука эдайти рванула его вниз, заставляя упасть на песок.

– Лечь. Не двигаться, – раздался ровный голос Щега.

Меня тоже дернули. Рухнув рядом со штурманом, я негромко выругалась. Бесцеремонность и резкость этого эдайти были сравнимы с теми, что Кин демонстрировал на корабле. И вроде причина – Щег просто не задумывался, насколько мы, люди, слабее, но все равно

приятного мало, когда тебя швыряют. Получив ощутимую встряску, я несвоевременно и остро почувствовала перемены в Кине. Хотя бы тот факт, что он остановился, когда я попросила его в зиянии, или...

Впрочем, поздно признавать, что мой похититель перестал походить на безумного варвара, одержимого жаждой уничтожения. Пусть даже всего лишь в отношении меня. Возможно, больше мы не встретимся, ведь, отправив нас с эдайти-женщинами в укрытие, сам Кин остался, чтобы столкнуться с представителями моего мира.

Конечно, он планировал позже вернуться, но... Вопреки всем поражающим воображение возможностям их новосозданных тел эдайти-амиотов было критически мало против целой цивилизации материальных нас.

Все эти мысли только ожесточали, добавляя мотивации собраться и действовать: обузой я не стану.

Сплюнув песок, попавший в рот от неудачного приземления, подняла лицо к небу, сообразив: у Щега была весома причина пренебречь деликатностью. Несколько секунд, и над верхушками кристаллов пролетели четыре корабля.

Так низко... Казалось, своими брюхами они царапают верхушки разноцветных окаменевших колоссов. Так целенаправленно и нарочито подавляюще... От нарастающего реактивного гула задрожали ветви, а сердце застучало с новой силой: началось. Все, чего я боялась и осознавала как неизбежность.

Сосредоточенная на происходящем в небе, мысленно я была в другом месте – думала об атаке, о возможностях транспортников, о том, как отреагируют оставшиеся в долине эдайти. Поэтому не сразу дошел едва слышный шепот Игеря:

– Троя, ты понимаешь это? Нас освободят! Они же за нами явились?

– Нет, – одернула штурмана, опасаясь навлечь на нас гнев эдайти, в молчаливом наблюдении замерших поблизости. – Мы не те пленные, ради которых преодолевают такие расстояния и организуют лагерь на планете, которая в буквальном смысле убивает.

Не стоит испытывать иллюзий!

– Но это же наш шанс! На возвращение... Мы должны пробиться к своим. – Я указала глазами на Щега, намекая, что наш разговор слышат.

– Глупая женщина, – яростно зашипел Игерь, в азарте нахлынувших эмоций игнорируя мои одергивания. – Им не до нас! Понятно же, что амиотам конец, ответят за убийства. И заслуженно! Но нам нет резона держаться их, только больше рискуем...

– Заткнись, – бросила коротко и сухо, всеми силами сохраняя самоконтроль.

Действуя выверенно и четко, рубанула мужчину по плечу ребром ладони, обрывая неуместную болтовню. Слов Игерь не воспринимал, взгляд его сверкал лихорадочным возбуждением. Я понимала его состояние: смесь паники, эйфории и запредельного возбуждения. Так бывает с гражданскими, оказавшимися в эпицентре настоящего боя.

Действуя неадекватно в состоянии аффекта, штурман не осознавал, что способен только усугубить наше положение. Эдайти рядом, до прихода помощи, на которую наивно и опрометчиво рассчитывал Игерь, они успеют сто раз умертвить нас любым удобным способом. И особенности планеты никуда не делись – рассуждай он ясно, подумал бы, как станет переживать ультразвук вдали от «ненавистных амиотов».

– Придется брать дело в свои руки. – Игерь оставил попытки достучаться до меня, но едва слышно бормотал себе под нос. – Что с баб взять?.. Но не бросишь же ее тут? Женская придурь! Мозги ей амиот запудрил, вот и надеется. Всякому ясно: попользуется и сожрет в итоге. – Он шумно засопел, тоже отплевываясь от песка. – Мы – земляне. Свои нас не бросят.

Глупец!

Истово надеясь, что эдайти сейчас не до бредовых идей пленника, я продолжала наблюдать за происходящим. Профессиональные навыки и тренировки сделали свое дело – мне удалось совладать с эмоциями. Пока не представляла, что могу сделать в данных обстоятельствах, но была готова по малейшему сигналу сорваться с места.

Щег, Риш и другие спутницы-эдайти выглядели невозмутимо и сосредоточенно. Штурман со своими планами вселенского возмездия точно никого не интересовал. Едва корабли проплыли мимо и вдали послышались хлопки первых выстрелов, Щег разрешил:

– Можно идти.

Все спешно поднялись, даже мы со штурманом. Теперь шли медленно, прислушиваясь к далеким взрывам.

– Орша слышишь?

Риш обратилась к Щегу шепотом, я разобрала только потому, что эдайти вел меня, придерживая за плечо, и изредка, когда не успевала, помогал лавировать меж кристаллов. Но его хватку с прикосновением Кина не сравнивать – плечо уже болело, синяк неизбежен.

– Он справляется.

Короткий ответ, но обрадовал он и меня: Кин точно не уступает Оршу в возможностях и ловкости.

– Какие-то приказы?

– Слышу урывками. Мешает лес.

– Но... – Риш с трудом подбирала слова, словно не понимала, как можно выразить мысль, – повреждений нет? Тела?

– Собратья сейчас почти не разговаривают, – с небольшой запинкой отчитался Щег. – Полагаю, заняты.

Риш вздрогнула, но промолчала. Я же анализировала диалог. По всему выходило, что слышать оставшихся на равнине мог только Щег. Эдайти-мужчина! А Риш не могла... Эдайти-женщины лишены этого дара? Отметила для себя эту особенность. Как и слова Щега: он дал понять, что в долине сейчас творится ад. Чего-то подобного я и ожидала...

О том, куда мы идем, не размышляла, бормотания Игеря не слушала, окружающие детали фиксировала автоматически – мысли были заняты Кином и боем, что мы оставили позади. Я и правда переживала за своего диковатого и безжалостного похитителя. Сумасшествие!

Но как бы тяжело ни было на сердце, никак не могла решиться спросить Щега, страшась его реакции.

– Но ты всех ощущаешь? – спустя время Риш снова задала вопрос.

Тот, что крутился в моей голове. Я так благодарна была ей за него! И вместе с женщиной-эдайти замерла в ожидании ответа. Щег тянул с ним, продолжая молча двигаться дальше.

«Чтоб тебя, говори уже!» – мысленно взывала я к нашему безэмоциональному вожаку. И одновременно заклинала: – *Лучше молчи. Не хочу знать, если все плохо».*

– Нет.

– Кто?!

Единственное слово, застыв на месте, выдохнули все, кроме Игеря. Как оказалось, и другие наши спутники прислушивались к диалогу. Я страшилась услышать в ответ имя Кина, и ожидала его: достаточно наблюдала этого эдайти, чтобы понимать – он будет на острие любой атаки. Больше того, станет самым ее воплощением.

Вопреки убеждениям штурмана и заслуженным обвинениям в адрес эдайти я не желала им поражения. Но и своим не желала. Душа жаждала, чтобы обе стороны отступили, оставшись при своем. Но подобное возможно лишь в идеальном мире...

– Кто?! – настойчиво допытывалась Риш.

В памяти всплыл отчетливый образ, где Орш держит ее на руках в этом самом лесу! подобно мне, она страшилась и ожидала услышать его имя?

– Тас.

Первой реакцией стало облегчение, второй – радость. Но я тут же устыдилась – для эдайти он был частью их группы, потерей. Впрочем, Риш тут же доказала, что не только я рассуждаю столь двучично.

– Тас слабый. Всегда таким был. – Амиотка взмахнула рукой, видимо, не считая собрата достойным сожаления. И сделала вывод: – Многомерность его удерживала даже таким. А в материальном мире законы иные – только сильные могут здесь жить.

– Да, – согласился Щег, явив малопонятную сторону их существования.

На этом обсуждение завершилось. Для меня такая реакция на гибель собрата была странной, но я неизменно повторяла себе, что эдайти видят мир иначе. Разве мы вправе полагать свою точку зрения единственно верной?

Новость о том, что Кин жив, вдохновила, придав сил. Еще несколько минут, преследуемые грохотом взрывов в отдалении, мы двигались молча и споро, когда...

– Стоп!

Резкий вскрик Щега застал меня врасплох, ноги дрогнули, тело едва ли не подскочило над землей.

– Кин. – Эдайти замер, сосредоточенно прикрыв глаза. – Пытается дозваться.

– Что там?

– Бежим! – Щег встрепенулся и резко развернулся куда-то влево относительно прежнего направления. – В зияние! Приказ Кина.

«В зияние». В душе все оборвалось: разве не этот вариант был на случай, когда оставшиеся в долине не справятся?

– В той стороне ближайшее, – без промедлений устремившись в указанном направлении, бросил один из безмолвствующих эдаити. Он и еще один амиот схватили за руки и утащили за собой четырех «дам». – Сюда! Быстро!

Один миг, и все они исчезли, нырнув в зияние.

– За мной! – приказал Щег.

Дернув за руки меня и оставшуюся женскую особь, он сорвался с места, вынуждая быстро бежать за ним. Похоже, других сгустков-переходов в этом месте не было, и он надеялся их найти.

– А я? – изумился Игерь, бросаясь следом.

Лишь краем сознания отметила его испуг и торопливость. Если эдаити не притормозит, у меня или сердце не выдержит, или задохнусь. Мы даже во время учебных тренировок на полигоне не бегали с такой скоростью, одновременно лавируя между препятствиями.

Когда Щег замер как вкопанный, резко затормозив, я по инерции пролетела мимо. И влепилась бы в оказавшийся на пути кристаллический столб, если бы в последний миг рука эдаити, сжимающая мое запястье, рывком не изменила траекторию, дернув к себе.

– Троя! – раздался отчаянный вопль откуда-то сзади... – Бросили меня, да? – задыхаясь, продолжал орать наконец догнавший нас штурман.

Пытаясь отдышаться, он рухнул на колени рядом со мной и вцепился в другую руку.

С трудом переводя дыхание и не сводя глаз с эдаити, шикнула на Игеря:

– Жив, вот и радуйся.

У подавленных слов был металлический привкус крови – давно я не бегала на пределе сил.

Моральные метания штурмана уже не заботили, не было сил объяснять, что моего мнения насчет заданного темпа тоже никто не спрашивал. А в контексте стремительности наших спутников куда важнее было не проморгать очередных перемен.

Щег тем временем всматривался в глубь леса и морщился, словно старательно прислушивался и не мог разобрать то, что слышал. Я знала, он пытается связаться с другими эдайти, попавшими под удар преследовавших их военных.

— Кто-то приближается? — подала голос Риш, выпрямляясь и разворачивая корпус в направлении, откуда, вероятно, услышала насторожившие ее звуки. Движение вышло резким, но не смазанным и... очень чувственным, обнаженная грудь амиотки качнулась. Зрелище заставило шумно сглотнуть даже изнуренного бегом Игеря. И не только его. Как ни концентрировался Щег на происходящем в отдалении, но и его внимательный взгляд, скользнувший по женской груди, я заметила. И мысленно вздохнула: материальность делает свое дело — призывы и потребности тел уже влияют на эдайти. Их новообретенные организмы выдают пока не очень осознанные, но чисто мужские реакции. Не одного Кина зацепило женское тело, они все отвлекаются на женскую анатомию ничуть не хуже мужчин известных мне рас. Когда уже уразумеют, что надо бы прикрываться одеждой? Хотя бы из-за такого отвлекающего эффекта.

Парадокс: чем напряженнее ситуация и безнадежнее положение, тем сильнее сознание цепляется за незначительные детали. Какое мне дело до того, что эдайти постигают азы сексуальности? При нынешнем раскладе этими знаниями они могут и не успеть воспользоваться. Тут не ведаешь, с какой стороны в следующий миг ждать беды!

— Да, приближается, — невольно подтверждая мои опасения, Щег кивнул, с трудом отводя взгляд от мерного колыхания женской груди. — Далеко еще. Нам надо в зияние.

— Приближаются? — нервно, но, к счастью, тихо переспросил штурман. — Кто?!

Если судить по интонации, Игерь ожидал появления очередных монстров.

Я сделала вид, что не слышу вопроса. Щег снова заозирался, отыскивая что-то...

— Здесь. — Эдайти впился взглядом во что-то одному ему ведомое. Я, сколько ни всматривалась, ничего особенного не замечала. Разве что воздух стал теплее и дрожать начал, будто под нами раскаленная сковорода.

– Вперед, – резко скомандовал, не спуская глаз с дрожащего марева, и потянул за собой меня и Риш.

Что разрушило план? Об этом можно рассуждать, лишь обращаясь мыслями к случившемуся. В тот же момент... Риш сделала шаг и погрузилась в яркий искрящийся свет, я его узнала и вознамерилась сделать то же самое, торопливо занесла ногу – и вдруг ощутила рывок назад. Все случилось невероятно быстро, но при этом каждый миг, малейшее движение отпечатались в сознании.

Мое незавершенное движение – инстинктивная попытка обернуться, чтобы увидеть причину замедления. Одновременный поворот головы Щега, ощутившего мою заминку, и молния ярко-желтого энергоклинка, распоровшего воздух перед моим лицом. Лезвие сверкнуло, устремившись вниз и разделив пространство между мной и эдайти. Наши с Щегом взгляды встретились, и его короткий вскрик я скорее увидела в движении дрогнувших губ, чем услышала. Бордовая жидкость брызнула в стороны... Мою руку, ведомую рукой эдайти, что-то тяжелое дернуло вниз... И ощущение сопричастности пропало.

Доли мгновения разум не успевал за происходящим, и я не испугалась только потому, что не поняла действий Игеря.словно в замедленной съемке видела, как искажается гримасой гневного недоумения лицо разворачивающегося Щега. Как расширяются глаза Риш, охватившие всю картину. Но скорость уже не играла роли: руки штурмана со всей силы толкнули эдайти в спину, и световое искрящееся поле затянуло амиотку и Щега в себя прежде, чем я успела хотя бы вскрикнуть. Яркая вспышка схлопнулась и исчезла, а с ней и наши спутники.

– Что?.. – Пребывая в шоке, с трудом отвела взгляд от места, где секунду назад стояли эдайти, и опустила его на свою руку.

Вскрикнув, отшатнулась. Не удержала равновесия и упала на песок, лихорадочно отдирая от своего запястья сведенные судорогой пальцы отрубленной кисти Щега.

– Получилось! – ликующий и одновременно неверяще-дрожащий шепот штурмана прозвучал приговором. Я все поняла.

Игерь не только задержал меня, отдернув от зияния, еще и в буквальном смысле разрубил узел из наших со Щегом прочно сплетенных рук!

Как могло такое случиться? Как паникер-соплеменник смог испортить план спасения-побега, придуманный Кином? В итоге из всей группы, отправленной в кристаллический лес, в зияния не попали только я и штурман.

Это же приговор...

В агонии лихорадочной паники смотрела на Игеря наверняка обезумевшим взглядом, едва ли осознавая, что завываю словно сирена. Как мы со Щегом допустили это?

Спешка? Убежденность в безальтернативном смирении? Вера в нашу разумность? Что сыграло роковую роль? И ладно эдайти, но я-то все это время гнала от себя явные доказательства упрямой слепоты землянина, его нежелание содействовать сбежавшим «экспериментам». Почему так легкомысленно отнеслась к его желанию отомстить?

От страха за последствия перехватило дыхание, на глазах выступили слезы бессилия. Отодрав наконец кисть Щега, бросила ее на землю и спрятала лицо в ладонях, не замечая, что пачкаюсь в крови эдайти.

Вот я кретинка!

– Ты спятил? Нам же теперь не спастись! Без них мы зияние не отыщем. Разве что случайно провалимся, но выбраться не сможем! – орала, выпуская на волю душивший меня гнев.

– Прекрасно, – припечатал Игерь, жестами призывая меня умолкнуть. – Наше спасение совсем не в том, чтобы провалиться в сомнительное зияние. Наукой они не изучены...

– В лесу без эдайти мы погибнем!

– Что за глупость? – Игерь взвился, чуть повысив голос. – Наоборот, это они для нас угроза!

– А ультразвук?! – напомнила самое очевидное. – Тебе одного раза не хватило? Как без эдайти рядом справимся?

– Я все продумал, – заверил Игерь, на вид совершенно не заботясь о каких-то угрозах. – До восхода розового светила время есть. Доберемся до своих и получим помощь.

– Какую помощь?!

– Тише ты, – выдохнул он в ответ, присев рядом на корточки. – Ведешь себя словно кисейная барышня, а не военнослужащая. Чему вас в учебке учат, спрашивается?

– Учат не переоценивать свои силы. И думать о последствиях, прежде чем что-то сделать, – сказала как отрезала, немедленно поднимаясь на ноги.

Шок от поступка Игеря немного ослаб, я начала осознавать происходящее: звуки боя в отдалении. Чтобы скинуть охватившее тело оцепенение, немного размяла руки, озираясь, стараясь как-то идентифицировать шум. Звуки выстрелов усилились, но, эхом разносясь по лесу, не позволяли определить, где находится источник.

– Я спас тебя от жуткой участи. Сейчас надо поспешить и выйти к своим.

Недовольный моей реакцией, то есть отсутствием благодарности, на которую он, очевидно, надеялся, штурман тоже поднялся.

– И куда пойдешь?

Суть вопроса до него дошла не сразу, но когда недоумение сменилось растерянностью, а сам он завертелся волчком, пытаюсь сориентироваться, я испытала прилив мстительного удовлетворения.

– Вроде бы стреляют там. Значит, нам идти сюда... – Игерь неуверенно указал направление, но в этот момент гроыхнуло и в другой стороне.

– Сюда, туда, – сердито топнула ногой. – Везде опасно. Озера, треклятые насекомые, многоножки, червь, зияния. – Перечисляла автоматически, все мысли были лишь об одном: куда бежать?

Пытаться пробиться к Кину? Безрассудство! Стать обузой, добавив ему проблем. К приземлившимся военным? Тоже спорно. Так наивно я к появлению преследователей не относилась и истинными масштабами эксперимента над эдайти была впечатлена – раз уж следом за ними на планету явился такой «хвост»...

Проклятье, как же поступить?!

– Мы должны попытаться вернуться в долину, – наконец приняла решение, осматривая песок под ногами в надежде отыскать наши следы.

– Троя, ты спятила? – Игерь схватил меня за руку. Причем так решительно, словно готов был тащить меня волоком в нужном направлении.

– Щег говорил, кто-то приближается, – напомнила, пытаюсь деликатно освободить свое запястье. Но в душе была готова врезать штурману как следует.

– Точно наши! – возликовал он. – Иначе эти монстры так не улепетывали бы. Как крысы по норам. Ха! Зияние... В гробу я видел их фокусы.

– Это не фокусы, – огрызнулась, – Я там сама была.

– Будь счастлива, что вернулась! – Безапелляционность Игеря поражала: вот кто не испытывал сомнений, твердо стоя на своем. – Может, это вообще какой-нибудь гипноз! Впрочем, неважно. Одно лишь имеет значение – в это дьявольское место прилетели наши. Могла ты такое представить несколько дней назад? Признайся, потеряла уже веру?!

Пришлось кивнуть: штурман попал в точку.

– А они прилетели! Это наш шанс, мы вернемся домой! Только подумай об этом! Наша прежняя жизнь вернется. Моя уловка удалась! Сам не верю, что хватило смекалки и навыков переиграть амиотов! – Игеря распирало от самодовольства. – Они смотрели на меня, как на ходячие консервы, а я устроил им западню!

– Или сам себя в нее загнал, – буркнула себе под нос, оставив попытки переубедить штурмана. Пора было разобраться в ускользнувших от внимания деталях. – Ты где клинок достал?

– Нашел в контейнере, когда искал аптечку. И прихватил вместе с передатчиком.

– Каким передатчиком?.. – запнулась, начиная прозревать.

И небезосновательно. Ответ Игеря полностью подтвердил мои догадки.

– Дальней связи. Отправил сигнал, когда вы в зиянии пропали, а амиоты отвлеклись и за мной не смотрели.

Вот почему нас так быстро обнаружили! Ошеломленная откровениями мужчины, я отвернулась и замерла, заметив движение в просветах между кристаллами. Хищник? Или... Военные?

Судьба вновь сделала выбор за меня, воссоединив с теми, о встрече с кем я уже не просила. На поляну выступили десантники. Не узнать фигуры в защитной экипировке было невозможно. Направленные на нас бластеры заставили сглотнуть и просипеть:

– Не стреляйте, – голос подвел, пришлось прокашляться. Зато Игерь на него среагировал и радостно развернулся навстречу прибывшим.

– Я же говорил! Они нас... – и поперхнулся, наткнувшись взглядом на ствол бластера – десантники держали нас на прицеле. Даже издали было видно, что предохранители отключены, а уровень заряда выставлен такой, что одного выстрела хватит, чтобы бронетанк разнести в клочья. А уж от нас вообще ничего не останется. – Не стреляйте! Мы же свои! – закончил штурман испуганно, срываясь на фальцет.

– Оружие бросить! – заорал усиленный динамиками голос взводного. – Лечь на землю! Руки за голову!

– Какое еще оружие? – опешил Игерь, растерянно хлопая глазами. Идиот...

Вырвав из-за пояса штурмана клинок, бросила его к ногам десантника. С силой рванула мужчину вниз, заставляя выполнить приказ и молясь, чтобы не вздумал сейчас качать права или рассуждать о сопричастности. Не в том мы положении...

Лежа на песке и чувствуя, как чужие ладони меня обыскивают, ощупывая тело, умоляла себя не паниковать. Ощутив рывок, поднявший на ноги, нажим, заставивший опустить руки вниз, и усилие, заводящее их за спину, чтобы надеть наручники, – уговаривала себя потерпеть. Получив бесцеремонный толчок в спину, зашагала следом за одним из десантников, надеялась на...

На что? Какие у нас перспективы? Как ни крути, для военных мы оба – дезертиры. Даже если лишь косвенно способствовали побегу и невольно выдали знания и информацию о своих, попав в плен не по своей воле. Я прекрасно знала позицию руководства: если ты попал в лапы противника, обязан сдохнуть. Не сдох, то есть жив, здоров и упитан, – значит, стал сообщником врага. Нас могут обвинить в содействии противнику, и церемониться никто не станет.

Мы – лишние свидетели. Хотя остается вариант, что нас могут счесть полезными, ведь за время, проведенное с эдайти, мы немало о них узнали.

Другой вопрос: хочу ли я сообщать эту информацию военным, прекрасно понимая, что они будут настойчиво искать уязвимые места эдайти. Слабости Кина...

Хочу ли возмездия? Расплаты за пережитое?.. Нет! Узнав эдайти лучше, я пересмотрела отношение к мести.

– Не дрейфь, Троя, прорвемся, – негромко, но внятно заявил штурман, шагающий позади меня.

Фыркнула презрительно: вот уж наивный оптимист. Кто бы говорил?! Он же штатский, пусть и рукастый! Транспортник, на котором Игерь летал всю жизнь, занимался снабжением. Оттого и заблуждения, что нас примут с распростертыми объятиями. Уж я-то лучше знаю свое начальство и внутренний регламент.

– Не болтать! – заорал, ударяя в спину прикладом, один из десантников, видимо, решив, что пленные ведут себя неподобающе.

По инерции ускоряясь, больше с Игерем не разговаривала. Но думать мне никто запретить не мог.

Штурман сказал, что использовал передатчик. Странно... Портативные радиостанции не настолько мощны, чтобы достичь других звездных систем. Максимум – сработает в пределах пары астрономических единиц. Получается, военные были где-то рядом? Упорно выискивали сбежавших? А Игерь ускорил их появление и упростил задачу поиска на планете, указав точное место приземления.

Видимо, не совсем точное, потому что оно оказалось с другой стороны леса, я узнала местность, куда нас привели. Ровное пространство с мягкими приземистыми кристаллами-травой. На горизонте выразительно вздымались горы, одна из которых едва не свела меня с ума запахами еды. С противоположной стороны невнятной полосой уходило вдаль оранжевое болото.

В этом месте была первая стоянка эдайти. Сейчас же здесь раскинулся другой лагерь. Военный. И такая знакомая организация тыловой территории!

По периметру пространства шесть огромных кораблей-транспортников, их устремленные в небо носы раскрыты, как лепестки цветка, а из сердцевин поднимались вертикальные столбы – преобразователи энергии. Генерируемое силовое поле, почти прозрачное, но переливающееся радужными разводами, мерно дрожало и накрывало собой лагерь. Защита...

Защита, которую то и дело разрывали, проходя сквозь нее, возвращающиеся в лагерь десантники. Сбрасывали оружие в специальный контейнер и отправлялись на импровизированный плац – место отдыха и тренировок.

Эту же защиту прорывали и влетающие в лагерь штурмовые корабли. Я насчитала семь, стоящих в отдалении, и еще три успели приземлиться, пока нас вели к «штабу», большому быстро собираемому походному армейскому модулю, окруженному более мелкими.

– Так... Кто тут у нас?

Сидящий за столом и тем не менее заметно возвышавшийся над ним худощавый офицер в фиолетовой форме СКР, приспустив очки, придирчиво осмотрел сначала меня, затем Игеря. Я невольно вздрогнула. СКР – служба космической разведки, и, насколько мне известно, ее сотрудники никогда не покидают своих кораблей. Не высаживаются на планеты, предпочитая для большей мобильности жить в космосе, а действовать и получать информацию чужими руками. Вывод прост – амиоты, то есть эдаити, оказались настолько важны, что специалисты СКР решили пренебречь собственными правилами. Стало жутко.

– Рядовая в запасе Троя Флэш. Третий взвод шестого резервного подразделения «Стигма», – коротко отчеканила по уставу, но, получив очередной удар прикладом в спину от своего конвоира и заметив соответствующие нашивки на рукавах формы, спешно добавила: – Господин полковник.

– Э-э... Игерь Сержевич Ям. Механик и резервный штурман грузового транспортника «Перепелка-2», – покосившись на меня, куда менее четко выдал спутник.

– Любопытно... – бесцветные глаза офицера спрятались за толстыми линзами, а взгляд опустился на разложенные на столе инфомодули.

Тонкие пальцы скользнули по ним, или отыскивая определенный, или пытаясь отвлечь наше внимание, пока мужчина принимал какое-то решение.

Больше всего я боялась, что Игеря начнут допрашивать отдельно от меня и первым! Он же такого наговорит, что потом сам рад не будет. Мои попытки хоть как-то объяснить наши действия уже не будут иметь принципиального значения!

Как назло, именно это и произошло.

Спустя пару минут по приказу тощего начальства, так и не сняв наручники, меня увели в соседнюю палатку. Стояла она практически

вплотную к штабу, и потому крики и поначалу гневный, а затем жалобный голос Игеря я прекрасно слышала. И прекрасно осознавала – методы влияния на степень разговорчивости мужчины не ограничиваются психологическим давлением. В ход идет и физическое воздействие.

Однако я даже не предполагала, насколько сильное...

Когда мне приказали выйти из палатки, чтобы отвести в штаб, Игеря как раз оттуда вывели. Вернее, выволокли под мышки практически безвольное тело. «Практически» – потому что голову он все же поднял, чтобы посмотреть на меня.

Мужчина выглядел жалким, взгляд его отражал страдание и чувство вины в равной степени.

Синяк на всю левую щеку, заплывший глаз, содранный по пояс скафандр и выразительные ярко-красные полосы на спине – все это рассказало о допросе куда больше полного боли и отчаяния взгляда штурмана. Зато я хотя бы оказалась готовой.

Увы, военные оправдали мои наихудшие ожидания: ни намека, что в нас видят спасенных из неволи соплеменников. Хотя, конечно, ни уровня боли, ни обиды на своих это не уменьшило, скорее притупило ощущения. Все вдруг стало безразлично. Всматриваясь в лицо представителя разведки с невыразительным рыбьим взглядом, не могла отделаться от ощущения, что все происходит не на самом деле. Не со мной. Словно фильм смотрю.

Одичала ли я за время, проведенное в плену у Кина, утратив навыки сосуществования с представителями своей цивилизации? Или из-за стремительности событий и перемен схожу с ума, а неверие – защитная реакция сознания?

В чем бы ни была причина отрешенности от реалий происходящего, мысленно я больше переживала о состоянии Кина, чем о своих перспективах. Оттого и не сразу сосредоточилась на заданных негромким тоном вопросах, не сразу отреагировала на поток «неопровержимых» заявлений, красноречиво иллюстрирующих позицию «спасителей».

Получила пощечину. И еще одну, вновь не успев внятно ответить на вопрос.

В праве на заторможенность по причине пережитого мне тоже отказали, от души дернув за плечо.

Кажется, вывих.

И вновь внимание парадоксальным образом сконцентрировалось на незначительных деталях.

Грязно. Цвет стен серый, будничный, на этом фоне Капли свежей крови на полу смотрятся так ярко. Интересно, из носа брызнуло или губы уже кровоточат?

Разведчик повысил голос, рывкнув:

– И как ощущения? Когда так запросто предаешь своих?

Очередная хлесткая пощечина.

Громкий звук вкупе с болезненным ударом привели к нужному результату – я начала вслушиваться в слова. Тут мои мысли никто прочесть не мог...

– Этот амиот действительно привязался к тебе? – Короткий удар под дых, от которого потемнело в глазах и перехватило дыхание.

– Почему он именно тебя не убил?

Скручивающее движение, выламывающее запястье. Как же больно...

«Свои» сыпали вопросами, приправляя их жесткой демонстрацией физического превосходства, не оставляя мне шанса ответить. Замедленная реакция моего сознания, которое словно заново училось выражать мысли, проговаривая их вслух, не позволяла действовать в одном с ними темпе.

– Кто еще выжил? – Болевой прием, после которого хотелось завывать волком. Граш-ш-ш! Сколько же можно?.. – У них есть слабые места?

Последнее интересовало полковника особенно сильно – он снова и снова повторял вопрос на разные лады. Но как же все это контрастировало с действиями эдайти... Оправданная жестокость и неоправданная. В чем смысл так сразу наказывать нас, меня и Игеря? Как неразумно столь непродуктивно подходить к сокрытым, по мнению военного, в нас знаниям? Объяснение одно: я стала для «своих» не просто врагом, а тем, кто сблизился со сбежавшими амиотами. И из меня нужно как можно быстрее в буквальном смысле выбить необходимую информацию. Поэтому, не предложив пряников, сразу перешли к кнуту. Возможно, противостояние с эдайти на равнине идет не слишком гладко? Фактор времени играет ключевую роль.

Предсказуемо, конечно, – они же по их души прилетели. От меня нужны их слабости, способы совладать с «экспериментами» в кратчайшие сроки. Миндальничать некогда, амиоты важнее. Хотя странно: если цель преследователей – уничтожить, то зачем выяснять, в чем противник уязвим? Подобные мысли и прежде возникали в голове: желай военные только уничтожения амиотов, использовали бы способ проще и вернее, чем наземная операция на смертельно опасной планете. Значит, они хотят их захватить, а не уничтожить? Вернуть обратно на станцию и продолжить эксперимент?

Чтобы не чувствовать боли, я, как учили на занятиях, все глубже погружалась в себя. Но это лишь усугубляло ситуацию – меня не желали оставлять в покое. Очередная пощечина стала той каплей, что перевесила способность держаться в сознании, и вслед за болевой вспышкой пришла волна беспросветного забытья.

– Ты как? Сильно тебя... Сволочи, какие же сволочи эти вояки...

Узнав голос штурмана, открыла глаза. Далось это не просто, правый заплыл, позволяя видеть мир через щелочку. Все тело ныло, а плечо, левое запястье и грудная клетка при каждом вдохе отдавали болью. Качественно меня отделали...

Все же удалось сфокусировать взгляд на Игере. Он и сам был не в лучшей форме, но суетился вокруг меня, пытаюсь помочь. Я же, лежа на пластиковом покрытии, на которое меня бросили, притаившись из палатки разведчика, мечтала лишь о том, чтобы он замолчал, голову ломило от малейшего звука.

– Отвали, – прошипела, пытаюсь воспрепятствовать осторожным прикосновениям. – Как долго я пробыла в отключке?

Игерь не обиделся – он расстроился, потому что я услышала:

– Прости. Я не думал, что все выйдет так. Мне казалось...

– Тсс... – зашипела, обрывая его каянья.

– Пару часов, точно не знаю, – исправился Игерь, ответив по делу. – Раз пришла в себя, может, подскажешь? Твои конвоиры бросили, но ничего не пояснили. Что использовать? – тряхнул перед моим лицом крошечной портативной аптечкой экстренной помощи. Такие только в боевых условиях выдаются.

– Шприц. Ампула с коричневым содержимым, – прошлепала разбитыми губами, надеясь, что обезболивающее из набора не изъяли.

Штурман, судя по шороху, потрошил упаковку. В памяти всплыл момент с недавним рапортом, когда он представлялся полковнику механиком угнанного транспортника, но я по привычке мысленно называла его штурманом, как повелось с момента, когда он вместе с Кином управлял кораблем.

Почувствовав укол, испытала благодарность: терзающая тело боль была невыносима. Средство подействовало быстро. Немного отлежавшись, поняла, что худшее позади – мышцы слушались, суставы сгибались. Села, осматривая себя и место, куда нам «повезло» попасть.

Это даже палаткой не было – три столба, вокруг которых натянули прозрачную трипслатовую пленку, показавшуюся мне пластиком. Запертые между опорами на тесном пятачке, мы находились на обозрении всего лагеря. Жизненного пространства – пара-тройка квадратных метров на двоих. Свет и звук конструкция пропускала прекрасно. Скользнув взглядом выше, заметила колебания воздуха, выдававшие наличие защитного энергетического купола. Если время ультразвука за его пределами пришло, то хоть в чем-то нам повезло.

Пока пялилась вверх, уловила движение сбоку. К ограждению приблизились двое десантников в легкой тренировочной форме. Непроизвольно накатили воспоминания – сколько же раз в прошлом я наблюдала такое вот приближение коллег... Впрочем, ностальгический порыв развеялся, стоило мужчинам заговорить.

– Подстилка амиотовская, – презрительно хмыкнул один из них. – Как думаешь, ее сразу в расход пустят или позабавиться разрешат? Что такого она умеет, что даже твари этой понравилась?

Пусть внешне это никак не проявилось, но в душе меня перекосило. Знакомые разговорчики, были среди моих бывших сослуживцев те, кто о коллегах-женщинах рассуждали только в таком ключе.

– На кой она нам после амиота? – брезгливо сплюнул второй. – Нормальных баб хватает. А от этой еще подцепишь чего...

Поглазев сквозь пленку на мое безвольное тело, они отошли, а я с трудом погасила затопившее душу негодование, испепеляющим взглядом уставившись на Игеря. Вот кто источник всех проблем!

– О чем натрепал разведке? Что сказал полковнику?!

Получить порочащие мою репутацию сведения могли только от него! Болтуном Игерь был, болтуном и остался на мою голову.

– Я старался быть честным, рассказал все как есть, – с обидой возразил штурман. Не ожидал и не понимал причин такого к нам отношения? – Но мне не поверили. Больше того, врагом объявили и прямо заявили, что им свидетели не нужны. Амиоты обречены, и мы тоже... Ты находишь в этом здравый смысл?

Если представить, как наши с Кином взаимоотношения виделись стороннему наблюдателю, не подозревающему о способности эдайти считывать мои мысли... Да, на его взгляд, между нами было немало странного. Увы, свою субъективную точку зрения, получается, он и донес до преследователей. Не повезло мне!

– А о чем я тебе с самого начала твердила? Не по наши души они здесь. Ты мыслишь иными категориями, – нутужно вздохнула, пытаюсь приподняться на локтях. – У военных нет полутонов, либо свой, либо враг. Черно-белый мир. Я сама в нём жила.

Пока не сломалась, осознав, что такой взгляд на реальность мне не подходит.

– От этого не легче, – отвел взгляд мужчина, – поздно понял, что был дураком, когда не поверил тебе. Ты была права насчет приоритетов этих... – он запнулся и добавил тише, боязливо оглянувшись, – вояк.

Эти слова примирили меня с поступком Игеря, в какой-то мере оправдав его. Он стремился спастись и делал для этого все возможное. Не его вина, что военные не оправдали его надежд. Вот же идиот... Больше я на собрата по плену не злилась, осознав, что за свой просчет он расплатился сполна.

Отвечать не стала. Ни обличения, ни всепрощение сейчас нам не помогут. Остается лишь ждать развития событий – повлиять на них, опять же, не в наших силах. То, что конвоиры, доставившие меня сюда, снабдили какой-никакой аптечкой, обнадеживало. Моей немедленной смерти военные не желают. Значит, какое-то время у меня есть... И у Кина. Если он жив.

– Как обстановка в долине за кристаллическим лесом? Что-то об... амиотах говорили?

Вот от кого зависит наше время! Пока эдайти сопротивляются, военные будут нуждаться в данных насчет любых их возможностей и

тем более слабостей. Кроме нас, других источников для получения информации у них нет. Мы живы, пока эдайти на свободе. С другой стороны, чем острее военные будут нуждаться в информации, тем меньше будут с нами церемониться. Особенно со мной. После всех небылиц, поведенных Игерем...

– Нет, только спрашивали о них. И... – штурман замялся, но продолжил: – Я предположил, что амиот попытается тебя вернуть. – На мой наверняка обалделый взгляд и выпученные глаза лишь виновато развел руками. – Он же постоянно твердил, что ты – его добыча. Такое впечатление, что ты для него очень ценна... э-э... как для мужчины может быть ценна женщина.

– Ты идиот! Как такое пришло в твою голову? К чему бы Кину видеть во мне женщину, если до недавнего времени они... – запнулась, встретив ошалевший взгляд собрата и сообразив, что уже и за глаза называю эдайти по имени. – В общем, поверь, амиоту моя персона безынтересна. Но из-за тебя полковник полагает иначе. Понимаешь, чем это грозит мне?

– Да просто со стороны казалось... – Игерь был преисполнен раскаяния, – во всем, что тебя касалось, он поступал так... собственнически.

– Именно! – Зарычала бы, но пострадавшие ребра не позволяли легким развернуться во всю ширь, выдав нужный диапазон звука. – Он изначально возомнил, что я – кусок торта, который надо распробовать! Именно его кусок.

Так хотелось сказать: на этом все! Но язык не повернулся. Не после случившегося в зиянии. Наоборот, вдруг вспомнила, как двигались губы Кина, когда он спокойно, со стопроцентной уверенностью в своих словах обещал, что всегда за мной вернется. Проклятье, но он уж точно не подразумевал ситуацию, когда на его хвосте будет висеть союзный флот! Это не местная неведомая зверюшка...

Хотела бы я, чтобы он словно безумец отправился в логово врага ради моего спасения? Нет. Такого и врагу не пожелаешь, а Кина врагом я больше не считала.

– Просто солги им, – предложил собрат по несчастью очередную идею. – Придумай что-нибудь, чтобы отстали. Об амиотах... Давай

вместе подумаем, мы много дней были рядом, что-то же да подметили? Что можно счесть за их слабость?

Сердце болезненно екнуло. Смогу так сделать? Снова смирюсь, пойду на поводу у обстоятельств, чтобы выжить?

– Бессмысленно. Быстро станет ясно, что наши сведения ложные. Они не подтвердятся. И тогда...

Какой будет расплата за обман, позволила Игерю додумать самому.

– Что же нам делать? Как выжить и на кого теперь полагаться? Как убедить военных сохранить наши жизни? – шептал штурман, с понурым видом присев рядом. Сквозь пластиковую обмотку мы наблюдали за редкими перемещениями между палатками военных в тренировочной форме.

– Хороший вопрос, если б я знала ответ на него...

– Какая-то беспросветная обреченность. Что там, что здесь. Нас ждет лишь гибель.

– Знаешь, сколько раз с момента побега амиотов со станции я так думала? – Растянуть пострадавшие губы в натужной улыбке оказалось непросто. – Достаточно, чтобы понять: будущее не предугадать. Уже устала бояться смерти. Поэтому предлагаю не тратить время попусту, а постараться восстановиться и отдохнуть.

– Мне точно не уснуть при таких обстоятельствах. – С тяжелым вздохом Игерь вытянулся на пластиковой подложке.

Минут через пять он уже сонно посапывал; перенесенный стресс и усталость взяли свое. А я почти не спала. Забывалась на считанные минуты и просыпалась, вздрагивая от малейшего шума. Раскинутый над лагерем силовой экран мерно переливался радужными разводами. Ни «комаров», ни скачков температуры, ни ультразвука не было – видимо, защита надежная. Но мне в «комфорте» спать было тревожнее, чем под боком у не знающего жалости эдайти.

Невольно прислушивалась к звукам, доносящимся из-за купола, уже знакомым, но оттого не менее устрашающим. Крики со стороны кристаллического леса пугали основательно. И не только меня – стоило очередному местному «ожившему кошмару» подать голос, несущие ночную вахту дозорные скидывали оружие и опускались на одно колено, принимая боевую стойку. Похоже, ни у кого не было

уверенности, что какая-нибудь особо крупная и наглая тварь не сумеет пробить защиту.

Однако обошлось. То ли живность испугалась взрывов, то ли не рискнула рваться через барьер. Или же банально нас не видела? Экран все же не настолько прозрачен...

Под утро, под самый восход розового светила, спокойствие в лагере сменилось активностью. Командование решило заблаговременно подготовиться к новому дню, видимо, чтобы начать новые боевые действия, как только взойдет голубое солнышко. Давало ли это амиотам ночную передышку в атаках? Я надеялась, что да.

Однако суета была обычной. Вовсе не пораженческой или панической. Это означало, что преследователи хорошо подготовились к местным реалиям и что дела у эдаити шли неважно.

Посыпались привычные приказы «Подъем!», «На построение!», «Бегом, ленивые задницы». На плацу зашевелились спавшие в спальниках бойцы. Мимо нас промчался, топоча и выкрикивая речевку, один из десантных взводов. Из стоящей неподалеку палатки появились пилоты и, что-то обсуждая и смеясь, неторопливо пошли к штурмовым кораблям. Обгоняя их, туда же понеслись механики...

На нас никто не обращал внимания, словно была команда «не замечать».

– Что, даже не покормят?.. – Разбуженный шумом Игерь нервно заозирался и вдруг выдал: – Ух ты!

Изумление в глазах и голосе штурмана было настолько сильным, что я обернулась, чтобы посмотреть на причину его удивления.

Откинутый полог еще одной палатки придерживал зевающий... рарк! Фуражки на нем не было, и остроконечные уши вызывающе торчали над коротко стриженным ежиком волос. Но Игеря удивил не факт его присутствия – рарки по контракту и за хорошие деньги готовы служить в одних рядах с землянами. Поразительным было существо, стоящее у ног мужчины, ему почти по пояс. Рыжее, пушистое, с мордой муравьеда, маленькими янтарными светящимися глазами, медвежьими ушами и толстыми короткими лапами. Я таких животных раньше не видела.

– Шош, – заворуженно прошептал Игерь. – Ни фиги себе...

– Что еще за шош? – буркнула, с облегчением ощущая, что боль в ребрах отступила, и одновременно присматриваясь к существу,

которое наглым образом справляло нужду около палатки, прямо на низкорослые кустики пестрых кристаллов.

– Ты дремучая? Кроме учебки, нигде не бывала? – шепотом возмутился штурман. – Эти рыжики родом с Ракиса переломили ход войны, когда амиоты на нас напали. Рарки держат в секрете, как именно шоши действуют – то ли поедают энергетические сущности, то ли развоплощают, толком никто не знает. Но раз они здесь, значит, амиотам крышка. Разве что телесная оболочка их как-то спасет.

Нахлынувшая после этих слов неприязнь к внешне совершенно милому существу удивила. Так можно реагировать на красивого соседского песика, когда он успел покусать кого-то из твоих близких.

Вот этот рыжик-шош развоплотит Кина? Вдруг стало дурно, померкла радость от вполне приличного самочувствия, лишь представила это. Что-то вроде нашей смерти? Как если бы душа покинула тело? Стоит в специально созданном теле уничтожить сущность Кина, как... Как знакомый мне амиот превратится в пустую и бесполезную оболочку.

Все очень серьезно для эдайти. Очевидно, последствия и итоги побега амиотов со станции проанализировали со всей тщательностью. Больше нет эффекта неожиданности и недооценки способностей их физических воплощений. Преследователи смогли обезопасить себя от ультразвука, пусть и локально. А теперь, выходит, у них есть действенный способ уничтожения эдайти...

– Эти шоши реально опасны для амиотов? – борясь с дрожью в голосе, переспросила Игеря. – Я думала, ход войны переломило изобретение энергоклинков.

– Клинки само собой, но, чтобы их создать, нужно было хотя бы одного амиота поймать. Иначе как эффективность проверить? И тут без шошей не справились бы.

– А они разумны? Или просто звери?

– Троя, я тебе не энциклопедия, – развел руками штурман. – Что знал – сказал. Про то, что не знаю, врать не буду.

Лишив меня шанса получше присмотреться к невинной на вид и, как выяснилось, смертельно опасной для эдайти живности, шош скрылся за пологом. Сопровождавший его рарк направился в уже знакомый мне штаб, этот походный блок находился в центре защитного купола. Следом за ним туда же зашли несколько офицеров.

Я внимательно за всем наблюдала, стараясь предугадать дальнейшее развитие событий.

Заурчал живот, вновь спровоцировав всплеск воспоминаний о Кине. «Этот звук!» – сказал он тогда...

– Только и делаем на этой планете, – понимающе кивнул штурман. И с еще более печальным вздохом тихо пробурчал: – Видно, не очень-то важны мы для своих...

– Раз снова готовятся наступать, значит, вчера не удалось справиться с амиотами, – озвучила свою надежду.

– Пробный шар не закатился, – цыкнул языком Игерь. – Я не удивлен. Сам видел, на что они способны. Но сегодня наши подключат тяжелую артиллерию в виде шоша, и амиотам конец. Иначе никак. За время в плену я понял, их не заставить подчиняться. Может, это дошло и до создателей тел? Впрочем, нам лучше о себе думать: как свои жизни отстоять и домой вернуться. К нормальной жизни!

– Тихо, – оборвала его, заметив целеустремленно шагающих к нам конвоиров.

Штурман напрягся, но я каким-то глубинным инстинктом угадала: они за мной. Уж очень недобро оба на меня уставились.

Отодрав край пленки, один из военных, пока второй держал побледневшего Игеря на прицеле, рывком поднял меня на ноги. Стараясь не морщиться от болезненных ощущений, с тяжелым комом дурных предчувствий в груди, медленно переставляя ноги, я побрела, куда молча подталкивали конвоиры. В палатку в центре лагеря...

– Стой. Жди, – бросив короткий приказ, один из бойцов шагнул в штаб, оставив меня перед входом, второй стоял рядом, караулил.

Сделав глубокий вдох, заставила себя успокоиться. Будь что будет.

Оглушающий шум крови в ушах стих, а из-за неплотно прикрытого полога стали слышны голоса беседующих. Особенно когда они их повышали. Вернее, орал кто-то один, и, судя по знакомым по экс-напарнику выражениям, это был рарк.

– Гр-р-раш вас раздери, полковник. Вы в своем уме? У нас остался только один шош! Второго вы благополучно просрали, отправив на вчерашний необдуманый захват. Убедили меня, что для него не опасно. А что в итоге? Что, я вас спрашиваю?! Молчите? Ну так я напомню. Амиот мертв, но и шош мертв. Один – один. Щ-щ-щедар! Не велика ли цена? И теперь вы хотите угробить оставшегося ради

сомнительного результата? Шоши – создания редкие и слишком ценные, чтобы ими так бездарно разбрасываться. Амиоты успели освоиться на планете, их с наскока не взять. Рисковать единственным козырем без четкого плана и гарантий?!

Видимо, ему что-то ответили, потому что сначала я слышала неразборчивое бормотание, а потом возмущенное:

– Не позволю! Ищите другие способы, которые дают стопроцентную гарантию, что шош не погибнет. Нет таких? Тогда будем обсуждать, когда их найдете.

Полог резко откинулся, и выскочивший рарк едва не сбил меня с ног. Похоже, даже не заметив этого, стремительно зашагал к своей палатке.

Зная взрывной и несдержанный характер этой расы, его поведению я не слишком удивилась. А приему, который на этот раз ждал меня, как раз наоборот.

– Заходи.

Не успела проводить взглядом удаляющуюся фигуру рарка, как из палатки появился военный. Он махнул моему сопровождающему, после чего, получив тычок в спину, я резво ввалилась в недра штаба.

В животе все сжалось, и голод был тут ни при чем: ожидала повторения вчерашнего жесткого допроса. Благо со слов Игеря уже представляла ход мыслей разведки.

Но вместо этого услышала вполне миролюбивое:

– Прошу вас, Троя, проходите. – Незнакомый мужчина в гражданской одежде несколько натянуто улыбнулся. При этом я буквально кожей чувствовала – он тут главное всех. – Присаживайтесь. Вот сюда, да. Водички хотите? Ну конечно, вот я дурень!

Он с нарочитой суетливостью хлопнул себя по лбу и схватил бутылку, одну из тех, что стояли на столе рядом с открытыми пайками. Начальство совмещало полезное с важным: завтракало и обсуждало планы одновременно. Свинтив крышку, буквально впихнул воду мне в руки.

– Пейте, пейте. Вчера мой ко... – он оборвал сам себя и выбрал иное обозначение: – полковник слегка перестарался. Перенервничал, сами понимаете. Мы все сейчас на нервах...

Проследив, чтобы я села, куда было указано, мужчина так и стоял рядом. За этой напускной заботливостью и бессмысленной болтовней

я неизменно ощущала пристальное внимание присутствующих, украдкой бросавших на меня взгляды. Но взор моего нынешнего собеседника пробирал до мурашек. В нем не было ни теплоты, ни даже намека на понимание. В глубине буквально прожекторского взгляда читалась жесткость и целеустремленность. Даже суховатая поджарость тела и обильно разбавленные сединой волосы не могли смягчить первого впечатления: волк в овечьей шкуре.

– Такая ситуация с этим преследованием... Еще и выжившие пленные обнаружили. Ответственность, знаете ли. Не все способны принять ее на себя спокойно, – продолжал разъяснять незнакомец.

– Спасибо. – Отмалчиваться не стала, к чему провоцировать агрессию?

Решив, что применять ко мне седативное смысла нет, отхлебнула воды – хоть чем-то наполнить пустой желудок.

Чем старательнее «штатский» оправдывался за вчерашний мордобой и отбитые ребра, тем отчетливей понимала – он играет в «доброго полицейского». Тем более что «злой» сидел здесь же, старательно делая вид, что происходящее его не касается. Еще трое офицеров, повернувшись к нам спинами, изучали виртуальную карту, развернутую над соседним столом.

Впрочем, не слишком ли категорично я рассуждаю? Почему ищу в каждом слове скрытый смысл или заведомый обман? Перестала доверять своим? Мне как бывшему представителю военной братии разве не очевидно, что именно так и должны вести себя с подозреваемым в измене? Без жестоких крайностей по возможности, но в целом? Военные ведут себя логично. И этот мужчина?..

Не таясь вглядывалась в его лицо, пока делала еще несколько глотков. Привычка доверять интуиции сказалась: что-то в нем и настораживало и располагало одновременно.

– С вашего позволения, я тоже присяду, – демонстрируя добродушие, мужчина опустился на пустующий рядом со мной стул. – Вы, должно быть, гадаете, кто я? И почему извиняюсь за вчерашнее?

Решив обходиться лаконичными ответами, сдержанно кивнула.

– Мне поручено курировать проект с амиотами, – не менее пристально наблюдая за мной, сообщил незнакомец. В глубине его глаз, ярко-зеленых, несмотря на возраст, при этих словах мелькнуло напряжение. – Ваш случай очень интересный, поэтому, узнав, что мои

подчиненные слегка... м-м-м... переусердствовали, – он едва уловимо поморщился, – я решил встретиться с вами лично.

– Понятно.

Спасибо штурману, привлек к моей невезучей персоне чрезмерное внимание.

– Скажите, Троя, вы рады, что остались в живых? На вашу долю выпало немало испытаний. Очень много людей погибло, большинство на ваших глазах.

– Рада...

Не совсем то слово, каким бы лично я охарактеризовала свои ощущения, но именно такого ответа ожидал собеседник.

– Механик «Перепелки» сообщил, что вы выжили благодаря амиотам. Без их опеки выдержать трудности полета на аварийном корабле и выживать на этой планете для землян стало бы невозможным. Неизбежная гибель для всякого представителя нашей расы в сравнении с той легкостью, с которой амиоты справляются с этими трудностями. Люди легко гибнут, да? Мы мало где способны выжить, не создав предварительно ресурсозатратной комфортной микросреды. Не слишком конкурентоспособная раса...

Главный задумчиво смотрел на меня. Все остальные молчали.

– Но вы сами создали такие совершенные тела и переселили в них сущности, усилив степень совершенства, – пожав плечами, выдала единственно верный ответ. Волнуясь из-за того, что наговорил штурман на мой счет, решила попытаться исправить впечатление: – Что до опеки, то Игерь неверно понял...

– Вы о том, что вам удалось установить с предводителем амиотов особый контакт? – перебил меня суровый собеседник.

– Ничего такого между нами не произошло! – отчаянно замотала головой, в душе опасаясь: они сочтут, что я важна для Кина!

Самой себе не хотела признаться: а что, если это правда? Вновь вспомнила его обещание всегда возвращаться за мной. Для эдайти это слабость, болевая точка, а кому как не бывшей военной знать: слабости противника нужно использовать в первую очередь.

– Дело совсем не в амиоте. – Губы мужчины растянулись в некоем подобии улыбки, которая, впрочем, не затронула расчетливого взгляда. – Дело в вас, Троя. Скажите, теперь вы им доверяете? После совместных испытаний. Сочувствуете? Оправдываете? И что скажете

по поводу мнения второго пленника, убежденного, что амиотов подчинить никогда не удастся? Что их можно только уничтожить.

– Вы будете пробовать? Попытаетесь поймать их, чтобы продолжить эксперимент, который проводился на станции?

Это дарило надежду, что эдаити не уничтожат, хотя в глубине души была уверена: Кин и его собратья не примут такого исхода, вновь продолжат попытки сопротивления.

Собеседник чуть откинулся на спинку стула, закинув ногу на ногу, скользнул взглядом вверх, невольно выдавая работу мысли. Выглядел он расслабленным, даже философствующим.

– А что такое, по-вашему, эксперимент? Есть ли у него границы и заданные рамки? Или важна лишь цель, и всякого рода издержки и побочные сложности в расчет брать не стоит? Особенно когда цель соизмерима с вопросом выживания целой цивилизации?

Нет. Он точно не военный, не в полной мере – уж наверняка. Его рассуждения не требовали ответа и больше всего напоминали идиомы фанатиков-ученых со станции. Впрочем, в незнакомце не чувствовалось их одержимости, скорее рассудительное терпение. А манера выжидать, так или иначе добиваясь цели, – это точно его.

У Кина непростой противник!

– Вы бы предпочли, чтобы мы их поймали и вернули на станцию для продолжения эксперимента? – продолжил мужчина. В душе крепла уверенность – вот он, серый кардинал эксперимента с эдаити. – Или полностью уничтожили, скрыв даже малейшее напоминание на существование амиотов? Если первое, вы готовы продолжить начатое и сотрудничать с нами, став посредником между ними и военными?

Вот оно! Наши взгляды встретились. Что происходящее в глубине души пожилого мужчины сейчас отражали его глаза? Не надежду же? Он таким образом давал понять, как меня будут использовать? Что будут, это очевидный факт.

– Не знаю... – ответ сорвался с губ раньше, чем я всесторонне его обдумала.

Доверия к недавним коллегам не было.

Гибель? Я точно не желала этого! Но и участи лабораторных мышей для эдаити не хотела. Смогла бы остаться рядом в таком случае, стремясь хоть как-то поддержать в жалком существовании? Нет, не выдержала бы, разрываясь между долгом и потребностью

способствовать их освобождению. Но третьего пути нет. Именно это сводило с ума, заставляя тревожиться о Кине и его собратях.

– Вам ведь повезло, – кивнув с понимающим видом, словно знал, о чем я думала, вдруг сменил тему собеседник. – Вы выжили, смогли продержаться в смертельно опасных условиях планеты до нашего появления. Вернулись к своим... Вопрос времени, когда окажетесь дома. Снова наступит нормальная жизнь, а ужасы пережитых испытаний со временем померкнут. Для нескольких сотен погибших на станции при побеге амиотов подобное невозможно. Вы же хотите вернуться к своей жизни?

Игерь твердил, что его единственная цель – вернуться к нормальной жизни. Ради этого он отчаянно рисковал, сделал все, чтобы осуществить свой нереальный план. Под давлением обстоятельств и постоянной угрозы со стороны эдаити сумел отправить призыв своим. Если вдуматься, безумно рискованный поступок, какое-то запредельное проявление мужества и стойкости. Он отчаянно и вопреки всему желал вернуться домой...

Почему я не думаю о том же? Я что, ненормальная и не понимаю, что надо стремиться оказаться как можно дальше от жутких монстров, за секунды высасывающих жизнь из мне подобных? Не понимаю, что жизнь на этой проклятой планете для меня невозможна? Ведь не будет же Кин до конца дней держать меня подле себя? Мало ли какие случайности, и тогда ультразвук убьет меня не намного медленнее, чем это сделал бы эдаити.

Где ответ? Я сошла с ума от пережитого? Или правда в том, что мне не к чему возвращаться? У меня нет и никогда не было дома, нормальной жизни в понимании штурмана и кого-то, кто действительно дорог.

Говорят, дом там, где близкие, где живет твое сердце. Как получилось, что мне ближе и важнее всех стал Кин? Непонятный, чуждый эдаити, пугающий и одновременно успокаивающий душу?..

Сумасшествие!

Распахнув инстинктивно зажмуренные глаза, встретила изучающий, немного отрешенный и холодный взгляд незнакомца. В той же расслабленной позе он наблюдал за мной, в глубине его глаз плескалось понимание. Он наверняка знал, что является моей слабостью, с абсолютной точностью нащупал мою болевую точку. Со

мной беседовал профессионал, способный читать людей словно открытые книги.

И этот факт тревожил: что он понял из того, в чем я и себе признаться страшилась? К чему были странные вопросы, что он пытался нащупать в моих мыслях, выстреливая невероятными заявлениями и наблюдая за моей реакцией?

Свои чувства скрывать мне не всегда удавалось.

Сотрудничество? Что они предлагают? И добровольно ли? Или, откажись я, заставят? Для них я лишь средство достижения цели.

Что до амиотов, то я достаточно видела на станции и ничуть не меньше после побега, чтобы осознать: никто и никогда не отводил им участи равных. Какое сотрудничество? Смешно!

Слепое орудие уничтожения, бессловесные и бесправные рабы, обязанные подчиняться и уничтожать заданную им цель. Вот и весь их удел и предназначение. Самоощущение и восприятие сознания эдайти никого из создателей телесных оболочек не интересовало. Орудие, способное усилить нашу цивилизацию, которая и будет им управлять. Не к этому ли клонил глава миссии по созданию амиотов, говоря о слабости нашего вида?

– Домой? Мне в это уже не верится, – призналась честно, не скрывая горечи. Казалось, между мной и реальной жизнью не миллионы световых лет, а непреодолимая пропасть из недоверия к своим и нежелания продолжать такое существование. – Что до амиотов, то... Эксперимент провалился, лаборатория разрушена...

– Ошибаетесь. – незнакомец смотрел на меня странно, как-то кровожадно, словно обдумывал идею скормить меня хищникам по кускам. – Все обратимо.

У него точно возникли планы на мой счет. И хорошего ждать не приходилось...

– Да зачем они уже вам?! Ну сбежали, что с того? Жалкая горстка... Не верю, что вы считаете возможным их использовать, не после того, как они вырвались на свободу. Проявите милосердие! – не выдержав, взмолилась, задетая за живое, действуя эмоционально, а значит, заведомо напрасно. – На этой планете амиоты никому не причинят вреда, а улететь с нее не смогут. Просто оставьте их здесь – сами сдохнут.

Но собеседник медленно покачал головой.

– У нас на амиотов другие планы, – тонко улыбнулся, словно подводя итог разговору. – Без них войну не выиграть.

– Какую войну? – опешила. – Разве мы сейчас с кем-то воюем?

Пугающий незнакомец не мог называть так преследование эдайти. При всех их возможностях о войне и речи идти не может.

– Нет, но все к тому идет. А без амиотов в этих усовершенствованных телах нас ждет поражение. Они единственные, кто способен уничтожать разом и физическое тело, и заключенную в нем энергетическую сущность. А наш потенциальный враг именно таков. Тем и страшен. И для обычного оружия практически неуязвим. Только тсс... – он приложил палец к губам, понижая голос. – Ты ведь понимаешь, что это секретная информация. И проект тоже.

Несколько секунд я ошеломленно молчала: мне раскрыли истинную причину создания амиотов? Намечается враг, что сочетает в себе две сущности? А ведь мужчина даже на «ты» перешел, чтобы показать, насколько велико его доверие, которое, несомненно, я должна оценить. Только у меня мысли были иные.

– Вы выбрали странный способ сделать амиотов союзниками. Пленили, ставили над ними опыты, издевались, теперь преследуете и стреляете, а не ведете переговоры и не пытаетесь объяснить похорошему или установить контакт...

– Не твоего ума дело, рядовая! – вмешавшись в беседу, не выдержал и оборвал меня полковник, стукнув костлявым кулаком по столу.

– Спокойнее, – одним взглядом утихомирил его тайный кукловод, дернув за незримые ниточки. – Девочке просто хочется разобраться, она запуталась и не понимает, кто прав, а кто не совсем. Верно, Троя? Ну вот, – ласково продолжил, когда я кивнула. – Мы всего лишь приучаем их к жестокому миру, в котором им предстоит существовать. Максимально быстро. У нас не так много времени. А амиотам считать нас союзниками или друзьями вовсе не нужно. Они должны всех ненавидеть. Бескомпромиссно. Люто. Яростно. Тогда нашего противника, который столкнется с оставленными на переднем крае обороны амиотами, ждет страшная участь.

– Противника?!

Я что-то пропустила? Он уже второй раз намекает на какую-то назревающую войну.

– Некие колонисты, – решив, что, сказав «А», надо говорить и «Б», сообщил мой «откровенный» собеседник. – Раса, с которой мы столкнулись в галактическом рукаве Персея, когда отправили в космос первую межзвездную экспедицию. И немного с ними... не ладили. С тех пор стало ясно – столкновение с колонистами неизбежно. Вопрос лишь в том, как скоро это произойдет. И будем ли мы готовы.

– Но амиотов так мало, – опешила я от такого поворота событий. – Вы настолько уверены, что этого количества хватит и они справятся... там, на рубеже?

Змеиная улыбка скользнула по губам мужчины.

– *Сейчас* мало, но... – сделал он ударение на первом слове и многозначительно подвигал бровями. – Мы ведь не просто так оставили в гибридных телах, которые получили амиоты, способность к размножению. Надеялись, что к моменту нападения их станет больше. Намного больше. Если бы эксперимент шел своим ходом.

– Они и их потомки вам нужны лишь как пушечное мясо? – возмутилась, проникнувшись участью Кина и его братьев. – Бросите в эпицентр боя, не заботясь ни об их желаниях, ни о морали, ни о том, что с ними будет после сражения?

– Ну какая забота или человечность, Троя? – неподдельно удивился истинный зачинщик всех проблем эдайти. – В глобальном масштабе такими категориями не рассуждают. Жалость к кому? К едва не уничтожившим половину галактики? С чего бы? Пусть хоть таким образом компенсируют причиненный вред. Помнишь о прежней войне? Ты была маленькой, но историю учила же. Знаешь о наших врагах? Кстати о врагах: тебе тоже нужно реабилитироваться. Чем ты занималась в плену, почему не погибла – одна из множества? Теперь должна доказать свою лояльность и верность земной Конфедерации и Содружеству планет, чтобы вернуться к нормальной жизни. Ты ведь этого хочешь?

Хочу? Опять он об этом!

Зажмурилась, до боли впиваясь обломанными ногтями в ладони. Все больше крепло понимание: не хочу! Ни прошлой, бесцветной и бесполезной, ни будущей... такой же. Кажется, единственное время, когда действительно жила – дышала полной грудью, позволяя себе любые эмоции и чувства в максимальном их спектре от лютой злобы

до невыразимого облегчения, я провела в плену рядом со своим похитителем.

Только Кин смог «разбудить» меня. Тот, кто сам не подозревал о чувствах, смог пробудить их во мне. Поначалу – ярость, ненависть. Позже – сочувствие, понимание. И наконец – доверие, уважение. Желание... Или даже больше...

Вспомнив свою реакцию на его поцелуи, признала: треклятый эдайти стал мне важен. Значим? Дорог?

Я не просто не желала ему гибели, а жаждала спасти его. Поэтому сотрудничать со своими не буду – наверняка за громкими словами лишь одно: сделать меня приманкой для эдайти.

Ну нет, только у меня есть право вредить Кину!

А после? Как я и предупреждала Игеря, лишние свидетели никому не нужны. В таком особенном проекте тем более. Не уверена, что мне позволят добраться до той самой прошлой жизни. Слишком двуличен мой собеседник, слишком умен!

– Нет.

– Что? – теневой представитель службы безопасности Конфедерации поднял бровь, явно не ожидая подобного ответа.

Обернулся к полковнику, в глазах которого читалось: «Ну я же говорил...» Остальные военные тоже зашевелились, в недоумении поднимая головы и обмениваясь взглядами. Все они предполагали несомненное согласие как единственно возможный выбор? После встряски накануне и неоднозначной доверительной беседы сейчас?

К чести собеседника, он быстро взял себя в руки, хотя мог бы и вспылить, и спокойно предупредил:

– Подумайте. Это единственный шанс и мое последнее предложение.

– Нет.

Для себя я уже решила: способствовать поимке Кина не стану. Остальное не в моих силах, но хотя бы поступила честно. Не лукавила и не юлила, не захотела сделок с совестью. Расплата? После того что уже испытала, меня даже смертью напугать сложно.

Лучше быть уничтоженной мстительными военными, чем потом всю оставшуюся жизнь испытывать запоздалое раскаяние. Даже если она будет недолгой.

– Что ж... – Пугающий представитель ведомства безопасности замолчал. Задумчиво уставился на мое лицо, словно паук, в чьей сети запуталась несговорчивая муха, и он решал, как именно ее съесть. Я выбилась из общей массы, продемонстрировав преследователям самую невероятную реакцию из возможных. Думал ли он сейчас о причинах, побудивших меня отказаться и предпочесть интересы амиотов своим? – Так тому и быть. – После значительной паузы, когда в штабной палатке повисла напряженная тишина, мужчина поднялся, давая понять, что разговор окончен. – Троя, мне интересно было поговорить с вами, но нет возможности терять время, как и дожидаться вашего согласия. Вы у нас в руках, следовательно, наше право использовать вас по собственному разумению. На этом все. Постарайтесь справиться со своей ролью достойно.

Улыбнувшись загадочно, но без намека на теплоту во взгляде, он отвернулся, потеряв ко мне всякий интерес. Мне же пришлось сделать пару глубоких вдохов, осозная суть сказанного: чихать они хотели на мое согласие! Или на несогласие...

Проводив мощную фигуру недавнего собеседника ошеломленным взглядом, испытала двойственное чувство. А человек ли он? Что-то в нем насторожило. Толком сама не поняла, но опыт общения с эдайти сделал свое дело, интуиция вопила: с этим субъектом все не так просто.

Зачем он завел этот разговор, зная, что все предрешиено? Желал узнать лучше, выяснить что-то конкретное или... просто составил собственное мнение о моей случайной персоне? Почему-то я осталась с парадоксальным ощущением, что серый кардинал из лагеря преследователей эдайти доволен! Мной, нашим разговором, даже моим выбором...

– На выход. – Обрывая мои судорожные мысли, в плечо толкнули недавние конвоиры, подводя окончательный итог встречи.

И разговор, и обещавший беззастенчиво использовать меня незнакомец оставили в душе осадок, казалось, у сегодняшних событий есть неведомая подоплека, которую я, увы, не уловила.

Не знаю, как планировали использовать меня военные, – планы полковника и компании остались неведомыми. Если бы согласилась – мне бы поведали о них? Впрочем, наверняка завесу тайны я приоткрою самолично.

Смену стратегии явившего мне себя кукловода, с деловитым вниманием принявшего мой отказ, я немедленно испытала на собственной шкуре, вновь прочувствовав ту степень безразличия и бесцеремонности, с которыми обращаются разве что со смертниками. Меня больше ни о чем не спрашивали, даже взглядов пристальных не кидали, как если бы я в один миг утратила всякую значимость, превратившись в кусок подпортившегося мяса.

Руки, заведя за спину, сковали наручниками, на шею надели энергетический ошейник, который обеспечивал послушание амиотов, когда те были подопытными на станции. Одежду не тронули, но, честно говоря, я уже была бы рада сама от нее избавиться – куртка, заскорузлая от грязи и пропитавшей ткань засохшей крови, раздражала. Брюки от скафандра испытания перенесли и были в лучшем состоянии, но и они не первой свежести. Радовали только ботинки – неубиваемые, рассчитанные на самые жесткие условия эксплуатации.

Вот только помочь сбежать или облегчить мою участь они не могли. Разве что ответственно удержали от падения, когда меня, практически за шкурку затащив в недра одного из транспортников, втокнули на скользкую платформу – гладкое металлизированное покрытие делилось на квадратные секторы пересекающимися между собой выступами.

Куда они меня тащат? Почему не вернули к Игерю?

Вопросы возникли в тот момент, когда меня волоком тащили по территории, закрытой защитным энергетическим куполом. Приподняв голову, мельком заметила штурмана, что все так же сидел между столбами за завесой из мутной пленки и с ужасом наблюдал за происходящим.

Едва конвоиры отступили, швырнув на подложку из прочной скользкой поверхности, я попыталась идентифицировать эту основу под ногами.

Что это за конструкция и в чем ее предназначение, могла лишь предполагать. Эта подложка находилась в грузовом отсеке транспортника! Мне предстоит перелет?..

Попытавшись выбраться за ее пределы, выяснила, что это невозможно. Не позволял ошейник. Он ярко вспыхивал и нагревался,

грозя сжечь шею и голову, едва я делала хотя бы шаг в сторону от центра платформы.

Поверхность под ногами завибрировала. Транспортник взлетал. Куда? Зачем? Ответов не было, но ощущение надвигающейся беды крепло.

«Кин! – Отчаянный мысленный вопль вырвался сам собой. – Если ты жив и слышишь меня... Пожалуйста, будь осторожен!»

Сейчас лишь этим я могла помочь мужчине, чью значимость для себя осознала так внезапно. Но желала ли я встречи? Нет! Я страшилась ее больше всего...

«И не ищи меня! Нельзя...»

После получаса жуткой тряски в закрытом грузовом отсеке створки пола без каких-либо предупреждающих сигналов разошлись в стороны, и платформа рухнула вниз. И все мое нутро словно оборвалось. Сердце ушло в пятки, и я точно обмочила штаны. С диким неконтролируемым визгом, из последних сил судорожно напрягая ноги, схватилась за единственное, что можно было использовать в качестве опоры, – тонкие трубы, поднимавшиеся на несколько сантиметров над поверхностью платформы и разделявшие ее на квадраты.

«Ма-а-амочки...»

Падение в бездну... Очевидно, в своей жизни я испытала еще не все ужасы.

Платформу от жесткого удара о землю, а меня от участи обезглавливания, когда среагировавший на кувырок тела ошейник сожжет шею, спасла воздушная подушка. Подняв тучу песка, она аккуратно опустила конструкцию, позволив мне удержаться. Когда пыль осела, а я отдышалась, перестав захлебываться воздухом, транспортника над моей головой уже не было – он ушел в сторону и завис рядом с верхушками столпоподобных кристаллов на границе леса.

Неловко из-за дрожащих от напряжения ног, едва ли в полной мере ощущая свое онемевшее от удара тело, я огляделась, присматриваясь к окружающему миру. Парализованное испытанным ужасом сознание с трудом реагировало на сигналы внешней среды. Несколько раз с усилием сжала веки и потрясла головой, прежде чем начала толком видеть и слышать. Сердце все еще стучало в груди как

ненормальное. Наконец поняла, что нахожусь с другой стороны леса, на холмистой равнине, где...

Где была последняя стоянка амиотов!

Теперь это место выглядело иначе. Изрытая глубокими воронками земля, покрытая трещинами почва... поле боя. Страшное свидетельство жестокости и целеустремленности, с которыми военные пытались вернуть тех, кого не смогли удержать и не научились контролировать.

С трудом сглотнув вставший в горле сухой ком, примечала новые и новые следы безжалостной расправы. Знал ли прежде этот мир такое губительное воздействие? Сумеет ли планета восстановить практически выжженный фрагмент собственной территории?

Все быстрее крутя головой, я страшилась увидеть, но с неизбежной обреченностью искала другое... Тела! Последнее свидетельство победного преследования амиотов.

Тел не было.

Как ни всматривалась, не увидела даже фрагмента совершенных оболочек эдайти.

Их все же поймали?..

Горечь затопила душу. Все зря. Кин пленен. Я же обречена.

Намеренно, в знак наказания оставлена здесь до ближайшего появления розового светила? Такие мысли пришли в голову. Мне предстоит погибнуть жуткой смертью, а ему... прожить жизнь, наверняка куда худшую, чем любая смерть. Для эдайти. Какой бы короткой она ни была...

— Троя!

Громогласный, мгновенно узнанный и такой невероятной силы рев, прокатившийся над долиной, заставил подпрыгнуть на месте. Сердце совершило кульбит, грозя выскочить из груди. Распахнув склеенные слезами веки, обернулась на зов.

Беглецы стояли на одном из дальних холмов — я не видела лиц, но невозможно было не узнать статные и мощные, как на подбор, фигуры эдайти на фоне горизонта.

Живы?!

Одуревшее от облегчения и счастья сердце снова неистово заколотилось о ребра. Да, живы!

Но...

Взгляд, сместившись, поднялся выше. В тысячный раз за сегодняшний день обмирая от ужаса, я увидела зависшие над ними штурмовые корабли. Они фактически окружили добычу. Ведь это была настоящая безжалостная охота на недавних пленников.

Мне предстоит стать единственным зрителем падения амиотов? В этом суть расплаты, уготованной военными?

Ноги подкосились, я рухнула на колени, каждый миг ожидая смертоносного залпа.

Однако штурмовики не атаковали, будто ждали чего-то.

Я снова посмотрела на эдайти и... все поняла, осознав коварство замысла военных. Как и собственную роль в нем, уготованную недавними коллегами. Я просто приманка.

От неспособности хоть что-то изменить стало плохо. Слезы хлынули из глаз. Я не думала о самоконтроле и сдержанности. К чему? Сердце разрывалось от муки, видя усилия, что прилагает Кин, стремясь ко мне. Оно оплакивало этого странного мужчину, ставшего самым дорогим во вселенной...

Глава десятая

Освобождение

Кин

«...ив и слы...»

«...уйста, бу...»

«...щи меня! Нель...»

Троя?!

От неожиданности я замер, блокируя иные источники сигналов и сосредоточиваясь на том единственном, которого не ждал. Толща земли над подземным лабиринтом так удачно обнаруженных пещер, которые мы изучали и осваивали, не мешала воспринимать происходящее снаружи. Однако голос Трои по-прежнему рвался, видимо, из-за близости кристаллического леса, разросшегося над экранирующей породой. И потому воссоздать полную картину происходящего было сложно.

Послушное тело действовало в синхронном ритме, получая информацию об окружающем пространстве с помощью имеющихся у него органов чувств. Но при мысли о Трое и оно начало сбоить: сердце забилося быстрее, дыхание участилось, слух и вовсе подвел, перестав доносить до меня шорох шагов собратьев. Мои оболочка и сущность сконцентрировались на одном – звуке голоса добычи.

Но почему я вообще слышу ее? Ведь женщина должна быть в зиянии со Щегом, Ришем и другими. Но нет, она определенно в одном со мной временном пласте, раз до меня долетают обрывки ее мыслей.

Несомненно, что-то пошло не так, раз я ее слышу.

«Враг активизировался, – сообщил Риз, укрывшийся наверху как наблюдатель. – Огибая лес, к равнине движутся два транспортника. Их сопровождают шесть штурмовиков».

Предсказуемо. Розовое светило только ушло за горизонт, а голубое готово вот-вот взойти. Мы были готовы. То есть я был готов ко всему, кроме этих внезапных мыслей моей добычи, которые обрывались на полуслове, не позволяя вычленить смысл. И главное, не давали возможности сориентироваться и определить местоположение Трои.

Почему я слышу только ее и нет никаких признаков присутствия собратьев? Что с группой, которая должна была укрыться в зиянии? Трою одну или их всех захватили преследователи? Другой версии у меня не возникло.

«Поднимаемся на поверхность!» – краткий приказ, и все эдаити следом за мной и Оршем покинули подземные укрытия, в которых провели ночь, самую напряженную с момента аварийного приземления на планету.

Пусть с вечерним появлением розового светила преследователи отступили, но мы продолжали контролировать происходящее снаружи. Окружающая темнота и прохлада подземных полостей этому способствовали – не на что было отвлекаться.

Мы не испытывали особой надобности в дополнительной защите, но приняли решение воспользоваться этими странными полостями. Постоянное движение на поверхности, когда час за часом приходилось бы уворачиваться от выстрелов, не было проблемой при скорости наших тел, тем более когда есть возможность мгновенного коллективного общения, а те из нас, кому оно недоступно, в безопасности в зиянии. Но на непрерывное движение тратится много энергии, а нам необходимо ее беречь. Этот фактор новой материальной жизни пришлось учитывать, шанс спокойно добыть пищу и восстановить потенциал оболочек может долго не подвернуться.

Поэтому мы дружно решили использовать полости: на эту ночь исключительно как временное укрытие, а в дальнейшем как объект для изучения. Очень уж любопытным оказался подземный лабиринт. Укрепленный, с несколькими дополнительными выходами кроме того, которым мы воспользовались первоначально.

«Стены гладкие...» – пришла невозмутимая мысль Орша.

Прежде чем устремиться на поверхность, мы на доли мгновения сосредоточили внимание на подземной пещере – одной из нескольких, уходящих в недра планеты. Подобно Оршу, прежде чем сделать шаг к выходу, я коснулся ладонью ближайшей стены, инстинктивно направляя небольшую волну энергии – привычка прощупывать все сознанием эдаити осталась в нас и с обретением материальности.

Да, стены гладкие, об этом сознанию сообщили кожные рецепторы, отреагировавшие на прикосновение. Что до энергетического щупа...

«Несинхронная вибрация», – подобно собратьям, я уловил резонирующий отклик на свою поисковую волну. И они тут же дополнили:

«Множественная пульсация».

«Похоже на жизненную энергию?»

«Глубже...»

Сосредоточенные на происходящем на поверхности, мы мимолетно отметили этот факт: что-то есть в недрах подземных пещер под нами. Что-то, обладающее жизненной энергией. Возможно, очередные подземные «горы»? Или черви? Но сейчас важнее было сосредоточиться на земле. Ведь там находилась Троя!

Оказавшись на холме, заняли позиции, удобные как для атаки, так и для маневров уклонения. Воздух, ставший холодным за ночь, осыпал нас белыми крупинками, которые Троя назвала «снег». Пора ультразвука прошла – розовое светило закатилось за горизонт, а голубое готовилось взойти. Небо, все еще темное, медленно светлело – по суточным ритмам этой планеты скоро наступит полноценный день.

Вопреки ожиданиям враг нападать не спешил. Штурмовые корабли неподвижно висели между нами и транспортниками, замершими над относительно ровным открытым пространством между двух холмов. Место отлично просматривалось с возвышенности, на которой мы расположились.

«Что они делают?» – спросил Хем, как и все наблюдавший за маневрами противника, казалось, враги потеряли всякий интерес к месту, где мы укрылись.

Оба транспортных корабля, как и накануне, опустились практически до земли. Один из них раскрыл нижний люк и сбросил вниз платформу, готовую трансформироваться в энергетические клетки, – мы без труда опознали это устройство.

«Опять?» – выразил общее недоумение Зак, повторение вчерашнего насторожило.

«Противник не понял своих ошибок? – удивился Шох. – Мы и эту платформу уничтожим так же легко».

«Они повторяются, – обобщил наблюдения Орш, – и это либо признак глупости, либо новая ловушка, замаскированная под старую. Расчитывают, что мы не разгадаем?»

«Вероятнее второе», – решил я и замер, вновь уловив близкое присутствие добычи.

В тот же миг из недр второго транспортного сбросили еще одну платформу. В центре ее, окруженная вихревыми потоками энергии, готовой вырваться за пределы конструкции, скрючилась Троя. «Ма-а-амочки...» – резанул по сознанию ее панический вопль.

Отличное зрение новообретенного тела позволяло мне и на таком огромном расстоянии отчетливо видеть малейшую черточку на побелевшем и искаженном диким ужасом лице женщины. Ее губы двигались – Троя кричала!

Ей больно?! Тело дернулось – потребность оказаться рядом возобладала до того, как я понял – ей страшно.

«Что с остальными? – Ладонь Орша опустилась на плечо. Я чувствовал напряжение, с которым он всматривался в мое лицо, зная о моей способности слышать добычу. – Рии?..»

Вот! Непривычная черта материального существования – мы стали выделять объекты, имеющие для нас особое значение. И во всех случаях это были женщины! Ну или эдаити, но неизменно антиподы по полу – в женских оболочках. Закономерность?

«Не слышу других...» Действительно, помимо моей добычи никого из группы Щега не было. Почему?!

«Их все же поймали?.. Нет! Живы!» – отчетливо донеслись до меня мысли Трой.

Она осознала наше присутствие. Поначалу вытянулась на дрожащих ногах, всматриваясь в нашем направлении, затем рухнула на колени с каким-то мученическим полустоном, и мое тело исторгло разнесшийся по округе громогласный рык:

– Троя!

– Кин!

Я услышал, хотя слышать ее мысленно было куда удобнее. Особенно сейчас, когда смятение и хаос из чувств и мыслей усложняли понимание – женщина сильно переживала? И почти сразу понял: из-за меня!

«Кин! Стой! Все стойте, это ловушка. Меня сделали приманкой, они хотят поймать вас, снова засадить в энергетические клетки, едва вступите на платформу. – Все это залпом выстрелило в ее сознании. Мысли метались, я с трудом успевал их фиксировать. – Вот

гадство! – Было похоже, что добыча ругает себя. – О чем думаю?! С чего решила, что они пойдут? Должна первым делом пояснить про других эдайти. Кин, они не с нами. Только я и Игерь попались, – она снова ругнулась в своих мыслях. – Вернее, сами пришли...»

Безусловно, все это имело значение: чем больше мы получим информации о действиях противника, тем лучше. Но состояние Трои мне не нравилось: зачем она так изнашивает тело, доводя себя фактически до иступления? Жертвует собой... ради меня?

«Риш и другие – в зиянии, они выполнили все, как ты говорил. До них не доберутся, поэтому не подходите ко мне! Это ловушка! Ловушка!»

Последнее Троя почти вопила, мысленно повторяя на все лады. Все полезное из этого сумбура – новости о собратях – я мгновенно ретранслировал Оршу и другим.

Появление Трои оказалось внезапным и несвоевременным – ее присутствие осложняло наши маневры, меня и вовсе ослабляло, принуждая растрачивать время и энергию на защиту добычи. Выбивало из стратегии, что мы выбрали: пока уворачиваться, избегая прямых столкновений с противником, но, наблюдая и оценивая его возможности, вынуждать тратить ресурсы. Условия планеты подходят нам больше, значит, измотать и ослабить преследователей – предпочтительнее. Логично было отталкиваться от этой данности. Пока не уловил близкое присутствие Трои...

«Кин, что ты творишь?! – Женщина заметила наши маневры по приближению, в мыслях ее волнами растекался страх. – Проклятье! Не иди за мной! Не ко мне!»

Да, преследователи, желая навязать нам свою линию действий, задумали что-то, чтобы переломить ход событий. Сделав Трою приманкой, они угадали. Впрочем, случайности неслучайны: очевидно, что они руководствовались моим интересом к женщине. Откуда у них это знание? Игерь сказал?

Мы издали изучали капкан, готовый захлопнуться и отрезать нас от свободы. Были словно на ладони, но штурмовики, зависшие в неподвижности, оставались на прежних позициях. Выжидали? Чего? Никто из нас не понимал. Единственный способ выяснить – проверить самостоятельно.

Атака, попытка уничтожить, загнать в угол или в ловушку, о которой пыталась сообщить Троя, – это было бы логично и объяснимо. Но противник не торопился, словно знал – мы тоже не станем действовать, пока не проясним их намерения.

Оповестил он о них необычным для нас способом: между двумя кораблями развернулся голографический экран.

Возникшее на нем изображение меня не впечатлило – еще один представитель чуждого мира. На фоне покрытой недавними взрывами равнины техногенное послание преследующей нас цивилизации смотрелось неуместно. Когда же незнакомец заговорил...

– Мы знаем, что вы нас понимаете. Поэтому рекомендую сначала меня выслушать, а потом действовать, иначе последствия могут оказаться не теми, на которые вы рассчитываете. – Короткая пауза, видимо, чтобы убедиться – мы готовы его дослушать, и продолжение:

– Мы дали вам тела, без которых вашей участью было бы вечное забвение в плену сырой энергии. Мы же можем и лишить вас их! Вчера один из ваших собратьев погиб, наглядный пример того, что вы уязвимы. Этого достаточно для демонстрации наших возможностей? Или может так же погибнуть пленница, которую вы захватили на станции. А когда из зияний появятся женские особи – а рано или поздно им придется это сделать, – мы уничтожим и их. Исход предопределен, любые ваши попытки сопротивляться – лишь небольшая отсрочка. Горстка амиотов не сможет противостоять сразу нескольким цивилизациям. Но нам не нужны лишние жертвы. Если вы без сопротивления спуститесь с холма и зайдете в клетки, все останутся живы. Наша цель – не уничтожение.

Усиленный техникой голос разносился над округой, я неожиданно осознал, что из груди вновь рвутся странные раскатистые звуки. Не такие мягкие, которыми организм реагировал на близость Трои. Иные – жесткие, резкие, не предвещающие ничего хорошего тому, кто окажется рядом.

Приходилось сдерживать привычную потребность сущности эдайти сокрушить противника, втянув в себя его жизненную энергию. Разум подсказывал, что поблизости нет доступных объектов для подпитки наших сил. Минус ограничивающего и сдерживающего эффекта привязки к телам, увы.

– Обдумайте, мы даем вам немного времени. Но помните: единственный для вас шанс жить – это подчиниться.

Вот почему они не атакуют, важно пленить нас живыми.

«Он искренне в это верит? – презрительно заметил Орш на последнюю реплику. – Что мы ради пленницы войдем в клетки? Добровольно вернемся в плен? И что исход предопределен?»

Безусловно, такой легкости в осуществлении планов мы преследователям не обеспечим. Скорее наоборот, будем противостоять им бесконечно долго, не способные оценить чужую логику.

«Они сделали выводы из нашего побега и вчерашней атаки, – спокойно констатировал я, мысленно примеряя к ситуации разные варианты развития событий. Для меня вопрос, нужно ли вернуть свою добычу или нет, даже не стоял. – Действуют на дистанции, не подпуская к нам тех, кем мы сможем восполнить растрченную энергию. А атакуй мы – это случится неизбежно».

«Возможности для нападения у нас нет – корабли слишком высоко, а летать мы не способны, – возразил Шох. – Не похоже, что сегодня будет наземная атака. Если хотим выманить их на поверхность, лучше уйти вглубь подземных пещер. Если так важно нас заполучить, они пойдут следом».

Шох мыслил верно. Но я был намерен уйти с Троей – другого варианта в моем сознании не было. Собратья это улавливали, но пока не комментировали, ожидая разъяснений.

«Они угрожают и эдайти в женских оболочках!» – Зак отметил значимое для всех.

«В этом есть опасность, – согласился Орш. – Судьба укрывшихся в зиянии непредсказуема: где и когда они вернутся, мы доподлинно не знаем. Если врагу повезет оказаться в нужном месте в нужное время, это приведет к неизбежному столкновению».

Он, конечно, думал о Риш. Шансы эдайти в менее функциональных женских оболочках при контакте с преследователями значительно ниже. Но рассуждать о неведомом и гадать, что только может быть? Нет, мы так не умеем.

«Как почувствуем их, так и решим, как действовать. Щег и другие тоже ощутят близость врага и не станут легкой добычей», – выразил общее мнение Шох.

Наши мысли вспыхивали и исчезали с такой скоростью, что вряд ли незнакомец, чье обращение нам транслировали, успел перевести дух. Непрерывные мысленные вопли Трои – *не верьте им, оставьте меня, уходите сами*, – я игнорировал, воспринимая как фон и подтверждение ее текущей жизнеспособности, больше сосредоточенный на диалоге с эдайти. Решение по моей добыче было принято сразу, едва я ощутил ее рядом, и обсуждению не подлежало.

Знал, что собратья поймут, пусть пока с толикой недоумения отмечают мое целеустремленное желание вырвать Трою из плена. Потому подтвердил:

«Да, на данный момент они в безопасности. Но мою добычу заберем с собой. Она тоже часть нашей группы. – Заблокировав общее восприятие, последнюю фразу адресовал исключительно Оршу: – Как Риш!»

Для нас этого было достаточно: если кто-то признавал пленницу частью общности, остальные принимали это – так происходит в нашей многомерности с новоявленными сущностями, таким останется для нас и в мире, куда мы попали. Признав среди своих значимость для меня Трои, я немедленно расположил к ней всех эдайти, не оставив сомнений: раз одному из нас необходимо вернуть добычу, другие помогут.

План действий уже оформился в моих мыслях. Эдайти погрузились в оценку и распределение функций, принимая на себя свою зону ответственности: каждый из нас знал, что необходимо действовать сообща, во всем поддерживая других. Нельзя получить оптимальный результат, если нет слаженности и согласованности. А потому...

Потому мы начали действовать: разделились на две группы, которыми привычно руководили мы с Оршем, и стали спускаться с холма.

Утренний холод сменялся дневным зноем. Двигались мы неторопливо, скорее медленно, желая создать у врага нужное впечатление покорной исполнительности и смирения. Одновременно совершали неявные маневры, чтобы разделиться.

Восемь эдайти во главе с Оршем понемногу отставали, делая вид, что ранены, изнурены и не могут быстро идти. Кто-то поскользнулся на клочке мягких кристаллов, кто-то запнулся, преодолевая глубокую

рытвину, оставленную взрывом. Неявно, но их продвижение замедлилось.

Моя группа сохраняла прежнюю скорость, двигаясь к практически беснующейся Трое – она то подскакивала, хватаясь за голову, то плюхалась вниз, закрывая лицо ладонями. А уж как вопила в своих мыслях...

«Маленькие корабли неотрывно следуют за вами, транспортники начали движение к платформам», – сообщил Риз, оставленный наблюдать за происходящим с вершины холма.

Острой необходимости в контроле со стороны не было – каждому из нас достаточно бросить сканирующую волну, чтобы вмиг обозреть окружающее пространство. Но мы берегли энергию. Для реализации замысла ее потребуется много. К чему напрасно расходовать, если можно получить информацию менее затратным способом?

Тактический ход... Наше преимущество – внезапность и непредсказуемость. Враг не может просчитать наши действия просто потому, что они не укладываются в его понимание наших возможностей. А когда осознает, будет поздно.

«Кин, что ты делаешь?! Остановись, умоляю! Не надо! Уходи!»

Беспокойная женщина. Ее мысли никогда не бывали монотонно-размеренными, но сейчас в голове Трои, следящей за нашим приближением, нарастала паника. Даже отчаяние. Ее мысли мне не нравились: чтобы нас вновь не захватили, она готова... погибнуть?

Слово со столь же загадочным смыслом, как и пресловутое «размножение», но ставшее более понятным после исчезновения Таса из навязанной оболочки. Оно вызывало отторжение и желание упорно противодействовать тому, что могло спровоцировать ту самую гибель Трои. Тело реагировало – в горле вновь рождались перекатывающиеся гортанные звуки. Кажется, я догадываюсь, они означают недовольство.

Несмотря на протесты женщины, следовать ее советам я не собирался. Она – моя добыча! Конечно, я ее не отдам, не позволю украсть или забрать у меня.

Моя группа почти бегом приблизилась к платформе. Песок под ногами сменился запыленным искусственным покрытием, под которым скрывались наполненные энергией устройства. Бессмысленная попытка не дать нам увидеть то, что содержит в себе

энергию, даже если это не живой организм. Когда-то для нас это вообще не играло роли...

– Кин! Ну зачем?.. – обреченно всхлипнула Троя, едва я шагнул на платформу.

Она уже не делала попыток дозваться мысленно, отбросив намерение утаить наше одностороннее общение.

– Я обещал вернуться.

Глаза добычи ошеломленно распахнулись, словно она не доверяла своему слуху. Я же, отвечая Трое, действовал стремительно, чтобы успеть преодолеть разделяющее нас расстояние и оказаться рядом до того, как сработают механизмы, рождающие энергетические прутья, и разделят нас по отсекам, как на станции. Важно было очутиться в одной ячейке с добычей.

Собратья обеспечили мне необходимые для этого мгновения, отвлекая внимание и заставляя противника медлить: они зашли в ловушку позже, не одновременно переступив границу будущей энергетической клетки. Возможно, запаздывала реакция у державшего руку на пульте управления, или же преследователям важно было заполучить всех нас, или нужно было проследить за нашей с Троей встречей. Или была иная причина заминки, только мне этого хватило.

– Троя!

Рванул добычу на себя. Сгреб в охапку, наблюдая, как под действием направляющего механизма пронзают воздух потоки энергии, формируя непреодолимую преграду и отрезая добровольных пленников от свободы. Внешне все выглядело как полное осуществление планов врага: первая группа оказалась пленена и разделена. Разрознена, разобщена, дезориентирована... Так полагал враг. Мы не спешили его разубеждать, покорно замерев там, где нас застали выстрелившие вверх потоки энергии.

– Задушишь, – тихо пискнула Троя.

Я не рассчитал усилия, с которым прижал женщину к своему телу. Ее сердце билось в ускоренном темпе, пальцы крепко вцепились в мои плечи, взгляд лихорадочно шарил по моему лицу. Реакция ее тела противоречила словам, которые Троя говорила ранее, – выходило, что она рада нашей встрече!

– Ты обманывала, – вслух отметил очевидный сейчас и возмущивший меня факт.

Добыча медленно сфокусировала взгляд на моих губах.

– О чем ты? – выдохнула и умолкла, поверх моего плеча со страхом глядя на медленно надвигающуюся на нас громаду транспортного средства.

– Когда просила не приходить за тобой, – спокойно пояснил, покосившись на корабль.

Вздрагнув, словно кто-то невидимый хлопнул ее по затылку, Троя резко переместила взгляд на мое лицо. В ее глазах отражались уже легко узнаваемые мной недоумение и ужас.

– Проклятье! – с нервным смешком, искажившим губы, прошипела почти в ухо. – Ты же не можешь говорить это всерьез?!

«Чертовы несмышленные младенцы с рефлексам киборгов, которых облапошить – как пирожок съесть», – билась непонятная мысль в ее голове.

Вроде она и рада, и не рада моему появлению. Как такое понять? Как вообще можно одновременно испытывать столь противоречивые устремления?

Не поняв сути ее вопроса, отвечать не собирался. Неуловимо-гневное сопение – Троя явно пыталась совладать со своими страхами и усмирить дыхание – меня не отвлекало. Привычно заинтересованный всем, что касалось поведения моей добычи, и обдумывая возникшую дилемму, я вместе с тем фиксировал действия и оценивал скорость, с которой опускалась вражеская техника. Транспортнику придется сесть на поверхность, иначе не поднять платформу с нами, а группа Орша, двигаясь с отставанием, еще только подходила к расположенной рядом и скрытой пока платформе.

«Приготовиться», – предупредил эдайти, хотя знал, сейчас никто из них не позволяет себе отвлекаться. Концентрация на первом месте.

«До контакта с платформой три... – облегчая нам задачу, начал отсчет Орш, – два... один!»

Все свершилось молниеносно, разом. С той же четкостью, с которой шел теперь уже прямой, а не обратный отсчет.

Один...

Троя с какой-то непонятной яростью вскинула глаза к небу, затемненному подбрюшьем корабля, мысленно убеждая себя не призывать всевозможные кары на головы «первобытных кретинов» – судя по всему, этими словами она обозначала нас.

Импульсы от сознания эдайти, что направляли уже в совершенстве освоенные тела, устремились к клеткам, обеспечивающим выработку энергии и обмен веществ в наших оболочках. Невидимая волна жара прокатилась от ног до макушки, подтверждая готовность к переменам, — все мы приготовились к переходу на быстрый режим, когда будем двигаться на пределе скорости, едва заметные человеческому глазу. При побеге со станции военным еще повезло, что тогда мы не могли в совершенстве управлять телами и координировать их взаимодействие с сущностью эдайти, иначе там вообще никто не выжил бы.

Транспортник опустился, распахнув створки днища и накрыв собой платформу, на которой мы стояли. Отряд Орша, только этого и ожидавший, вместо того чтобы покорно ступить на второе устройство-ловушку, мигом перегруппировался. Выпустив сущности эдайти, собратья выплеснули из себя весь запас доступной энергии, вливая в накопители, и без того наполненные до предела в ожидании активации. Моя группа поступила так же, атакуя дополнительным потоком силы энергетический каркас пленившей нас ловушки.

Я, действуя на опережение, страхуясь на случай неминуемой активации, вытянул всю энергию из ошейника Трои, чтобы окружить наши тела защитным коконом. Сам не боялся пострадать от волн растекающейся во все стороны силы, но за добычу опасался — тело женщины куда более хрупкое.

Два...

Обе платформы разорвало в клочья, когда переполненные аккумуляторы взорвались, породив мощнейший вихрь, но наши тела успешно ему противостояли. Троя, едва успевшая опустить гневный взгляд, взвизгнула от неожиданности и вжалась в мое тело, настолько молниеносными и непонятными для нее стали перемены. Это оказалось удобным, и я тут же сорвался на стремительный бег, намереваясь переместить добычу в безопасное место.

Собратья, и те, кто были с Оршем, и те, кто со мной, вырвавшись из недолгого плена за контуры разрушенной платформы, бросились внутрь приземлившегося транспортника. Как и намеревались...

Три...

Стремительно, насколько позволяли возможности оболочек, мои собратья рванули на abordаж, атакуя ставший доступным корабль.

Абордаж – слово, возникшее в мыслях ошеломленно наблюдавшей за происходящим Трои, как нельзя лучше характеризовало захват транспортника, не сделавшего и попытки взлететь, – управлявшие им пилоты не успевали реагировать на наши маневры.

– Граш-ш-ш... – сипло выдохнула женщина на моих руках, очевидно, только обретя способность говорить, но тут же смолкла, задохнувшись от зрелища прямого столкновения эдаити и ее соплеменников. – Ох, нет... Только не это...

Тех, кто вставал на нашем пути в попытке остановить, выпущенные наружу сущности эдаити выпивали мгновенно, пополняя растраченные на разрушение клетки запасы. Это было правильно – не мы напали первыми, они вынудили нас опустошить себя энергетически, теперь пришло время вернуть назад отобранное. Во всех смыслах!

– Нет! Остановитесь! – Троя билась в моих руках, силясь докричаться.

До моих братьев? Или до своих?

Последних оказалось мало – безжизненные уже редкие тела проваливались сквозь раскрытый люк-днище, падали на желтоватый песок и оставались позади, пока все эдаити неуклонно продвигались к кабине управления.

Я же, одной рукой удерживая колотящую меня в плечо кричащую женщину, в пару прыжков оказался в недрах транспортника, другой рукой вцепился в скобы, служащие для фиксации грузов в отсеке. Поверхность под ладонью задрожала – кто-то из противников наконец сделал попытку запустить механизмы корабля, но он катастрофически опоздал.

Прикрыв глаза, я сосредоточился, силой эдаити отслеживая происходящее вокруг и координируя наши действия с действиями захватившей корабль группы Орша. Полную картину получать не удавалось. Возможно, из-за близости леса, под покровом которого скрывалась экранирующая энергию порода.

– Кин! – заорала мне в ухо Троя. – Прекратите убивать!

– Да, – спокойно согласился, прислушиваясь к состоянию братьев. – Энергетический запас восстановили, больше добычи не требуется.

Паника, накрывшая ряды врагов, была заметна во всем. В том, как громко они орали, отдавая бессмысленные приказы. Как суматошно метался в попытках уклониться от контакта с нами оставшийся десант, облегчая задачу выдворения всех выживших на поверхность планеты. Подберут их свои или нет до наступления розового заката – не наше дело.

Штурмовые корабли, реагируя так же нервно и запоздало, начинали стрелять и тут же прекращали, опасаясь разрушить свой транспортник или уничтожить своих же соплеменников. Очевидно, что первоначальный план противника с треском провалился, а понимания, как действовать в сложившихся обстоятельствах, не было.

Но уже через несколько минут, за которые эдаити полностью завладели кораблем, транспортник содрогнулся от очередного огневого залпа. Ясно, решение принято. В отчаянии враги выбрали единственный доступный им вариант воздействия на нас – уничтожение собственного корабля.

Троя затихла, напряженно сжавшись, поверх моего плеча наблюдая за последними, поспешно выпрыгнувшими на песок членами экипажа. Пленники сейчас стали бы обузой, а так... оставался шанс, что их близкое присутствие сдержит огонь противника. Впрочем, анализ предыдущих действий военных подсказывал, что они легко пожертвуют своими.

Прощупывая пространство силой сознания, я внутренним взором видел, как корабли готовятся к новому залпу. Одновременно, касаясь обшивки, сканировал недра нашего укрытия, выясняя, есть ли здесь устройства, что могут атаковать в ответ.

Увы. На транспортнике не оказалось ни орудий, ни даже силового экрана, которым можно окутать корабль, чтобы снизить урон. А прочность материала стен в сравнении с первым захваченным нами кораблем невысока.

«Нужно вернуться в подземные полости. Там нас не достать», – решение пришло мгновенно. Столь же быстро, как и последующие действия собратьев, взявших под контроль управляющие и движущие механизмы захваченного объекта. Все точно знали, что в этот момент нужно сделать.

– Военные стреляют... – воспринимал я и сиплый шепот Трои, прижавшейся ко мне и вздрагивающей при каждом новом огневом

залпе по обшивке. – Как же те, кто снаружи? Они погибнут... Мы погибнем...

– Нет, – заверил ее насчет последнего, продолжая концентрироваться на заработавших на полную мощность двигателях.

Им предстояло переместить машину транспортника к месту нашей сегодняшней ночевки. Что в условиях прицельного обстрела непросто, слишком уж неповоротлива летающая громадина. Стены грузового отсека под давлением огня плавились и рвались на фрагменты, разлетаясь по помещению. Скобы под моими руками шатались и дребезжали, каждый новый залп сопровождался изрядной тряской и приносил неизбежные повреждения. Свет мигал красным, сирены выли, мимо проносились то куски обшивки, то крепежного оборудования, грозя Трое травмами. Занятый наблюдением за противником, я неизменно отслеживал состояние окутывающего наши тела защитного поля, не допуская его истощения раньше времени.

«Скорость приближения к цели достаточна, чтобы оказаться над нужным местом до разрушения обшивки. Но сохранить технику не получится», – Орш, занявший рубку управления, сообщил самую актуальную информацию. Очевидно и по существу – собрата и материальность не изменила.

«Она нам не нужна. Слишком непрочная и негодная для сохранения и перемещения физических оболочек в космосе. Захватим крейсер, когда придет время», – решил я, вновь бросая сканирующие волны, охватывая внутренним взором происходящее снаружи.

Окружившие транспортник обстреливающие его корабли. Огненные вспышки – одна за одной...

Риз, по-прежнему наблюдавший из своего укрытия и дополнявший для нас картину боя...

Эдайти, рассредоточившиеся по кораблю...

Неспешно ползущий под днищем транспортника склон холма. Последнего, за которым равнина и...

«Все вниз!» – краткий приказ Орша, и скрежет натужно расползающихся створок искореженного днища, которые тут же снесло очередным залпом.

– Закрой глаза, Троя.

Разжав пальцы, я рухнул в огненное облако вместе со своей добычей, прижав ее лицо к груди и перекрыв обзор – не было

уверенности, что женщина выдержит зарево обстрелов и зрелище падения в пропасть. Вокруг полыхнуло, защитный кокон лизнуло яростное пламя: плазма – та самая сырая энергия, которую невозможно в себя втянуть. Но благодаря защите вреда ни мне, ни Трое она не причинила. Куда больше неудобств доставила сила удара – прыгать пришлось с высоты. Мы рисковали, не будучи уверенными, рассчитаны ли на это тела.

От удара о землю Трою в моих руках вскинуло вверх. До этого глухо скулившая мне в грудь от ужаса она завопила во весь голос. С силой притянув добычу к себе, оценил силу удара, едва не сломавшую кости ног, на которые я по возможности пружинисто приземлился. Но тут уж оболочка показала себя лучшим образом – выдержала.

Создатели наших тел перехитрили сами себя!

Такая отчаянная демонстрация физического превосходства словно подхлестнула ярость противника – выстрелы стали непрерывными. Только эдайти с невероятной скоростью и обостренным слухом новообретенных тел оказались проблемными мишенями – собратья не приметными тенями метнулись в стороны.

– Ки-и-ин! – голос Трои звучал столь высоко, что походил на непрерывное дребезжание.

Круговерт сражения и встряска за встряской определенно на нее повлияли. Но все, что я мог сейчас, – защищать свою добычу, крепче прижимая к себе.

– Терпи. Еще немного, – не вполне уверенный, что она расслышит, бросил в ответ, увернувшись от разряда, пропахавшего землю рядом со ступнями.

Пара стремительных прыжков под нескончаемую канонаду, и я следом за собратьями нырнул в темноту ближайшей полости, спасаясь в уже знакомом подземном лабиринте. Сюда попадали лишь всполохи от огненных вспышек, а поверхность над нашими головами содрогнулась, осыпав песком, лишь когда покинутый нами транспортник врезался в землю.

Троя, почти окаменев от напряжения, вцепилась в мои плечи, слепо озираясь в темноте. Я же, как и все эдайти, видел окружающие поверхности, но в них не было ничего примечательного. Мы быстро, но осторожно спускались, уходя глубже по подземным переходам,

оглушающий грохот выстрелов какое-то время преследовал нас, но в итоге стих.

«Враг отходит, – донеслось сообщение оставшегося на поверхности Риза, – второй транспортник и шаттлы улетают на базу».

«Даже не попытались преследовать?» – не сдержал разочарования Шох, стычка на транспортнике только раззадорила азарт хищника.

«Им нечем атаковать. Десант в достаточном количестве они с собой не захватили, надеясь на успех шантажа и ловушки, а снаряды шаттлов пробить землю и достать нас не могут», – высказал верную мысль Орш.

«Но это временное отступление, они вернутся, и будет новая атака», – дополнил я очевидное: наши преследователи так легко не отступят.

«К чему ждать? Ударим по ним первыми? Сейчас! – воодушевился Зак. – Можно перехватить инициативу и напасть, пока враг деморализован, восстанавливает силы и не готов к отражению атаки».

«Без способности к полету? У нас не будет преимуществ», – приглушая его энтузиазм, резонно парировал Орш.

Вот только меня куда больше воинственных планов заботило состояние Трои – сердце ее билось излишне учащенно, а сама она вела себя нехарактерно тихо. Сосредоточившись на шуме ее крови, я вдруг уловил непонятный отдаленный звук. Шорох? Легкие шаги?

«Тсс... Что это?» – послал сигнал спорящим собратьям, и все немедленно остановились, застыв на месте и прислушиваясь.

Однако непонятный звук больше не повторился, а сканирующая волна вернулась ни с чем. Решив заняться этим позже, я решительно пресек обсуждение заведомо проигрышной сейчас стратегии:

«Ударим позже, с утренним ультразвуком. Он заблокирует врага на базе, не позволяя выйти за ее пределы. Защитный купол лагеря – ловушка, в которую они сами себя загнали, надо лишь разрушить его. А пока необходимо дать отдых телам. Устраиваемся на ночлег».

Очередной проход привел нас в широкую пещеру, где мы ночевали вчера. Сюда же перетаскили становившийся все более скудным запас вещей, прихваченных с транспортника.

«Нис, возьми еду для Риза и отправляйся на поверхность». – Орш на случай непредвиденных действий противника оставил снаружи наблюдателя.

Возражений не последовало – Нис, прихватив паек, повернул обратно. Другие эдаити быстро оценили преимущества моего предложения, перейдя от разговоров к действиям – следовало подпитать ресурсы оболочки сном и материальной пищей.

«Спроси свою добычу про Риш, – пришла адресованная только мне мысль Орша. – С ним все было в порядке перед провалом в зияние?»

«Позже», – заверил собрата, не время заводить об этом разговор. С Троей что-то было не так. В мыслях ее царила непонятная пустота, как если бы она была без сознания, при этом я отчетливо видел устремленные в никуда широко распахнутые глаза.

Как она воспринимает окружающую обстановку? Темнота, незнакомое подземелье, отсутствие еды, питья и места для отдыха. Для нее все выглядит... Пугающе?

«Нужен свет. Разведите огонь, – обратился с просьбой к собратьям, желая развеять для Трои окружающий мрак. И пояснил на дружное молчаливое недоумение: – Приготовим жареную еду из остатков мяса, и моей добыче так привычнее».

Шох и Зак приступили к выполнению, осознав подоплеку моего странного желания.

Горючие пластины, что использовал Игерь, еще имелись, и через несколько минут посреди облюбованной нами пещеры засверкал огонь.

– Троя?

Осторожно спуская с рук и устраивая женщину на камне поблизости от костра, заметил, что ее взгляд приобрел осмысленность, сфокусировавшись на язычках пламени. Чуть расслабившись, она медленно выдохнула:

– Ч-что?

– Тебе страшно?

Отличительная черта этой женщины, она неизменно пугалась и переживала. Но меня это скорее забавляло, чем раздражало.

– Немного, – с заминкой подтвердила Троя. – Когда мы рухнули в... яму, подумала... – она снова замялась, сделав глубокий вдох. – Это

как быть живьем замурованным в могиле. Жутко...

Догадка оказалась верна: в темноте добыча чувствовала себя неуютно.

– Троя хочет есть? Пить? – Не поняв смысла ее слов, переключился на более привычные потребности. Возможно, за рутинными занятиями она оживится?

Отойдя к контейнерам с запасами пищи, женщину из вида не терял.

– Не знаю, – отреагировала она довольно вяло. Обхватив себя руками за плечи, неожиданно тихо позвала: – Кин?

– Я тут. – Подхватив последнюю нераскупоренную бутылку с водой, вернулся к Трое.

– Можешь... посидеть со мной?

Сердце женщины все еще билось часто. Устроившись рядом, протянул воду.

– Попей.

Потворствуя глубинному порыву, обхватил рукой ее плечи, притягивая к себе. Троя выглядела как-то надломленно – измученной и незащитной, чем провоцировала потребность прикоснуться. Рука взметнулась, устроившись на голове добычи, и плавно заскользила вниз по спутанным волосам. Чуть зарываясь кончиками когтистых пальцев в копну женских волос, я старался осторожно распутать невесомые узелки, разгладить прядки. Такое увлекательное занятие!

– Я должна что-то сделать? – голос Трои звучал напряженно, в руках она теребила бутылку, не отводя глаз от огня. – Рассказать детали? Сведения о военных?

Никакого желания делать предложенное в ней не чувствовалось. И это я понимал. Все понимали. Тишину нарушал только треск огня и наш шепот – собратья, кто не устроился для отдыха, а занимался приготовлением белковой еды, все делали бесшумно.

– Расскажи об эдайти, с которыми вы с Игерем ушли. Риш, Щег и другие. Они не встретили на пути опасностей?

Конечно, наш разговор слышали все. Другое дело, что только сейчас он заинтересовал остальных эдайти. Орш так и вовсе затаил дыхание.

– Нет, только о вас волновались: доносилось много отзвуков взрывов. Риш очень смелая. – Троя неизменно воспринимала нашего

собрата и других подобных как особей одного с собой пола, реагируя на внешнее впечатление от оболочек. Это уже становилось привычным, не вызывая прежнего отторжения: раз эти тела уступают функционально, нам придется их выделять. Пусть будут эти материальные разделения – мужчины и женщины. – Поддерживала нас с Игерем и, когда военные, наводнившие лес, оказались совсем близко, одна из последних, держась за руку Щега, шагнула вместе с ним в зияние.

Добыча, конечно, этого не заметила, но на последних словах Орш в отдалении темного угла вскинулся, сверкнув глазами и не сумев полностью подавить такие знакомые мне раскатистые звуки, рождающиеся в груди. Он не обрадовался услышанному. Вспомнив уединение с Троей в зиянии, я его понял – не хотел бы оставить ее там с другим. Почему представил это только сейчас?

– С тобой плохо обращались военные?

Вопрос имел иную цель. Отвечая, Троя начала невольно думать о произошедшем, позволяя мне получить представление о событиях вчерашнего вечера и сегодняшнего утра. Особенно отметил для себя промелькнувшие детали внутреннего обустройства и организации лагеря, поведение Игеря и облик лидера преследователей.

«Не человек, – вынесло уверенный вердикт сознание эдайти. – Кто-то чуждый в подобно нашим искусственно созданном теле? Интересно...»

– Н-нет, – ожидаемо неуверенно отозвалась добыча. И уже сама задала вопрос: – Так у вас был план? Вы не просто бездумно явились за мной?

– Захватить себя не позволим. Мы знали, что заберем тебя и уйдем, – подтвердил я догадку, убирая за ухо женщины несколько прядок, соскользнувших на лицо. При этом подушечки пальцев чуть задержались, поглаживая ее по мягкой щеке. Вот такие неведомые прежде порывы провоцировало близкое присутствие добычи.

– Понимали, что там ловушка?

– Да.

Ноздри Трои затрепетали, реагируя на растекающийся по пещере аромат жареного мяса. Невольно сглотнув, она подтвердила мои подозрения: ее не удосужились накормить в плену, что не добавило мне терпимости в отношении преследователей.

Осторожно высвободив ладонь из женских волос, одним движением оказался на ногах и отправился за едой для своей добычи. Голодать ей не позволю! Рядом со мной Троя всегда будет обеспечена пищей.

– Ешь.

Едва готовый кусок мяса оказался в руках, Троя буквально накинулась на него, демонстрируя повадки голодного эдайти. Мне же захотелось немедленно переловить в лагере военных всех, от странного лидера до последнего вояки, и выпить всю их жизненную энергию.

Увы, в материальном теле, это нереально. Если только... растянуть удовольствие? Впрочем, вспомнив реакцию Трои на сегодняшнее столкновение собратьев с военными, понял, что не обрадую ее своим аппетитом. А хотелось именно радовать...

От неожиданной мысли восторженно вскрикнул, словно ощутил невидимый хлопок по затылку. Вот это новость!

В полутьме наблюдая, как, едва жуя, добыча глотает куски жареного мяса, сам ощутил голод. Вот только не материальной пищи мне хотелось... Скрытый за сомкнутыми губами язык задвигался, реагируя на сильнейшую потребность смахнуть мясной сок с губ и подбородка женщины.

Сдержав порыв и не подумав. Улучив момент, когда Троя, проглотив кусок, потянулась за другим, перехватил ее подбородок. Миг – и к приподнятому лицу устремились мои губы.

Смакуя, поначалу неспешно, подбирая каплю за каплей, очертил языком контур женского рта. Троя замерла, глаза ее широко распахнулись, зрачки расширились. Сердце добычи вновь затрепетало, но совсем не так испуганно, как билось недавно. Она медленно выдохнула, позволяя мне ощутить жар дыхания.

Глаза закрылись сами собой, усиливая концентрацию на ощущениях. Так... вкусно. В практическом смысле вкусно...

Мои губы, отринув недавнюю осторожность, уверенно пленили рот Трои. Вкус добычи смешался с привкусом мяса. Мягкость и податливость женских губ совершенно обезоружили – будто впал в забытие, перестав слышать и реагировать на окружающий мир. Только прикосновения. И поцелуй...

Стоп!

Что это? Что насторожило? Снова этот отдаленный звук. Шорох? Точно шаги!

С ощущением разочарования резко отстранившись, я замер, прислушиваясь к сигналам тела. Острый слух позволил уловить едва слышный скрежет камней друг о друга. Словно по ним кто-то ступал!

Реагируя на звук, вскинулись все эдайти. Лишь Троя, наконец расслабившись после еды и поцелуев, смотрела безмятежно, не подозревая о приближении... Кого?

Действовать шумно и суетливо – не про эдайти. Мы приготовились к встрече с любой угрозой, но внешне это никак не проявлялось. Мне же и вовсе не хотелось напугать Трою резкими необъяснимыми маневрами, она только-только успокоилась.

Сканирующая волна, которую я, как и остальные собраты, направил в сторону источника шума, вернулась со слабым отражением нечеткой пульсации. Никакой конкретики, нечто непонятное. Но! Мы такую уже ощущали прошлой ночью, когда пытались «прощупать» эти ходы. В тот момент изучить ее возможности не было, но сейчас...

«Что это? Слабый след какой-то жизненной энергии? Той самой?» – высказал общее недоумение Зак.

«Слишком слабый для таких шагов...» – возразил Рух.

С этим все были согласны: слух уверенно подсказывал – приближается довольно крупное существо. Но как оно может иметь столь малый энергетический потенциал?

Глазами впились в темный проход, оттуда ощущался слабый поток энергии. Если существо и кралось, то безуспешно – его выдавало дыхание. Да и шаги раздавались все отчетливее, позволяя определить, что оно двуногое, судя по ритму.

Троя наконец заметила, что общее внимание сосредоточено на дальней стороне пещеры, и тоже обернулась, щуя глаза и старательно всматриваясь.

– Что там? – Ее шепот был единственным в тишине пещеры и поэтому прозвучал громко, эхом отразившись от стен. Тут же было озвучено и первое предположение: – Хищник?!

– Не дум... – начал было я и осекся, увидев незваного визитера.

Что?! Откуда?..

Из темноты на камни, слабо освещенные догорающим костром, но дающим достаточно света, чтобы и Троя смогла увидеть, ступила

нога...

– Ой... – резко вскрикнула моя добыча, от изумления замерев на месте. – Кто это?

Не отрывая взгляда от неожиданно появившейся перед ней особы, Троя заерзала, сдвигаясь назад.

«Галлюцинации?! Что за ерунда?! Кто это вообще? Аборигенка? Местная раса гуманоидов? Почему тогда выглядит как человек? И откуда здесь взяться человеку?» – хаотично метались в ее голове мысли, выдавая абсолютную растерянность.

«Женщина!» – обменялись мы с братьями коллективным выводом, продолжая спокойно наблюдать – пока никаких агрессивных сигналов существо не подавало.

Это точно была женщина. Подобная Трое физически, разве что с более изношенной оболочкой. Мы с одинаковым непониманием рассматривали визитершу. Откуда она здесь? Даже если предположить коварный маневр противника, как она смогла приблизиться с внутренней, глубинной стороны?

«Риз, – Орш уже подстраховался, – никакой активности преследователей поблизости не заметил? Возможно, небольшая, внезапно пропавшая из вида группа? С женщиной в составе?»

Наши ментальные щупы не зафиксировали других входов и выходов из этих подземелий, но и визитершу мы обнаружили слишком поздно. За этим снова крылось что-то, способное нейтрализовать силу сознания эдайти?..

«Нет, – собрат ответил мгновенно. – Никто не приближался».

Еще странность – одежда на незнакомке была не из ткани, а из какого-то иного темно-бурого материала. Именно она блокировала наши исследующие пространство сканирующие волны, выдавая лишь слабый отклик жизненной энергии от неприкрытых участков тела – лица, шеи и кистей рук.

Мои братья были озадачены – я чувствовал их попытки разобраться и понять необъяснимое. Однако строить предположения, не имея данных, бессмысленно, поэтому мы просто ждали следующего шага незнакомки, готовые в любой момент ее обезвредить.

На какое-то время в пещере установилась абсолютная тишина: мы, включая и Трою, не сводили с женщины изучающих взглядов, она в свою очередь с явным напряжением на лице рассматривала каждого

из нас. Взгляд ее вновь и вновь возвращался к моей добыче, и, когда она заговорила, обратилась именно к ней.

– Вы же понимаете меня?

Троя, помешкав, кивнула.

«Юниверсл... обычный универсальный язык для Земли и ее колоний», – анализировала она в своих мыслях.

Мы же с собратьями отметили еще один аспект, несомненно, важный для всех материальных и оказавшийся безразличным для нас. Звуки, которые используются для обозначения, мы одинаково понимаем, воспринимая связанные с ними образы. Даже если они произносятся на разных языках.

– Как хорошо. – Незнакомка переступила с ноги на ногу, бросая на меня и собратьев настороженные взгляды. – Вчера, когда они, – жестом указала на эдаити, – появились в наших пещерах, то только молчали. Но сегодня среди них есть ты. И мы слышали речь. Поэтому я решила, что мы должны проявить себя, вступив с вами в контакт.

– Но кто вы?

Троя говорила замедленно – в ее мыслях преобладали растерянность и неверие. Мы же отметили очевидное упущение: некто разумный был так близко, но мы не заметили, полностью сосредоточенные на внешней угрозе. Вновь материальный мир указывал нам на ошибочность излишней самоуверенности.

– Мы – потомки одной из экспедиций, организованной Землей и достигшей планеты. Третье поколение выживших, если точнее. Не ожидали спустя столько лет увидеть в наших пещерах кого-то еще, тем более человека. А они?.. – женщина замялась, волнуясь, и осторожно указала на нас. – Это же не... люди?

«Слышал бы ее Игерь...» – следуя какой-то своей логике, моя добыча мимолетно вспомнила штурмана. Но действия ее оказались направлены на меня: развернувшись и подавшись ближе, Троя просунула свою руку под мою, обхватив локоть. Демонстрация близости? Доверия?

– М-м... – не сразу нашлась со словами, все еще с трудом веря в реалистичность происходящего и стремясь избежать конкретики. – Люди научились искусственно выращивать тела. Мои спутники как раз с такими телами. Не бойтесь, они не причинят вреда.

– Впрочем, на последних словах ее голос неуверенно дрогнул, а мысленно она взывала ко мне:

«Кин? Вы же не уничтожите их?!»

Поймав взгляд Трои, я моргнул: да, не станем.

Если эта женщина и те, кто с ней, не затронут наши интересы, нет смысла в их истреблении. Их энергия нам не нужна, а сама незнакомка и информация, которой она обладает, могут оказаться полезными.

– Вас много? – вернулась к первоначальной теме Троя. Этот вопрос интересовал и нас. – Удивительно вообще встретить тут выживших. В Конфедерации считают эту планету непригодной для жизни людей. Экспедиция, направленная сюда, пропала бесследно, а переселенцы, которые попытались приземлиться, отправили послание с предупреждением... – Спohватившись или устав смотреть на женщину снизу вверх, Троя торопливо предложила: – Садитесь же, чего стоять? Расскажите, как получилось, что кто-то выжил?

Определенно, именно моя добыча вызывала наибольшее доверие у незнакомки. С нами она и не пыталась разговаривать, хотя после разъяснений Трои немного расслабилась И присела у огня, расположившись на камне, который освободил Орш. При этом он старался двигаться медленнее. Причину мы знали – собрат не хотел ее напугать.

– Наша община насчитывает сорок восемь человек, из них тридцать два взрослых. Этот мир очень суров, даже сейчас забирает много жизней, что же говорить о времени, когда наши предки ничего не знали о планете? Мои прародители и остальной экипаж, отправившие то предупреждение, поторопились. Тогда казалось, что спасения от убивающего звука нет. – уголки губ незнакомки скорбно опустились. – Часть людей выжила, только обнаружив эти пещеры, где нет воздействия ультразвука и где по сей день скрываются их потомки. – Она в очевидном волнении отмахнулась. – Но это давняя история, может и подождать. Сейчас важнее разобраться с происходящим на поверхности. Мы из поколения в поколение передаем знания о Земле, храним надежду, что связь восстановится или нас обнаружат. Но не думали, что появление наших соотечественников будет похоже на конец света.

«Захотят ли военные признать эту кучку одичавших местных, возиться с ними?» – мысленно отреагировала Троя. В воспоминаниях я

увидел лицо шантажировавшего ее мужчины. – *Или вероятнее, что используют их, выкачав всю полезную информацию, а позже уничтожат? Секретный проект с амиотами не предполагает излишней осведомленности, а они и так увидели многое.*

Одновременно я прислушивался и к собратьям.

«Нет ультразвука! Почему? Надо разобраться, – заинтересовался Зак. – Если с зияниями все понятно, то эти пещеры точно не в другом временном пласте...»

«Сорок восемь особей, – отметил практичный Орш. – Всего в два раза больше нас...»

«Мы не должны допустить их объединения с военными. – Хем думал о другом. – Они выгонят этих несчастных и займут пещеры, когда поймут, что лагерь под куполом не нужен.»

«Не успеют», – заверил собрата, намекая на наши утренние планы.

– Происходящее... – Троя задумалась, подбирая слова для ответа. Сидя вплотную, я почувствовал, как окаменело от напряжения ее тело. Она стремилась избежать лжи, но и не оттолкнуть правдой собеседницу. – Вам лучше пока не показываться на поверхности, это опасно. Вы же видели все эти взрывы и обстрел?

Понятно, что добыча выбрала вариант защиты местных. Иллюзорная надежда на связь с Землей – хорошо, но гарантия выживания лучше.

– Но почему они стараются вас убить?

Женщина снова стрельнула на нас взглядом, все еще с подозрением воспринимая внешне отличающийся облик эдайти.

– Это сложно, – вздохнула Троя. – Тут схлестнулись интересы двух противоборствующих сторон, а все они, то есть мы оказались между ними. Практически идет война до полного уничтожения. Объяснить с ходу трудно, но поверьте, вам вмешиваться опасно.

Незнакомка задумалась. Ее мыслей никто из нас слышать не мог, но скользивший от одного эдайти к другому красноречивый взгляд заметили все. И дружно постарались ничем не напугать женщину.

– Как твое имя?

– Троя, – извиняющимся тоном отозвалась добыча. – А ваше?

– Лилия...

– Как? – отчего-то изумилась Троя. – Как цветок?

– Да, – собеседница немного грустно улыбнулась. – Только никто из нас никогда его не видел.

– Я видела, очень красивые цветы. Могу нарисовать...

– Да? – Женщина по-доброму, немного застенчиво улыбнулась. Но тут же встрепенулась, словно приняла решение. – Поступим так: раз мы вас встретили, то должны проявить гостеприимство. Не думайте, что мы совсем утратили обычаи предков! – Она немного натужно поднялась на ноги. – Пойдемте со мной к месту, где обосновались все члены общины. Там вы получите еду и теплую постель. А когда отдохнете, будет время обсудить происходящее и принять решение.

– Хорошо, – откликнулась добыча, ощутив мое легкое пожатие.

«Уйти глубже, подальше от военных, скрыв свое присутствие – точно будет для них лучшим выбором», – размышляла Троя, ликуя в предвкушении встречи с себе подобными.

Охватившая ее восторженная радость была мне непонятна, но присутствие незнакомки явно доставляло удовольствие моей женщине и не несло угрозы. Потому никто из нас не возражал, когда она приняла предложение Лилии.

– Вам нужна помощь с вещами? – женщина указала на оставшиеся контейнеры. – Я могу позвать мужчин, если вы изнурены.

– Справимся сами, спасибо, – Орш отвечал так, чтобы не были заметны клыки.

Четверо братьев в медленном темпе подхватили поклажу. Костер мы тщательно затушили, размышляя, как же состоится продвижение в темноте? Для эдаити проблемы нет, но люди?..

«Не переусердствуйте», – отправил общую мысль Зак, намекая как на необходимость в движениях и поведении походить на людей, так и на бдительность – в темноте легче подстроить ловушку.

Впрочем, беспокоились мы напрасно: Лилия шагала вперед уверенно, рукой касаясь стены. Значит, что она просто хорошо знает лабиринт переходов, ориентируясь на ощупь.

– Идите за мной, не спешите, – позвала она. – Дорога ровная, я буду говорить. А дальше есть освещение.

Взяв Трою за руку, двинулся следом за провожатой. Зрение быстро перестроилось на режим видения в темноте и позволило рассмотреть неприметный узор на стене, которого касались пальцы

Лилии. Что ж, теперь любому эдайти не составит труда найти выход на поверхность.

«Риз, мы идем глубже, – отправил предупреждение собрату на поверхность. – Заодно проверим, сработает ли особенность пещер с нашим общением – будем слышать друг друга или нет».

– Как же выжил экипаж? – Троя вернулась к расспросам, продолжая разговор и во время движения.

Мы прислушивались и бдительно осматривались. Теперь знали, что искать, оттого сразу отметили три таких же крошечных отголоска жизненной энергии уровнем ниже. На большее расстояние мы все так же не видели.

– Их корабль упал не в болото, как ваш, а на эту равнину. Но не взорвался, а пробил поверхность, почти полностью уйдя под землю и вскрыв подземные пустоты. Люди выбрались наверх, это и стало ошибкой. Погибла половина экипажа, прежде чем они сообразили вернуться обратно и найти укрытие от ультразвука и температурных перепадов в подземных ходах. На этой планете они под землей везде, кроме гор и болот. Здесь и обосновались, выходя на поверхность только в безопасное время.

Это стало новостью для нас: подземный лабиринт имеет не только другие выходы и входы, он еще и распространен повсеместно!

«Почему мы его не ощущаем? Эти полости, разве не должны они отображаться при сканировании недр силой эдайти?» – наш безмолвный диалог наполнился одинаковыми мыслями.

«Причину надо выяснить в первую очередь!» – Хем неизменно осторожничал.

«Похоже, техника преследователей их тоже не фиксирует, – предположил Орш. – Иначе они бы уже пришли сюда».

– Поэтому вы появились только сейчас? Не вышли к нам где-нибудь возле болота? Или в лесу?

– Нет, эти зоны планеты для нас закрыты. Мы даже не надеялись, что вы их преодолеете, – с волнением пояснила Лилия, уверенно ведя нас вперед, но ожидавшие ее спутники были уже близко, за ближайшим поворотом. – Как вы сумели?

Троя замешкалась лишь на миг:

– Использовали скафандры.

В их с Игерем случае это было практически правдой.

– Какая удача, что они сохранились! Нашим предкам не так повезло. Корабль сильно пострадал, мало скафандров уцелело. И не было возможности починить системы связи.

– А как же подземный червь? – Троя резко остановилась, передернувшись от жутких воспоминаний. – Тварь такая гигантская с выростами светящимися. Он же как раз в земле обитает! Он на вас не нападает в лабиринте подземелий?

– Мы называем его лесной угорь, – улыбнулась Лилия. Хотя Троя улыбку не видела, но на успокаивающий тон отреагировала. – Он живет только под лесом из кристаллов. Под равниной безопасно. То есть было безопасно, – поправилась женщина. – Пока не появились вы и корабли, что второй день громят поверхность...

– Да уж... – Троя виновато потупилась, словно лично была ответственна за происходящее. – Не таким вам, должно быть, виделось воссоединение со своими...

– Чего-то особенного мы и не ждали. Вообще уже ничего не ждали! – Провожатая пожала плечами. – Понятно, что мы тут уже обосновались, родились на Зофере – так планету назвали, – другой жизни не знаем. А Земля... Это как несбыточная мечта, сказка, волшебная и недостижимая. – Лилия, едва нащупав выпуклый завиток, громко позвала: – Соран? Григорий? Ирис?

Трое ожидавших с другой стороны пещеры, у входа в которую остановилась наша провожатая, засуетились. Через несколько мгновений в их руках вспыхнули слабые огоньки, довольно тускло освещая пространство вокруг. С этими факелами непонятной природы к нам двинулись двое немолодых мужчин и на удивление юная женщина.

– Бабушка? Что с чужаками? – она сразу забросала нашу спутницу вопросами, сверкая любопытным взглядом. В голосе незнакомки чувствовалось явное почтение.

– Мы немного поговорили, – отозвалась та. – Я пригласила их к нам, пообещав еду и ночлег. Они те, кто спасся с корабля, падение которого мы заметили несколько недель назад.

– Выжили, рухнув в болото?! – изумились мужчины. – Добрались сюда поверху? Прошли через лес?!

– Их спасли скафандры, – поделилась сведениями Лилия.

К счастью, следом за ней шла Троя в остатках скафандра, а я предусмотрительно отступил на шаг, чтобы полутьма размыла облик, сохранив только очертания тела. Другие эдаиты стояли еще дальше.

– Только одна женщина? – Любопытная Ирис щурилась, стараясь рассмотреть нас. – Все остальные – мужчины?!

В нетерпении она чуть ли не подпрыгивала. Несдержанное ликование и доверчивость женщины нас озадачили: ее радость казалась неподдельной.

– Внучка, не стоит спешить. Бедняги выдержали немало тягот на пути, необходимо дать им отдохнуть, а уж после засыпать вопросами.

Махнув рукой, Лилия призвала всех продолжить путь. Она взяла из рук девушки один из факелов, освещая дорогу. Пожилые мужчины, пропустив нас вперед, замкнули шествие. Неугомонная Ирис пристроилась рядом с бабушкой, громко зашептав:

– Как не спешить? У нас мужчин на всех не хватает. Если эти, – она мотнула головой назад, – выживут, то многие женщины смогут получить только своего мужчину для создания семьи. Мне тоже нужен!

Неожиданно рука Трои сжалась, с усилием обхватывая мою ладонь.

«Мой», – отпечаталось в ее сознании.

Не понимая причины поступка, я все же легонько пожал ее тонкие пальчики.

– Вы уж извините, – на ходу обернулась к нам Лилия. На ее лице в тусклом свете факела была отчетливо видна сеть морщинок. – Ирис это от волнения. У нас в самом деле настоящая беда с мужской смертностью: местным болезням больше подвержены мальчики, а взрослые мужчины чаще гибнут, добывая пищу и ресурсы.

– У меня трое братьев было, – подтвердила девушка, вмиг утратив веселость. – Остался только Григорий, а двое погибли. Один в лесном свечении сгинул, другой скончался от ран на охоте.

«Необычные кристаллы на стенах и потолке, – отвлек наблюдением Хем. – Чем глубже мы уходим, тем их больше – сплошняком покрывают все свободные поверхности пещер».

«Верно, – подтвердил Орш. – Плоские, очень тонкие. В верхних пещерах они тоже были, только редкие и совсем крошечные. А здесь есть размером с полный размах моих рук».

Кристаллы такой формы на поверхности планеты нам не попадались — там они были неизменно объемные, если не окаменевшие, то мясистые.

Незаметно сколупнув один острым когтем, помял его в пальцах.

«Мягкие, гибкие, прочные на разрыв, цвет бурый... — Обдумал и поделился догадкой: — Кажется, из этих пластин сделана одежда аборигенов».

«Сиита из кристаллов? — спросил Орш и осекся, уставившись на мою руку. — Кин... Пальцы твоей оболочки не воспринимаются, словно их нет. Глазами вижу, но для изучающей волны сознания они отсутствуют».

Я уже и сам с интересом отметил этот факт, пытаюсь определить, как именно функционирует необычная материя. Отражает энергию? Непохоже. Поглощает, вбирая и накапливая? Нет, тоже не то... Пропускает через себя?

Последняя догадка показалась самой правильной. Сила эдаити словно прошла сквозь мой завернутый в пластинку палец, не ощутив никакой вещественной преграды.

«Раз эти странные кристаллы экранируют материю от наших сканирующих волн, выходит, именно поэтому мы не можем прослушать подземные полости. Особенно там, где много больших пластин», — обобщил итог нечаянного эксперимента Хем.

Тем временем разговор между женщинами продолжался, моя добыча задала очередной вопрос идущим впереди аборигенам:

— Поэтому вас немного?

— Да, дети-то рождаются, но мало кто доживает до взрослого возраста. Нет у нас иммунитета к местным хворям, — со вздохом подтвердила Лилия. — Это дело многих поколений.

«Или изначального везения с телами, — мелькнула у Трои мысль явно на наш счет, — которые никаким вирусам не по зубам — все создатели предусмотрели. Будь у эдаити дети, они станут такими же неуязвимыми? Вот кто заселит планету за считанные поколения».

Но прежде чем я разобрался в потоке ее размышлений, добыча переключилась на другое:

— А ваша община всегда в этом месте живет?

— Нет, — ответила Ирис. — Кочуем, меняя стоянки. Когда пищевые ресурсы рядом с оскудевают, уходим на другую, чтобы через сезон или

два вернуться.

Мы спустились еще на два яруса ниже, крошечные вспышки энергии замелькали совсем близко – явный знак, что мы подошли к месту обитания общины.

«Риз?» – позвал собрата.

«Едва слышу», – пришел слабый отклик. Ожидаемо...

«В этих подземельях без дозорных никак. Только силами сознания эдайти не обойтись», – проворчал Орш.

«Главное, чтобы их до завтра не обнаружили военные».

«Маловероятно, – усомнился я. – Противник сидит под своим копаком, опасаясь ультразвука и ночных хищников».

Но вчерашний урок мы усвоили, вопреки уверенности в трусости военных двое братьев – Кос и Рам – незаметно для наших провожатых отступили в темноту. Им предстояло вернуться и рассредоточиться на расстоянии, достаточном для передачи сообщений.

– Ух, как тут все необычно! – ахнула Троя, невольно привлекая мое внимание к открывшемуся перед нами виду обжитой пещеры.

Глава одиннадцатая

Другая жизнь

Троя

Очередные пять секунд, которые перевернули мою жизнь! Чего я могла ожидать от этого мира? Неотвратимых ужасов при столкновении с местной средой, непреодолимых сложностей в вопросе выживания и – самое жуткое – пожизненного одиночества. Появление Лилии не поразило, оно сразило меня, на миг заставив усомниться в здравости рассудка.

«Как? Как?! – вопило сознание, напрочь забыв даже о способности Кина неведомым образом распознавать мои мысли. – Галлюцинации?»

Схожу с ума – других вариантов быть не могло, смотрела и не верила своим глазам. Встретить человека? Тут?! Это было самым последним, что я могла бы предположить. Самым невероятным! Фантастичным!

Чудом...

Оттого все время, что Лилия уверенно шагала в темноте, я старательно напрашивалась на разговор. Казалось, замолчим, я моргну и... очнусь. И пойму, что из-за усталости банально провалилась в глубокий сон, а чудеснейшее явление из тьмы соплеменницы мне приснилось.

Счастье встречи с другими людьми заслонило все страхи, я будто парила над землей, испытывая небывалый прилив сил, не думая о возможных опасностях. Так уж устроены люди – стоит случиться долгожданной встрече, мы не ожидаем подвоха, инстинктивно стремимся довериться. Словно я не уходила в глубь неведомого подземелья, а, наоборот, вышла на свет.

Надежда...

Впервые с момента похищения со станции для меня засиял свет надежды, принося облегчение, даря силы вынести навалившиеся тяготы. Если другие справились, то и я одолею.

Эдайти большей частью молчали, уступив инициативу мне. Тоже не понимали последствий этой встречи и предпочли наблюдать за

событиями? Я видела, что они не желают отпугнуть неожиданно встреченных аборигенов. Впрочем, у моих спутников не было и жизненной необходимости в чем-то присутствии рядом или помощи. С мышлением хищников и своими удивительными телами они способны выжить на планете самостоятельно.

Но не я!

Поэтому меня переполняло желание не допустить между эдайти и людьми с Золеры той же обоюдной ненависти, которую породили своими действиями представители Конфедерации. Она привела к нынешнему противостоянию. Глубоко в голове билась робкая мысль: вдруг они смогут сосуществовать вместе, если с самого начала не увидят друг в друге врагов?

Что, если люди в эдайти, а эдайти в людях заметят хорошее? Или хотя бы убедятся в практической пользе мирного сосуществования? О большем я не смела загадывать, но всей душой жаждала общности.

«Нас так мало на Золере, неужели мы не уместимся здесь все? Вместе? – Рассматривая радостное лицо Ирис, думала об эдайти. – Кин обещал, что не навредит людям. Конечно, если и они не начнут видеть в эдайти монстров...»

Впрочем, пока девушка смотрела на амиотов более чем одобрительно. А взгляд, изучающий Кина, и вовсе заставил меня напрячься.

«Мой!» – невольно улетел во вселенную гневный посыл, сопровождаемый движением, тисками сжавшим ладонь избранника.

И никак иначе: после всего, через что мы с ним прошли, этот мужчина – исключительно моя добыча! Пусть он и не совсем мужчина в общечеловеческом понимании, но отдать его другой я уже не смогу.

Ответное пожатие Кина пришлось очень кстати, усилив мои надежды. Люди на Золере не знают историю войны с амиотами, а нашедшие спасение на планете пленники, навсегда лишенные прошлого, станут для них поддержкой. Это ли не возможность начать все с чистого листа?

Наблюдая за нашими спутницами, прислушиваясь к их ответам, я старалась представить: какой должна быть жизнь людей здесь? Практически первобытной? Ведь их удел – вечно скрываться под землей, выбираясь наружу в безопасные от ультразвука часы. Мне, обитательнице комфортной жизненной среды, созданной земной

цивилизацией, виделись буквально вырытые в стенах пещеры норы, по-звериному набитые сухими растениями.

Внешний облик аборигенов, которых мы встретили, лишь подтверждал ожидания: мешковатые бурые балахоны с прорезями для рук и головы, капюшонообразные накидки на голову, оставлявшие открытыми только лица... Конечно, я была рада встрече с людьми, даже одичавшими. Они все еще говорили на понятном мне языке и мыслили схоже – о большем и мечтать не стоило, отправься я на планету искать переселенцев.

Мысленно смирилась с необходимостью и эту ночь провести на голой земле. Отсутствие угрозы ультразвука – лучшая компенсация. Но...

Огибая выступ, за которым виднелось устойчивое свечение, выдавая обжитое место, я совершенно не ожидала увидеть... такое!

– Ух, как тут все необычно! – слова сорвались с губ прежде, чем успела их обдумать и взвесить, слишком сильным оказалось потрясение.

Норы? Одичавшие люди? Первобытная жизнь? Ха! Едва ли не впервые в жизни душу переполнило чувство гордости за соотечественников: сильнее негибамости эдайти могут быть только наши предприимчивость и способность цепляться за жизнь!

Мы оказались на небольшом выступе, возвышавшемся над обжитой пещерой, от него вдоль стены вниз вела широкая лестница. Света было достаточно, так что я узнала сразу...

– Корабль? – прошептала очевидное, всматриваясь в ровные этажи из индивидуальных капсул-кают, равномерно размещенных в пещере. – Остатки жилого сектора?

Они отличались от знакомых мне, такие делали лет сто назад, но все равно это были блоки кают, пусть и менее функциональные, чем те, в которых я жила на станции.

– Конечно, – Лилия кивнула с довольным видом. – Чтобы выжить, наши предки должны были обеспечить себе прибежище. Раз единственным выбором стало подземелье, надо было обустривать пещеру. В первую очередь использовали то, что было под рукой – остатки корабля. Та часть, которая провалилась под землю, уцелела, но чтобы сделать это место комфортным, потребовались многие годы и усилия не одного поколения.

– Энергия? – вмешался Кин, о присутствии которого я от восторга позабыла. Оглянувшись, заметила, что все эдаити столпились позади, спокойно рассматривая подземную обитель. – Здесь есть источник энергии, – уверенно продолжил мой избранник. – Что это?

Вот почему горит свет!

– Используем генераторы, – не без гордости ответил один из пожилых мужчин, кажется Соран. – Несколько удалось сохранить и модифицировать. Два на солнечных батареях работают, еще один вытягивает энергию из кристаллов в лесу – они как аккумуляторы неплохо ее накапливают, правда, медленно. В этом поселении самый мощный генератор, его подключили напрямую к нейтронному реактору, снятому с корабля.

Он говорил, а тем временем все местные рассматривали моих спутников. При свете совершенный и во многом отличный от нас внешний вид эдаити утаить не было возможности.

– Как на подбор, – долетел до меня шепот Ирис, что-то бормотавшей бабушке на ухо, пока я пыталась охватить взглядом зрелище обжитой пещеры. – Красавчики!

Удивленная такой реакцией на почти анемичный цвет кожи эдаити, пристально взглянула на девушку. Но она сама на поверку оказалась бледной. У обитателей подземелий иначе не бывает? Я единственная из присутствующих обладаю здоровым румянцем?

– Но вы же говорили, что не живете здесь постоянно, – недоуменно оглянулась на Лилию.

В самом деле, как можно на сезон или два покинуть такое комфортное по местным реалиям место и отправиться... Ну, наверное, во что-то, представлявшееся мне ранее?

– Эта пещера – одна из четырех, которую за годы жизни здесь по общему типу обустроили потомки переселенцев. – Ирис наконец-то оторвала голодный взгляд от моих спутников.

Не зная я об их способности в буквальном смысле за считанные секунды пустить девушку на корм, переживала бы о целостности мужчин.

– Но корабль упал в этом месте. – Я растерялась. – Он же был один?

– Как вам удалось транспортировать жилые капсулы в другие части планеты? – куда лучше меня сформулировал четкий вопрос Хем.

При однообразно серьезном выражении лица, свойственном эдайти, его пронзительный взгляд смотрелся почти суровым: казалось, он готов не только подловить кого-то на лжи, но и наказать за вранье. Но Ирис восторженно всплеснула руками.

– Какой хозяйственный! – Энергично притеревшись к нему ближе, внучка Лилии облизнулась и невзначай поинтересовалась: – Ты механик? У нас их не хватает...

Непривычный к активному вниманию потенциальной добычи, мужчина вопрос проигнорировал, ожидая разъяснений от старших спутников. Но даже его пронял жадный собственнический взгляд Ирис, которым она смерила широкие обнаженные плечи и мускулистый торс – а из одежды на эдайти так и оставались лишь потрепанные армейские брюки. Нахмурившись, он отступил, вновь оказавшись в рядах соплеменников.

– Тяжелые грузы мы перевозим на мантах, – ответила Лилия гостю, а на внуку неодобрительно посмотрела, приструнив: – Не беспокой! Ты на их месте не была, не представляешь, каким непонятным и опасным кажется все в новом мире. Дай дух перевести и освоиться. Чудо, что они сюда добрались.

– А манти это кто? Или что? – подхватила я тему, полностью разделяя интерес Хема.

– Местная летающая живность. Их так наши предки называли за схожесть с земными... – Лилия наморщила лоб, вспоминая.

– Скатами! – сообразила я, вспомнив летавших над лесом и подходивших под описание. – Но как удалось их приручить?!

История человека и на Земле неразрывно связана с некогда дикими животными. Тут же уловила одобрительное поглаживание пальцев – Кин похвалил меня за вопрос? Эдайти тоже интересно разузнать подробности про местных летунов?

– Они не опасны? Мы встречали их, видели, как летают над лесом, – дополнила свой вопрос. – Страшные... Это хищники?

– Троя, они совершенно безопасные! – Ирис, до этого недовольно насупленная после выговора бабушки, звонко рассмеялась. Непривычные к таким эмоциям эдайти растерялись, и это четко отразилось в шире распахнувшихся глазах мужчин. – И добрые! А еще любопытные, как дети. Должно быть, вы их заинтересовали, или они приняли вас за нас, вот и держались рядом.

– Но перевозка грузов?! – не унималась я, так и не сумев соотнести инопланетную фауну и своих фактически соплеменников. – Как вы взаимодействуете с мантами. Если не дрессируете, то?..

Невольно оглянулась назад, ища поддержки у спутников: вы же тоже в это не верите? Но эдаити как под копирку держались невозмутимо, инициативу не проявляли и на особый контакт не шли. Впрочем, местные, кажется, списали нелюдимость на тяготы пережитого. Логично, что пока между новоявленными переселенцами и куда более освоившимися потомками доверия нет. Но это же вопрос времени?

Поддержки моему недоумению не нашлось. Или же возможность использовать летунов в качестве тягловых животных не казалась эдаити такой уж фантастической? Но Кин вновь одобрительно погладил мою ладонь, очевидно, предлагая развивать тему.

– Они вообще-то умные! – фыркнула Ирис. Лилия и сопровождавшие нас мужчины согласно кивнули. Эдаити тоже прислушивались к разговору. – Бабушка рассказывала, что с мантами случайно получилось. Еще давно, когда выжившие начинали переделку остатков корабля, разделяя сохранившуюся часть на встроеные капсулы-каюты. Манты все время рядом вились. Целой стаей летали, плотную подбирались, любопытные. В каждую щель свой хвост засунуть были готовы, все им хотелось наблюдать поближе.

– Звучит так, словно они разумные, – перебила я девушку.

Но в таком же духе на Земле могли про дельфинов рассказывать с поправкой на водную среду обитания!

– Именно! Совсем уж разумными их не назвать, но что это самый умный вид на Золере – точно. Поначалу, конечно, их боялись, отгоняли, думали, местный хищник, открывший на нас охоту. Тогда работы на поверхности велись в безопасное время, и вопрос перемещения тяжелых грузов был актуален – большей частью выжившие были женщинами, которые не успели вслед за мужчинами выбраться с потерпевшего крушение корабля и вскарабкаться на поверхность. При демонтаже какой-то кусок свалился с высоты и – прямо на манта. А он выровнялся после удара и не скинул груз, а подлетел с ним к месту обрушения.

– Как интересно! – Я восторженно всплеснула руками, представив себе ситуацию, из таких случайностей и складывается познание нового

мира.

– Когда поняли, что угрозы они не несут, стали приманивать. Кто рукой, кто развевающимся на ветру лоскутком одежды, – дополнил Григорий. – Манты откликались, даже летели следом за манящим их человеком. В итоге приспособили их для перевозки грузов – люди по земле идут, а они с поклажей летят за ними. Так и жилые автономные капсулы по планете перемещали.

– А что с едой? Раз приручили, то и кормить надо.

– Никто их не приручал – они сами помогают, добровольно. Для них это как игра. Но бывает, если настроения нет, то жестов не слушают и отлетают. Что же до еды, то долгое время было загадкой, чем манты питаются, со временем поняли: светом. Всякий день кучно собираются на склоне холма, на освещенной его части, для подпитки.

– Выходит, – не заметила, как в лихорадочном возбуждении дернула стоявшего рядом Кина за руку. – Они – растения?

– Мы их не препарировали, так что никто не знает наверняка, что у них внутри, – важно сообщила Ирис. – Но по способу питания похожи.

Вот это мир! Здесь растения напоминают плоских драконов, вырастают до гигантских размеров, могут летать и даже почти мыслить.

– Только грузы? – неожиданно поддержал тему мой эдайти. – Людей они не перевозят?

Бросив на Кина быстрый взгляд, заподозрила в его интересе скрытый смысл. Не решили же эдайти объезжать мантов? За неимением кораблей...

– Смельчаков не нашлось, – засмеялся Соран. Но тут же стал серьезным. – А вы можете рискнуть. Если уж через болото и лес живыми прошли. Видимо, за последние сто лет люди сильно продвинулись в синтезе органической материи, раз научились такие впечатляющие тела создавать. Всем землянам можно такими обзаводиться?

Щекотливая тема, и я всеми силами старалась избежать лжи:

– Нет, эти тела специально для космоса, их мало, они редко кому достаются. Вот как раз на случай адаптации на таких негостеприимных планетах.

– Думаю, это оправданно.

Ирис снова гладела на не подозревающих о подоплеке ее интереса эдаити голодным взглядом. Девушку нисколько не пугал грозный вид чужаков. Не зная об их репутации, она, как и всякая женщина, видела в этих мужчинах исключительно то, что хотела видеть. А что же я? Взгляд метнулся к Кину. Слеплена ли я его достоинствами, отринув недостатки? Очень серьезные недостатки... Но и не менее впечатляющие достоинства!

Дилемма...

Мужчина, устремив на меня пристальный взгляд, который неизменно оставлял меня с ощущением, что я – единственная в фокусе его внимания, прижал к себе, обхватив за плечо. Жест заставил очнуться, вспомнить: кое-кто читает меня как открытую книгу.

– Так, один явно занят, – со вздохом зашептала Ирис бабушке.

Если учесть, что я расслышала ее слова, то Кин уж точно.

– Ирис! – вновь шикнула на девушку Лилия и позвала: – Идемте вниз. Там вас ждет долгожданный отдых и безопасность. Познакомьтесь с жителями нашей общины.

Женщина первой начала спуск, придерживаясь рукой за стену, в которой была прорублена лестница, оказавшаяся крутой, – я тоже инстинктивно приложила ладонь к стене, но тут же отдернула. Пальцы коснулись чего-то склизкого. Кин, реагируя на резкий маневр, сильнее сжал плечо. Решил, что я оступилась?

Присмотревшись, заметила крошечные розетки пластинчатых... кристаллов? Очевидно, это были они. Часть из них нечаянно смяли мои пальцы.

– Что это такое? – вырвался невольный вопрос. Сказалось удивление – так глубоко под землей что-то растет!

– Сопра, – проследив за моим взглядом, пояснил идущий следом Григорий. – Растет повсюду. Эти совсем маленькие, а бывают огромных размеров – листья в человеческий рост. Но стену возле лестницы чистят, сопру срезают, хотя со временем она вновь расплзается.

– Откуда в подземелье растения? – Кин явно прислушивался к разговору.

– Это не растения, видимо, раз они в темноте живут. Свет им мешает. Сейчас, когда община вернулась в эту часть пещер и

включилось освещение, рост сопры замедлился. А когда мы уйдем, снова начнет активно расти. Всегда так бывает.

– В других пещерах она тоже есть? – вмешался в разговор кто-то из эдаити.

– Да сколько угодно, она везде, по всему подземелью.

– Ее как-то используют?

Пусть последние события и выбили меня из колеи, но желание узнать о планете как можно больше в надежде, что информация пригодится в будущем, не пропало.

– Конечно! – к нашему разговору прислушивались все, но ответила Ирис. – Других-то материалов особо и нет. И одежду из него шьют, и завесы. У большой сопры листья более плотные, но гибкие.

При упоминании одежды идущий рядом эдаити чуть задержал дыхание – я так уже привыкла фиксировать внимание на Кине, что непроизвольно подмечала такие детали.

– А где остальные обитатели общины?

Чем ниже в этой поистине громадной пещере мы оказывались, тем больше напрашивался вопрос: а не ловушка ли это? Где все упомянутые десятки людей?

– Сейчас время ночного сна, – пояснила Лилия. – Под землей мы стараемся соблюдать суточные ритмы поверхности. Все отдыхают, лишь мы бодрствовали, наблюдая за вами. А услышав знакомую речь, решили проявить себя. Подумали, что вам необходимо укрытие и время для отдыха.

О том, что в нашей группе в отдыхе нуждалась только я, люди не знали.

– Все верно, – негромко промолвил Кин. – Отдых и время. Мы благодарны за возможность получить их.

Когда это эдаити стали дипломатичными? Ошеломленная поведением спутника, насторожилась: не замышляют ли чего он и его собратья? На душе стало тяжело. Не привела ли я лисиц в курятник?

Стоило это подумать, как ладонь Кина успокаивающе сжалась. Он склонился ко мне, губы скользнули по щеке, устремившись к уху.

– Я обещал. Никакого вреда.

Эти слова была рада услышать больше всего, ответственности за гибель людей мое сердце не выдержало бы.

Мы достигли дна обжитой пещеры, где ровными рядками, установленные на манер пирамиды, располагались жилые капсулы старого типового звездолета. Если сверху на фоне стен пещеры они казались техногенным чудом, то при близком рассмотрении оказались потертыми, со множеством сколов и облупившейся краской, повсеместно оплетенные слоем склизкой сопры. Тут она тоже не была большой, наверняка обитатели капсул регулярно счищали тенелюбивый кристалл с поверхностей своих домов, но возможность оценить масштаб местных кристаллических лишайников представилась. Тут и там находились навесы из огромных темно-бурых пластин – явно рабочие зоны.

– Тут же не идет дождь? – попыталась развеять первое впечатление, укрытиями от него и показались мне эти навесы.

– Идет, – кивнул Соран. – Конденсат скапливается сверху, никогда не знаешь, в какой момент капли обрушатся вниз.

– Так вы добываете воду? – выстрелила новым вопросом и принялась смотреть по сторонам в поисках источника влаги.

Кучно столпившиеся эдаити тоже заозирались. Впрочем, на нас смотрели с не меньшим вниманием – на освещенном пространстве, где была возможность чуть отойти и охватить картину в целом, стало понятно, что часть шедших позади мужчин попросту голые. И если я уже успела с этим свыкнуться, стараясь не замечать, то Ирис...

– Ого... – протянула явно смутившаяся девушка.

Мало ей было на сегодня чудес в виде явления в ее крошечный общинный мир чужаков, так они еще и щеголяли голыми ягодицами! Впрочем, не знаящих стыда эдаити этот вопрос не волновал, в костюмах Адама они смотрелись естественно и непринужденно. Последнее смущало еще больше.

– Бедные, чего же вы в пути натерпелись, раз пришлось и одежду оставить, – очнувшись, засуетился Григорий. – Сейчас-сейчас! И для вас найдется чем прикрыться.

Поспешив под один из навесов, сопровождавшие нас мужчины уверенно подхватили стопочки темно-бурых одеяний-балахонов, что носили сами. Вопреки моим ожиданиям эдаити от предложенного облачения не отказались – дары приняли и немедленно натянули на себя! Въевшееся под кожу чувство подозрительности заставило меня усомниться во внезапном пробуждении коллективной скромности.

– Можно и мне такой... наряд? – чуть помедлив, возможно, подбирая слова, Кин тоже запросил себе обновку.

После предложения Игерю облачиться в скафандр, снятый с мертвого тела военного, я не пыталась отыскать в эдаити излишнюю щепетильность. Но за этим дружным одобрением одежды виделся какой-то неведомый подтекст. Что же они задумали?

В итоге за считанные минуты все окружающие меня мужчины оказались в одинаковых балахонах. Более того, не спрашивая моего мнения, Кин напялил такой же и на меня. Прямо поверх уже имеющейся одежды.

Не поверю, что они так стремились понравиться аборигенам...

– Вот теперь можно будить всю общину, – одобрительно резюмировала Лилия, оглядев преобразенных гостей и сделав знак Сорану и Григорию.

Мне очень хотелось этой встречи: увидеть и уверовать в тех, кто был рожден на этой планете, долго и обстоятельно расспрашивать их обо всем, изучить и опробовать, как все устроено в этой жилой пещере, но... Глаза закрывались от усталости, ноги едва держали. Я фактически висела на Кине. Насколько бы сильно я ни желала этой встречи, сил на нее совершенно не осталось.

– Зачем? – вперед совершенно неожиданно выступил Зак и обратился к Лилии. Голос его звучал твердо, но почтительно – он явно копировал манеру других обращаться к нашей провожатой. – Пусть отдыхают. Мы проделали долгий и сложный путь, поэтому тоже нуждаемся в отдыхе. А вот потом наступит время...

Так же внезапно, как заговорил, эдаити замолчал, резко обернувшись. В то же мгновение его колени обхватили детские ручки, и из-за спины мужчины раздался тоненький голосок:

– Папа вернулся...

И столько пронзительного детского счастья было в возгласе, что я вздрогнула, даже сонливость отступила, сметенная силой эмоций. Внимание эдаити сконцентрировалось на ребенке, которого их немного растерявшийся собрат осторожно вытянул вперед.

– Миха! – Ирис суетливо подскочила к малышу. – Почему ты не спишь? Поздно уже...

Как и взгляды других взрослых, голос девушки был расстроенным. Она с усилием старалась оторвать малыша от ног

эдайти, за которые ребенок продолжал цепляться.

– Проснулся попить и увидел в окно папу...

Малыш, на вид лет четырех-пяти, тянулся к Заку, лицо его сморщилось, грозя разразиться ревом. Я наблюдала за ним, таким щуплым, с копной спутавшихся волос, в длинной бурой тунике, подвязанной поясом, – и не могла отвести глаз. Как давно я не видела маленьких детей!

Вот то, что является признаком жизни: потомство. Люди на этой планете правда живут – у них рождаются дети! Словно до появления этого малыша я так до конца и не верила в реальность Лилии и приоткрытой ею завесы тайны с выжившими колонистами.

– Миха, отправляйся спать, – принялась увещевать малыша Лилия. – Разве ж это папа? Не похож вовсе... Папа не вернется, он улетел к духам предков.

Но ребенок не слушал и с воем тянулся к Заку.

– Разве ты помнишь своего отца, – тормошила его Ирис.

– Это он! – возмущенно выпалил мальчик.

Крик заставил меня опомниться. Со стороны эдайти наблюдалась абсолютная тишина. Они не просто молчали – даже не шевелились. Только взгляды с ошеломлением фиксировали каждое движение ребенка. И я сообразила: эдайти прежде не видели детей...

Проняло этим воплем и Зака – он медленно присел рядом с мальчиком, позволив ему ухватить себя за руку. И малыш успокоился.

– Сынок, – от ближайшей к нам капсулы спешно подбежала женщина. – Зачем ты убежал?

Она была старше Ирис, лицо ее чуть припухло со сна, длинная коса растрепалась.

– Кто это? – Подхватив ребенка на руки, жительница общины обвела нашу группу шокированным взглядом, невольно попятившись: откуда здесь незнакомцы? Да еще в таком количестве!

– Лайса, уведи ребенка, – попросила Лилия. – Миха спросонок принял этого мужчину, – она махнула рукой на Зака, – за своего отца, Сирона. Что до них, то завтра вместе со всеми узнаешь подробности. Скажу лишь, что это выжившие с того корабля, чье падение мы видели с месяц назад.

Глаза женщины округлились, какое-то время она в полном смятении переводила взгляд с одного эдайти на другого, крепко

прижимая к себе сына. Особенно пристально рассматривала Зака: неужели во внешности ее мужа и этого эдайти имелись общие черты?

Мои спутники с не меньшим потрясением взирали на них.

Мысленно я застонала: материнство, отцовство – это тоже совершенно незнакомая сторона материального мира для эдайти. Но раз они столкнулись с обыденной человеческой жизнью, то теперь неизбежно увидят и эту сторону нашего существования. Важнейшую...

– Папа, папа, – так и не выпустив из ручек ладонь Зака, упорствовал малыш.

Его мама на эту серокожую когтистую ладонь взидала в полном ужасе.

– У них синтезированные тела, – вмешался Соран, по-отечески похлопав женщину по плечу. – Очевидно, современные земляне на это способны. Такие тела прочнее настолько, что они смогли выбраться из болота и преодолеть лес.

Глаза Лайсы стали еще шире, женщина неверяще охнула. Взгляд ее потеплел.

– Надо спать, – наконец отмер Зак, строго обращаясь к мальчику. Говорил он с ним как со взрослым, но малыш неожиданно притих.

– И тебе, – широко улыбнулся и потянулся к эдайти.

Обхватив мощную шею мужчины, неожиданно прижался щекой к его лицу. Лайса, удерживая мальчика на руках, вынужденно подвинулась вплотную к Заку. Но через мгновение, опомнившись, спешно отступила, потянув за собой сына.

– Иди со мной. – Миха, не желая выпускать добычу из рук, дернул Зака.

Эдайти сделал шаг не сопротивляясь, словно в каком-то трансе. Лайса суетливо отступила еще. Так они и дошли до жилого блока. Втроем!

– Сирон погиб, когда Михе было три. Не успел вернуться под защиту пещер до наступления убивающего звука, – прервала повисшее молчание. – Малыш, конечно, не помнит его толком. Разве что силуэт – он был рослым мужчиной. Со сна и обознался...

Все дружно уставились на захлопнувшуюся дверь жилого блока – Заку пришлось войти, ребенок его так и не отпустил.

Как поступит эдайти? Я очень надеялась, что он не напугает мальчика или его мать.

– Отложим общую встречу, – предложил Григорий, обращаясь к Лилии. – Пусть гости отдохнут. У нас есть несколько свободных жилых блоков...

– Мы предпочтем остаться вместе. – Орш повернулся к ближайшему навесу из плоских кристаллов. – Можем здесь лечь?

Соран, Лилия и Григорий переглянулись.

– Мы понимаем, что после пережитого вы не хотите разлучаться, но здесь вы в безопасности, – мягко начала она. – Будет ли удобно...

– Да, – прервал ее Орш.

– И женщину заставите спать на полу? – захихикала Ирис, кивая на меня.

Не успела я открыть рот, намереваясь согласиться, – спать на голой земле в компании похитителей уже не впервой, как Кин удивил:

– Трое подойдет жилой модуль, чтобы сон был лучше. Полезнее!

Местные согласно закивали, пусть формулировка их и удивила. Эдайти разрешили разместиться на облюбованном ими месте, а меня Ирис поманила ближе к пирамиде из жилых кают. Кин пошел тоже.

– Там есть вода и еда. Можно мыться, система сбора мусора и очистки воздуха функционирует, – на ходу пояснила девушка.

Старые модели жилых кают я себе представляла, поэтому сложностей не ожидала. А за возможность поспать на кровати была готова палец отдать!

– Сестра, – через пару шагов Ирис склонилась ближе, практически зашептав на ухо: – А тела на Земле синтезируют только для мужчин?

Понятное дело, я выглядела похожей на обитателей пещер – землянкой. А сопровождавшие меня мужчины одинаково отличались и от меня, и от аборигенов. Что еще оставалось подумать девушке? Но это может стать проблемой: следующий шаг, по ее логике, – разоблачение эдайти.

– И правильно, что сделали, – пока я размышляла над щекотливым вопросом, спутница продолжила развивать мысль. – Эти тела совершеннее обычных, иначе бы они сюда не добрались. Женщины из экипажа погибли, потому что их обычные тела не выдержали опасностей Золеры?

И как ответить, не солгав? От душевных противоречий и легкой заминки я покачулась. Рот сам приоткрылся в долгом зевке. Мы уже подходили к модулю, Кин, отреагировав на мое состояние, подхватил на руки. Ухватившись за предлог, я с сонным видом опустила голову на его плечо: отосплюсь, тогда и буду давать разъяснения на свежую голову. Сегодня же... слишком много всего для одного дня!

Так на руках эдайти и перенес меня за порог каюты, отведенной мне для ночлега. Но едва поставил на пол в центре помещения, как все поплыло перед глазами. И дело было не в усталости, навалились воспоминания из прошлого. словно не было космической станции с таинственными подопытными, не было похищения, побега и аварии на страшной планете. Все такое... по-человечески организованное и понятное, знакомое, почти дом. Кусочек Земли. Сердце защемило от грусти, но тут же на плечи опустились ладони.

– Троя, а откуда берутся дети? – разворачивая меня к себе, спросил Кин, с вдумчивой серьезностью, сосредоточенно нахмурившись, выдавая свои мысли, столь отличные от моих.

Вот оно! Встреча с мальчиком произвела на эдайти неизгладимое впечатление. Без последствий это не пройдет...

Спешно оглянулась. К счастью, Ирис ушла, и вопрос никто больше не услышал.

– Дети рождаются. Мы, люди, относимся к живородящей категории живых существ.

Спешно отговорившись, попыталась прошмыгнуть мимо Кина к встроенному санитарному блоку. Но не тут-то было, меня ловко перехватили и вернули на прежнее место.

– Мы, эдайти, теперь тоже?

– Сложно сказать, – постаралась выдержать нейтральный тон, обратив все в шутку. – Вы наукой еще не изучены... Инструкция по использованию не прилагалась.

– Тогда мы сами должны изучить себя, – нашелся Кин с поспешным решением на мою несчастную голову.

– Ну-у... наверное. Это и так случится... постепенно.

Если выживут!

– Разберемся сейчас! – возразил он в неумолимой и категоричной манере эдайти.

– Нет, – уперлась и я из опасения в полусне наболтать лишнего. – Сил нет. Можем отложить до завтра?

О собственных мыслях не переживала – в голове было пусто.

– Хорошо, – на удивление покладисто согласился Кин. – Ответь на два вопроса и можешь спать.

– Каких? – уставилась на него с подозрением, не покидало ощущение, что брожу по самому краю пропасти.

– Дети рождаются у женщин, но для их образования требуются и мужчина, и женщина?

– Ну... да.

– Именно в этом причина различий их тел? Они такие, чтобы объединяться в единое целое ради зарождения будущего потомства?

Я неуверенно кивнула.

По спине зазмеился холодок – верный знак дурного предчувствия. Сообразительность эдайти, умение мыслить в обход привычной мне логики и складывать два и два уже давно себя проявили. Учиться всему и так быстро, как Кин и его собратья, никто бы не смог. А мелькнувшее во взгляде мужчины торжество навело на опасения: уж не разобрался ли он в глубинном смысле размножения?..

Впрочем, два вопроса заданы.

Я рванула в туалет, ища за символичной дверью спасения от любопытства «несведущего младенца с возможностями бога». Умылась, привела себя в порядок. Жаль, так и не выяснила, откуда у аборигенов вода – она же как-то попадает в систему водообеспечения кают? И на замкнутый цикл звездолета здесь не сослаться.

За это время немного успокоилась, решив, что поспешила с выводами насчет направления раздумий Кина. Тем неожиданнее было застать его, с чинным видом сидевшего на кровати в ожидании меня. Серокожего, клыкастого, невозмутимого и возмутительно харизматичного эдайти! Смирно сидевшего и терпеливо ждавшего! От одного этого зрелища стало плохо...

– А... – запнулась, вдруг осознав, что краснею. – Почему ты здесь? Разве не должен устраиваться на ночлег с другими эдайти?

Мы вдвоем в одной комнате. Мужчина и женщина, неоднозначно реагирующие друг на друга. Как бы чего не вышло!.. Себе я не доверяла даже больше, чем эдайти: кажется, с момента, когда я считала

его исключительно монстром, все перевернулось с ног на голову, а мои чувства стали противоположными.

Кин стал не просто нравиться, он стал мне интересен, важен... Да что говорить! Меня неумолимо тянуло к этому мужчине!

– Забыл кое-что уточнить, – деловито сообщил Кин, вызвав вздох облегчения: ничего такого он не планировал.

Но немедленно спохватилась – рано радуюсь, кто знает, что еще ему интересно.

– Спрашивай, – без энтузиазма пролепетала, присаживаясь на максимально возможном расстоянии на другом краю кровати.

Неспокойные ладони пристроила на колени. Как маленькая девочка. Куда делась уверенная и знающая себе цену Троя? Во всем виноват мой кошмарный похититель, лишил покоя.

– Как конкретные мужчина и женщина понимают, что хотят зарождения общего ребенка?

Мысленно взвыла: что за напасть, почему эдаити снова и снова спрашивает о детях?!

– Это не поддается объяснению, – развела руками, радуясь, что не стою напротив и не встречаюсь с ним взглядом. – Они просто подчиняются инстинктам, полагаются на чувства и доверяют желаниям тел. Ответа нет: они это понимают в какой-то момент, и все.

– Ясно. – Кин, не уточняя и не требуя пояснений, с задумчивым видом поднялся и вышел из каюты.

Какое-то время, не веря своим глазам, по инерции смотрела на дверь. Ушел. Оставил меня спать в одиночестве, отправившись к другим эдаити. И это после нашего вынужденного уединения в зиянии. Только мне казалось, что продолжение неизбежно?..

В дверь постучали. Со скоростью молнии я оказалась на ногах. Кин вернулся? Одернула себя: в конце концов, я этого боюсь или хочу? Что за паника? Разве мне не положено думать о другом? О военных, которые вернутся уже завтра? О неожиданно встреченных аборигенах, сумевших выжить на планете? О собственном будущем? Но нет, стоило остаться наедине с эдаити, и все прочее отошло на задний план, словно живу последний день и желаю успеть сделать лишь одно... Что? Не хватало храбрости ответить самой себе!

– Д-да?..

– Троя? – Дверь приоткрылась, в образовавшуюся щель просунулась голова... Ирис!

С чувством разочарования и необъяснимой обиды на судьбу и одного непонятливого мужчину снова рухнула на кровать.

– Я принесла еду. – девушка протянула миску с чем-то студенисто-жидким, выглядевшим не очень аппетитно, словно водянистая желтоватая каша.

– Что это?

Острого голода я не испытывала, эдайти успели накормить меня в пещере до появления Лилии.

– Суп из молодой сопры с трофами.

– Ее еще и едят? – Взгляд переместился на балахоны, красовавшиеся на нас обеих.

Гладкая кожистая поверхность плоской пластины съедобной не выглядела...

– Только маленькие экземпляры, пока еще мягкие. Их вываривают, и отвар можно есть – остывая, он становится студенистым. В него добавляют трофы, что-то вроде земных грибов. Такие оранжевые, в форме ромбиков, мы их специально разводим, потом выкапываем. Они каше вкус и желтоватый цвет придают. Это основная наша еда.

Ирис перевела дыхание. Пояснения она давала залпом, торопливо. Видно было, девушка смущается, но всячески желает побыть рядом. Очевидно, для обитателей общины наше появление такая же сенсация, как для меня сам факт их существования.

– Спасибо, – от души поблагодарила, борясь с зевотой. – И за возможность спать сегодня с комфортом, и за еду. Когда корабль падал на планету, была уверена, что погибну. И уж точно не ожидала гостеприимства соплеменников. – Смолкнув, пожалела, что не могу сказать больше, для этого пришлось бы раскрыть правду про эдайти. Сочла за лучшее сменить тему: – А мои спутники поели?

– Они отказались. Уже улеглись, спят прямо на земле. Совсем, наверное, измучились. Только твой мужчина, – девушка наградила меня восхищенным взглядом, – попросил еду отнести. Сказал, ты еще не заснула. Попробовал и попросил отнести...

От слов Ирис глупая улыбка расплзлась по губам. На сердце потеплело. Она сказала «твой»... И невольно подтвердила, что при

всей своей суровой и неумолимой природе Кин способен на заботу, пусть и не осознанную...

– Я вот умывалась и думала: откуда здесь вода? – снова спешно поменяла тему.

– Воду берем из колодцев. Они в глубине пещеры, там поверхность под ногами мягче, – охотно пояснила девушка, но, увидев мои против воли закрывающиеся глаза, спохватилась. – Расскажу и покажу все завтра, а сейчас ешь и отдыхай. Ваш трудный путь привел вас туда, где безопасно.

Увы, Ирис не подозревала, что с нами в их опасный, но уже привычный мир пришла еще одна угроза. В лице преследователей эдайти. Но этим мы займемся завтра...

Дверь за девушкой закрылась, а я без сил рухнула на кровать. Заснула, наверное, еще в процессе падения – день выдался из разряда судьбоносных.

Но снились мне не война и не ужасы наших испытаний. Возможно, дело в мягкой кровати или в возможности помыться перед сном, вернувших меня в утраченную реальность прошлой жизни, что ассоциировалась с безопасностью и покоем, но снилась мне нежность.

Снились большие сильные руки, обнимающие плечи и плавно гладившие спину. Снились губы, на жаркие поцелуи которых я отвечала с не меньшим пылом. Мои пальцы путались в его волосах, его – в моих. И что удивительно, когтистость Кина не наносила никакого урона моей шевелюре, в то время как я умудрялась лишить мужчину пары-тройки волосков. Да, в сравнении с ловкими движениями эдайти мои были неуклюжими и замедленными. Впрочем, именно это зачаровывало Кина, заставляя расширяться его зрачки, а дыхание прерываться.

Мы молчали, полностью погрузившись в сонную негу, сосредоточившись друг на друге. Когда я медленно-медленно, умирая от желания прикосновениями передать всю переполняющую душу нежность, ласкала плечи и скулы Кина, он переставал дышать, замирая, словно вслушиваясь в каждое касание, впитывая в себя тепло моих рук, моего тела...

Потребность избавиться от одежды нарастала – нам все мешало, раздражая надуманностью преград и неуместностью. Хотелось

максимума ощущений, абсолютного поглощения, порабощения тел друг друга.

Одно дело – видеть, и совсем иное – ощущать. Прикрыв глаза, забыв о существовании чего-то еще за пределами нашего крошечного мирка, вновь и вновь встречаясь губами, мы знакомились заново. Такими тела друг друга мы не знали, запечатлевая в памяти каждое крошечное ощущение, малейший изгиб, ту радость, что сполохами расцветала в душе, стоило чувству единения усилиться.

Не было мыслей. И не было сомнений. Я вообще была не в состоянии думать, чувствуя, осязая и практически поглощая тело Кина, сантиметр за сантиметром исследуя его ладонями.

Губами, лбами, грудью и бедрами – сомкнувшись всем, чем возможно, сплестясь руками и ногами, мы вели безмолвный диалог. Учили наши тела чувствовать друг друга, учили спасать друг друга, одновременно умирая от обоюдного голода, желания и вожделения.

Добыча? Именно...

Сейчас Кин был моей самой желанной добычей, а я стала хищницей, неумолимо поглощавшей его тело, волю и разум. Ни кусочка, ни вдоха, ни взгляда, ни поцелуя не готова была оставить другим. Дикая жадность и всеобъемлющий голод накрыли с головой, каждая клеточка тела вопила: «Мой!»

Плохой или хороший, значения не имело. Я тоже не искала в себе достоинств, не стремилась оценивать недостатки. Мы просто были собой и дышали друг для друга, открывая совершенно новую страницу жизни. Жизни, где мы понимаем друг друга без слов, где желание важнее необходимости, где все угрозы и опасности отложены до момента, пока мы наконец не разберемся в себе. Друг в друге... И поймем, почему так важно идти до конца.

– Троя, – настолько тихий шепот, что мне кажется, будто он звучит в моей голове.

«Да?» – мне же и вовсе нет необходимости отвечать вслух.

– Наверное, я понял... – Долгая пауза, вызванная сладким поцелуем. Сладким уже потому, что нет сил разлепить наши губы. – Про доверие... Помнишь? Ты говорила...

Мое очередное «Да».

– Я тебе доверяю.

«Да», – для него у меня теперь один ответ.

И это тоже признак моего доверия. Доверия к мужчине, что пришел за мной в явную ловушку. Но еще больше доверия к мужчине, который не смог заснуть, не удостоверившись в наличии у меня еды.

Было много того, за что его стоило ненавидеть. Но в этой незримой дуэли ненависти и любви перевесило то, за что его стоило полюбить.

— Я тебе тоже, — оторвавшись от его рта, чуть отстранилась, продолжая обнимать плечи Кина, желая поймать взгляд его сразу распахнувшихся глаз.

И увидеть в них то, о чем сам эдайти еще и понятия не имеет — любовь и нежность.

Мы все выяснили и все решили. Что первостепеннее, голос разума или желания тела? Ответ один: существуют мгновения, когда и они едины. Как сейчас...

Не было необходимости в разъяснениях или уроках. Мы просто стремились друг к другу, жаждали всепоглощающей близости, открываясь навстречу с абсолютным доверием. Не задумывались о последовательности и осмысленности действий, не фиксировали инстинктивных порывов тел, просто растворились во взаимной потребности и обоюдном желании.

Жарком и тесном, с единым эпицентром силы, вызванной трением и нарастающим давлением страсти. Она нарастала, превратив наши тела в аналог вечного двигателя, функционирующего на пределе возможностей.

Мы задыхались, едва ли осознавая, что отдаем все силы без остатка, что готовы взорваться уже через миг. Взорваться, испытав полное единение, чтобы вместе обессиленно рухнуть в пропасть удовольствия и неги. Рухнуть, продолжая сжимать друг друга в объятиях и вслушиваясь в бешеный ритм наших ошалевших сердец.

Силы эдайти безграничны? Я только что доказала обратное, не просто обезоружив Кина, но и обнаружив его обессиленным. Впрочем, и сама оказалась в состоянии только провалиться в сон, уткнувшись лицом в шею дорогого мужчины.

Все оказалось так просто: достаточно поверить друг другу. И перестать сомневаться.

— Выспалась?

Вновь проснувшись от ощущения прикосновений к волосам, я открыла глаза. Кин, уже в облачении из сшитых вместе плоских кристаллических пластин, покрывавших все тело, кроме лица и кистей рук, присел рядом с кроватью. Чтобы оказаться на одном уровне с моим лицом.

– А почему?..

Какое из сотни моментально вспыхнувших в голове «почему» я хотела озвучить, тут же забыла, стоило резко сесть в кровати. Контраст между моим обнаженным телом и закутанным в одеяние Кином обескуражил.

– Мне надо было встать раньше, поэтому я уже оделся, – спокойно, даже деловито ответил эдайти на самое первое «почему».

При этом его большая ладонь, вновь подобравшись ближе, гладила меня по голове и спине с такой пронзительной нежностью, что мои губы задрожали, предвещая рыдания. Ничего не выяснив, я уже поняла: это прощание.

– Мы с братьями сейчас уйдем. Обитатели общины еще спят, бодрствуют лишь трое, контролируют работающие механизмы. Но они не заметят нашего ухода. – «Почему» в моей голове было еще много. Кажется, Кин вознамерился ответить на каждое. – Позже сможешь рассказать о нас своим соплеменникам. Ты – одна из них, они тебя примут. На этой планете твое место среди них, здесь ты сможешь жить в относительной безопасности. – Я смогу! Все время он говорил обо мне... – Мы атакуем базу преследователей. Сегодня мы их уничтожим.

– Нет! – наконец преодолев ступор, вскрикнула я сдавленным от ужаса голосом. – Это бессмысленно! Кин, пойми, уничтожив этот лагерь и всех, кто находится на планете, вы не сможете победить. Они будут прилетать еще и еще, но, что важнее, им не надо уничтожать конкретно вас, они всегда могут просто уничтожить планету вместе с вами. Если поймут, что вы не подчинитесь. А вы не подчинитесь...

– Троя... – при совершенно безэмоциональном тоне, на мгновение прижавшиеся к моему рту губы говорили о нежности. И это разрывало душу. – Это лишь одна из множества вероятностей. Никто не может знать наперед. И проиграть наперед тоже. Не все так просто. И уничтожить планету тоже непросто. Все во вселенной взаимосвязано на энергетическом уровне, гибель планеты не останется без последствий.

– Но у вас нет шансов... Даже сейчас!

– Шансы? Они не имеют значения. Мы просто уничтожим тех, кто пленил и преследовал нас.

– Как?! Вы и подобраться к лагерю не успеете. Раньше их силы вернутся к этой равнине, атакуя. И тогда они найдут подземелья...

«И потомков переселенцев» – осталось недосказанным.

– Не успеют. Мы доберемся быстрее – полетим на мантах.

Ни грана сомнений, что все получится, – в духе эдайти. Вот почему вчера так заинтересовались любопытными местными летунами.

– Вас радары засекут на подлете...

– Теперь нет. – Кин ткнул пальцем в балахон. – Эта одежда защитит нас. Плоские кристаллы экранируют наше видение, значит, и сканирующие системы военных окажутся бесполезными. В ней мы для них невидимы...

В ужасе я воззрилась на Кина: не таким мне виделось сегодняшнее утро.

– Давай рассмотрим другие варианты? – сделав глубокий вдох, попыталась отговорить любимого мужчину от рокового шага. – Если эти кристаллы такие необычные, то подземелья для военных – тайна. Не стоит ли вам заручиться помощью аборигенов, укрыться в подземных лабиринтах, позволив военным разрушить все на поверхности? Решив, что вы уничтожены, они рано или поздно уберутся назад. А тут люди так хорошо все устроили – можно скрываться долго.

– Они не уйдут, не убедившись в нашей смерти, не обнаружив опустевшие тела, все до единого. Противник хорошо знает наши возможности и не поверит в такую легкую гибель. И ты заблуждаешься насчет обитателей общины. Они совершенно точно обречены. За три поколения на планете им не удалось встроиться в ее мир. Люди все так же не могут противостоять ультразвуку, не исследуют и не пользуются зияниями, большая часть планеты для них запретная зона. А в своей обыденной каждодневной жизни они полностью полагаются на ресурсы из прошлого, продолжают доживать на рухнувшем под землю корабле, используя его жилые блоки и реакторы. Но этот ресурс исчерпаем, фактически скоро лишатся энергии. Мы чувствуем такое. Что тогда? Окажутся запертыми в

подземной пещере без света и тепла, неспособными видеть в темноте или обогреться. Люди одичают и погибают.

Стоило увидеть это место глазами Кина, как все очарование и восторг пропали. Склеп...

– Тогда зачем ты оставляешь меня здесь?

Кин стремительно прижал к себе, обнимая.

– Если мы не победим, то исчезнем. Но я буду знать, что моя добыча в том месте, где она сможет жить. На твою жизнь энергии хватит. Ты должна постараться убедить местных не раскрывать себя военным. Иначе вы ненадолго переживете нас.

– Ты просишь о невозможном, – глухо пробормотала в плечо Кина, не желая отпускать его. – Они меня не слушают. Для них появление землян – единственно значимая цель.

– Не рассуждай о шансах, просто убеди их.

В этом все эдаити!

– А что до вас? Если... – голос дрогнул. – Если вы вернетесь?

– Они должны принять нас. Понять, что шанс для жизни на Золере в нашем объединении. Дети – это же бессмертие в материальном мире, я верно понял?

– Что-о? – Мои глаза невольно округлились, не отпуская плеч Кина, я чуть отстранилась, ища ответ в его взгляде. – Что ты себе надумал?

– Мужчина и женщина объединяются ради появления новой жизни, – напомнил он мне вчерашний вывод. – Все изначально устроено так, поэтому тела отличаются, а мужчин и женщин тянет друг к другу. Мы теперь тоже материальны, значит, и наши жизни не бесконечны. Но у нас могут появиться дети...

– Это доподлинно неизвестно, – попыталась прервать Кина, но он был категоричен:

– Известно! И ты думала об этом, я только сегодня ночью понял твои мысли: нас не просто так создали разными, с телами мужчин и женщин. Значит, способность к появлению детей у нас лишь вопрос осознания и желания. А если мы объединимся с живущими тут людьми, то наши дети смогут стать частью мира этой планеты. Полноценной частью!

– Когда ты говоришь «наши дети», – сорвалась я с кровати, потрясенная внезапной догадкой, – то подразумеваешь общих детей?!

Общее потомство людей и эдайти?!

– Да.

Кровь ударила в голову, зашумев в ушах. Ничего, кроме своего зашкаливающего пульса, я сейчас не слышала.

– То, что сегодня было... эксперимент? Попытка проверить эту дикую теорию?

– Нет.

Кин протянул руки, стремясь снова обнять. Но меня трясло от ужаса и отвращения, в голове все еще звучали его слова. Чувствовала себя лабораторной мышью...

Доверие? Вот уж насмешка судьбы!

– Троя, почему вы так мыслите? Сразу думаете о худшем варианте из возможных? – Кин все же поймал меня в кольцо своих рук. – Что было сегодня? Я послушал тебя и решил довериться своему телу. Тогда и сознание прояснилось, понял: все просто. Я доверяю тебе, поэтому сделаю все так, как ты захочешь. Поэтому и пришел. Я слышу твои желания. Еще я понял, что они совпадают с моими. Дети тут ни при чем.

– Дети ни при чем? – Я начала остывать.

– Да, – твердо повторил Кин. – Конечно, вопрос детей интересен, мы вчера все им заинтересовались. Но прежде его надо обдумать, а сейчас на это времени нет.

– Обдумать...

Сглотнув, решила, что и мне, прежде чем злиться, стоило бы как следует поразмыслить. Хотела бы я нашего общего ребенка? Конечно, если абстрагироваться от необходимости выживать на смертельно опасной планете. Это означало бы, что я окончательно выбрала сторону эдайти, сторону Кина...

– Нет. Никаких детей, – вмешался он сам, вновь реагируя на мои мысли. – Если я исчезну, не выбирай другого мужчину, чтобы объединиться для ребенка. В сравнении со мной всякий будет ужасен, ведь я совершенен. И помни, такой ребенок будет обречен на деградацию.

Совершенен?! Я опешила: кое-кто сегодня вволю наслушался моих восторженных мыслей в свой адрес. Со вздохом попыталась исправить впечатление:

– Ты не совсем верно понял. Дети – лишь одна из многих причин, по которым мужчина и женщина выбирают друг друга. Тут много всего, нужно время, чтобы объяснить... Что до меня, то к ребенку я сейчас точно не готова, можешь не переживать насчет другого мужчины.

– А чего ты хочешь? – Кин смотрел серьезно, чуть приподняв мое лицо, придерживая рукой подбородок.

Он не говорил, но я чувствовала: время уходит, уже ушло. Поэтому ответила, выдав свое самое заветное желание. Единственное желание.

– Вернись за мной.

– Хорошо.

Эдайти, действуя с присущими ему стремительностью и напором, прижал к себе, соединив наши губы в поцелуе. Прикрыв глаза, впитывала в себя это ощущение полной близости, не зная, испытаю ли его еще когда-нибудь.

Дверь хлопнула. Я открыла глаза, чтобы убедиться: Кин ушел. Все они ушли, вероятно.

Ноги затряслись, я бессильно осела на пол. Что случится сегодня? Снова бойня...

«Пожалуйста, если вам попадется Игерь, сохраните ему жизнь», – вдруг вспомнила о собрате, оставшемся пленником военных. Надеюсь, что Кин еще слышит мои мысли.

С чувством обреченности привалившись виском к кровати, просидела несколько часов. Желания выходить и выяснять реакцию жителей общины на исчезновение невероятных гостей не было. Снова и снова я думала о словах Кина.

Он оставил мне цель. И мне предстоит ее выполнить, других вариантов нет.

«Троя Флэш, соберись, – мысленно велела себе взбодриться и, поднявшись, начала одеваться. – Иди и сделай то, что должна. Местные должны узнать правду о происходящем. Приведя к ним эдайти, ты приняла свою долю ответственности».

Пришло время не ждать, а действовать, выбрав наконец свою судьбу.

Эпилог

История 1

ТЕ, КТО ВСЕГДА ПОБЕЖДАЕТ

Нападение началось в тот самый миг, когда розовый восход окрасил горизонт сиреневыми красками, а на планету обрушился ультразвук, готовый свести с ума всех, кто реагирует на его воздействие.

Эдайти, ведомые Кином и Оршем, на максимальной скорости преодолели расстояние до выхода из подземного лабиринта, прекрасно различая в темноте узоры-насечки на стенах. Одежда из пластин сопры оправдывала себя полностью – собратья, оставленные для охраны на подходах к жилой пещере, не осознавали их приближения до последнего момента.

Вот и поверхность – склон, облюбованный летающими мантами.

Идея, как направлять их, возникла еще вчера. Конечно, эдайти не планировали сопровождающего, движущегося по земле, им важна была скорость.

Энергия... Она стала отличной мотивацией. Любому из соплеменников Кина оказалось элементарно просто направить вперед незримый щуп силы эдайти, привлекая любителей энергии близкой поживой. За ней манты и устремились, ускоряясь в тщетной попытке заполучить желаемое.

«Можно и вознаграждать их небольшой порцией в будущем, достигнув пункта назначения. Если нам понадобится привязать к себе сильнейших летунов Золеры», – такими коллективными мыслями обменивались эдайти.

Все получилось так, как задумывалось. Плоские существа, ощутив незначительную тяжесть и приняв поступок двуногих за очередную игру, подрагивали в нетерпении. Они ждали, что кто-то из забавных обитателей равнины привычно укажет руками, в каком направлении нужно скользить, но...

Разницу они почувствовали сразу, отныне научившись распознавать сладчайший привкус пищи, связанный с эдайти, и догонять его, стремительно унося седоков в нужном им направлении.

В военном лагере о происходящем за пределами купола никто не подозревал. Диспетчеры, неусыпно следящие за внешним периметром, лишь предусмотрительно усилили напряженность защитного поля, отражающего ультразвук.

– На радаре засветка, – сообщил дежурный, сканирующий воздушное пространство. – Шесть объектов движутся в нашем направлении.

– Приблизь.

Краткое распоряжение начальства, несущего ночную вахту, и развернувшееся на голоэкрane изображение: скользящие над лесом по направлению к куполу существа, плоские, как ковры, с выростами-горбами...

– Твари какие-то, – хмыкнул офицер и отвернулся.

Занятые отслеживанием перемещений амиотов по планете, военные уже не раз фиксировали местную летающую живность.

Картинка погасла.

О том, что «твари» не что иное, как манты с парой-тройкой прижавшихся к их спинам эдайти, завернутых в плащи из экранирующей сопры, ни персонал следящей станции, ни патруль, выставленный для охраны лагеря, не смог даже заподозрить. Кин оказался прав, предположив, что поисковые устройства военных окажутся так же слепы, как и особое видение самих эдайти.

Поэтому атака стала неожиданной – манты, ведомые эдайти, не снижая скорости, рассекли поле защитного купола и с той же стремительностью вылетели, оставив своих седоков внутри.

Штурм оказался не только внезапным, но и сокрушительным – в первую очередь эдайти стремились нанести максимальный урон кораблям, формирующим защитное силовое поле. Купол схлопнулся, открыв ультразвуку все пространство лагеря. Его обитатели лишились защиты, неизбежно погибая в жутких муках. Военные потеряли практически всех бойцов-десантников, ночевавших на плацу и в палатках, прежде чем осознали, что ничего не могут противопоставить напору, скорости и неуязвимости отряда эдайти.

Шоша, единственную реальную угрозу, способную если не остановить всех, то развоплотить хотя бы одного-двух «подопытных», рарки еще вечером после второй постигшей военных неудачи переправили на орбиту, заявив, что больше не намерены участвовать в сомнительных авантюрах.

Победа, молниеносная и несомненная, не стоила амиотам особых усилий. Фактически преследователи проиграли не им, они проиграли планете, оказавшейся для них негостеприимной хозяйкой.

У землян не осталось выбора. Едва ультразвук стих, и на звездолетах заработали подавляемые им системы, они спешно покинули планету, взорвав неспособные взлететь поврежденные корабли вместе с укrywшимися в их недрах экипажами. Потери оказались масштабными.

Сколь бы значимой ни была миссия, на какие бы траты ни готовы были пойти создатели проекта, какие бы человеческие ресурсы ни растрачивали в этой безжалостной мясорубке заведомо обреченных сражений, шанса совладать с амиотами не было. Сама планета помогала своим новым обитателям.

Остатки земной эскадры еще некоторое время оставались на орбите. Военные явно решали, как действовать дальше. А потом внезапно исчезли. Утром второго дня эдаити, привычно сканирующие пространство над Золерой, не обнаружили ни намека на присутствие опасности. Земляне и их союзники покинули систему двойной звезды, оставив планету в безраздельное пользование тем, кого сами же сотворили...

Взобравшись на вершину одного из холмов, Троя, Кин и еще несколько эдаити смотрели на туманное небо, пытаясь осознать произошедшее и найти ему объяснение.

— Это точно какая-то ловушка, — безапелляционно заявил Орш, намекая, что военные вернутся с подкреплением.

Из-за Трои он, как и остальные, говорил вслух.

— Тогда в чем ее смысл? — засомневался Зак. — База уничтожена, кораблей на орбите нет...

— Если они действительно ушли... — Троя заговорила медленно, пытаясь поймать ускользающую мысль, что-то на самом краю сознания.

Предположение? Словно бы разум и жизненный опыт настойчиво подсказывали ответ.

Эдайти спокойно смотрели на женщину, которую выбрал их собрат. Для них она тоже стала частью общей группы, они ждали, когда она выскажет свое мнение.

– Значит, поняли, что нас не вернуть. Убедились, что им нас не одолеть. Ничем. Нет такой силы, которая может нас уничтожить, – Кин по-своему продолжил мысль Трои.

Она с сомнением воззрилась на своего мужчину, сделавшего столь опрометчивое категоричное заявление. – Ты просто не знаешь всех возможностей военных.

– Ты про бомбу? – Кин моментально выхватил в ее мыслях верное слово и ассоциацию. И продолжил, анализируя образы: – Ту, которая способна разрушить планету? Термоядерную? Тогда почему не сбросили? Времени для этого было достаточно.

– Почему, почему... – Троя вздохнула, сетуя на самонадеянность и упертую убежденность эдайти в непобедимости. А еще на собственную забывчивость. Вернее, на все те неявные подсказки, что проскочили в разговоре с серым кардиналом, когда тот объяснял ей суть эксперимента с амиотами, а она не обратила внимания, не сопоставила факты. – Потому, что вы все еще остаетесь лабораторными мышами. И в этом качестве нужны живыми, а не мертвыми.

Эдайти, ожидая пояснений, спокойно молчали, и Троя торопливо продолжила, спеша убедить их в миг просветления в ставшей очевидной догадке:

– Вас незачем уничтожать. Иначе все усилия пойдут прахом. Вас оставили в живых ради эксперимента. В чем его цель? В новой смертоносной расе. Ведь не просто так в ваши тела заложили возможность оставлять потомство! Какая разница, где будет увеличиваться численность подопытных, в лаборатории на станции под контролем ученых или самостоятельно на планете? Итог-то одинаков. Понимаете?! Эксперимент продолжается, они просто расширили его границы на эту планету. Здесь автономно, в идеальных условиях, вам предстоит дать начало этой расе. А позже, когда придет время, заказчикам останется лишь воспользоваться результатом в своих целях. Найти способ спровоцировать противостояние с врагом...

Их уход ничего не изменил, вы не одержали победу, вы так и остались слепым орудием в руках Конфедерации! – закончила она глухо.

Мысленно Троя снова видела лицо с пугающе пустым бездушным взглядом, и ей было страшно – она ведь тоже стала частью глобального беспрецедентного проекта. А участь подопытного – не самая радужная перспектива.

Эдайти, понявшие наконец суть ее сомнений, переглянулись, безмолвно обмениваясь мыслями. Задумка ненавистных ученых из лаборатории все же реализовалась – разорвать связь с телами не получилось, эдайти научились взаимодействовать с ними, стали единым целым. Пусть и вынужденно, ради выживания, но... Цель достигнута, новая раса появилась, возврат к прошлой жизни, энергетической, невозможен. А способности этой расы передадутся детям. Теперь эдайти знали, что это такое.

– Они никого не получают, – спокойно заявил Кин, обобщая выводы стоящих рядом с ним собратьев. – Это большая ошибка – заранее планировать результат. Даже если ты права и наши преследователи отступили намеренно, будущее неизвестно. Какими станут наши потомки, если они у нас будут? Что станет с Конфедерацией? Что, если сил эдайти хватит на всех? – Он улыбнулся и, погладив женщину по волосам, притянул ее к себе. – Просто живи. И мы начнем с чистого листа, станем новой расой материального мира. Мы и люди, живущие здесь. Кем будут наши потомки-золеяне? Унаследуют ли нашу способность поглощать чужую энергию? Мы не ответим на этот вопрос, но мы научим их быть сильными и уметь защищать свои интересы, отделяя их от навязанных идей. Ты можешь думать, что это коварный план заказчиков проекта, но для нас – очевидное признание их бессилия.

Троя счастливо зажмурилась, обнимая Кина в ответ. Она радовалась, просто радовалась тому, что здесь и сейчас все прекратилось. Жуткая война до полного уничтожения не случилась. А невероятный шанс встретить исключительного мужчину и познать самое глубокое чувство – случился. Повезло в итоге? Возможно... Но везет же тем, кто этого заслуживает?

– Тогда домой?

Кин кивнул, вместе с собратьями разворачиваясь в сторону подземного лабиринта.

- Да. Там предстоит много работы.
- Мы справимся, нам есть ради кого стараться.

История 2

БУДУЩЕЕ ЗАВИСИТ ОТ СКАЗАННОГО

– С ума сойти! Вот ведь постаралась природа...

Как выяснилось, основное потрясение потомкам выживших колонистов еще только предстояло пережить. Ранним утром их всех позвали, чтобы явить... незнакомую женщину. Трою. Факт в условиях чужого необжитого мира, где все друг друга знали с рождения, конечно, сенсационный, но... Он и в сравнение не шел с описанием тех, кого они увидеть не смогли.

– Совершенного телосложения, мужественные... – с тоской шептала всем вокруг Ирис, единственная из молодых женщин, кто успел встретиться с загадочными ночными гостями. – И женщин среди них нет! Только Троя, но у нее есть избранник. Все остальные свободны!

Как могла такая новость не взбудоражить все население общины? Лилия с трудом отговорила своих подопечных от опрометчивого шага – желания устремиться на поверхность и выяснить все самолично. Никто не хотел упустить свой шанс!

– Наверху творятся опасные дела, – вторил главе общины Соран. – Мы должны сначала выслушать незнакомку.

Но разговора не получилось. Пока все собирались, возбужденные любопытством, явилось то самое потрясение. И это были совсем не исчезнувшие под утро мужчины с обещанным Ирис идеальным телосложением. Вернее, идеальное телосложение имелось, но... у женщин!

Среди спустившихся в подземелье местных оказалось пять женщин. И все как одна исключительно прекрасны.

Жители общины, встречающие еще одну группу эдаити, буквально замерли в ступоре, ошалев от облика серокожих красавиц. Пять древнегреческих богинь – ладных, крепких, длинноволосых, лишенных одежды, но совершенно не стесняющихся своей наготы, –

уверенно ступали босыми ногами по каменному крошеву подземного лабиринта и спокойно замерли, осматриваясь, когда вышли на площадку над жилой зоной.

– Ирис! – Шквал негодующих взглядов достался внучке Лилии по причине того, что мужчин не было, но женщины оказались в наличии, да еще какие!

Взгляды троих сопровождавших их серокожих мужчин были далеки от приветливых, и потому потомки землян, особенно сильная их половина, благоразумно отводили глаза, делая вид, что облик новых обитательниц общины им безразличен.

– Риш! – радостный вскрик Трои разорвал повисшую тишину.

Пусть и незнакомая, но куда больше похожая на местных гостя принялась энергично проталкиваться сквозь толпу собравшихся, стремясь приблизиться к новоявленным визитерам.

– Это те, кто прятался в свечении, – торопливо пояснила Троя, с тревогой осматривая пришедших. И тут же поправилась, вспомнив, с кем говорит: – В лесу они укрывались... другая группа.

– Это все, спасшиеся с корабля? Или нам ждать еще кого-то? – осторожно попыталась прояснить обстановку Лилия, не меньше других обескураженная происходящими перемещениями.

События настораживали: почему ушли первые ночные чужаки? И вдруг пришли эти?

– Нет. – Троя всматривалась в одно безэмоциональное лицо за другим, силясь вспомнить всех. Узнав Щега, шагнула ближе: – Как рука?!

– Все хорошо, – не позволив дотронуться до конечности, заверил мужчина. Впрочем, это не помешало Трое увидеть рану, которая уже заросла светлой, практически белой кожей. – Кин приказал привести женские особи сюда и ждать возвращения остальных.

– С вами же ничего не случилось? – после утвердительного кивка Троя обернулась к молчаливой толпе, с интересом наблюдавшей за их общением, понимая, что сначала должна объяснить местным настоящее паломничество чужаков.

– Их тела тоже синтезированы? – Лилия взглядом указала на женщин. – Им нужна одежда?

Ее соплеменницы кидали на них грустные взоры, не находя ни единого изъяна в фигурах явившихся женщин. К счастью, никто

тактично не поднимал тему наготы. Кивнув на предложение об одежде, Троя приняла нужное количество балахонов и протянула их новоявленной группе.

– Надевайте!

Спорить они не стали, очевидно заметив, что своим видом смущают присутствующих.

– Лилия, – обернувшись к главе общины, Троя глубоко вздохнула: пришло время правды. – Их тела действительно синтезированы, и... я прошу прощения, если ночью мои слова прозвучали не совсем однозначно, а вы в итоге сделали неверный вывод... Получается, я невольно заставила вас думать, что это люди. Но... это не земляне. Другая раса, искусственно выведенная в тайной лаборатории. Их создатели и преследуют нас, стараясь поработить или уничтожить. Но все мы действительно с корабля, который потерпел крушение, – его обстреляли и повредили во время нашего побега.

Слова женщины произвели глубокое впечатление. Какое-то время все молчали, обдумывая услышанное.

– Так они... не люди? – первой пришла в себя Ирис.

– А те, кто преследует их, – люди. Так? – голос Лилии звучал строго.

В груди Трои похолодело. Аборигены предпочтут сторону своих? Людей, потому что они сами потомки тех, кто с Земли?

– Люди, но... скверные. Тайная организация, обладающая обширными возможностями, боевым и научным потенциалом. Вы зря рассчитываете, что они увидят в вас равных и чем-то помогут, – последнее сорвалось с губ бездумно. – Скорее вы станете для них кучкой одичавших и совершенно ненужных свидетелей.

Говорила искренне, ей хватило одной встречи с серым кардиналом, чтобы понять: в поиске сотрудничества он не заинтересован.

– Понимаю, что вам сложно поверить в услышанное, – заторопилась Троя, больше всего страшась немедленного изгнания. Ведь тогда она подведет всех эдайти. Да и этих аборигенов подставит под удар воинственных соплеменников с Земли. – Но просто подождите! Дайте себе шанс узнать их лучше и уже тогда решать судьбу взаимоотношений.

Она была убеждена: для местных самое безопасное – не выдавать себя!

– Их тела синтезированы людьми. Это абсолютная правда. И эти тела, я уже говорила, более прочные. Они выдерживают и ультразвук, и многие другие опасные влияния среды Золеры. Если вы поможете им, они тоже не останутся в долгу.

– Это непростой вопрос, – в итоге решила Лилия. – Мы обдумаем его, какое-то время понаблюдав за ними. Вы можете остаться. Но помните: не отвечайте злом на добро.

Трою слова пожилой женщины растрогали, кажется, беглецы впервые столкнулись с добротой и пониманием при общении с людьми. Она поманила эдайти в сторону, предложив им разместиться под тем же навесом, где ночевали их собратья. Там они и дожидались возвращения первой группы под неявным, но пристальным вниманием обитателей общины – всем было любопытно, мужчины, женщины и дети находили массу предлогов, чтобы побродить вокруг.

Кин и другие вернулись. И не с пустыми руками! Манты, которых эдайти снова использовали, прилетели, нагруженные вкусными мясистыми шишками, – эдайти успели позаботиться о пропитании. Таких деликатесов обитатели подземного лабиринта не знали, с восторгом осознав практическую пользу от сосуществования с чужаками.

– Мужчины действительно впечатляют, – сошлись во мнении свободные жительницы общины. Но самым важным оказался другой факт, который они с облегчением озвучили: – И их все же больше, чем женщин.

Кин по возвращении первым делом устремился к Трое, обнял ее. Еще один его рослый спутник повторил движение, молнией кинувшись к женщине, которую Троя ранее называла Риш.

Эти проявления заботы стали для людей явным показателем человечности, расположив их к чужакам. Конечно, это был односторонний взгляд, они не знали истинных возможностей эдайти, но Троя все же мысленно сказала Кину:

«Только от вас зависит, обретете вы друзей или получите врагов в этом новом мире».

Она верила – эдайти тоже научатся различать плохое и хорошее. Наказывать за первое, но поощрять второе.

По прошествии нескольких дней ни у кого из аборигенов уже и мысли не возникало отказаться от помощи серокожих чужаков или изгнать их. Слишком очевидной оказалась истина: они важны для выживания и развития общины.

Полноценная общая встреча людей с эдайти в итоге закончилась предсказуемо – согласием на совместное проживание. Но эдайти попросили дать им время и возможность побыть в своей группе. Им нужно было объяснить сложившуюся ситуацию тем, кто не умел слышать других, и, оказавшись под навесом из пластин сопры, воссоединившиеся соплеменники впервые обсуждали проблему вслух.

– Возврат к прошлому невозможен.

– От материальности не избавиться, остается жить в новой реальности.

– Жить по законам материального мира и учитывать потребности тел.

– И, если для этого нужно размножаться, мы будем это делать.

– Принять тех, кто в общине, став с ними единым целым...

В глубинах подземных полостей шло судьбоносное обсуждение, а над равниной вставало голубое светило. Зарождался очередной день. День, который будет считаться днем рождения новых эдайти... Новых золерян.

История 3

ВОПРОСЫ БУДУЩЕГО

Шел пятый месяц жизни в новой общине.

Устоявшаяся однообразная и затухающая жизнь потомков выживших переселенцев начала стремительно меняться, словно в ослабшее тело, истощенное невзгодами и болезнями, впрыснули свежую кровь.

Просто это не было. Взаимных недопониманий, даже обид нашлось предостаточно. Но как иначе? Сосуществование эдайти и людей изначально виделось сложной задачей. Впрочем, с обеих сторон имелось желание находить компромисс – и аборигены, и соплеменники Кина понимали, что нужны друг другу.

Сложнее всех адаптироваться к разительным переменам было пожилым – они не всегда успевали за ходом событий. И мостиком между прошлым и неумолимо наступающим будущим стала Троя. Они с Лилией завели традицию вести доверительные разговоры по существу, встречаясь по вечерам до прихода ультразвука на площадке-террасе, построенной на склоне холма.

Бывшая военнослужащая, привыкшая за годы службы к ежедневным докладам, так и не оставившая идею летописи происходящего на Зофере, Троя каждый вечер вела записи, фиксируя историю для потомков.

– Уже заканчиваешь? – усталый голос уважаемой старейшины заставил женщину изменить направление мыслей, подняв взгляд от модифицированного Игерем электронного самописца.

Лилия как старейшина общины считала своим долгом следить за всем, что происходит. Именно она приняла решение вступить в контакт с появившимися на планете чужаками и по сей день переживала о каждом аспекте возникшего симбиоза и продуктивного сосуществования двух рас.

– Да, почти готово, – кивнула Троя.

– Сегодня твое дежурство на распределительном узле, – напомнила Лилия. – И охотники должны вернуться. Я видела, их с утра Кин повел. Почему он? Вроде бы это ответственность Зака?

В голосе женщины чувствовалась легкая обида – в отличие от людей эдайти не понимали необходимости сообщать о своих планах. Коммуникации точно не были их сильной стороной. Они обсуждали проблему без слов, в своем кругу, а затем действовали. Людям оставалось лишь узнавать обо всем постфактум. Даже Троя не всегда оказывалась в курсе. Это непросто было принять Лилии, при том что она неизменно старалась ставить на первое место интересы общины, понимая – эдайти не навредят ее обитателям.

Но сегодня Троя знала о причинах.

– Он не для охоты пошел, – пояснила она. – Хочет проверить ту часть болота, куда упала корма транспортника. Чтобы потом вытащить ее так же, как носовую.

С тем куском развалившегося звездолета, на котором эдайти приземлились, удалось справиться быстро – он оказался недалеко от берега, образованного пористой породой живой горы-хищника. Да и

по размеру этот фрагмент корабля был не самым крупным, хотя его и пришлось разбирать на части прямо там же, в болоте, с головой погружаясь в топкую жижу.

А вот второй, куда больший, лежал намного дальше. И глубже. Зато в нем была огромная масса металла, который, увы, больше нигде было раздобыть. То ли на планете отсутствовали самородные залежи металлосодержащих руд, то ли их так и не смогли обнаружить – ни люди, изучая лабиринты подземелий, ни эдаити, сканируя все под своими ногами.

Жизненно необходимому материалу придется искать равнозначную замену – это понимали все. Сейчас стояла задача обеспечить основные нужды увеличившегося числа обитателей общины, наладить стабильный быт. Но в скором времени все силы будут направлены на изучение тайн, ресурсов и возможностей планеты.

– Совершенно бесстрашные, – вздохнула Лилия. – Умные, но безбашенные. Видят цель и безразличны к препятствиям. Все сделают, чтобы ее достичь.

– Разве это плохо? – удивилась Троя.

Людам тоже свойственна некоторая доля авантюризма, но она все же ограничена уязвимостью тел. Для эдаити такой преграды не существует, они могут себе позволить реализовывать самые сумасбродные идеи. Только такие существа и способны выжить на Золере.

– Это не плохо, но... – старейшина задумалась и с грустью в голосе признала: – Меня тревожит, что это уничтожит истинных людей как расу. Эдаити во всем нас превосходят, это очевидно. Естественный отбор на их стороне. Их потомки будут успешнее, выносливее, жизнеспособнее...

– Но чистокровных детей-эдаити будет не так уж много, как и чистокровных детей-людей, а с течением времени они и вовсе исчезнут, окончательно смешавшись, – пожала плечами Троя.

Вспомнила, с какой активностью местные девушки и женщины флиртовали с внешне безразличными и холодными эдаити, когда те поселились в пещерах. Они видели в них надежных защитников и зачастую единственную возможность завести семью. Ради этого готовы были заполнять очевидные пробелы в знаниях о мирной жизни,

о личных отношениях. Со временем и с неизменным изумлением эдайти постигали новый аспект материальности – физическое взаимодействие тел.

Продуктивно постигали – впервые с момента появления общины ее численности грозил резкий прирост. Две женщины, парами которых стали Щег и Зак, готовились вскоре стать мамами. И – на это надеялись все – родившиеся дети выживут и вырастут сильными.

«Эксперименты» Риш и Орша по изучению тел тоже закончились вполне закономерно. Как уж они решили все между собой, только Богу и эдайти известно, но эта парочка вообще не расставалась.

Троя улыбнулась.

– В общине всего пять пар, образованных эдайти. А дети остальных будут гибридами. И с каждым поколением таких смесков будет становиться все больше. В итоге именно они заселят Золеру. И это хорошо. – В ее голосе звучала убежденность и настойчивость. Она не раз обсуждала этот вопрос с Кином, и его позиция на все сто процентов соответствовала реалиям жизни. – Люди здесь, в пещерах, обречены на прозябание и медленное вымирание. Гены эдайти дадут шанс не просто выживать, а полноценно жить на всей территории планеты. Естественный отбор меняет всех. Сравните хоть нас с вами. Наша кожа имеет разные оттенки, и это только поверхностные отличия. И вообще... Какая разница, в каком теле находится душа? Главное, чтобы она не причиняла другим боли и зла.

Последнее добавила уже от себя, вспомнив, как сильно изменилось мировоззрение эдайти после общения и сосуществования с новыми братьями-людьми. Первое – они перестали смотреть на них как на потенциальный источник энергии. Второе – научились заглядывать глубже, за границы оболочек, и ценить, как это ни парадоксально, нематериальные качества людей.

– Ты права, девочка, права, – вздохнула Лилия. Морщинки на ее лбу чуть разгладились. – Я же не против, все понимаю. И необходимость перемен, и то, что эдайти с их телами – наше спасение и будущее. Просто... Не обращай внимания, – она махнула рукой, – это эгоизм, несомненно. Недостойное качество.

Старейшина отступила, исчезая в полумраке хода, ведущего в подземелья.

История 4

ТЕ, КТО НЕ ЗАБЫЛ О СВОЕМ ПРОШЛОМ

Кин после каждой разведки возвращался в порванной одежде.

– А сегодня в мокрой, – удивленно засмеялась Троя, когда, развернувшись к ввалившемуся в их жилой блок эдайти, увидела перед собой дорогое лицо, обрамленное влажными черными волосами.

Верхняя губа Кина приподнялась в улыбке, обнажая острые клыки.

– Душ принял в кристаллическом лесу. Не захотел тащить сюда болотную грязь. Да и ты бы вонь не вынесла.

– Руку не сломал? – молодая женщина с подозрением осмотрела развеселившегося эдайти. Непрошибаемо каменные деревья-кристаллы в лесу она хорошо помнила.

– Нет, ствол был маленький.

– Переодевайся. Ты, разумеется, и в таком наряде можешь щеголять, не опасаясь заболеть, но мне от одного твоего вида становится холодно.

Троя достала с полки и протянула мужчине сухие брюки и куртку. Пока тот менял одежду, прибрала кровать. Через минуту она вместе с Кином уже шла в столовую – еще одну пещеру, оборудованную как место для общения, отдыха и приема пищи.

Теперь редко кто ел в одиночестве в своих жилых каютах – привыкшие постоянно быть вместе, эдайти предпочитали общие трапезы. А к ним с удовольствием присоединялись люди. Да и пища стала более разнообразной и вкусной, нежели суп из сопры, трофы – тонкие мелкие грибы, растущие в земле, или, совсем изредка, склизкая тощая «рыбешка», плавающая в подземных колодцах.

В меню золерян появилось жареное и вареное мясо многоножек, богатые витаминами и потому питательные сочные пряные шишки, зародыши зеркальных озер, которые эдайти с легкостью находили в кристаллическом лесу. Последние по составу оказались так похожи на белок птичьих яиц, что даже брезгливость Трои отступила, а рацион общины пополнился выпечкой – пластины молодой сопры при

высушивании на свету на поверхности и последующем измельчении давали специфический, но вполне сносный аналог муки.

С наслаждением жуя хлеб, к вкусу которого уже привыкла, Троя услышала громкое «Не хочу!» и невольно оглянулась на соседний столик, за которым сидели Риш и Орш.

Эти двое эдайти, впрочем, как и остальные пары, всегда разговаривали вслух. Тем самым были похожи на обычных людей куда больше, чем...

Взгляд молодой женщины переместился на другой столик, где, уставившись в тарелки, молча и сосредоточенно жевали мужчины-эдайти – Щег, Хем и Риз.

Конечно, они разговаривали, но местные не подозревали об этом, поражаясь молчаливости и уровню взаимопонимания, присущим новеньким.

Контраст был настолько разительным, что Троя не сдержалась.

– Кин, – шепотом позвала, наблюдая, как исчезает во рту голодного разведчика очередной кусок шашлыка из многоножки. – И все же... Мне давно не дает покоя вопрос, но все как-то не получалось спросить. Почему ты слышишь то, что я думаю, а другие эдайти нет? Вы даже женщин своих не слышите... Это в ваших телах заложена такая способность? Вроде как сигнал близости? Или мы с тобой какими-то особенными оказались? Когда ты меня коснулся...

Она не договорила, но мысленный голос Трои звучал для Кина как всегда отчетливо, дополняя сказанное вслух:

«Сродство душ? Привязка биополей друг к другу, когда в лаборатории фантомная рука Седьмого схватила мою? Не просто же так я чуть не потеряла сознание...»

Точного ответа эдайти не знал. Но давно понял – если бы дело было только в физиологии, то есть притяжении тел, вряд ли он слышал бы мысли женщины так же хорошо, как и мысли братьев. Так что с большей вероятностью можно было предположить именно некий резонанс, настроивший его истинную сущность на след вожденной и упущенной пищи...

– Побочный эффект соприкосновения, – сообщил в итоге.

– Значит, это может сработать и у других? – воодушевилась Троя, в голове которой тут же родилась масса с этим связанных перспектив.

– Вполне вероятно. – Кин прищурился и хищно обнажил клыки. – Только ведь, кроме меня, никто из эдайти не пробовал коснуться своей сущностью добычи и при этом не выпить ее полностью. Да и вряд ли кто-то рискнет. Это сложно – начать питаться, сделать глоток и остановиться, не получив желаемого сполна. Хотя, разумеется, мы можем попробовать. Если кто-нибудь из девушек готов пойти на риск...

Троя сдавленно сглотнула, побледнев. Представила трагичный итог неудачного опыта и активно замотала головой, отказываясь.

– Нет уж, обойдемся без экспериментов.

Соглашаясь, Кин кивнул, но с заминкой, отметив для себя факт, что, пусть и односторонняя, возможность мысленного общения с «глухими» женскими особями реальна. Как и то, насколько заинтересовала эта догадка собратьев...

История 5

ТА, КОТОРУЮ ТОЖЕ СЛЫШАТ

Скрипнув, приоткрылась дверь, пропуская на залитую синеватым светом террасу светловолосую женщину. Конечно, она знала, где можно в это время отыскать подругу, неизменно сбегаящую сюда, чтобы вспомнить о временах, когда Кин обещал ей вернуться.

Троя, отреагировав на звук, приоткрыла зажмуренные глаза, быстрым взглядом обежав ладную фигурку матери Михи. Бросив лаконичное «Нет», она снова прикрыла веки, откидываясь на спинку широкой скамьи.

Что это было? Наитие? Женская интуиция? Неизвестно. Но стоило Лайсе показаться – Троя все поняла.

– Что «нет»? – Лайса с неизменной неуверенностью оглянулась, не слышит ли их еще кто-то. Более осторожной и боязливой женщины мир еще не знал.

– У тебя на лбу все написано.

– Ты мысли читать научилась? – подруга хмыкнула, возвращая Трою к мыслям о Кине.

Грустная тема. И, если вдуматься, – форменная трагедия. Ведь никаких секретов и личного пространства.

– Эта шутка из твоих уст не звучит.

– Тогда как ты догадалась?

Хрупкая Лайса, при всей разнице в возрасте, неизменно казалась Трое юной и наивной. Бывает такой тип женщин, над которыми годы не властны. И материнство им только к лицу.

– Говорю, на лбу написано. Я одного не пойму: как вы умудрились? Кто верещал, закатывая глазки, что страшно-страшно? Что ближе чем на пару метров к нему – такому огромному, клыкастому и вечно угрюмо молчащему – не подойду? Явно же подошла... Или он пригрозил съесть тебя?!

– Нет, что ты, – смутившись, покраснела светлокожая Лайса, нервно теребя русую косу. – Он бы никогда...

– Ах, точно, прости. – Троя не сдержала смешка, продолжая наслаждаться игрой бликов закатного голубого светила на лице собеседницы. – Чтобы так пригрозить, надо же что-то сказать, облечь угрозу в слова... А он не говорит!

С молчаливостью и отрешенностью Зака могла соперничать только его невозмутимость. Логично, что именно ему доверили возглавить группу, добывающую пропитание охотой.

Сверкнув глазами, блондинка плюхнулась на сиденье рядом. Терраса, вырубленная на правом склоне холма, обычно предназначенная для разгрузки мантов, сейчас пустовала – идеальное место для важного разговора.

– С Михой он говорит. Всегда. И когда охотиться учит, и когда показывает, как безопасно зияние распознать, и когда от щупов лесного угря уворачиваться тренирует...

– А от тебя в молчаливый ступор впадает? Выходит, все наоборот: это ты его тиранишь? А? Держишь эдаити в черном теле? Бедный мужик, угораздило... Сделала из него няньку, мамочка? С первой встречи, что пушинка на ветру, тряслась и в сторону шарахалась, а к сыну допускала.

– И вовсе я не делала. Миха сам его в отцы определил, расставаться не желал, все требовал, чтобы Зак к нам приходил.

– А дальше-то что? – Троя уже открыто улыбалась. – Раз пришел, два пришел. И все молчком? Вот и интересуюсь: как вдруг

умудрились-то?

– Он приходил и... оставался. Сначала на час, потом на два. Сын его не отпускал, вот я и не гнала, постепенно привыкла. Как-то всю ночь у нас в каюте провел. А только с недельной охоты вернулись, я и осмелилась. Предложила отдохнуть, поспать. – Женщина запальчиво вскрикнула: – Им же тоже надо... отдохнуть!

Троя громко фыркнула.

– Сон – это святое, а гостю – лучшее место. Рядом с хозяйкой... Ты мне одно скажи: вы хотя бы тогда... разговариваете?

Лайса смущенно замотала головой.

– Зачем? И так все понятно. Я что подумаю, он, если согласен, по голове гладит. Ласково так... Ух, до мурашек пробирает! Если не согласен – отворачивается. Молчун он просто. – Лайса притихла, словно что-то вспомнив, и вдруг потянулась к уху подруги. – Однажды мне такое привиделось... Зак тогда у нас спал, а я вдруг проснулась посреди ночи. Как толкнул кто. Смотрю, вокруг тела воздух будто сиреневым светом. Только это недолго продлилось. Пропало, точно впиталось в одеяло, которым Зак укрылся. Я подумала, что сон такой необычный, но покоя все не дает.

Сиреневое свечение?! Троя судорожно втянула воздух, осознав, что перестала дышать. А Зак отчаянный... Неужели решился и рискнул прикоснуться к понравившейся женщине сущностью эдаити? Вдруг он ее теперь тоже слышит? Это бы все объяснило...

Догадка по сути верная. Только говорить о ней подруге, пугать и настраивать ее против Зака Троя не стала. Пожала плечами, сделав вид, что никаких ассоциаций «сон» женщины у нее не вызвал. И предпочла найти подозрительной догадливости Зака иное объяснение:

– Как я ни посмотрю, так он всегда тебя по волосам гладит, при всяком удобном случае. Мы-то завидовали: на вид ужасный, но нежный внутри. Теперь же выходит – подкаблучник.

– И вовсе он не ужасный! – возмутилась мама Михи.

– Твое мнение в расчет не берем, ты просто во вкус вошла, – отмахнулась Троя. – Лучше скажи, вы, кроме детей и воспитания старшенького, еще что-нибудь вместе делаете?

Лайса снова покраснела.

– Мы многое делаем вместе. Например, он на манте меня катает. Я бы сама никогда не решилась, а с ним ничего не боюсь. Даже

ультразвук не страшен. И слова никакие не нужны, он так обнимет...

Троя резко села, открыв глаза.

– Беги к Заку, скажи ему! Прямо сейчас! Вдруг не стерпит и ответит?

В самом деле, когда спустя почти полгода отношений мужчине сообщают о грядущем отцовстве – будет у Михи брат или сестра, – должно же это прорвать самую стойкую плотину безмолвия?

История 6

ТОТ, КТО ВСЕГДА ПРОТИВ

– Да что б тебя... – Игерь с раздражением пнул чан с раствором для вымачивания сопры. Емкость возмущенно качнулась в ответ, выплеснув едкую жидкость на ногу обидчику. Отскочил тот вовремя, лишь по счастливой случайности не наступив в другую лужу, образовавшуюся несколькими минутами ранее.

Обычно в пещере для обработки ткани было чисто и спокойно. Но не сегодня. Мало того что шумный механик создавал сумбур и беспорядок, так еще в глубине одного из выходов, ведущих во внутренние помещения, слышались негромкие стоны. Именно они и будоражили мужчину.

Троя же была спокойна. Расположилась в углу и ловко сшивала костяной иглой раскроенные куски мягких кожистых пластин. Одежда из кристаллической ткани была всем хороша – теплая, прочная, непромокаемая, похожая на кожу, – но лишь пока кристалл оставался под землей. Чем чаще и дольше он находился на свету, особенно под лучами голубого светила, тем быстрее терял свои качества и распадался, превращаясь в труху. А не выходить на поверхность, оставаясь постоянно в лабиринте подземелий, для людей было нереальным. Впрочем, необходимость менять износившиеся плащи, штаны и куртки на новые не была такой уж большой проблемой – нужные для этого кристаллы росли в избытке. Разве что из-за этого шитье оставалось актуальным занятием, отнимающим немало времени.

Сделав очередной стежок, девушка покачала головой и посоветовала:

– Сядь и успокойся. От того, что ты нервничаешь, ребенок быстрее не родится.

– А сколько еще ждать? – бывший штурман в расстройстве плюхнулся на стопку плоских кристаллов, сложенных для прессования, и подпер рукой голову. – У меня опыта никакого...

– Мог бы заранее поинтересоваться, – хмыкнула девушка. – За то время, пока мы здесь обживались, Ирис не первая рожает.

Да, заветная мечта внучки Лилии исполнилась: она встретила своего механика.

– Так это ж чужие дети. А тут... – Игерь отмахнулся, мол, ничего ты не понимаешь.

И замолчал, размышляя о сюрпризах жизни. Он и не мечтал о том, что у него появится семья. Жена, ребенок... Десять земных месяцев назад избитому и голодному пленнику в лагере все это и в голову не приходило. К моменту, когда напавшие на военных эдаити пробили защитный купол, механик уже окончательно разочаровался в землянах. И не надеялся ни на что хорошее.

Он и от амиотов не ждал пощады, памятуя, как раньше обходился с ним Седьмой. Тем безграничнее оказалось его изумление, когда, вместо того чтобы выпить, как всех прочих, оказывающихся на пути, или бросить умирать в судорогах, вызванных влиянием ультразвука, Седьмой просто перекинул его через плечо и закрыл чем-то вроде силового щита от творящегося вокруг ада.

Поначалу Игерь решил, что в очередной раз стал объектом какого-то жуткого воздействия. Месть эдаити? Их пока еще неизвестные возможности? Он приготовился ко всему...

Но не к тому, что произошло в реальности. За двое суток в плену мир вокруг снова перевернулся, поразив мужчину открытиями: Летящие над землей и несущие на своих спинах амиотов плоские существа; обжитые пещеры под равниной; аборигены – несомненно, обычные люди; живая и невредимая Троя, бросившаяся обнимать своего серокожего похитителя... Все это ошарашило и окончательно дезориентировало Игеря.

Прошло немало часов, прежде чем до его сознания дошла истина – он больше не пища для амиотов и будет жить. Впрочем, это

понимание ничуть не изменило его душевного настроя – Игерь остался безразличным к своему спасению. В мыслях не было ничего радужного, лишь обида и отчаяние: свои, негодяи, не оценили, бросили. И никаких надежд на возвращение домой...

Несколько дней он ходил мрачный и угрюмый, бесконечно повторяя, как ненавидит весь мир, ожидая от эдаити и местных людей подвоха.

Его пессимизм не закончился бы ничем хорошим, если бы не вынужденная необходимость работать. Узнав, что он механик, аборигены притащили один из уцелевших после приземления, но почему-то не функционирующий прибор. Потом еще один. И еще...

Игерь, души не чаявший в технике, ушел с головой в починку, наладку, модификации... Для него даже небольшую отдельную пещеру оборудовали и выделили помощницу.

Вернее, она сама напросилась. С первого дня знакомства ходила за штурманом хвостиком. Идеал: такой же, как она, – похожий и понятный, да еще и механик на все руки. Ирис встретила мужчину своей мечты...

Разумеется, технических знаний как таковых девушка имела крайне мало. Зато прекрасно справлялась с бытовыми вопросами. Принести еду и заставить механика поесть, чтобы он, увлекшись ремонтом очередного устройства, не остался голодным. Почистить одежду, вывести заработавшегося мужчину на прогулку на свежий воздух, проследить, чтобы не истощил силы, вовремя ложился спать и как следует отдыхал.

Перестаралась!

Последнее ей удавалось делать настолько хорошо, что через три земных месяца «последствия» ощутимо округлили фигуру Ирис, а она сама ходила с неизменной улыбкой на лице, сияя от счастья.

Игерь, по давней привычке продолжая злиться на всех и вся, и сам, видимо, не понял, в какой момент его уныние отступило. Просто в один прекрасный день осознал, что голубое солнце его не раздражает, вид жилых капсул в пещере не провоцирует приступов ностальгии, а девушка рядом вызывает в душе что угодно, но не отторжение.

Его беспокойная душа, с таким упорством и мужеством стремившаяся назад, на знакомую и родную Землю, обрела вместе с появившейся семьей мир и покой на Золере. Смирился ли он? Или

просто оценил преимущества жизни с Ирис? Привязался к бойкой внучке главы общины всем сердцем, узнав ее лучше? Он сам вряд ли смог бы ответить на этот вопрос. А итог один – характер механика стал меняться к лучшему, ко всеобщему облегчению.

– Девочка, – вернул Игеря в настоящее усталый женский голос. Впрочем, вполне довольный, вовсе не обеспокоенный. – Здоровая. Маленькая, но сильная. Ирис тоже в порядке. Можешь идти к ним.

Дважды повторять не пришлось – мужчину как ветром сдуло.

Троя, опустив шитье на колени, смотрела ему вслед с улыбкой. Она искренне радовалась, что Игерь все же нашел свое место в этой жизни. Пусть не такое, которое представлял, будучи механиком «Перепелки-2», предвкушая отдаленную одинокую старость, однако же, несомненно, его устраивающее. Примирился с вариантом: на чужбине, но счастлив.

История 7

ПРОБЛЕМЫ БУДУЩЕГО

Кин, если был дома, всегда сопровождал Трою на работу – дежурство в распределительном узле. Все члены общины трудились на общее благо, внося посильный вклад и выполняя те задачи, с которыми могли справиться.

Распределительным узлом называлась пещера, где были размещены устройства для управления потоком энергии, которую вырабатывал генератор. Здесь находились щиты контроля напряжения, автоматы, пульт переключения, счетчики... Все, конечно, родом с космического корабля. Игерь в последнее время навел здесь порядок.

Трое многое было знакомо – помогла работа на станции, где она сменами дежурила в центре слежения за космосом. По крайней мере особых проблем в общении с техникой девушка не испытывала. Привычно сосредоточенно она принялась изучать индикаторы, шкалы и столбики цифр, оценивая текущий расход электричества и нагрузку на генератор. Скачки напряжения – вещь, разумеется, обыденная, но лучше было их избегать, учитывая износ оборудования, которое в любой момент могло выйти из строя.

Кин, оставивший Трою одну лишь в случае невозможности взять с собой, и теперь не сделал исключения – присел в кресло за ее спиной и расслабился. После не самой легкой разведки телу требовался отдых, а разуму – общение с собратьями. Итоги похода к болоту им всем известны, но выводы...

«Корпус сильно поврежден, вытаскивать по частям будет легко. Только использовать, как планировали, не удастся».

«Двигатель при взрыве расплавил, восстановить не получится».

«Собрать новый?»

«Нужна схема, а где ее взять?»

«Корабль поселенцев разобран на части, ясен лишь принцип, как он когда-то работал. Этого мало».

«И технология была старая, не соответствующая транспортнику».

«Игерь по памяти не сможет полноценно воспроизвести конструкцию двигателя».

«Выходит, у нас не будет возможности подняться в космос».

Нет, эдаити вовсе не хотели покидать Золеру и улетать в какие-то неведомые дали. Какой смысл скитаться по Вселенной, если в свой родной мир им все равно уже не попасть, а в этом теперь держит так много! Тела, ставшие якорями; новые соплеменники – иные, не совсем понятные, но которых эдаити приняли в свои ряды, признав равными; влечение – не только физическое, но и духовное – к тем, кто раньше воспринимался всего лишь едой. Все это накрепко привязало бывших бесплотных существ к материальному миру. Так что мысли эдаити о покорении космического пространства имели в своей основе совсем иные соображения.

Первое – забота о будущих поколениях. Нельзя допустить деградации, потери научных знаний и достижений. Ничто из того, что когда-то было создано предками людей и по счастливой случайности оказалось на Зофере, не должно пропасть! Двигатель, способный вывести человека в космос, существовал, значит, они обязаны предпринять все, чтобы его воссоздать и сохранить. Сами эдаити прекрасно находили контакт с той техникой, что имелась, могли не хуже Игеря наладить и починить, если таковая возможность была, но изобретать что-то новое, основанное на материи... Для них этот аспект

существования в вещественном мире был еще более сложным, нежели физическая близость тел.

Второе соображение, куда более прагматичное и близкое по времени, – возможное появление на орбите Золеры вражеских кораблей.

Да, противник ушел, стартовал на орбиту, бросив базу и оборудование. Но как бы ни грела Кина и остальных эдайти мысль о том, что военные не вернутся, все прекрасно осознавали – передышка временная. В итоге земляне все равно придут! И если не они сами, так те, кого Конфедерация решила уничтожить чужими руками. То есть руками амиотов, заточив в сверхсовершенных телах сущности эдайти.

Если это произойдет, необходимость иметь хотя бы один корабль, чтобы подняться в космос и оказаться ближе к нападающим, станет жизненно важной. От этой возможности в итоге будет зависеть жизнь всех золерян.

Теперь же, когда стало ясно, что шансов на выход в космос никаких, придется изобретать иные способы защиты...

История 8

ТОТ, КТО УЧИТСЯ ЛЮБИТЬ

Звездное небо над головой не было настолько туманным, как дневное. Оно казалось близким и чистым, совсем таким, как на Земле. За исключением расположения звезд.

Впрочем, Троя земное небо практически не помнила – ей было всего пять лет, когда родители погибли, а ее отдали в приют, расположенный на спутнике Юпитера, атмосфера которого была непрозрачной. Поэтому молодая женщина не всматривалась с одержимостью в незнакомый рисунок созвездий, она прислушивалась к иным ощущениям: бьющему в лицо прохладному воздушному потоку, ласковым прикосновениям ладоней мужа и шелесту ветра в его волосах.

– Устала?

Устроившись позади, обнимая Трою и согревая теплом своего тела, Кин одновременно направлял движение манти. Такие ночные

прогулки полюбились обоим супругам.

Конечно, Кин вполне освоился в жилой каюте-капсуле, но любые границы претили независимой и в прошлом не знавшей преград сущности эдайти. Оттого он с особенным восторгом отправлялся в свободный полет, когда нет конечной цели, а можно лететь, прижимая к себе любимую женщину, вслушиваясь в ее мысли бесконечно долго.

– Кажется, да, – вздохнула Троя. – Сложный день выдался.

– Игерь? – Уловил образы в ее мыслях мужчина. – Он доставляет много хлопот. Порой я думаю...

– Нет, нет, – с тихим смехом прервала его жена. – Не начинай снова. Никаких придилок! Сегодня он имел право нервничать – Ирис родила ему второго малыша.

Хорошая новость? Несомненно. Всякий ребенок важен для общины. Это залог будущего и повод любить друг друга сильнее, особенно тем парам, где, как и в случае Кина и Трои, эдайти и человек объединились в семью. За два года, прошедших с момента встречи с потомками переселенцев, в общине появились на свет шестеро детей, двое из них – полукровки.

Думая об этом, то ловил себя на чувстве легкой грусти: у Игеря уже второй... Все чаще мужчина испытывал желание тоже взять на руки своего ребенка, живое существо, которое объединит в себе наследие его и Трои, свяжет их навеки.

– Не в первый раз. Пора ему уже привыкнуть и не нервничать, заставляя других носиться вокруг.

– Поговорим, когда окажешься на его месте! – хмыкнула Троя, привалившись затылком к плечу мужа.

И тут же пожалела о сказанном. Спohватилась, прогнав не самые радужные мысли, но... Кин успел услышать. Желание лететь наперегонки с ветром иссякло, растворяясь в бескрайней чернильной тьме.

– Устроим пикник? – предложил он особенно любимую Троей часть таких прогулок тет-а-тет. Захотелось сделать ей приятное.

– Давай...

Обычно они выбирали место где-нибудь повыше. На одном из холмов разводили огонь, ужинали и тихо разговаривали, чтобы позже уснуть, глядя на огонь. Его вид особенно нравился Трое, а в обществе мужа-эдайти ей не грозили ни хищники, ни убийственные

кровососущие насекомые. Но сегодня грусть одолевала Троя, привычные радости не отвлекали. Едва мант улетел, получив энергетическую вкусняшку, а огонь затрещал, позволяя жарким язычкам пламени лизать горячие пластины, которые золеряне научились изготавливать из все той же высушенной на свету сопры, как эдайти спросил:

– Ты не хочешь ребенка?

Эти двое неизменно говорили обо всем честно.

– Что? – Троя встрепелась в растерянном непонимании. – Почему ты так думаешь?

– Ты говорила, что если у женщины и мужчины друг к другу обоюдное желание, то этого достаточно для зарождения ребенка. У меня оно есть. А дети не появляются. Значит, у тебя его нет?

– Оно есть! Я очень хочу ребенка. Просто... – Троя ни на мгновение не замешкалась с ответом, но объяснение оказалось делом более сложным. – Иногда контакт тел приносит удовольствие, но не заканчивается беременностью. А бывает наоборот. Нет удовольствия и нет желания завести детей, а они все равно рождаются. Тут от самих партнеров мало что зависит, это же теория вероятности.

Вопрос крайне волновавший, но не слишком знакомый эдайти.

– Можно ли как-то увеличить эту вероятность? Частота контакта? Его длительность? Обстановка? Еда? Особый режим? Какие-то внешние факторы?

Кин накидал столько вариантов, что Троя невольно приоткрыла рот от удивления и растерянno пробормотала:

– Я не знаю, честно. Может, мы просто слишком... разные?

Перед ее мысленным взором предстала картинка, кажется, уже из прошлой жизни, где синеватые клетки пожирали розовые. Напарник-рарк тогда рассказывал, что ученые сетовали на излишнюю агрессивность биологического материала донора. А им был именно Кин... Седьмой...

Воспоминание женщины, образы в ее памяти пробудили в эдайти то, что давным-давно отошло на второй план. Казалось, забылось, но...

Сейчас он сам словно провалился в прошлое, в тот самый миг, когда очнулся в плену материальной оболочки, испытав ни с чем не сравнимую ярость, охватившую сознание. Больше не будет свободы и

тех возможностей, что имелись ранее! Он навсегда заточен в убогом куске материи. И каждая частичка этого физического тела словно губка впитывала негативную энергию, что в тот момент источала сущность эдайти.

Кин замер, прислушиваясь к себе. Тело, с одной стороны – подвластное и покорное, с другой – все же обладающее индивидуальными особенностями. Какой-то своей сокровенной памятью. Оно до сих пор хранило в себе отпечаток лютой ненависти, владевшей плененным эдайти, которая незримой тенью расползлась, затаившись в его нутре, запечатлелась в органах, на которые делали ставку ученые, вводя все новые и новые дозы гормонов.

Кин вздрогнул, прозрев, – вовсе не Троя не хочет ребенка!

Это он сам фактически запрограммировал тело в безумной жажде отторгнуть свое новое материальное воплощение. Когда он свыкся с телом и научился виртуозно направлять его, не задумался, что нужно убрать возникший побочный эффект «первого контакта». Чернота, как ядовитая опухоль, до поры до времени себя не проявляла. А сам эдайти понятия не имел, какие органы в его теле для чего предназначены.

Сейчас все изменилось! Теперь он четко осознавал смысл и суть физического воплощения. Оказалось так легко естественным движением коснуться своей сущностью тех клеточек организма, которым раньше не придавал значения. Забрать из них свою собственную энергию – старую, исходную, насыщенную разрушительной силой. Влить иную – чистую, созидющую.

– Мы не разные. – Кин выдохнул с чувством возникшей легкости, которое приносит решение сложной задачи. И с предвкушением попросил: – Давай попробуем сейчас? У нас все получится...

Эдайти оказался прав, и через девять месяцев у них родился малыш. Серокожий темноволосый крепыш с сиреневыми глазами и маминым задорным носиком...

Но это уже совсем другая история.